ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ДОМ ПЛЕХАНОВА

CUK Plekhanov, Georgii Valentinovich

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Ф. ЮДИНА, Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ и М. Т. ИОВЧУКА

СБОРНИК VIII

Группа „Освобождение труда“

Со вступительной статьей академика
Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО

Часть I

1883—1894

Под редакцией П. Ф. ЮДИНА и М. Т. ИОВЧУКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1940

HX15
.P55

В 1-ю часть сборника включены работы Г. В. Плеханова, характеризующие деятельность группы «Освобождение труда» в 1883—1894 гг.: статьи, обращения к международным революционным организациям, переписка Г. В. Плеханова с разными лицами, связанная с деятельностью группы. Материалы эти частью были уже опубликованы в различных изданиях, частью печатаются по рукописям, хранящимся в Доме Плеханова в Ленинграде.

THE LIBRARY OF CONGRESS
OCT 28 1941
DIVISION OF DOCUMENTS

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Конец 70-х годов XIX в. знаменует собою серьезный и глубокий кризис народничества. В народничестве берет верх течение, возлагающее главные свои надежды на создание узкой группы заговорщиков-террористов, которая своими ударами заставит царское правительство созвать земский собор, нечто вроде учредительного собрания. Сторонники этого направления — народовольцы — уверяли в своих литературных произведениях, что будущий земский собор будет состоять в подавляющем большинстве своем из сторонников социализма или, во всяком случае, из сторонников радикальных перемен во всем социальном и политическом строе России.

История показала всю несбыточность и беспочвенность надежд «Народной воли», которая пала не только и не столько под ударами царизма, но больше всего потому, что исходила из неправильного понимания законов общественного развития, не опиралась в своей деятельности на правильную революционную теорию и была противницей подлинно революционного учения — марксизма.

На Воронежском съезде «Земли и воли» в 1878 г. первым и единственным противником этого перехода на путь террористического единоборства с царизмом как главного средства борьбы оказался Георгий Валентинович Плеханов, организатор первой открытой политической демонстрации рабочих у Казанского собора в 1876 г. Г. В. Плеханов не был в то время марксистом. Заявляя на Воронежском народническом съезде, что принятие программы «Народной воли» есть измена революционному делу и что на острие кинжала нельзя строить тактику революционной партии, Плеханов оставался еще на идеологической почве народничества, был еще убежденным сторонником Бакунина.

Но с момента раскола общества «Земля и воля» на Воронежском съезде в 1878 г. на «Народную волю» и «Черный передел» начинается отход Плеханова, — правда, очень зигзагообразный и сравнительно медленный на первых порах, — от народнических позиций. С ним вместе совершают этот отход и переход на почву марксизма ряд других его товарищей — Вера Засулич, Л. Дейч, П. Аксельрод, В. Игнатов. Прежде чем стать на точку зрения марксизма, Плеханов и ряд его товарищей задержались на организации группы «Черный пере-

*

дел». По словам самих чернопередельцев, например, виднейшего чернопередельца О. Аптекмана, «Черный передел» не внес ничего нового и оригинального; чернопередельцы сохранили в своем арсенале все старое, землевольческое, начиная с утопического крестьянского «социализма» и кончая тактикой землевольцев.

Но так как к этому времени революционное народничество завершало уже полный круг своего существования, так как землевольчество уже исчерпало себя, то и «Черный передел» ничего нового и оригинального дать не мог. Сам Г. В. Плеханов признает это:

«Когда редакция «Черного передела» заявляла, что экономические отношения признаются ею «основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада ее членов»; когда она повторяла, что «в основе общества лежат, главным образом, отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и проч.», то она высказывала лишь тот взгляд, который раньше ее выражал *вслед за Марксом*,—Бакунин. Но она принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор *«Государственности и анархии»*. Она строила на нем чисто анархическое отрицание «государственности» *.

В годы деятельности группы «Черный передел» ни Плеханов, ни Аксельрод, ни Вера Засулич еще не встречались с основоположниками марксизма. Правда, Маркс и Энгельс лично вели уже переписку с Верой Засулич, которую Энгельс называл героической женщиной. О расколе землевольцев Маркс и Энгельс были хорошо осведомлены; но это осведомление носило все же несколько односторонний характер, так как жившие за границей Герман Лопатин, Лев Гартман, Петр Лавров и бывший у Маркса Николай Морозов — все ярые народовольцы — не вполне объективно информировали Маркса и Энгельса о положении дел.

Ленин, в предисловии к переписке Зорге, цитирует письмо Маркса к Зорге от 5 ноября 1880 г. В этом письме Маркс высказывает радость по поводу успеха русского перевода «Капитала» в России и отмечает в особенности анархические элементы во взглядах «чернопередельцев»: Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом, пишет Ленин, и — не зная и не имея возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов — Маркс нападает на чернопередельцев со всей силой своего бичующего сарказма:

«Эти господа против всяких политических-революционных выступлений. Россия, по их плану, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем подготовляют скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина» **.

* Цит. по книге *А. Тун*, История революционных движений в России, Пг., 1918, стр. 30—31.

** *Ленин*, Предисловие к переписке Ф. А. Зорге, Соч., т. XI, стр. 177.

Однако, в борьбе против народовольцев чернопередельцы вынуждены были по ряду вопросов прибегать все чаще и чаще к материалистическому объяснению истории. Так, критикуя общину, чернопередельцы отмечали, что «капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником». Еще в 1878 г. Плеханов, находясь под большим впечатлением стачек на «Новой бумагопрядильне», фабрике Кенига и др., указывал на неправильную оценку народниками роли рабочего класса в революции. Он писал в журнале «Земля и воля», в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России»:

«Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил... В течение минувшего года мы видели несколько крупных стачек на разных фабриках и заводах. Где в это время были наши социалисты, какую роль играли они в этих движениях? Почти никакой». Между тем «надо было относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей.

Серьезному отношению к городским рабочим всегда мешал взгляд на их значение, по которому им отводилось самое второстепенное место.

...Наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения» *.

Переход на последовательные марксистские позиции Г. В. Плеханова и его ближайших сподвижников того периода, однако, шел таким образом, что Плеханов еще накануне своего выхода из народнических организаций вел переговоры с народовольцами о совместной с ними литературной деятельности. Плеханов сам в 1905 г., в предисловии к первому тому первого издания его сочинений, дал изложение истории этого перехода. В этом предисловии Плеханов стремился доказать, что основная мысль, лежавшая в его народнических взглядах, «при всем несходстве этих взглядов со взглядами марксистов, — не так далека, как это может показаться на первый взгляд, от основной идеи марксизма...»

Плеханов в 1905 г. уверял, что его марксистское миросозерцание «представляет собою не более, как логическое развитие основной мысли», увлекавшей его уже тогда, когда он работал в органах революционного народничества.

Правильно ли это? Нам кажется, что это не совсем правильно, что здесь есть элемент прикрашивания прошлого. Плеханов объясняет дело таким образом, что М. Бакунин в своих сочинениях «Государственность и анархия», в полемике с Мадзини, в брошюре «Наука и насущное революционное дело» называл теорию исторического материализма великим открытием и считал ее неоспоримой заслугой Маркса.

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. I, стр. 67—70.

«В народнический период моего развития, — писал Плеханов, — я, — как и все наши народники, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности» *.

Плеханов ссылается при этом на цитированную уже нами статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» из № 3 «Земли и воли» и на некоторые статьи чернопередельческого периода. Вряд ли это правильно, если принять во внимание другие высказывания Плеханова по этому вопросу и другие его характеристики бакунизма.

В своей замечательной работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов писал, что социализм школы Маркса во многом расходится «с русским социализмом», как он выразился в нашем революционном движении вообще и в партии «Народная воля» в частности. Плеханов писал, что русский народнический социализм «носит очень длинную бакунинскую косу за своей спиной».

Именно поэтому марксизму приходилось становиться в резкое противоречие с народническим социализмом. В том-то и дело, что бакунизм представлял собой весьма пеструю смесь всяких идеалистических теорий с искаженными идеями диалектического материализма. Заслуга Плеханова заключается в том, что он и его товарищи в начале 80-х годов, под влиянием западноевропейского революционного рабочего движения, отрезали у себя эту «бакунинскую косу». Но неправильно характеризовать бакунизм как идеологию, близкую диалектическому материализму. Плеханов впоследствии правильно писал, что Бакунин «софистизировал» Маркса, т. е. извратил его.

* * *

После 1 марта 1881 г. для значительного числа членов «Народной воли» стало совершенно ясно, что революционное народничество переживает новый кризис, гораздо более глубокий, чем кризис общества «Земля и воля» в 1878 г. Убийство царя Александра II было апогеем деятельности «Народной воли», высшим успехом, к которому стремились террористы, и в то же самое время этот час их победы был началом конца «Народной воли». Вся беспочвенность и беспомощность партии обнаружились на другой день, когда оставшиеся на воле члены Исполнительного комитета партии «Народная воля» не могли дать ни одного сколько-нибудь действенного лозунга, не могли опереться ни на одну организацию, ни на один общественный класс. Все прокламации, выпущенные в последующий период «Народной волей», показывают ее беспомощность и бессилие, а переговоры Исполнительного комитета партии «Народная воля» с правительством Александра III, попытки занять роль советчика царя и добиться от

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. I, стр. 19.

него хотя бы самой паршивенькой конституции свидетельствуют, что партия «Народная воля» делает сильный крен в сторону либерализма, на путь соглашения с царизмом, что она бессильна продолжать свою тактику борьбы с царизмом.

Группа «Черный передел», которая не была согласна с народовольческой тактикой, тем не менее все еще надеялась на объединение всех народнических организаций. В течение двух лет чернопередельцы доказывали в России и за границей необходимость объединения «Черного передела» с «Народной волей», и, по словам Л. Дейча, в революционной среде чернопередельцев привыкли считать, «если не официальными, зарегистрированными членами партии «Народной воли», то кандидатами в таковую», и изо дня в день ждали сообщения в печати о присоединении чернопередельцев к народовольцам *.

Однако это объединение не состоялось. Еще до объявления об издании «Библиотеки современного социализма» за границей вышел ряд изданий, которые свидетельствовали о том, что члены группы «Черный передел», в особенности Г. В. Плеханов, встали на путь марксизма. Плеханов писал в одном из своих писем Рубакину 12 октября 1910 г.: «...я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.». Это верно, если обратиться к предисловию Плеханова к первому русскому изданию «Манифеста коммунистической партии». Правда, манифест вышел еще в народовольческом издательстве «Русской социально-революционной библиотеки»; в редакцию этого издательства, кроме Плеханова, входили народовольцы Гартман, Лавров, Морозов. Это издательство выпустило брошюры: «Наемный труд и капитал» и «Манифест коммунистической партии» **.

Плеханов писал в этом предисловии, что «манифест начал свою эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всех утопий научного обоснования социализма».

Незадолго до того, как была опубликована первая большая марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», Плеханов и его группа вели переговоры с народовольцами относительно участия в «Вестнике Народной воли».

Необходимо отметить, что чернопередельцы окончательно разошлись с народовольцами в 1883 г. не столько по вопросам теории, сколько по вопросам тактики. Чернопередельцы настаивали на том, чтобы «Народная воля» включила их в свой состав как самостоятельную группу, а не как отдельных лиц. Конечно, это требование, поставленное Плехановым и его группой, основывалось на том, что Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич и др. хотели, войдя самостоятельной группой, вести внутри «Народной воли» борьбу с народо-

* «Группа Освобождение труда», сб. I, М., Гиз, 1923, стр. 9.

** Строго говоря, первое русское издание «Манифеста коммунистической партии», в переводе М. Бакунина, напечатано было еще в 1870 г. в типографии «Колокола». Плеханов работал над переводом «Манифеста коммунистической партии» еще в 1880 г., и по просьбе В. Засулич Маркс и Энгельс написали предисловие к этому изданию.

вольческой теорией и практикой. Это и было главной причиной разрыва: народовольцы отказали в этом группе Плеханова.

К августу 1883 г. была готова статья Плеханова «Социализм и политика». Плеханов послал ее Лаврову как редактору «Вестника Народной воли», будучи уверен, что Лавров не поместит статью и что тогда это будет достаточным поводом для разрыва. Конечно, «Вестник Народной воли» не мог согласиться напечатать в первом же номере журнала статью, которая целиком ниспровергала народовольчество. Поэтому она была напечатана отдельной брошюрой под названием «Социализм и политическая борьба» в издании «Библиотеки современного социализма».

Уже в извещении «Библиотеки современного социализма» объявлялось об образовании группы «Освобождение труда». В этом объявлении указывалось на то, что свержение абсолютизма без активного участия в этом деле рабочего класса не может иметь того глубокого значения, какое оно должно приобрести для того, чтобы стать исходным моментом дальнейшей революционной борьбы за социализм; что необходимо теперь же организовать социалистическую пропаганду в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудового населения России; что необходима подготовка к организации самостоятельной рабочей партии. В этих целях, «изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую группу—«Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями», — читаем мы в извещении «Библиотеки современного социализма»*.

Однако вновь образовавшаяся группа «Освобождение труда» тут же делала оговорку, что главными ее разногласиями с «Народной волей» являются разногласия по вопросу о так называемом «захвате власти» и что у обеих групп еще так много общего, что они «могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга». Что вопрос о «захвате власти» революционной партией, инициативным меньшинством играл большую роль в расхождении группы «Освобождение труда» и партии «Народная воля», свидетельствует и Ленин в статье «Попятное направление в русской социал-демократии». В этой статье Ленин писал:

«Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия, — думали они, — т.-е. вместо чиновников назначила своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т.-е. все финансовые средства государства, и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились к «ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять... эти неуклюжие выражения. Русские соц.-демократы решительно восстали против этой

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 22.

революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма» *.

Группа «Освобождение труда» формулировала две главнейшие задачи, поставленные «Библиотекой современного социализма», сводя их к:

«1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России»**.

Объявление это датировано: «Женева, 25 сентября 1883 г.». Эту дату, следовательно, можно считать началом деятельности группы «Освобождение труда».

* * *

Первая крупная работа Г. В. Плеханова — «Социализм и политическая борьба» — имела огромное значение. Ленин сравнивал, до известной степени, эту работу Плеханова с «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса. Ленин писал в 1899 г. об этой работе Плеханова:

«Первое profession de foi всемирного социализма, «Коммунистический Манифест», установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социализма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтвердила эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы» ***.

Высокую оценку этих и других литературных работ Плеханова и группы «Освобождение труда» дает «Краткий курс истории ВКП(б)».

Именно потому, что «остатки народников упорно сопротивлялись распространению марксизма в России, мешали организации рабочего класса», «марксизм в России мог вырасти и окрепнуть лишь в борьбе с народничеством».

* *Ленин*, Соч., т. II, стр. 540.
** *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 22—23.
*** *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 2.

«Группа «Освобождение труда» развернула борьбу против ошибочных взглядов народников, показывала, какой вред приносит рабочему движению учение народников и их способы борьбы.

В своих работах, направленных против народников, Плеханов показал, что взгляды народников ничего общего не имеют с научным социализмом, хотя народники и называли себя социалистами.

Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов...

Борясь против народников и разоблачая их, Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», расчистили почву для победы марксизма в России» *.

Мы здесь не даем систематического, подробного изложения этой замечательной, блестящей и по форме и по содержанию работы Плеханова. Мы останавливаемся лишь на отдельных местах этой работы. Плеханов вслед за Марксом и Энгельсом доказывает здесь огромное значение революционной теории.

«...Без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, — революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь *некоторыми*, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно, без ведома своих участников, будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно новое время, и для нашего отечества» **.

Плеханов приводит замечательную негритянскую легенду о черном и белом брате. Согласно этой легенде, первой человеческой паре были предоставлены на выбор богатство или знание. Черный брат выбрал себе золото, а младший брат книгу. Этого младшего брата неизвестные силы перенесли вместе с книгой в отдаленную и холодную страну. Он не погиб благодаря знанию; он сделался страшен и силен, а старший брат остался со своим богатством на родине и прожил до тех дней, когда убедился, что наука выше богатства.

Приводя эту легенду, Плеханов пишет:

«Буржуазия обладала когда-то и знанием, и богатством. В противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владение и золотом, и книгой, потому что бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-по-малу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии «насколько наука выше богатств» *.

Конечно, народовольцы встретили эту книгу Плеханова враждебно, потому что она наносила жесточайший удар народничеству.

Какое место отводил Плеханов «Народной воле» в истории революционного движения? «Партия «Народной воли», — пишет Плеханов, — есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением» **.

Плеханов подвергает жесточайшей критике все теоретические положения народовольчества и всю практику партии «Народная воля». Партия «Народная воля», будучи узко заговорщической организацией, рассчитывала на то, что общество поддержит ее и в случае созыва учредительного собрания пошлет туда сторонников радикального экономического переворота. Это означало, что народники и русских либералов зачисляли в сторонников радикального экономического переворота.

Плеханов подвергает острой критике это положение народовольчества. «Спрашивается, — читаем мы у Плеханова, — разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила?» ***

* «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 13—14.
** *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 71.

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 67—68.
** Там же, стр. 72.
*** Там же, стр. 75.

Хорошо, правильно писал тогда Плеханов о либералах. А в 1905 и в 1906 гг. Плеханов выступал против такой именно оценки либералов со стороны Ленина, со стороны большевиков. Он стал поддерживать либералов, забыв о том, что «красный призрак» коммунизма принял уже в России грозную форму и что либералы готовы были искать и искали защиту от этого призрака в объятиях бесцеремонной военной диктатуры.

Плеханов правильно защищал в этой первой марксистской своей работе идею диктатуры пролетариата. Он правильно указывал на то, что «достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти». Плеханов уверен был, что социалистический пролетариат не позволит никому захватить власть. «Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, — писал Плеханов,—указывает на полное непонимание этого вопроса...» * Он высказал совершенно правильное положение, что «если немецкая буржуазия «*пришла слишком поздно*», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным» **.

К сожалению, и в этом вопросе Плеханов впоследствии изменил своему прошлому и стал на меньшевистскую, оппортунистическую, мелкобуржуазную точку зрения, считая, что в буржуазно-демократической революции в России гегемоном этой революции, ее вождем должна быть буржуазия.

И в аграрном вопросе Г. В. Плеханов в работе «Социализм и политическая борьба» стоял на правильной точке зрения. Можно даже сказать, что в этом вопросе Г. В. Плеханов стоял на более правильной точке зрения, чем впоследствии. Так, известно, что Г. В. Плеханов и при выработке программы РСДРП и впоследствии, на IV объединительном съезде РСДРП в Стокгольме, нападал на Ленина за его предложение внести в программу требование национализации земли. За это требование — за правильное понимание Лениным роли крестьянства в буржуазно-демократической революции и отношения крестьянства к *пролетарской* программе в *аграрном* вопросе — Плеханов даже обвинял Ленина в народовольчестве.

Но в книге «Социализм и политическая борьба» в 1883 г. Плеханов еще занимал правильную позицию в аграрном вопросе. «Мы не держимся того взгляда, — писал он, — скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности, — взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. *Мы думаем, что — в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко*

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 77.
** Там же, стр. 86.

*всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли»**.

Ленин, обосновывая аграрную программу партии, писал впоследствии:

«Напомним, что в проекте программы русских социал-демократов, составленном Группой «Освобождение Труда» и изданном в 1885 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений (условий выкупа и наделения крестьян землей)»**.

Требование национализации земли Плеханов выдвигал и позднее в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.). Положим, писал он там, что на Земском соборе «...заговорили об увеличении крестьянских наделов. Буржуазные представители надеются все уладить незначительными прирезками. Но социал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются *полной экспроприации крупных землевладельцев* и обращения земли в *национальную собственность*» ***.

Плеханов при этом имел в виду и такой исход революции, что крестьяне, отобрав землю у помещиков, просто поделят ее между общинами. Но и в этом случае он считал тогда правильным лозунг обращения земли в национальную собственность.

«Ну, а если крестьяне, — спрашивал Плеханов, — отняв земли у крупных землевладельцев, переделят их между общинами? «И в том не вижу я беды», — отвечал Плеханов ****.

Когда же через 10 лет дело дошло до выработки программы партии, Плеханов не захотел отступить в этом вопросе от «образца» западноевропейских социал-демократических партий и выступил против предложения Ленина ввести в программу требование национализации земли, — требование, которое он сам отстаивал в 1883 и 1892 гг.

Взгляды Плеханова на взаимоотношения пролетариата и крестьянства уже в период написания «Социализма и политической борьбы» отличались, несомненно, некоторым схематизмом. Так, Плеханов считал, что «промышленные рабочие, обладающие бо́льшим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, *добившись политической свободы*, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства» *****.

Выходило так, что *систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства партия начнет только после того, как она покончит с абсолютизмом, добьется политической свободы.*

Нечего и говорить, что это была неправильная точка зрения, так как с самого начала борьбы с *абсолютизмом* перед рабочим классом

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 87. Курсив мой. — *Е. Я.*
** *Ленин*, Соч., т. V, стр. 88.
*** *Г. В. Плеханов*, Соч., т. III, стр. 411.
**** Там же, стр. 423.
***** Там же, т. II, стр. 87—88. Курсив мой. — *Е. Я.*

стояла задача организации, создания союза рабочего класса и крестьянства.

Ошибка Плеханова представляет собой уже нечто большее, чем схематизм. Впоследствии мы увидим, что в этом вопросе Плеханов допускал крупные и серьезные ошибки. Но как бы ни были значительны эти отдельные недостатки работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», она сыграла огромную роль в борьбе за распространение марксизма, в борьбе против народничества, в деле распространения материалистического взгляда на историю, в деле популяризации основных идей марксизма.

Сам Плеханов считал, что самой важной, самой главной мыслью в его работе является доказательство того, что момент свержения царизма еще не является моментом социалистического переворота, не может совпасть с ним. Он подходил к правильному выводу, что нельзя смешивать эти две разные вещи, что нужно различать различные этапы движения и нельзя смешивать буржуазно-демократическую революцию (свержение царизма) с социалистической (свержение буржуазии и помещиков).

Через 34 года после выхода своей работы Плеханов писал в послесловии к брошюре «Социализм и политическая борьба»:

«Если бы мне предложили указать главную мысль этой брошюры, я сказал бы, что в ней я рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса, как своего рода нить Ариадны, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Л. Тихомиров и другие «теоретики» «Народной воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота» *.

* * *

Другой крупнейшей работой Г. В. Плеханова, создавшей законную славу «Группе Освобождение труда», была написанная Плехановым летом 1884 г. и вышедшая в начале 1885 г. в издании «Библиотеки современного социализма» книга «Наши разногласия». Появление этой книги произвело огромное, еще более глубокое впечатление, чем первая работа Плеханова, на современников, в особенности на народников. Были случаи, как рассказывают об этом современники, что противники марксизма книгу эту в ненависти сжигали; но вместе с тем книга дала толчок к глубокой критике народничества, глубокой критике всего мировоззрения утопического социализма и содействовала поэтому переходу многих народников на путь марксизма как в самой России, так и среди русских политических эмигрантов.

Очень интересно свидетельство Р. М. Плехановой о наборщике типографии «Библиотеки современного социализма» Бохановском.

* «Группа Освобождение труда», из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча, сб. V, Гиз, 1926, стр. 33.

Иван Бохановский по своим воззрениям считал себя народовольцем. Получив в набор рукопись Плеханова, он принялся за ее чтение:

«Принявшись за набор, — говорил он, — я хотел бросить работу, но чтение брошюры меня захватило, и я довел работу до конца, она поколебала меня во многом».

Многие народовольцы, в особенности Лев Тихомиров, злобствовали по поводу появления этой замечательной работы Плеханова. Членов группы «Освобождение труда» иронически называли «освободителями труда».

В народовольческой печати появился ряд статей, направленных против работ Плеханова. В особенности нападал на Плеханова П. Л. Лавров, который обвинял группу «Освобождение труда» в том, что она будто бы считает для себя гораздо более важным делом полемическую борьбу против «Народной воли», чем борьбу с «русским правительством и другими эксплоататорами русского народа».

Плеханов ответил замечательным письмом к П. Л. Лаврову: «Позвольте мне спросить Вас, — писал Плеханов, — думаете ли Вы, что к числу особенностей русского народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «против его эксплоататоров» может быть ведена без распространения идей, в которых выражались бы смысл и тенденция этой борьбы. Мне ли, бывшему бунтарю, доказывать Вам, бывшему редактору журнала «Вперед», что рост революционного движения не мыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здравых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества? Ваше ли внимание нужно обращать на то обстоятельство, что социализм — как он выразился в сочинениях Маркса и Энгельса — представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплоататорами народа? В распространении же учений названных писателей именно и заключается цель моих товарищей, как это ясно высказано в объявлении об издании «Библиотеки современного социализма» *.

В этом письме Лаврову Плеханов указывал на то, что народовольчество теряет свое влияние, что если суждено вновь возродиться революционному движению, то оно во всяком случае пойдет не под ткачевским-бланкистским, народовольческим знаменем.

«Три с лишним года, протекшие со времени дела 1 марта, характеризуются упадком революционной энергии в России. Нельзя оспаривать это печальное явление», — писал Плеханов.

Но Плеханов был уверен, что «потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима, и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую» **.

Плеханов резко высказывался против заговорщичества «Народной воли», против ее бланкизма. Внимание бланкистов «сосредоточено,

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 96.
** Там же, стр. 103.

прежде всего, на заговоре с целью захвата власти. Оно не заботится о развитии общественных сил, о создании таких течений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму. Оно старается лишь скомбинировать готовые уже общественные силы. Оно не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; оно просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой».

Плеханов был уверен в том, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие усвоят единую правильную программу, которая выражает интересы революции, *марксизм — эту алгебру революции*.

Это замечательное письмо П. Л. Лаврову Плеханов заканчивает гордым, полным достоинства заявлением: «Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается» *.

Фридрих Энгельс, прочитав начало этой работы Плеханова, поспешил поделиться своими впечатлениями с В. И. Засулич. 23 апреля 1885 г. он писал Вере Ивановне, что недостаточное знание русского языка мешает ему быстро прочесть до конца работу Плеханова. «Но и того немногого, — писал Энгельс, — что я прочел из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» **.

В «Наших разногласиях» Плеханов обосновал учение Маркса и дал марксистский анализ положения в России; вместе с тем он подверг всесторонней критике народничество. Ценность этой работы заключается в том, что Плеханов подверг критике народнические социалистические теории и отношение к русской общине Герцена, Чернышевского, Бакунина, Ткачева и Тихомирова.

Плеханов развенчивал иллюзии народников, будто бы Россия может при любых исторических условиях избежать пути капиталистического развития, будто бы ее община, ее домашняя кустарная промышленность может в какой-нибудь мере предохранить деревню от проникновения в нее капиталистических отношений, от расслоения крестьянства внутри самой общины, от разложения общины, от роста пролетариата.

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 107.
** *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 461—462.

Какой же вывод делает Плеханов из этого анализа?

«*За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая, по временам, так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны» *.

«Краткий курс истории ВКП(б)» характеризует эти первые две марксистские работы Плеханова как боевые работы, в которых Плеханов показал, что взгляды народников ничего общего не имеют с научным социализмом.

«В чем заключались основные ошибочные взгляды народников, которым Плеханов нанес сокрушительный удар? — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Во-первых, народники утверждали, что капитализм в России представляет «случайное» явление, что он не будет развиваться в России, следовательно, не будет расти и развиваться и пролетариат.

Во-вторых, народники не считали рабочий класс передовым классом в революции. Они мечтали о достижении социализма без пролетариата. Главной революционной силой народники считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, и крестьянскую общину, которую они рассматривали, как зародыш и основу социализма.

В-третьих, у народников был ошибочный и вредный взгляд на весь ход истории человечества. Они не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества. Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы» **.

Плеханов дает замечательную формулировку основных положений марксизма в применении к революции в России:

«1) *Коммунистическая* революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним ей предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма; она может только *менее сопротивляться* такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, — класс.

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 270—271.
** «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 13—14.

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Раз понявши эти простые истины, русские социалисты «из привилегированной среды» оставят помыслы о захвате власти, предоставляя его нашей рабочей социалистической партии будущего. Их усилия направятся тогда лишь *к созданию такой партии и к устранению всех условий, неблагоприятных для ее роста и развития*» *.

Следует отметить, что при общей правильности этого положения Плеханов забывает сказать о том, что русская революция может победить только в результате *союза* рабочего класса и крестьянства. Сама по себе формулировка Плеханова может показаться даже очень радикальной, когда он говорит, что рабочий класс может надеяться только на самого себя. А между тем без союза рабочего класса и крестьянства немыслимо было и освобождение пролетариата в России, точно так же как без этого союза немыслимо было и освобождение крестьянства.

Плеханов высказывает в этой работе и ценные мысли о государстве, о роли государства. Он в этой работе не стоит на той точке зрения, что государство немедленно отмирает после победы социалистической революции.

«Государство будет всецело на вашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет вашим, рабочим государством. К этой цели и должны быть направлены все ваши усилия» **.

Стало быть, Плеханов тогда отчетливо представлял себе дело так, что *победивший пролетариат создаст свое государство, рабочее государство.*

В чем же видел главную задачу марксистов в России в то время Г. В. Плеханов? Он видел ее прежде всего в пропаганде марксизма.

«Ни анархическая «пропаганда действием», ни бланкистские заговоры — ни на шаг не подвинут классовой борьбы в России, а от хода этой борьбы только и зависит эмансипация рабочих.

Социал-демократ, конечно, сделает лишь то, что *может*; но преимущество его положения заключается в том, что *он может сделать для рабочего класса гораздо больше*, чем всякий другой «социалист-революционер». Он внесет в рабочий класс *сознание*, без которого невозможно начало серьезной борьбы с капиталом. А раз внеся это сознание, он придаст революционному движению такую силу, прочность и интенсивность, о каких невозможно и мечтать, оставаясь при старых «программах» ***.

Но для того, чтобы вести плодотворную пропаганду социализма, необходима организация рабочего класса. Поэтому главнейшей задачей социалистов является помощь рабочему классу в деле организации самостоятельной рабочей партии.

Поэтому социалисты «...должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя, дать им вожаков из их собственной, рабочей среды,

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 331—332.
** Там же, стр. 335.
*** Там же, стр. 335—336.

короче, должны позаботиться о том, чтобы не буржуазное «общество» а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих. Этим в значительной степени ускорится образование и рост русской рабочей социалистической партии, которая сумеет завоевать себе почетное место среди других партий, после того, как она еще в пеленках способствовала падению абсолютизма и торжеству политической свободы» *.

Плеханов в «Наших разногласиях» развенчивает утопические теории народников в отношении общины. С фактами в руках он показывает разложение общины, несостоятельность надежд на то, что община может стать исходной точкой развития социалистического общества, социалистического хозяйства.

Плеханов дал и глубокую критику тактики терроризма «Народной воли». Правда, он не высказывался резко и решительно за отказ от этой террористической тактики, и мы знаем, что в первом проекте программы группы «Освобождение труда» есть еще дань народовольчеству в этом вопросе. Но вместе с тем Плеханов указал на наиболее слабые стороны террористической тактики народовольчества.

«...взятый сам по себе, так называемый террор только разрушает силы правительства, очень мало способствуя сознательной организации сил его противников. Террористическая борьба не расширяет сферы нашего революционного движения; напротив, она сводит его к героическим действиям небольших партизанских кучек. После нескольких блестящих успехов наша революционная партия видимо ослабела от сильного напряжения, и не может уже оправиться без притока свежих сил из новых слоев населения» **.

Плеханов рекомендовал народовольцам обратиться к рабочему классу для того, чтобы сделать борьбу против правительства «более широкой, более разносторонней, а поэтому и более успешной».

Но, конечно, не для того должны создаваться рабочие организации, чтобы они стали, так же как и вся народовольческая партия, на путь терроризма.

«Мы вовсе не хотим, чтобы тайные рабочие организации превратились в тайные питомники для разведения террористов из рабочей среды. Но мы хорошо понимаем, что политическое освобождение России совершенно совпадает с интересами рабочего класса, и потому думаем, что существующие в его среде революционные кружки должны содействовать политической борьбе нашей интеллигенции путем пропаганды, агитации, а подчас и открытой уличной борьбы» ***.

Плеханов видел в рабочем классе посредствующее связующее звено между социалистической интеллигенцией и крестьянством. На упрек народников, будто марксисты забывают о крестьянстве, Плеханов отвечал:

Программа группы «Освобождение труда» «...не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышлен-

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т, II, стр. 346.
** Там же, стр. 349.
*** Там же, стр. 350.

ных рабочих. *Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения*» *.

Это заявление Плеханова, конечно, исправляло впечатление от формулировки основных марксистских положений о русской революции, которые выдвинул Плеханов в начале своей работы. *Однако и здесь нет четкой постановки вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства.*

* * *

В июле 1884 г. появился первый проект программы группы «Освобождение труда». Программа эта была выработана еще в 1883 г., повидимому, в момент организации самой группы «Освобождение труда», потому что еще в переписке между Дейчем и Аксельродом в октябре 1883 г. упоминается эта программа, прочитанная приехавшим из России за границу молодым товарищам, которые критиковали эту программу, указывая, что в ней мало места отведено деятельности в крестьянстве **.

Программа эта имела большое значение для возникших в это время в России марксистских кружков. Правда, некоторые кружки, например группа Благоева, выработали самостоятельно программу, в которой было много общего со взглядами группы «Освобождение труда». Во всяком случае это была первая программа, имевшая в виду организацию «русской *рабочей социалистической партии*». Программа эта с самого начала ставит перед пролетариатом задачу экспроприации и «перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства», причем предпосылкой для этого является современное развитие техники в цивилизованных обществах, которое «не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимой и неизбежной*». Такая революция в корне меняет общественные отношения внутри государства и международные отношения; она ведет к уничтожению самих классов, она устраняет экономическую конкуренцию, «экономическую борьбу индивидуумов», она устраняет «борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами, — она делает излишними все те общественные органы, которые развивались в многовековый период этой борьбы за существование в качестве ее орудий».

В этой программе Плеханов, исходя из учения Маркса и Энгельса о государстве, предсказывал «уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ — именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу* и охраняющей главным образом интересы его господствующей части».

Группа «Освобождение труда» в этой программе заявляла, что она «признает великие принципы бывшей «*Международной Ассоциации Рабочих*», т. е. I Интернационала ***.

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 353.
** «Группа Освобождение труда», сб. I, стр. 187.
*** *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 357—358.

Программа эта имела целый ряд недостатков. Так, в ней сохранялось требование прямого народного законодательства. Программа восстанавливала чисто лассальянское требование — «государственной помощи производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными, заводскими рабочими, кустарями и т. д.)» *.

Известно, что такое же требование, имевшееся в «Готской программе» немецкой социал-демократии, Маркс в свое время подверг острой критике **. Ленин также считал неправильным это требование программы, но признавал, что в свое время включение подобного требования было вполне естественно ***.

Вместе с тем программа признавала «необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства» и заявляла, что группа «Освобождение труда» «...расходится с партией «Народная воля» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса*» ****.

Позднее, в 1889 г., Плеханов объяснял это тем, что невозможно было открыто восставать против террора, когда даже либералы за границей, вроде «Свободной России», высказываются за террор, что молодежь даже и слушать не станет тех, кто будет говорить против террора. Впоследствии в докладе, представленном редакцией русского журнала «Социал-демократ» международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в августе 1891 г., Плеханов объяснял, что группа «Освобождение труда» в принципе никогда не была против террористической борьбы, но она считала, что в конечном счете борьба эта, как она велась «Народной волей», «...стала опасной только для *личностей*. Терроризм не подрывал *системы*... Революционная партия тратила больше сил, чем приобретала» *****.

Таковы главные и основные недостатки этой программы. Ленин критиковал в статье «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» в особенности аграрную часть этой программы. Он писал:

«Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны... Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 361.
** *Маркс*, Критика Готской программы, Соч., т. XV, стр. 281—282.
*** *Ленин*, Соч., т. II, стр. 518.
**** *Г. В. Плеханов*, Соч., т. II, стр. 361—362.
***** Там же, т. IX, стр. 344 — 345.

программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы» *.

Второй проект программы группы «Освобождение труда» появился в 1885 г., хотя и опубликован он был значительно позднее — в январе 1888 г. Фактически до II съезда партии это была программа, которой руководствовались почти все марксистские кружки и организации в России. Ленин, как известно, подверг позднее эту программу критике, в то же самое время признавая ее значительные достоинства. В статье «Проект программы нашей партии» Ленин писал о втором проекте программы группы «Освобождение труда». «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-д-ой теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»: «захват рабочим классом политической власти»; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах с.-д.-тов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; — указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе с.-д-ой рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения» **.

Ленин считал, что эта программа была программой «...группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России» ***. Замена

* *Ленин*, Соч., т. XI, стр. 362.
** *Ленин*, Соч., т. II, стр. 531—532.
*** Там же, стр. 532.

этой программы другой программой диктовалась впоследствии уже тем, что речь шла «...о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских с.-д. организаций» *.

Но и здесь, во втором проекте программы, сохраняются прежние недостатки первого проекта программы: прямое народное законодательство и лассальянское требование государственной помощи производительным ассоциациям. Но в этой программе уже нет пункта о поддержке террористической деятельности.

Ленин считал, что в эту программу необходимо внести не только редакционные изменения. Прежде всего необходимо «...выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия с.-д. рабочего движения и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей с.-д. партия» **.

Поэтому Ленин считал необходимым поставить во главу угла программы характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития «и вслед затем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат», «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации». Ленин считал, что в программе недостаточно дана характеристика *классовой борьбы* пролетариата, что надо прямо указать цели этой борьбы (переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим), указать международный характер рабочего движения и *политический* характер классовой борьбы и ее величайшие цели. Вместе с этим Ленин считал необходимым удалить из проекта программы группы «Освобождение труда»: «1) указания на форму крестьянского землевладения... 2) указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции; 3) пункт об «устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством»; 4) пункт о «средствах политической борьбы» ***.

Такова в основном критика, данная Лениным этой программе рабочей партии, выработанной группой «Освобождение труда».

Отмечая большие достоинства и ряд совершенно правильных марксистских положений в трудах Плеханова этого периода, необходимо отметить и серьезные недостатки, требующие критики. В особенности неправильна была установка Плеханова по вопросу о том, что именно политическое безразличие и умственная отсталость крестьянства являются главнейшей опорой абсолютизма. Конечно, *главнейшей опорой абсолютизма был* класс помещиков и класс капиталистов. Это не случайная оговорка у Плеханова. И в других работах Плеханова мы можем найти подобного рода ошибки. Так, в 1890 г. Плеханов писал: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим

* *Ленин*, Соч., т. II, стр. 532.
** Там же.
*** Там же, стр. 536.

других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» *.

Что это означает? Это означает, что Плеханов в 1890 г. считал буржуазию такой революционной силой, на которую могут опереться революционные или оппозиционные комбинации. Он ставил буржуазию и пролетариат рядом не как антагонистов (как у Маркса и Энгельса), а как союзников. Крестьянство как общественная сила, на которую могли бы опереться «оппозиционные или революционные комбинации», у Плеханова здесь выпадает. Случайно ли это выпадение крестьянства как революционной силы, как движущей силы революции у Плеханова? Нет, не случайно. Он, идеализировавший крестьянство в народнический период своей деятельности, теперь перегибал палку, делал поворот на 180 градусов и игнорировал роль крестьянства как революционной силы.

Отрицая необходимость руководства революционной борьбой крестьянства со стороны пролетариата, Плеханов в 1892 г. писал: «Пролетарий и «мужичек», это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка» **.

Если бы это было так, тогда невозможен был бы союз рабочего класса с крестьянством. И поэтому *не случайно* выпадает в обеих программах группы «Освобождение труда» союз рабочего класса и крестьянства. Это игнорирование роли крестьянства как революционной силы мы находим и в постановке вопроса о гегемонии пролетариата.

«Социал-демократы говорили, — читаем мы у Плеханова, — что социалистическая революция может быть совершена только силами пролетариев». На первый взгляд кажется, что это очень революционно, но эта точка зрения Плеханова совершенно противоречит революционному марксизму: Ленин же считал, что без свободного союза пролетариата с беднейшим крестьянством невозможно социалистическое преобразование.

Поэтому впоследствии товарищ Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)» писал о взглядах Плеханова на роль пролетариата как гегемона в революции следующее:

«Разговоры о том, что Плеханов «тоже стоял» за гегемонию пролетариата основаны на недоразумении. Плеханов кокетничал с идеей гегемонии пролетариата и не прочь был признать ее на словах, — это верно, но на деле он стоял против существа этой идеи. Гегемония пролетариата означает руководящую роль пролетариата в буржуазной революции при политике *союза* пролетариата и крестьянства, при политике *изоляции* либеральной буржуазии, между тем как Плеханов стоял, как известно, *против* политики изоляции либеральной буржуазии, *за* политику *соглашения* с либеральной буржуазией, *против* политики союза пролетариата и крестьянства. На самом деле

* *Г. В. Плеханов*, Соч., т. III, стр. 119.
** Там же, стр. 382—383.

тактическая установка Плеханова была меньшевистской установкой отрицания гегемонии пролетариата» *.

Эта характеристика отношения Плеханова к гегемонии пролетариата в революции относится, главным образом, к более поздним взглядам Плеханова. Однако в зародыше эти неправильные взгляды Плеханова были у него уже тогда, когда он составлял свой проект программы группы «Освобождение труда», когда он продумывал вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, между пролетариатом и буржуазией, с другой стороны.

К раннему периоду деятельности группы «Освобождение труда» относится очень интересный документ: «О современных задачах русских рабочих» (письмо к петербургским рабочим кружкам). Правда, этот документ мы имеем в незаконченном виде. Он показывает, как ставили тогда вопрос о деятельности рабочего класса члены группы «Освобождение труда». В этом письме Плеханов выставляет четыре основных условия силы рабочего класса:

«Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности и 3) от его тактики, т.-е. от умения во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной победой для облегчения своих дальнейших действий.

Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собою и может быть выражено русской пословицей: «волков бояться, так и в лес не ходить» **.

Плеханов рекомендовал связать отдельные кружки между собой, добиться влияния этих кружков на рабочую массу и развить в ней сознательное отношение к ее современному положению и к ее задачам в будущем. «Вы будете распространять социалистические мысли, — писал Плеханов, — т.-е. вести *пропаганду*, вы будете возбуждать недовольство против нынешних порядков, т.-е. вести *агитацию*»***.

Плеханов призывал создать союз тайных рабочих кружков и превратить этот союз в открытую рабочую социал-демократическую партию. Осенью 1884 г. группа «Освобождение труда» опубликовала сообщение о намерении издавать литературу «для наиболее развитых слоев рабочих» под названием «Рабочей библиотеки». Выпусками этой «Рабочей библиотеки» были издания: брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», Дикштейна — «Кто чем живет», речь Петра Алексеева и др. Всего «Рабочая библиотека» выпустила до 1903 г. 12 брошюр.

Это свидетельствует о том, что группа «Освобождение труда» стремилась *возможно шире обслужить* литературными изданиями возникшие в России *рабочие кружки*. И в этом отношении она, несомненно, сыграла большую роль. Проникавшие в Россию в небольших

* «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 67.
** *Г. В. Плеханов*, т. II, стр 367.
*** Там же, стр. 368—369.

количествах отдельные брошюры переиздавались на гектографе, мимеографе в подпольных типографиях и получали, таким образом, гораздо более широкое распространение.

В 1886 г. за подписью Плеханова и Аксельрода опубликовано было обращение к русским рабочим в Америке. В Америку в то время направлялась большая эмиграция из России, состоявшая по преимуществу из городской бедноты и малоземельных крестьян. Плеханов и Аксельрод призывали русских эмигрантов в Америке оказать моральную и материальную поддержку группе «Освобождение труда» так же, как оказывали в то время поддержку ирландские эмигранты революционному движению в Ирландии, немецкие переселенцы — рабочему движению в Германии.

«Последуйте же их примеру,—призывали Плеханов и Аксельрод, — организуйте русский рабочий социал-демократический союз и постарайтесь войти в федеративную связь с группой «Освобождение труда», издания' и программу которой мы вам посылаем. Через посредство этой группы вы войдете также в сношения с действующими в России социал-демократами» *.

Группа «Освобождение труда» выполнила громадную работу по информированию всех социалистических партий о революционном движении в России. Так, в № 44 французского марксистского органа «Социалист» помещена была статья Плеханова о Морозовской стачке в России.

Группа «Освобождение труда» сыграла значительную роль до образования рабочей партии в России в правильном освещении положения в России перед международным пролетариатом. Отчеты Плеханова международным конгрессам и его выступления на этих конгрессах имели, несомненно, большое значение.

Но участие членов группы «Освобождение труда» — Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич, Дейча — в международной социалистической печати имело и несколько другую сторону, которая в особенности сказалась впоследствии, когда на международную арену борьбы выступил В. И. Ленин, выражавший с самого начала в международном рабочем движении наиболее полно и последовательно линию революционного марксизма.

Деятели группы «Освобождение труда» зарекомендовали себя уже к этому времени в глазах западноевропейского социал-демократического движения в качестве представителей социал-демократической мысли и социал-демократического движения в России. Нет никакого сомнения в том, что уже тогда в отдельных произведениях членов группы «Освобождение труда» были налицо и элементы оппортунизма, господствовавшего в международной социал-демократии. И когда этой международной социал-демократии пришлось выбирать между Лениным и Плехановым, неудивительно, что она в большинстве случаев становилась на сторону Плеханова, Аксельрода и других членов группы «Освобождение труда». Неудивительно, что в споре между

* «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М. 1925, т. I, стр. 221.

революционным и оппортунистическим крылом русской социал-демократии — между большевиками и меньшевиками — большинство социал-демократических организаций за границей оказывали помощь меньшевикам.

* * *

Наиболее слабой стороной деятельности группы «Освобождение труда» была ее организационная деятельность. Строго говоря, организационной деятельностью занимались два члена группы — Дейч и Игнатов, а больше всего один Дейч. Но Дейч вскоре был арестован, и деятельность группы «Освобождение труда» сосредоточилась, главным образом, на издании литературы.

Но в этом отношении, будучи ограничена, роль группы «Освобождение труда» была все же очень значительна, особенно если принять во внимание, что в тот период навстречу этому движению нарождалось движение в самой России. Массовые стачки 80-х годов выдвинули ряд рабочих вожаков. Распространение литературы, издававшейся группой «Освобождение труда», накопление кадров революционеров, знакомых с учением Маркса и основывавших свою деятельность на почве этого учения, — все это подготовило условия для возникновения целого ряда марксистских кружков и групп в самой России. В особенности поворотным пунктом явился 1885 год, знаменитый Морозовской стачкой, которая выдвинула таких рабочих вожаков, как Петр Анисимович Моисеенко и Василий Сергеевич Волков.

Суд над участниками Морозовской стачки, организованный царским правительством, явился скандальным для царизма моментом, потому что присяжные заседатели, которые должны были осудить рабочих за подстрекательство толпы к нападению на военный караул, за разрушение фабричных зданий и разграбление имущества, — за что полагалась каторга от 15 до 20 лет, — оправдали всех обвиняемых. Суд этот вскрыл такую картину эксплоатации, издевательства, грабежа рабочих, их бесправия, их невыносимого положения, что судьи на 101 вопрос, поставленный обвинением, ответили: «Нет, не виновны».

Стачка и процесс произвели громадное впечатление на всю страну. Известный реакционер Катков, редактор «Московских ведомостей», писал в мае 1886 г.: «Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». Правительство вынуждено было немногим позже, чем через год, 3 июня 1886 г., издать закон, в который вошли требования морозовских ткачей.

Таким образом, закон о штрафах от 3 июня 1886 г. был завоеван рабочими в организованной борьбе. Морозовская стачка дала толчок рабочему движению в других городах. С этого момента движение нарастает, становится все более организованным, привлекает все новых участников.

Естественно, что в такой обстановке даже народнические рабочие кружки должны были заинтересоваться социал-демократической лите-

ратурой, социал-демократическим движением. М. С. Ольминский, который от народовольцев перешел к марксистам, вспоминал: «Народная воля» в эти годы явно клонилась к упадку: все реже появлялась нелегальная литература; все менее крупными становились террористические акты (убийство Судейкина, шпиона Шкрябы в Харькове и т. п.). Вожди партии сходили со сцены, а на их место становились менее крупные люди» *.

В России нарождается социал-демократическое движение, создаются организации, члены которых действуют самостоятельно, часто не связаны с группой «Освобождение труда», иногда даже и не знают о существовании этой группы.

В 1884 г. возникла в Петербурге Партия русских социал-демократов, более известная в истории марксистского движения как группа Благоева. Основателем ее был Дмитрий Николаевич Благоев, студент Петербургского университета, впоследствии один из организаторов фракции «тесняков» в болгарской социал-демократии и в послевоенный период один из организаторов Коммунистической партии Болгарии и член ее Центрального комитета. Эта группа Благоева вела пропаганду среди студентов и рабочих, проводя, хотя и не вполне последовательно, марксистские взгляды.

Связи с группой «Освобождение труда» у благоевцев вначале не было, и благоевцы выработали свою собственную программу. Сам Благоев признавал, что программа эта — «смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите,с лавризмом» **.

Но несмотря на недостатки этой программы, она все же приближалась к социал-демократической программе, была одним из ее первых опытов. Большой заслугой этой группы является то, что она начала издавать свой нелегальный орган «Рабочий» и создала целый ряд рабочих кружков, впоследствии сыгравших значительную роль в развитии марксистского рабочего движения.

Почти одновременно с благоевской группой в Петербурге создалась демократическая организация, инициатором которой был Павел Людвигович Точисский. Точисский создал кружок под названием «Общество содействия поднятию материального, интеллектуального и морального уровня рабочего класса в России». Вскоре после этого им было создано «Товарищество с.-петербургских мастеровых». Точисский считал пролетариат единственным революционным классом; поэтому он считал, что революционеры все силы должны отдать на создание пролетарской организации, которую они должны подготовить к выполнению больших политических задач.

В 1888 г. организация эта была разгромлена жандармами. В это время в Петербурге уже создается гораздо более обширная организация, во главе которой становится Бруснев. В то же самое время, в конце 80-х годов, образуются марксистские кружки в Москве, в

* Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», «Давние связи», стр. 69.

** *Д. Кольцов*, Конец «Народной воли» и начало социал-демократии (80-е годы) — в кн. *А. Тун*, История революционных движений в России, Пг., 1918, стр. 256.

Казани — кружок Николая Евграфовича Федосеева, с членами которого был тесно связан В. И. Ленин, и целый ряд других кружков в крупнейших центрах России.

Кружки эти стремились связаться с группой «Освобождение труда», потому что в то время это была единственная группа, которая систематически занималась разработкой теоретических вопросов и изданием марксистской литературы. Если взять только период до 1890 г., то Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» перевели и выпустили в свет ряд работ Маркса и Энгельса: «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие научного социализма», «Речь о свободе торговли», «Нищета философии». Кроме написанных Плехановым двух обширных работ — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»—группой были изданы работы: Плеханова «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда», «Политические задачи русских социалистов», «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия», Дикштейна «Кто чем живет?», Плеханова «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», Аксельрода «Ответ товарищу», «Чего хотят социал-демократы», Плеханова «Реакционные жрецы искусства и господин А. В. Стерн», Аксельрода «Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата», «Речь Петра Алексеева», В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции» и др.

В 90-х годах группа «Освобождение труда» издала ряд новых работ Маркса и Энгельса — «Людвиг Фейербах», «Развитие социализма от утопии к науке», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Ответ Ткачеву» Энгельса и многие другие, а также ряд агитационных брошюр, как «1 мая 1891 г.», «Ежегодный всемирный праздник рабочих», «Рабочий день», «1 мая 1892 г. Четыре речи», «Эрфуртская программа» Каутского. Кроме того, группа «Освобождение труда» издавала непериодический сборник «Социал-демократ».

Эти книги и брошюры имели громадное значение. Из них и составлялась, главным образом, нелегальная библиотека тогдашних социал-демократических марксистских кружков. Нет надобности говорить, что группа пользовалась большим влиянием на эмигрантские круги молодежи.

Вторая половина 80-х годов и 90-е годы были годами вырождения старого народничества, которое стояло на почве революционной борьбы с царизмом и перехода значительной части народников на позиции либерализма, на позиции приспособления и соглашения. Процесс этот «Краткий курс истории ВКП(б)» характеризует следующим образом:

«Большинство народников вскоре после разгрома партии «Народной воли» отказалось от революционной борьбы с царским правительством, стало проповедывать примирение, соглашение с царским правительством. Народники в 80-х и 90-х годах стали выразителями интересов кулачества» *.

* «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 16.

В 1894 г. появилась работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В этой работе Ленин дал глубокую и острую критику народничества, в особенности же либерального народничества 90-х годов, которое пришло на смену революционному народничеству 70-х и начала 80-х годов. Это поражение народничества Ленин объяснял тем, что старое народничество выражало интересы еще не расколовшейся деревни, тогда как народничество либеральное выражало интересы деревни, уже расколовшейся, диференцированной.

«...Деревня, — писал Ленин, — давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*» *.

Год спустя после этого Плеханов опубликовал свою замечательную работу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Это было замечательное по форме и по содержанию изложение марксо-энгельсовской революционной диалектики. Точно так же как книга Ленина «Что такое «друзья народа» была ответом на бесчисленные выступления в легальной печати столпов народничества — Михайловского, Южакова, Воронцова, Кривенко, работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была также ответом либеральным народникам, которые открыли поход в журнале «Русское богатство» и в других журналах против марксистов.

Сначала эта книга была озаглавлена «Наши разногласия», часть II. Название это подчеркивало, что Плеханов продолжает борьбу, начатую им еще в 1884 г. Как впоследствии сам Плеханов объяснял, более сложное и не вполне точное название этой книги он дал для того, чтобы избегнуть придирок цензуры, хотя и понимал неопределенность самого выражения «монистический взгляд» на историю, так как монизм может быть не только материалистический, но и идеалистический.

«Краткий курс истории ВКП(б)» указывает на то, что книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 г., имела особо важное значение. Ленин указывал,

* *Ленин*, Соч., т. I, стр. 168—169.

что на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов».

Книга Плеханова вышла в России за подписью «Н. Бельтов». Этот псевдоним, так же как и несколько мудреное название, как мы знаем уже, были пущены в ход для того, чтобы ослабить внимание цензуры к этой работе, которая сыграла громаднейшую роль в развитии марксистской мысли. Впервые в *легальной* марксистской литературе появилось стройное и талантливое изложение марксистской диалектики, причем, прежде чем излагать эту марксистскую диалектику (глава V, «Современный материализм»), Плеханов дал критику французского материализма XVIII в., взглядов французских историков времен реставрации, теории социалистов-утопистов и идеалистической немецкой философии.

В течение многих лет книга Плеханова была важнейшим пособием для подготовки марксистских кадров, и Ленин уже в 1921 г. писал об этой и других философских работах Плеханова:

«...Уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» *.

Книга эта произвела огромное впечатление на современников именно потому, что она после *нелегально* появившейся работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» давала в *легальной* марксистской литературе оружие против народничества, в особенности против эпигонов народничества — либеральных народников.

Плеханов высмеивал попытки народников подменять научное материалистическое мировоззрение субъективным, попытки доказать, что «мир должного, мир истинного и справедливого стоит вне всякой связи с объективным ходом исторического развития». Выступление Бельтова-Плеханова в легальной печати особенно важно было потому, что до этого народники пользовались фактически монополией в легальной печати, и этой монополией они пользовались для того, чтобы извратить марксизм и приписать марксистам совершенно нелепые, несоответствующие действительности взгляды.

Народники стремились представить дело так, будто марксисты являются фаталистами, будто марксисты считают совершенно бесполезным сознательное вмешательство человеческой личности в ход истории, так как-де, по утверждению марксистов, развитие производительных сил в обществе, а стало быть, и все изменения в обществе, происходят независимо от людей. Это, конечно, была карикатура на марксизм, ничего общего не имеющая с действительным учением марксизма.

«Диалектический материалист, — писал Плеханов, — не только не стремится, как это приписывают ему противники, убедить чело-

* *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 135.

века, что нелепо восставать против экономической необходимости, но он впервые указывает, *как справиться* с нею... Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, люди подчинены железному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человеческой воле, — говорил Георг Бюхнер. Нет, отвечает Маркс, раз мы *узнали* этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать *необходимость* послушной рабой *разума*.

Я червь, — говорит идеалист. Я — червь, пока я невежествен, возражает материалист-диалектик; но я — бог, когда я *знаю*. Tantum possumus, quantum scimus (Мы столько можем, сколько знаем. — *Ред.*)» *.

«Диалектический материализм говорит: человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является *ее продуктом*. Но раз явился этот продукт, он *не* должен и по самой природе своей *не может* подчиняться завещанной прежнею историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, *сделать ее разумнее*.

Диалектический материализм говорит, подобно гетевскому Фаусту:

Im Anfang war die That!
(Вначале было дело. — *Ред.*)

Действие (законосообразная деятельность людей в общественно-производительном процессе) объясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека. К действию же сводится вся его *практическая философия. Диалектический материализм есть философия действия*.

Когда субъективный мыслитель говорит: «мой идеал», — он тем самым говорит: *торжество слепой необходимости*. Субъективный мыслитель не умеет обосновать свой идеал на процессе развития действительности; поэтому у него тотчас же за стенами крошечного садика идеала начинается необъятное поле случайности, а следовательно, и слепой необходимости. Диалектический материализм указывает те приемы, с помощью которых все это необъятное поле можно превратить в цветущий сад идеала. Он прибавляет только, что средства для этого превращения скрыты в *недрах самого этого поля, что надо только найти их и уметь воспользоваться ими*.

Диалектический материализм не ограничивает, подобно субъективизму, прав человеческого разума. Он знает, что права разума необъятны и неограниченны, как и его силы. Он говорит: все, что есть разумного в человеческой голове, т.-е. все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности.

Отсюда видно, в чем заключается, по мнению материалистов-диалектиков, роль личности в истории. Далекие от того, чтобы сводить эту роль к нулю, они ставят перед личностью задачу, которую,

* *Г. В. Плеханов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., Госполитиздат, 1938, стр. 129.

употребляя обычный, хотя и неправильный, термин, надо признать *совершенно, исключительно идеалистической*. Так как человеческий разум может восторжествовать над слепой необходимостью, только познав ее собственные, внутренние законы, только побив ее собственной силой, то развитие знания, развитие человеческого сознания является величайшей, благороднейшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! (Света, больше света! — *Ред.*) вот что нужно прежде всего» *.

За год до появления книги Плеханова в легальной литературе появились «Критические заметки» Струве, которые представляли собой буржуазное извращение марксизма, карикатуру на марксизм, как это отмечал Ленин. Известно, что Струве, этот апологет буржуазии, выставил положение, за которое ухватились народники в борьбе против марксизма: «Признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму». И Ленин и Плеханов доказывали, что марксизм не имеет ничего общего с подобными взглядами и что марксистская теория есть сильнейшее оружие, посредством которого вооруженный им пролетариат свергнет капиталистический строй. Плеханов, однако, считал эту фразу у Струве «оговоркой», он критиковал Струве гораздо мягче, чем Ленин, считал, что нет необходимости ссориться со Струве и струвистами. Но вся его книга направлена против подобного рода извращения.

Острый тон полемики у Ленина и у Плеханова против народников выражает ту страсть, с которой шла в то время борьба марксистов против народничества. Это была борьба за революционное мировоззрение, за новую теорию революции, которая отвергала утопические взгляды народников и ставила все революционное движение на почву действительных общественных отношений, исходила из законов развития этих общественных отношений, опиралась на тенденцию революционного развития этих отношений.

Книга Плеханова-Бельтова сыграла поэтому большую роль в деле формирования марксистской мысли в России, она вызывала бешеную злобу у противников и вместе с тем сослужила полезную службу развитию марксистского движения.

* * *

Повторяем, что *организационная* деятельность группы «Освобождение труда» значительно отставала от ее литературной деятельности. Организационное ее влияние было ничтожным по сравнению с влиянием идейным.

Осенью 1888 г. группа «Освобождение труда» основала «Русский социал-демократический союз». С этого момента издания социал-демократической литературы (журнал «Социал-демократ») выходят от имени «Русского социал-демократического союза». По инициативе группы «Освобождение труда» в 1895 г. возникает заграничный «Союз русских социал-демократов», предпринимающий в 1896 г. издание непериодического сборника «Работник». В период 1896—1899 гг.

* Там же, стр. 130.

за границей вышли № 1—6 «Работника» и № 1—8 листков «Работника». В организации этих изданий принимал уже деятельное участие Ленин. Еще в 1894—1895 гг. в Петербурге зимою состоялось совещание социал-демократов различных местностей России с участием Ленина, которое обсудило вопрос о переходе от кружковой пропаганды к массовой агитации. После этого совещания Владимир Ильич летом 1895 г. предпринял поездку за границу для переговоров с группой «Освобождение труда».

Во время этой поездки наметились уже первые разногласия между Лениным, с одной стороны, Плехановым и Аксельродом — с другой, которые впоследствии определились полнее, так как уже тогда члены группы «Освобождение труда» — Плеханов, Аксельрод — по-другому, чем Ленин, понимали роль различных классов в революции. Речь зашла об отношении к либералам. На эту тему Ленин вел разговоры и с Плехановым и с Аксельродом, которые знакомы были со взглядами Ленина по его статьям, в особенности по статьям, помещенным под псевдонимом К. Тулина в сожженном цензурой сборнике.

Когда Аксельрод указал Ленину на то, что они по-разному относятся к либералам, Ленин, судя по воспоминаниям Аксельрода, сказал: «Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом» *.

Плеханову и его группе принадлежит, несомненно, большая заслуга в деле борьбы против «легальных марксистов» и против «экономистов». Правда, мы отмечали уже, что к критике «легальных марксистов», к критике Струве Плеханов подходил иначе, чем Ленин. Плеханов, отвечая Михайловскому на его нападки на Струве, писал:

«Г. Михайловский в своей статье поднял смешной шум по поводу слов г. Струве: «нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Г. Михайловский хочет изобразить дело так, как будто бы эти слова означали *«отдадим же производителя в жертву эксплоататору»*. Г. П. Струве легко будет показать тщету усилий г. Михайловского, да ее, вероятно, и теперь видит всякий, внимательно прочитавший «Критические заметки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чем, вероятно, ввел в соблазн многих простаков и обрадовал нескольких акробатов. *Вперед—наука*,— скажем мы г. Струве, а гг. акробатам напомним, как Белинский уж под конец своей жизни, когда он уж давно раскланялся с Allgemeinheit (с «всеобщностью». — *Ред.*), в одном из своих писем высказывал ту мысль, что культурное будущее России обеспечит *только буржуазия*. У Белинского это была тоже очень неловкая фраза. Но чем была вызвана его неловкость? *Благородным увлечением западника*. Таким же увлечением причинена, уверены мы, и неловкость г. Струве. Шуметь по ее поводу позволительно только тому, кому нечего возражать, например, на экономические доводы этого писателя» **.

* *Ленин*, Соч., т. I, стр. 519.

** *Г. В. Плеханов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., Госполитиздат, 1938, стр. 159.

Совсем по-другому относился к Струве Ленин. Ленин добился того, что Струве вынужден был сделать заявление о том, что «пойдем на выучку к капитализму» — это вовсе не означает служить буржуазии. Ленин доказал, что струвистская критика народников очень далека от марксизма.

«Русский марксизм, — писал Ленин, — родился в начале 80-х годов прошлого века, в трудах группы эмигрантов (Группа «Освобождение труда»).

Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения. И что же? Эта волна принесла *карикатуру на марксизм* в лице струвизма, с одной стороны, рабочедельчества и «экономизма», — с другой. Марксизм вырос и возмужал потому, что не прикрывал расхождения, не дипломатничал...» *

Плеханов и его группа сыграли, несомненно, большую роль в деле борьбы с «экономистами». Когда появилось пресловутое «Кредо» Прокоповича и Кусковой, Плеханов выпустил специальный сборник «Вадемекум», в котором был напечатан протест 17 социал-демократов, составленный в ссылке Лениным.

Этот сборник сыграл большую роль в деле борьбы против экономистов. Ряд статей Плеханова, когда Ленин находился в ссылке, имел, несомненно, большое идейное значение в борьбе против «экономистов». В этот период мы видим, что деятельность Ленина и Плеханова направлена против *общего врага*.

Против общего врага направлены были и многочисленные статьи Плеханова против Бернштейна.

Такая работа Плеханова, как «Cant против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна» **, имела большое значение в деле борьбы против международного оппортунизма. Сюда же относятся критические статьи Плеханова, направленные против Массарика, против Вандервельде, против Франка, против Кричевского, относящиеся к началу 900-х годов, и т. д.

Группа «Освобождение труда» в конце 90-х годов вынуждена была выйти из «Союза русских социал-демократов», ибо в нем в это время стали преобладать «молодые», т. е. «экономисты». Поэтому в мае 1900 г. группа «Освобождение труда» вышла из «Союза русских социал-демократов» и образовала русскую революционную организацию «Социал-демократ».

«Весной настоящего года в Швейцарии состоялся съезд членов «Союза русских социал-демократов», приведший к расколу «Союза». Меньшинство членов, имея во главе группу «Освобождение труда»,

* *Ленин*, Соч., т. XIV, стр. 60.

** Нужно отметить, что Эдуард Бернштейн публично заявил о том, что он согласен с большинством «Русского социал-демократического союза за границей». Таким образом, Бернштейн поддерживал поход оппортунистов против Плеханова, который стоял тогда на позициях революционного марксизма.

основавшую «Союз» и бывшую до осени 1898 г. редактором изданий «Союза», образовало особую организацию под названием «Русская революционная организация «Социал-демократ». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее дело», продолжает называть себя «Союзом». Съезд русских социал-демократов, бывший весной 1898 года и образовавший «Российскую социал-демократическую рабочую партию», признал «Союз» заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный союз раскололся?..

Нисколько не отрицая заслуг «Рабочего дела», которое много потрудилось над изданием литературы и организацией доставки ее, отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего съезда партии вопрос этот должен остаться открытым» *.

Раскол произошел вовсе не потому, что Плеханов будто бы захватил типографию «Союза русских социал-демократов». Он произошел на идейной почве, ибо Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич были против «экономистов».

Начиная с середины 90-х годов революционное рабочее движение в России направляется петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», во главе с Лениным. Ленин становится организатором этой первой подлинно-революционной марксистской организации, прообраза и зародыша будущей большевистской партии. Ленин и его «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» осуществляет задачу соединения научного социализма с рабочим движением, задачу, которую не смогла выполнить плехановская группа «Освобождение труда». Ленин выступает в 1894 г. с нелегальной брошюрой «Что такое «друзья народа», исполненной революционной страсти и наносящей убийственные удары народничеству.

Именно Ленину принадлежит заслуга дальнейшего и полного идейного разгрома народничества. Ленин в ссылке вынашивает план создания общерусской политической газеты «Искра» и, вернувшись из ссылки, вместе с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» открывает в 1900 г. изданием «Искры» новую страницу в истории мирового рабочего движения, новую страницу в истории русской революции.

Группа «Освобождение труда» в этот «искровский» период не играет уже сколько-нибудь значительной роли. Члены этой группы при выработке программы партии часто выступали сплоченно против Ленина, который боролся за подлинно революционную программу рабочей партии против сложившегося тесного кружка группы «Освобождение труда»**. В то время как Ленин выражает интересы партийности, кружок этот уже в значительной степени выражает узко кружковые интересы. Мы здесь не останавливаемся подробно на выработке программы в редакции «Искры», на той борьбе, которая происходила

* «Искра» № 1, изд. «Прибой», 1925, стр. 25.

** О психологии кружковщины Ленин писал после II съезда в своей замечательной книге «Шаг вперед, два шага назад» (Соч., т. VI, стр. 226).

внутри редакции «Искры» между Лениным, с одной стороны, и членами группы «Освобождение труда» — с другой.

Как известно, в дальнейшем борьба вокруг состава редакции «Искры» после II съезда РСДРП показала, что эти кружковые настроения группы «Освобождение труда» выражали стремление поддержать оппортунистические элементы в российском рабочем движении.

Второй съезд партии — съезд, в котором в последний раз участвовала группа «Освобождение труда» в виде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». В августе 1903 г., на II съезде РСДРП, группа «Освобождение труда» прекратила свое существование.

Но это был уже период, когда, говоря словами товарища Сталина, партия совершала поворот от временного «...соглашения с либералами к смертельной борьбе с либеральной буржуазией, от подготовки борьбы с царизмом к открытой борьбе с ним за полный разгром царизма и феодализма. Во главе партии стояла тогда шестерка: Плеханов, Засулич, Мартов, Ленин, Аксельрод, Потресов. Поворот оказался роковым для пяти членов этой шестерки. Они выпали из тележки. Ленин остался в единственном числе. Получилось так, что старые лидеры партии, основатели партии (Плеханов, Засулич, Аксельрод) плюс двое молодых (Мартов, Потресов) оказались против одного, тоже молодого, товарища Ленина. Если бы вы знали, сколько было тогда воплей, плача и завываний о том, что партия погибнет, партия не устоит, что без старых лидеров ничего не выйдет. Однако вопли и жалобы отпали, а факты остались. А факты были таковы, что именно благодаря отходу пятерки удалось партии выбраться на дорогу. Теперь ясно каждому большевику, что без решительной борьбы Ленина с пятеркой, без оттеснения пятерки наша партия не могла бы сплотиться как партия большевиков, способная повести пролетариев на революцию против буржуазии» *.

* * *

Мы рассмотрели главнейшие моменты в жизни группы «Освобождение труда» от начала ее возникновения в 1883 г. до ее роспуска на II съезде РСДРП в 1903 г.

За 20 лет группа «Освобождение труда» выполнила огромную работу и сыграла большую роль в жизни рабочего класса.

Ленин указывал на то, что эта группа «...основала русскую социал-демократию и всегда стояла во главе ее теоретиков и ее литературных представителей...» ** Ленин считал очень важным отметить в своей работе «Что делать?», что «...теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат раз-

* *Сталин*, Стенографический отчет XV съезду ВКП(б), Заключительное слово, Гиз, 1928, стр. 378—379.

** *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 12.

вития мысли у революционно-социалистической интеллигенции...». «к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой Группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России» *.

В завоевании революционной молодежи в России в середине 90-х годов исключительно большую роль сыграл «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Между «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и группой «Освобождение труда» в тот период не было каких-либо глубоких принципиальных расхождений. Ленин считал необходимым отметить, что «... «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с Группой «Освобождение Труда» **.

Будучи несогласен со многими положениями проекта программы группы «Освобождение труда», Ленин вместе с тем подчеркивал огромное положительное значение этого проекта. Так, в письме к «Северному союзу» Ленин указывал:

«Как входящая в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию организация, Северный Союз должен бы был указать на солидарность с «Манифестом» ее, при чем полезно было бы указать и солидарность Северного Союза хотя бы с проектом программы русских с.-д., составленным в 80-х годах Группой «Освобождение Труда» ***.

Отмечая заслуги группы «Освобождение труда» и лично Плеханова в деле борьбы против «экономистов», Ленин писал значительно позднее:

«Против экономистов боролись сначала только Плеханов и вся группа «Освобождение Труда» (журнал «Работник» и т. д.), потом «Искра» (с 1900 г. по август 1903 г., до 2-го съезда Р.С.Д.Р.П.)» ****.

Литературная деятельность группы «Освобождение труда», ее идеологическая борьба остаются одной из блестящих страниц в развитии марксистской мысли в России.

«Основателем социал-демократии в России является группа «Освобождение Труда», возникшая заграницей в 1883 году. Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи» *****.

Так писал Ленин, когда подводил итоги деятельности рабочей печати в России в период подъема рабочего движения перед войной. Но вместе с тем нельзя забывать, что «Группа «Освобождение Труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» ******.

---

* *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 385.
** Там же, стр. 502.
*** Там же, т. V, стр. 124.
**** Там же, т. XVII, стр. 344.
***** Там же, стр. 343.
****** Там же, стр. 353.

Второй шаг сделал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный Лениным и соединивший научный социализм с рабочим движением в России. Третий решающий шаг сделала «Искра», организованная Лениным, связавшая разрозненные марксистские организации в России и подготовившая II съезд РСДРП.

Впоследствии деятели группы «Освобождение труда» изменили революционному знамени. Ни один из деятелей этой группы не устоял против напора оппортунистических элементов в рабочем движении, а многие из них стали вождями этого оппортунистического движения.

Личная политическая трагедия Плеханова заключалась в том, что он, выступив первым глашатаем революционного марксизма в России в 80-х годах прошлого века, впоследствии стал на оппортунистические позиции, а в 1917 г., в момент торжества пролетарской социалистической революции, не поняв ее смысла и значения, сошел с арены политической деятельности. Это большая трагедия большого политического деятеля и выдающегося ученого предоктябрьской эпохи.

Если группа «Освобождение труда» занимает значительное место в истории развития революционной мысли в России, то ее вождь и организатор — Плеханов, — несмотря на все ошибки, им совершенные, остается одним из деятелей русской революции, к которому Ленин сохранил уважение даже после того, как разошелся с ним по важнейшим вопросам революционной борьбы.

«Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» *.

Все лучшее, что сделал в своей жизни Г. В. Плеханов, партия революционного марксизма, партия Ленина—Сталина включает в арсенал боевого своего оружия. Она высоко ценит первые усилия основоположника группы «Освобождение труда» и всей этой организации в целом по распространению и популяризации марксизма. Она критикует ошибки этой первой социал-демократической организации с точки зрения революционного марксизма-ленинизма. На этом она воспитывает новые поколения строителей коммунизма, которые, изучая историю развития социализма, приобретают прочную уверенность в непобедимости и неизбежном полном торжестве великого учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Ем. Ярославский.

---

* *Ленин*, Соч., т. XVII, стр. 143.

ОТ ДОМА ПЛЕХАНОВА

Настоящая, 1-я, часть VIII сборника «Литературного наследия Г. В. Плеханова» вместе со 2-й его частью, уже подготовленной к печати, ставят своей задачей отразить в существенных чертах многостороннюю двадцатилетнюю деятельность группы «Освобождение труда», как она вылилась в работах ее главного теоретика — Г. В. Плеханова. Выход этих сборников особенно интересен в настоящий момент, когда в 1938 г. исполнились две юбилейные даты — двадцатилетие со дня смерти Плеханова и пятидесятипятилетие с момента основания группы «Освобождение труда».

Основная трудность при составлении сборников заключалась в обилии материала, из которого приходилось делать выбор, так как цель их не была бы достигнута, если бы в них были включены одни только неопубликованные материалы. Такой состав сборников носил бы слишком случайный характер, и читатель вправе был бы упрекнуть составителей за то, что ими опущены наиболее существенные и решающие моменты в жизни и деятельности Плеханова и его группы. Правда, из-за недостатка места, в сборник невозможно было включить наиболее значительные из плехановских работ этого периода, сыгравшие исключительную роль и расчистившие «почву для победы марксизма в России» — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др. Но эти работы вышли и будут выходить массовыми изданиями, и потому они стали доступны самой широкой публике. Работы же, включенные в настоящие сборники, явившиеся также весьма важными этапами в жизни группы «Освобождение труда», в большинстве своем не вошедшие в Собрание сочинений Плеханова, пользуются значительно меньшей известностью. Собранные воедино и дополненные посмертными публикациями и обширной перепиской тех же годов, они представят несомненный интерес для читателя. Вместе с тем они явятся, наряду с массовыми изданиями наиболее выдающихся плехановских работ, ценным пособием для всех, углубленно изучающих первые разделы «Краткого курса истории ВКП(б)».

Указания товарища Сталина в письме к составителям учебника по истории ВКП(б) и положения «Краткого курса истории ВКП(б)» (гл. I, разд. 2), в которых деятельность Плеханова и его группы «Освобождение труда» выделена в особый период, «...период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии» *, послужили для нас руководящим принципом в подборе материалов при составлении первой части VIII сборника (1883—1894).

Литературная деятельность Плеханова в первое и наиболее плодотворное двадцатилетие (1883—1903) была особенно богата теоретическими работами по вопросам философии, искусства, литературы, религии, в которых Плеханов дал образцы применения марксистского метода к изучению истории идеологий. Однако эти работы, несмотря на все их значение, не могли быть помещены в настоящем сборнике, как написанные на более или менее специальные темы, которым был посвящен ряд предшествовавших сборников «Литературного наследия Г. В. Плеханова» (сб. III, IV, V, VI, VII). В настоящем сборнике, как и в следующем, будут даны статьи Плеханова, имеющие общеполитическое значение, которые сыграли особенно важную роль в борьбе за создание марксистской социал-демократической партии в России.

В борьбе за создание марксистской социал-демократической партии в России группе «Освобождение труда» пришлось проделать большую работу, ибо недостаточно было усвоить теорию научного социализма и пропагандировать ее в России, надо было еще доказать, что эта теория, оправдавшая себя на Западе, применима и в специфических русских условиях.

Плеханов в качестве главного теоретика группы «Освобождение труда» выдержал жесточайшие бои с злейшими врагами марксизма, народниками всех толков, начиная от землевольцев и чернопередельцев (в лице которых он критиковал и свое собственное прошлое), продолжая народовольцами, либеральными народниками 90-х годов и кончая эсерами.

Существенную часть обеих частей сборника составляют выступления Плеханова на международных социалистических конгрессах. Сюда относятся речи на Парижском конгрессе 1889 г. и Цюрихском 1893 г., а также доклады, представленные Брюссельскому конгрессу 1891 г. и Лондонскому 1896 г. К этим публикациям тесно примыкают статьи в иностранной прессе, информирующие западноевропейских товарищей о русском революционном движении. Дальше идут многочисленные приветствия, обращения к западноевропейским рабочим и деятелям социалистического движения в связи с тем или другим значительным событием в их жизни, первомайские приветы, юбилейные поздравления, приветствия съездам, митингам и т. д.

Все эти выступления на конгрессах, статьи информационного характера, опубликованные в иностранной социалистической прессе, равно как и незначительные по объему, но многочисленные и разнообразные приветствия, живо ри-

* «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 17.

суют связи группы «Освобождение труда» с международным рабочим движением, ее стремление приобщиться к нему, дать западноевропейским товарищам правильное представление о характере и размерах русского революционного движения.

Специальный отдел настоящей, 1-й, части VIII сборника посвящен борьбе с анархизмом. В этот отдел включено неизвестное предисловие к брошюре «Анархизм и социализм», авторизованный перевод начала этой брошюры и полемика с анархистом В. Н. Черкезовым.

Все материалы сборника расположены в строго хронологическом порядке с соблюдением не только года, но и месяца первой публикации. В отступление от этого порядка первые две статьи Плеханова, составляющие как бы введение к сборнику, относятся к более позднему времени, выходя за его хронологические границы. Это необходимо для того, чтобы показать, как сам Плеханов характеризовал свой переход и переход членов группы «Освобождение труда» от народничества к марксизму.

Некоторая часть материалов, вошедших в сборник, заимствована из Собрания сочинений Плеханова. Ряд более мелких работ, не вошедших в Собрание сочинений, взят из мало доступных источников и для многих читателей явится совершенно новым материалом. Некоторые публикации, заимствованные из иностранных газет и журналов, по-русски появляются впервые и, наконец, часть сборника печатается с рукописей. Данные относительно источника каждой публикации читатель найдет в предшествующих им исторических справках.

Вторую часть сборника составляет переписка, охватывающая 15 лет, от 1880 до 1895 г. В нее входят по преимуществу письма самого Плеханова. Из многочисленных писем этого периода, как опубликованных, так и неопубликованных, отобраны наиболее значительные, наиболее характерные как по темам, так и по лицам. Из адресатов и корреспондентов группы «Освобождение труда» в настоящем сборнике фигурируют почти исключительно такие имена, как Маркс, Энгельс, Лавров, Благоев и его группа. Все эти письма являются ценнейшими документами эпохи, ярко рисующими как предисторию, так и историю группы «Освобождение труда» в первое десятилетие ее жизни и деятельности.

Бóльшая часть публикуемых писем взята из печатных источников, но источники эти—сравнительно мало известные, давно исчезнувшие с книжного рынка и потому почти недоступные современному читателю.

Сборники подготовлены к печати научными сотрудниками Дома Плеханова при ближайшем участии *Р. М. Плехановой*.

Статьи, составляющие введение к сборнику, — предисловие к первому тому женевского издания, «Первые шаги с.-д. движения в России» — «Письмо к П. Л. Лаврову», предисловие к «Манифесту коммунистической партии», два проекта программы, извещения об издании «Библиотеки современного социализма» и «Рабочей библиотеки», доклады и выступления на международных социалистических конгрессах (Парижском, Брюссельском, Цюрихском), работы об анархизме, полемика с Черкезовым и ряд других мелких статей и приветствий, а также переписка от 1880 по 1887 г. и переписка Плеханова с Энгельсом за 1895 г. — подготовлены к печати и снабжены комментарием и историческими справками научной сотрудницей Дома Плеханова *Е. С. Коц*.

Статьи «Современные задачи русских рабочих», руководящая статья для сборника «Социал-демократ», «Открытое письмо к В. Либкнехту», предисловие к польскому изданию Туна, а также переписка от 1888 по 1894 г. подготовлены к печати, снабжены комментарием и историческими справками научной сотрудницей Дома Плеханова *Т. З. Лукашевской*.

Указатели, предметный, библиографический и именной, составлены *Е. С. Коц* и *Т. З. Лукашевской*.

При публикации рукописных материалов составители сборника придерживались следующих методов.

Все примечания формального характера, относящиеся к построению рукописи, даются в подстрочных примечаниях. Там же даются и все переводы встречающихся в тексте иностранных цитат и иностранных выражений, а также и собственные примечания Г. В. Плеханова.

Все примечания по существу помещены за текстом; только в отделе переписки они даны после каждого письма.

Процесс восстановления рукописей из разрозненных листов показан на полях, где приведена нумерация страниц.

Все привнесенное в текст заключено в прямые скобки, все вычеркнутое в рукописи и восстановленное при публикации — в угловые скобки.

Заголовки, принадлежащие самому Плеханову, набраны курсивом.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ ЖЕНЕВСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПЛЕХАНОВА

Печатаемое предисловие, датированное 26 августа 1905 г., было написано Плехановым к первому тому собрания его сочинений, вышедшему в 1905 г. в Женеве в издании «Библиотеки научного социализма». Это собрание сочинений, первое и единственное при жизни Плеханова, так и не осуществилось, остановившись на первом томе. Публикуемое предисловие, выходящее за хронологические рамки сборника, помещается нами ввиду его тесной связи со всеми работами, составляющими содержание сборника. Написанное значительно позднее этих работ, оно объединяет и освещает их. Но, как сказано во вступительной статье, оно не всегда правильно объясняет развертывающуюся перед читателем картину перехода Плеханова от народничества к марксизму, представляя эту картину в его собственном освещении.

Перепечатка производится из т. I женевского издания Соч. Г. В. Плеханова, стр. IX—XX (Собр. соч., т. I, стр. 19—28).

В этот первый том моих сочинений входят, между прочим, и те, которые относятся еще к *народническому* периоду моего развития и которые были напечатаны в свое время, главным образом, в «*Земле и воле*» и «*Черном переделе*». Пусть читатель не удивляется поэтому, если на первой сотне страниц этого тома он встретит взгляды, не вяжущиеся с моим нынешним миросозерцанием, т. е. с *марксизмом*. Но пусть не удивляется он также, если я прибавлю к этому, что основная мысль, лежавшая в моих народнических взглядах, — при всем несходстве этих взглядов со взглядами марксистов, — не так далека, как это может показаться на первый взгляд, от основной идеи марксизма и что мое нынешнее миросозерцание представляет собой не более, как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества [1]. Дело тут вот в чем.

Современные анархисты относятся, как известно, весьма отрицательно к *материалистическому объяснению истории*. Оно кажется им одной из ошибочных и вредных «догм» марксизма. Не так смотрел на этот вопрос один из основателей современного анархического учения, покойный М. А. Бакунин. В своих сочинениях (в книге «*Государственность и анархия*», в полемике с Мадзини [2] и, если память мне не изменяет, в брошюрке «*Наука и насущное революционное дело*») он называл теорию исторического материализма великим открытием

и неоспоримой заслугой автора «*Капитала*». Такое отношение Бакунина к этой теории разделялось первоначально и многими его учениками. В народнический период моего развития я, — как и все наши народники, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности. Читатель легко убедится в этом, прочитав мою статью: «*Закон экономического развития общества и задачи социализма в России*», напечатанную в № 3 «*Земли и Воли*» и занимающую в этом томе стр. 7—19 [Собр. соч., т. I, стр. 56—74], а также мои статьи, появившиеся первоначально в № 1 «*Черного передела*» и занимающие в этом томе стр. 58—73 [Собр. соч., т. I, стр. 108—122]. В одной из этих статей я категорически говорил, что «экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов» (см. стр. 64 этого тома [Собр. соч., т. I, стр. 114]). Это уже несомненный марксизм. Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим *выводам*. Какие же это были выводы? Те самые, которые делал Бакунин из материалистического объяснения истории. Он рассуждал, как известно, так: если *политические* отношения всякого данного общества основываются на его *экономических* отношениях, то «политика» ни в каком случае не может служить средством освобождения пролетариата; занимаясь «политикой», социалисты изменяют делу рабочего класса, который может свергнуть иго капитализма только путем *экономической* революции. На основании этого соображения, Бакунин и его последователи горячо и упорно восставали против того параграфа в уставе Международного товарищества рабочих, который гласит, что *политическая борьба должна служить средством достижения великой цели современного сознательного пролетариата* [3]. Я, разумеется, не могу приводить здесь все те доводы, которые выдвигались бакунистами против этого параграфа; интересующийся ими читатель найдет их в известном «Mémoire de la fédération jurassienne» * [4]; мне же достаточно сказать, что мы, русские народники, считали эти доводы неотразимыми и сами горячо и упрямо осуждали всякую «политику».

Споры, происходившие в народническом обществе «Земля и воля» около времени его распадения, целиком вертелись вокруг этой мысли о негодности «политики», как средства освобождения «трудящихся». Те из нас, которые продолжали признавать правильность этой мысли, сгруппировались вокруг газеты «*Черный передел*»; те же, которые стали относиться к ней отрицательно, сложились в «Партию Народной воли». Так как бакунинское отрицание «политики», несомненно,

* — в «Мемуарах Юрской федерации». — *Ред.*

было неосновательно и происходило из непонимания того, что в процессе общественного развития, — как и во всяком другом процессе, — причина является следствием, а следствие, в свою очередь, становится причиной, то «народовольское» отрицание отрицания, т. е. отрицание народовольцами мысли о вреде «политики», было совершенно правильно и являлось большим шагом вперед в истории нашей революционной мысли, как я это открыто признал еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», воспроизведенной на 141—236 стр. этого же тома [Собр. соч., т. II, стр. 25—88]. Но слабая сторона «народовольской» теории состояла в том, что они, по немецкому выражению, вместе с водой выплескивали из ванны и ребенка: в борьбе с бакунинским отрицанием политики они зашли так далеко, что стали отрицать также и лежавшую в основе этого отрицания совершенно правильную, но плохо понятую Бакуниным и народниками теорию исторического материализма. Издававшаяся в России газета «*Народная воля*» не раз обнаруживала большую симпатию ко взглядам Дюринга, который считает политическую силу основным двигателем исторического развития [5]. Это была огромная ошибка, которая не замедлила наложить свою печать на все политические взгляды и на всю политическую деятельность народовольцев. Эта ошибка помешала им понять, что сила и значение всякой данной политической *партии* обусловливается силой и значением того общественного *класса*, интересы которого она представляет и защищает. А не понимая этого, народовольцы не сумели возвыситься и до понимания того, что наиболее революционная точка зрения нашего времени есть классовая точка зрения пролетариата. Народовольцы не пошли дальше бланкизма, распространение идей которого было облегчено литературной деятельностью покойного П. Ткачева в середине семидесятых годов [6]. Но точка зрения бланкизма, это — точка зрения *заговора*. Партия «Народной воли» в самом деле была не более, как тайной организацией заговорщиков, пользовавшейся большими симпатиями со стороны так называемого *общества* и по временам заводившей кое-какие связи с *рабочими*, но главные свои упования возлагавшей на революционную *интеллигенцию*. С *этой* стороны «народовольство» было *большим шагом назад* сравнительно с народничеством, которое, при всех своих ошибках, имело все-таки ту заслугу, что твердо помнило первый параграф устава Интернационала: *освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих* *. Правда, народники весьма своеобразно истолковывали этот параграф. Сообразно *крестьянскому* характеру того «народа», который они хотели освобождать, определенное понятие: *рабочие*, заменилось у них весьма расплывчатым понятием: *трудящиеся*. Но, как бы там ни было, они все-таки стре-

* Прошу читателя не забывать, что я говорю здесь о народниках-*революционерах*. Легальные народники, вроде г. В. В., ожидали осуществления своих реформаторских планов от царизма. Но до них мне нет здесь никакого дела. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

мились возбуждать революционную самодеятельность народной *массы*, и в этом отношении стояли несравненно выше народовольцев.

Чтобы устранить и ту, и другую односторонность, чтобы исправить ошибки как народников, так и народовольцев, необходимо было, во-первых, отвести политической борьбе надлежащее место в нашей революционной программе, а, во-вторых, суметь связать эту борьбу с основными положениями правильно понятого научного социализма. Попыткой решения этой, самой насущной тогда для нас, задачи и была моя брошюра «*Социализм и политическая борьба*».

Эпиграфом для этого своего сочинения я взял слова Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Этими словами я хотел напомнить *народникам* о том, что заниматься «политикой» вовсе еще не значит изменять интересам «трудящихся»; и теми же самыми словами я хотел поставить *народовольцам* на вид, что их политическая борьба будет плодотворной и победоносной только в том случае, если она станет *классовою* борьбой. Таким образом точке зрения «интеллигентных» *заговорщиков* была противопоставлена мною точка зрения *рабочего класса*. Само собою разумеется, что заговорщикам это понравиться не могло, и совершенно понятно, что моя брошюра послужила поводом к полемике между мной и главным тогда публицистом «народовольства», ныне в реакции почивающим г. Л. Тихомировым [7].

Также понятно и то обстоятельство, что наш *политический спор* тотчас же перешел на *экономическую почву*. Чтобы отстоять свою точку зрения *заговорщика*, г. Л. Тихомиров сделал попытку показать несостоятельность моей *классовой* точки зрения. С этой целью он пустился доказывать, что у нас разделение общества на классы зашло пока еще не далеко, что буржуазия наша совершенно бессильна, что рабочих у нас всего 800 000 и т. п. [8] Словом, в споре со мной главный народовольческий публицист окончательно вдался в те историко-социологические рассуждения, к которым так охотно прибегали некогда славянофилы в своих литературных стычках с западниками. В самом деле, наши славянофилы имели довольно точное понятие о борьбе классов: не даром же исторические взгляды многих из них складывались под сильным влиянием буржуазных историков «гнилого» Запада. Даже Погодин [9] совершенно определенно высказывался в том смысле, что западноевропейское общество было историческим продуктом многовековой классовой борьбы и что в более или менее близком будущем классовое господство *буржуазии* должно рухнуть под напором *пролетариата*. Но наша история шла, по мнению Погодина, совсем не так, как западная: у нас не было классов, не было классовой борьбы, и то, что на Западе достигается классовой борьбой, будет достигнуто у нас благодаря мудрому действию верховной власти. Революционные теоретики, вроде г. Тихомирова, почти целиком разделяли эту погодинскую философию русской истории, внося в нее лишь одну поправку: они объявляли, что наше общественное развитие совершалось и будет совершаться *вопреки* царской власти и благодаря здоровым инстинктам *народа* и прогрессивным стремлениям *интеллигенции*. Вот почему между тем, как славянофилы, вроде Погодина, приурочивали все свои упования на счастливое будущее к действиям *царского правительства*, революционные публицисты, вроде г. Тихомирова, всего ждали от действия *интеллигентных заговорщиков*. Но чем больше эти публицисты усваивали себе, — хотя и бессознательно, — существенное содержание славянофильской философии русской истории, тем более *взгляды их* утрачивали всякий революционный характер и тем более их революционные «*идеалы*» становились плодом простого и переходящего *настроения*. Это лучше всего видно на примере самого г. Л. Тихомирова: пока он сохранял свое революционное настроение, он оставался, — как я называл его еще в то время, — *взбунтовавшимся славянофилом* [10], а когда бунтовское настроение у него улетучилось, он поспешил войти в ту мирную гавань, в которой он почивает по сие время. Да и один ли г. Л. Тихомиров пережил подобное превращение?

Г-н Л. Тихомиров обрушился на социал-демократические взгляды группы «Освобождение труда» в статье «*Чего нам ждать от революции?*», напечатанной во второй книжке «*Вестника Народной воли*». Я ответил ему в книге «*Наши разногласия*» (см. стр. 237—535 этого тома [Собр. соч., т. II, стр. 89—356]). Теперь может, пожалуй, показаться странным, что я счел нужным ответить на его статью целой книгой. Но в борьбе с г. Тихомировым я должен был перейти в наступление, а, перейдя в наступление, я немедленно очутился в Авгиевых стойлах экономических предрассудков народничества, в которых мне поневоле пришлось замешкаться довольно долго. В примечании [ко второму изданию «Наших разногласий», в конце] на стр. 534 этого тома [Собр. соч., т. II, стр. 356] я говорю о том, к чему свелись те возражения, которые были сделаны мне редакцией «*Вестника Народной воли*». Здесь я прибавлю только, что мне было до последней степени неудобно писать за границей об экономических отношениях России: недостаток литературного материала страшно стеснял меня буквально на каждом шагу. Тем не менее, я смею утверждать, что дальнейший ход экономического развития России как нельзя лучше подтвердил все то, что я сказал об этом предмете в своей книге.

Один из «народовольцев» признавался мне, года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству. Ему надо было лично познакомиться со мной, чтобы убедиться в неосновательности своего предположения. Это достаточно характеризует прием, оказанный моей книге сторонниками старых воззрений в нашей революционной среде...

На этом останавливаться не стоит; полезнее будет сделать здесь следующие пояснения.

Когда я понял, к каким политическим выводам должно приводить

правильно понятое материалистическое объяснение истории, и когда я стал марксистом, я понял также и то, что душу марксизма составляет его *метод*. Я с восторгом читал и перечитывал слова молодого Энгельса в «Deutsch-Französischen Jahrbüchern» *: «Еще очень несовершенна та общественная философия, которая выдает два — три положения за свой конечный результат и предлагает «Моррисоновы пилюли» [11]. Нам не так нужны голые результаты, как *изучение*. Результаты без развития, которое ведет к ним, — ничто: это мы знаем уже со времен Гегеля. А результаты, которые фиксируются, как неизменные, и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже чем бесполезны» [12]. Поэтому и я не столько дорожил нашими тогдашними *«результатами»*, — т. е. практической программой группы «Освобождение труда», — сколько *методом* марксизма, его *точкой зрения*, огромные преимущества которой мне хотелось выяснить «русским социалистам». Я совершенно искренно говорил в своем открытом письме к П. Л. Лаврову: «Будущее нашей группы кажется Вам сомнительным. Я сам готов сомневаться в нем, поскольку речь идет о нашей группе как таковой, а не о тех воззрениях, которые она представляет» (см. стр. 229 этого тома [Собр. соч., т. II, стр. 101]) [13]. Под воззрениями я разумел здесь именно теорию Маркса, рассматриваемую с точки зрения ее метода. Еще лучше видно это из следующих строк:

«Мы указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции... эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственную революционную программу. В *этом смысле* будущее нашей группы вовсе не сомнительно...» (стр. 237 [Собр. соч., т. II, стр. 104]).

Наконец, в полном согласии с моим предпочтением метода результатам, я прибавлял:

«Повторяю, между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени. К тому же мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции (эти строки взяты из брошюры *«Социализм и политическая борьба»*). Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте, теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополнения, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши. Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с «Народной волей», но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия «Народной воли» *обязана* стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время».

При таком отношении к делу мы не могли не быть уступчивыми в том, что касалось *частностей*. Наиболее ярким примером нашей уступчивости может служить то, что было сказано мною в брошюре *«Социализм и политическая борьба»* по вопросу об общине. Для меня уже тогда совсем не было сомнения в том, что наша сельская община не обладает никакой внутренней силой, необходимой для ее перехода «в высшую форму общежития», как выражались народники. Но в то время, когда я писал названную брошюру, — т. е. летом 1883 года, — я готов был не то что отказаться от моего взгляда, — на это я, разумеется, никогда не согласился бы, — а не высказывать его в печатной полемике до тех пор, пока вопрос об общинном землевладении не подвергнется новому пересмотру *с точки зрения марксизма*. И я даже напоминал своим читателям о том, что вопреки уверениям народников, — которые искали в марксизме именно только «Моррисоновых пилюль», не замечая его метода, — Маркс нигде не давал раз навсегда готового и закостеневшего ответа на этот вопрос. К сожалению или к счастью, это мое сдержанное отношение к предмету ничему не помогло и ничего не облегчило. Из статьи г. Л. Тихомирова я увидел, что наши противники не только не понимают его, но и не хотят понять, а следовательно, и никогда не поймут. Поэтому в *«Наших разногласиях»* я заговорил уже другим языком. Но что и там я не был таким неуступчивым, каким меня сочли многие и многие читатели, это видно из сказанного мною там же о «терроризме». Я говорил, что мы «нисколько не отрицаем важности террористической борьбы, которая естественно выросла из наших социально-политических условий и так же естественно должна способствовать изменению их в лучшую сторону». В таком же духе высказывалась и написанная мною в конце 1883 г. «Программа социал-демократической группы Освобо-

* — «Немецко-французских ежегодниках». — *Ред.*

ждение труда» *. Так как впоследствии я стал, как говорят у нас, «отрицать террор», то мои противники высказывали ироническое сожаление о том, что я не остался при моем старом взгляде на него. Но тут они забывали то, чего забывать не следовало. Поскольку у меня в «*Наших разногласиях*» речь шла о рабочих кружках и об «интеллигентах», посвящавших им *свои* силы, я и там не одобрял террора по той простой причине, что мой предварительный революционный опыт показал мне, как сильно и быстро расстраивается, — благодаря террористическим увлечениям деятелей, — всякая организационная и агитационная деятельность в рабочей среде. Я и тогда хотел, чтобы «чаша сия» миновала то, что я называл «элементами» будущей нашей рабочей партии.

«Есть другие слои населения, — говорю я в этой книге, — которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством. Но помимо рабочих нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить раненое террористами политическое чудовище» **.

Но «элементы будущей рабочей партии» составляли тогда очень мало заметное и очень слабое меньшинство в нашей революционной среде. И не к ним и обращалась моя речь о «терроре». Она обращалась к тому *большинству*, которое свысока смотрело на «занятия с рабочими» и видело в «терроре» самый важный прием борьбы с царизмом. Я прекрасно знал, что это большинство, взятое в его целом, никогда не перейдет на точку зрения пролетариата, и что, поэтому, если бы оно отказалось от увлечения террором, на что рассчитывать тоже было тогда совершенно невозможно, то оно сосредоточило бы свою деятельность на совершенно уже бесплодных попытках «захватить власть». При таком их настроении нельзя было не считать «террор» наиболее производительной затратой сил *этой части нашей тогдашней «социалистической» партии*». Притом же моя уступчивость насчет предмета, по отношению к которому неуступчивость была бы во всех смыслах бесплодной, позволяла мне ожидать некоторой уступчивости со стороны, по крайней мере, некоторых народовольцев по вопросу

* Кстати кто-то, — если не ошибаюсь, Рязанов, — заметил, что выражение «Освобождение труда» неправильно и что следовало сказать: освобождение рабочих или рабочего класса. Это так, и это показывает, что лицо, сделавшее это замечание, помнило тождественное замечание Маркса в его знаменитых «Glossen» (комментариях) на проект программы немецкой социал-демократической партии. Но беда не очень велика. В немецком переводе устава Интернационала, сделанном, если не самим Марксом, то, весьма вероятно, под его редакцией, тоже говорится об освобождении труда [14]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Это было в 1880 г. Собрание русской революционной колонии в Париже. Председательствует П. Л. Лавров. Плеханов выступал против террора, как исключительного способа борьбы с самодержавием. Ему возражали народовольцы и другие. По окончании собрания к Плеханову подошел поэт Минский и говорит ему: «Что вы, Георгий Валентинович, так горячо спорите против террора, ведь недавно началась террористическая борьба с самодержавием, а нам уже дышать легче». На это Плеханов отвечает: «Видите, г. Минский, я ничего не имел бы против террора, если бы вы и ваши единомышленники им занимались, а нам, социалистам, сделалось от вашей деятельности легче дышать». Минский был очень сконфужен ответом Плеханова. — *Прим. Р. М. Плехановой.*

о марксизме вообще и о «занятиях с рабочими» в частности. Стало быть, мне нужно было уступать, и я уступал, можно сказать, до последнего предела.

Но скоро обстоятельства изменились: настроение «интеллигентных» революционеров сделалось иное, да к тому же становилось все более и более очевидно, что и «*ранить*»-то царизм сколько-нибудь серьезно может *только рабочий класс*, которому *неудобно* заниматься террором. Вот почему я счел своим политическим долгом предостеречь нашу нарождавшуюся социал-демократию от «террористических» увлечений. И я был бы очень рад, если бы меня убедили в том, что моя литературная деятельность не осталась без влияния с этой стороны. Но и это не значит, что я безусловно «отрицал» и «отрицаю террор». Повторяю, обстоятельства меняются, а террор — не принцип. Может быть, скоро придет такое время, когда я не менее энергично стану высказываться *в пользу террора*.

«Терроризм» — *не принцип*, а только прием борьбы. И когда я стану говорить за террор, тогда меня, пожалуй, опять упрекнут в противоречии; но те, которые упрекнут меня в нем, только покажут, что они способны усваивать лишь мои «пилюли», по необходимости изменяющиеся с изменением обстоятельств, — и не могут усвоить себе тот *метод*, который помогает мне понять *общий исторический смысл этих обстоятельств*.

Впрочем, об этом мы поспорим, если будет нужно, впоследствии, а теперь я хочу заметить еще вот что. Есть люди, одновременно упрекающие меня и за то, что я был слишком уступчив по отношению к партии, «господствовавшей» в начале восьмидесятых годов, и за то, что я стал спорить с ней, т. е. за то, что я выказал неуступчивость. Такая манера драть с одного вола две шкуры решительно противоречит всем правилам логики; лучше держаться какого-нибудь одного из этих двух упреков.

Если же кого интересует вопрос о размерах моей уступчивости (или неуступчивости), то я скажу, что *я ни уступчив, ни неуступчив*. Я — просто человек, преследующий известную цель и твердо решившийся употреблять для ее достижения такие приемы, которые в данный момент кажутся мне наиболее действительными.

Хочется мне еще напомнить, что те споры, которые нам, марксистам, пришлось вести с народниками и с «субъективистами» в девяностых годах, были в своей сущности лишь повторением того спора, который я вел в «нелегальной» литературе с г. Л. Тихомировым. Позиции борцов остались те же; только арена сделалась шире.

Еще два слова в заключение. Лассаль говорит в своей статье о Лессинге: «Всякое революционирование внешней действительности само остается внешним и теряется в песке, если духу не удается также справиться с исторически унаследованным внутренним содержанием, провести свой новый принцип через все инстанции и области и все их заново построить на основе этого принципа» [15]. С тех пор как я правильно понял марксизм, я всегда считал, что революционер изменяет самому себе и своему «новому принципу», если ограничи-

вается одним «внешним *революционированием*». Этим и объясняется мое будто бы излишнее пристрастие к *полемике*, этим объясняется также мой «догматизм», заставляющий меня решительно восставать против всяких попыток «*соединить Маркса*» с тем или другим из *идеологов буржуазии* или из *социалистов-утопистов*.

Флюэлен 26 августа 1905 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящая формулировка может навести на ошибочную мысль, будто существует преемственная связь между народническим и марксистским мировоззрением. Неправильная в корне, эта мысль опровергнута самим Плехановым в другой статье — «Предисловие к русскому изданию книги А. Туна». Полемизируя с Невзоровым, Плеханов говорит там: «В брошюре товарища Невзорова дело изображается так, как будто социально-политическое миросозерцание социал-демократов было сшито из искусно подобранных клочков разных других миросозерцаний, существовавших в предшествовавшие периоды. Пусть извинит меня товарищ Невзоров, но когда я прочитал его брошюру, русская социал-демократия на минуту явилась мне в образе гоголевской невесты, мысленно приставлявшей усы одного из своих многочисленных женихов к носу другого. Но в действительности она такой невестой *никогда, решительно никогда не была*. Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта*, освещенного ярким светом учения Маркса» (Соч., т. XXIV, стр.113).

[2] Полемике с итальянским революционером Джузеппе Мадзини посвящена книга Бакунина «La théologie politique de Mazzini et l'Internationale», Neuchâtel 1871 («Политическая теология Мадзини и Интернационал», Невшатель 1871).

[3] Во «Временном уставе» I Интернационала этот пункт сформулирован следующим образом: «Принимая во внимание... что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство...» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, 1936, стр. 13).

[4] Юрская федерация — союз горных секций швейцарской Юры, отколовшийся от I Интернационала под влиянием Бакунина, Гильома и других анархистов, входивших в состав своего собственного тайного альянса. Юрская федерация была центром анархической пропаганды; в противоположность лондонскому Генеральному совету I Интернационала, руководимому Марксом, Юрская федерация рекомендовала отказаться от участия в политической борьбе и заняться исключительно организацией и объединением профсоюзов. На состоявшемся в 1871 г. конгрессе юрцев в Сонвилье было принято обращение ко всем федерациям I Интернационала с призывом их к скорейшему созыву общего конгресса для выработки новых основ «безвластной» международной организации. В ответ на это Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала на Гаагском конгрессе, и юрцы созвали свой съезд в 1872 г., после которого открылся международный конгресс нового «антиавторитарного» Интернационала, просуществовавшего до начала 80-х годов.

Взгляды Юрской федерации изложены в книге «Mémoire de la Fédération Jurassienne», вышедшей в Sonvillier в 1873 г.

[5] *Дюринг*, Евгений (1833—1902) — немецкий экономист и философ, ярый противник Маркса и научного социализма. Уничтожающую критику взглядов Дюринга дал Энгельс в своем «Анти-Дюринге». Взгляды Дюринга на соотношение политики и экономики сводятся к ряду формул, цитируемых Энгельсом в главе «Теория насилия» второй части «Анти-Дюринга». Например: «Форма *политических* отношений составляет *основу истории*, *экономическая* же зависимость есть явление *производное* или частный случай, а потому *всегда* остается *второстепенным* фактом... хотя эти второстепенные экономические отношения, как таковые, производят, конечно, свое действие и в настоящее время особенно дают себя чувствовать, тем не менее *первоначальный фактор надо искать в непосредственной политической силе*, а не в косвенном действии экономического могущества» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIV, 1931, стр. 161).

Газета «Народная воля» не упоминает имени Дюринга, но высказывает взгляды, почти буквально повторяющие его слова. Плеханов в своей работе «Социализм и политическая борьба» цитирует одно место из статьи Лаврова «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», напечатанной в «Календаре Народной воли», стр. 191, где говорится, что «Народная воля» склонна была «даже к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента общественного строя на экономический» (Соч., т. II, стр. 69—70).

Позднее, в 1903 г. в примечании к статье «Почему и как мы разошлись с партией «Народной воли» Плеханов приводит свой разговор с одним из видных членов Исполнительного комитета «Народной воли», который сказал ему: «Мы, собственно говоря, ничего не имеем против Маркса, но мы думаем, что наша программа больше подходит к учению Дюринга» (Соч., т. XIII, стр. 28).

[6] *Ткачев*, Петр Никитич (1844—1885) — представитель революционного народничества 60—70-х годов, пропагандировавший бланкизм. В 1869 г. привлекался по делу Нечаева, в 1873 г. эмигрировал и в 1875—1876 гг. издавал журнал «Набат». В 1874 г. Ткачев написал свое известное «Открытое письмо к Ф. Энгельсу», в котором доказывал, что в России легче совершить социалистическую революцию, чем на Западе, так как у нас нет ни пролетариата, ни буржуазии и придется бороться только с политической властью, а не с властью капитала. При этом он утверждал, что русское самодержавие не выражает интересов какого-либо сословия, что наше государство — это только кажущаяся сила, не имеющая корней в настоящем. Энгельс блестяще опроверг все эти утверждения Ткачева в статье «Социальные отношения в России», помещенной в 1875 г. в «Volksstaat» (см. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935).

[7] *Тихомиров*, Лев Александрович (1852—1922) — член Исполнительного комитета «Народной воли» и редактор ее изданий, один из теоретиков народовольчества, впоследствии ренегат. В 1888 г. подал прошение о помиловании, в 1889 г. вернулся из эмиграции и вскоре стал идеологом самодержавия, сотрудником и редактором «Московских ведомостей» и других реакционных органов.

Плеханов полемизировал с Тихомировым-народовольцем в брошюре «Наши разногласия», написанной в 1884 г., и с Тихомировым-ренегатом в статьях «Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером» и «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова», относящихся к 1889 г.

[8] Тихомиров говорит это в своей статье «Чего нам ждать от революции?» — «Вестник Народной воли», № 2, стр. 252—253.

[9] *Погодин*, Михаил Петрович (1800—1875) — русский историк, публицист. Погодин начал свою деятельность как передовой для своего времени историк, но скоро скатился на реакционные позиции «самодержавия, православия и народности» и стал развивать казенно-охранительский взгляд на историческую науку, как на «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия». Плеханов подробно развивает приведенные в тексте мысли о Погодине в своей статье «М. Н. Погодин и борьба классов» (Соч., т. XXIII).

[10] Плеханов употребляет это выражение в «Наших разногласиях», в следующем тексте: «...русские программные вопросы до такой степени исключительно приурочивались к нашей «самобытности», что нельзя считать напрасной тратой времени попытку рассмотрения этих вопросов с той точки зрения, с которой *самобытность* оказывается лишь славянофильством, или «без лести преданным», или взбунтовавшимся и перебежавшим в революционный лагерь» (Соч., т. II, стр. 272).

[11] Пилюли, изобретенные Моррисоном, якобы излечивающие от всех болезней.

[12] Цитата из статьи Энгельса «Die Lage Englands» («Положение Англии»), напечатанной в «Deutsch-französischen Jahrbüchern» в 1844 г. (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. II, 1931, стр. 335—336).

[13] Плеханов писал это в «Письме к Лаврову», предпосланному «вместо предисловия» его брошюре «Наши разногласия» (см. ниже его перепечатку). Из того же письма взяты и следующие две цитаты.

[14] «Glossen» (глоссы) — замечания между строк и на полях. Плеханов говорит здесь о замечаниях Маркса на полях «Готской программы», имея в виду следующий пункт программы, подвергнутый Марксом критике:

«Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*».

Маркс снабдил этот пункт таким замечанием: «Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, но подверглась «улучшению». Там сказано: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», здесь же, напротив, рабочий класс должен освобождать — что? — «труд». Пойми, кто может» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935, стр. 276).

Тем не менее выражение «освобождение труда» имеется во «Временном уставе» I Интернационала, вступительные слова которого приведены Марксом в его замечании. «Принимая во внимание... что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, — говорится там, — а социальная, охватывающая все страны... (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 13—14).

[15] Цитата из статьи Лассаля «Готтольд Эфраим Лессинг» (Соч., т. III, изд. Н. Глаголева, Спб., б. г., стр. 240).

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

(Перевод с немецкого)

Настоящая статья была написана Плехановым в 1909 г. для немецких читателей. Поводом к ее написанию послужило письмо редакции центрального органа немецкой социал-демократической партии «Vorwärts», обратившейся к Плеханову со следующей просьбой (даем в переводе неопубликованное письмо, сохранившееся в архиве):

19 января 1909.

Дорогой товарищ,

В конце марта мы празднуем двадцатипятилетнюю годовщину нашей газеты. Поэтому мы просим вождей социалистического движения всех стран написать нам статьи для этого номера. От Вас мы рассчитываем получить статью о начале социалистического движения в России (около 200 строк). Мы уверены, что Вы напишете для нас эту статью, которую нам нужно иметь в руках самое позднее 12 марта...

С выражением братской преданности
Редакция «Форвертс».

В следующем письме, уже от 4 марта, редакция благодарит Плеханова за «любезное обещание написать статью для юбилейного номера».

Плеханов сдержал свое обещание, и в юбилейном номере «Vorwärts», № 76 от 31 марта 1909 г., появилась его статья «Die Anfänge der sozialdemokratischen Bewegung in Russland». По-русски она была напечатана впервые только посмертно, в журнале «Воинствующий материалист», 1925, кн. III. В 1928 г. она появилась во французском переводе на страницах журнала «La nouvelle revue socialiste». В Собр. соч. Плеханова статья вошла в т. XXIV, стр. 174—182, откуда и производится перепечатка.

Несмотря на то, что эта статья, как и предыдущая, выходит за хронологические рамки настоящего сборника, мы считаем ее помещение в введении к этому сборнику вполне целесообразным, так как в ней Плеханов бросает ретроспективный взгляд на прошлое нашего революционного движения.

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа «Освобождение труда». И первым литературным произведением этой

группы была брошюра автора этих строк: «Социализм и политическая борьба».

Разумеется, эта брошюра предназначалась для распространения в России, и по пути в Россию ей предстояло преодолеть все препятствия, которые русское правительство чинило (да собственно и сейчас еще чинит, несмотря на пресловутый манифест 30 октября 1905 г.) [1] проникновению в нашу страну подобного рода литературных произведений.

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, состояло в другом. Оно заключалось в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Эта предубежденность хорошо известна была Марксу и Энгельсу. Когда Аксельрод и я, вскоре после Парижского международного конгресса, в 1889 г. в Лондоне встретились с Энгельсом, он нам сказал, что, пожалуй, было бы осторожнее с нашей стороны, если бы мы не называли себя социал-демократами. «Ведь и мы тоже, — прибавил он, — сначала называли себя не социал-демократами, а коммунистами».

Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее «социально-революционными» противниками. Кроме того, название социал-демократии имело в наших глазах не малое практическое значение. Если русский сознательный пролетарий будет называть себя социал-демократом, то он легче будет понимать, что речь идет об его идейных единомышленниках, когда он будет читать в газетах об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии. Ибо сведения об этих успехах проникали даже в находящуюся под гнетом цензуры русскую печать. Мы изложили Энгельсу наши соображения, и он нашел их основательными.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоих течений, существовавших в нашем движении до образования группы «Освобождение труда». Одно из этих течений связано с именем П. Л. Лаврова, другое — с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он всегда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и *никогда* не выступал ни *против социал-демократии* вообще, ни против германской социал-демократии в частности. Но он *никогда* также не защищал ее от нападок анархистов. «Друг Петр», — как назвал его Энгельс в своей направленной против него статье «Об эмигрантской литературе» в газете «Volksstaat» [2], — был эклектиком до мозга костей и не в состоянии был занять определенную позицию в происходившей в Интернационале борьбе между бакунистами и марксистами. В своей газете «Вперед!» он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука об руку с анархистами. Эти смехотворные ламентации по поводу борьбы социал-демократов с анархистами и послужили поводом к вышеупомянутой полемической статье Энгельса в «Volksstaat» [3].

Лавров обеими ногами стоял на почве *утопического социализма*. Его взгляд на историю был чисто *идеалистический*. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних *экономических отношений* России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду *«чистого социализма»*. Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его как опасное отклонение от мирной *пропагандистской деятельности*. Этой причины вместе с его неисправимым эклектизмом было совершенно достаточно, чтобы его влияние на русскую революционную молодежь быстро пришло к концу *. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником *исторического материализма, положил этот анализ в основу* своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Он исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того, он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития *капитализма* и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная *агитация* и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести такую агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия.

Мы видели, таким образом, что «бунтарство» (народничество) в отношении своего идейного содержания хромало на обе ноги. Но бунтари имели большое преимущество: это были энергичные *люди дела*. И чем настойчивее они пытались осуществить свое дело, чем больше энергии они проявляли в своей агитации в народе, тем от-

* Тогдашние революционеры рекрутировались почти исключительно из рядов учащейся молодежи. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

четливее выступало непримиримое противоречие между логикой их учения и объективной логикой русской общественной жизни.

Будучи верны заветам Бакунина, они хотели бороться с «государством». Но в России им приходилось бороться не с государством как с таковым, не с понятием государства, а *с конкретным русским полицейским государством*. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую «политику» изменой *революции*, неминуемо приобретала определенный *политический* характер. Логика общественной жизни вынуждала русских революционеров сделать то, что им, с точки зрения их теорий, представлялось изменой.

Мало того. Наши «бунтари» возлагали свои надежды на *крестьян*, которых они считали прирожденными коммунистами. Пролетариат промышленных центров интересовал их лишь постольку, поскольку он мог помочь сохранить или восстановить связь с деревней. Те же элементы его, которые всецело утратили эту связь, представлялись им чисто отрицательным общественным явлением — печальным продуктом разрушения старых экономических «основ» народной жизни. Но деревенский «прирожденный коммунист» оставался глух ко всем революционным призывам, между тем как промышленный пролетариат уже тогда охотно к ним прислушивался. Так произошло то, что люди, считавшие своей исключительной задачей вести *агитацию среди крестьянства*, с удивлением увидели, что серьезные успехи они могут отметить только среди *рабочих*. Логика общественных отношений и здесь находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины.

Но и это еще не все. Учение бунтарей гласило, что освобождение народа может быть делом только самого народа *. Но революционная агитация, наталкивавшаяся на огромные политические затруднения, все более и более вырождалась у нас в так называемый *терроризм*, т. е. в поединок горсти готовых на все революционеров с правительством. Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западноевропейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроризме блестящее выражение *мощи* революционного движения в России [4]. В действительности же терроризм был признаком *слабости* его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они *убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством*. Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния.

Достаточно было нескольких лет агитационной *практики*, чтобы от *теории* бунтарей не осталось камня на камне. Наши тогдашние революционные теоретики, — к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, — метались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

* Так формулировали тогда в России известный лозунг Интернационала, согласно которому освобождение рабочих должно быть делом только самих рабочих. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все прорехи старой теории; с особенным увлечением занялся этим Лев Тихомиров, бывший тогда одним из выдающихся публицистов партии «Народной Воли», а ныне ставший главным редактором архи-реакционной газеты «Московские ведомости». Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего «нелегального» положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западноевропейским движением и западноевропейским *научным социализмом*.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич, — одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы, — затем П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов [5] и я. Каждый из нас принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи.

Сначала мы были рассеяны по разным странам Западной Европы; но достойно внимания то, что как бы мы ни были удалены друг от друга, — так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я — в Париже, — наши умственные интересы всегда сосредоточивались в одном и том же направлении — в направлении социал-демократической теории, т. е. марксизма. Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест» [6].

Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое *развитие русского капитализма*, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь

для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

Last but not least *: эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции, — именно *борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма*.

Эта теория указывала также, какие условия необходимы для успешности этой борьбы. Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в *классовое движение* пролетариата, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Таковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре «Социализм и политическая борьба», эпиграфом для которой я взял слова «Коммунистического манифеста»: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

У меня нет ни желания, ни возможности рассказать здесь подробно о том, каким ожесточенным нападкам подвергались тогда наши социал-демократические ереси. Я хочу лишь указать на то, что П. Л. Лавров выражал свое недовольство ими и что Л. Тихомиров (в женевском органе — «Вестник Народной воли», 1884) высказывал всяческие подозрения относительно наших идей, стараясь представить их, как примирение с существующим строем [7]. На нападки Лаврова и Тихомирова я ответил своей книгой «Наши разногласия», в которой подверг анализу экономические отношения России на основании доступных мне тогда статистических данных и доказывал, что развитие капитализма в России, которое так пугало наших противников, является делом не более или менее проблематического будущего, что оно уже *происходит в настоящее время* и неизбежно *принимает все более широкие размеры*.

Наши противники не могли ничего возразить против наших экономических и статистических доводов. С тем бо́льшим жаром возвещали они urbi et orbi ** о нашей готовности поступить на службу к капитализму.

Дон-Базиль говорит у Бомарше: «Клевещите, клевещите, — от клеветы всегда что-нибудь да останется» [8]. От клеветы, которую главным образом распространял против нас Тихомиров, надолго остался против нас предрассудок, что мы будто бы готовы были взять на себя роль прислужников капитала. Вплоть до середины девяностых годов это утверждение находило в «легальной» литературе свое выражение в писаниях Н. Михайловского и его единомышленников. Один из них, С. Н. Кривенко, утверждал даже, что последовательным марксистам в России ничего больше не остается, как сделаться деревенскими ростовщиками или кабатчиками. Я вынужден был ответить этим господам (под псевдонимом Бельтова) в моем сочинении «К вопросу

* Последнее, но не наименее важное. — *Ред.*

** — всюду и везде. — *Ред.*

о развитии монистического взгляда на историю», вышедшем в Петербурге в начале 1895 года *.

Если старые предрассудки революционеров упорно были против нас, зато вся экономическая и политическая действительность России была решительно за нас. Каждый новый шаг в развитии этой действительности доказывал правильность наших взглядов, и мы твердо держались за них, не давая вводить себя в заблуждение направленными против нас возражениями.

Впрочем, наши идеи очень скоро встретили сочувственный отклик в России. Еще весной 1884 г. в Петербурге образовалась группа, поставившая своей задачей распространение социал-демократических идей среди петербургских рабочих. Эта группа выпустила даже несколько номеров напечатанной в нелегальной типографии газеты «Рабочий» [9]. Группа эта состояла из так называемых *интеллигентов*. А в 1887 г. одесские рабочие собрали между собой около 20 рублей для поддержки наших изданий. Мы были глубочайшим образом тронуты этим взносом [10].

Однако вторая половина восьмидесятых годов была периодом упадка революционного движения, энергия которого была исчерпана напряженностью предыдущего десятилетия. По этой причине наши идеи, несмотря на единичные успехи, должны были пройти через известный подготовительный период, который затянулся до самого начала девяностых годов. Голод 1891 г. послужил сигналом для нового подъема революционного движения. И только тогда стало ясно, какое широкое распространение нашли себе наши идеи за время этого подготовительного периода. Я мог бы указать на *целый ряд образовавшихся тогда групп «народовольцев», которые в своих писаниях*, к ужасу «старых народовольцев», дословно повторяли наши взгляды [11]. О рабочих и говорить не приходится: классово-сознательные элементы их безоговорочно становились под знамя социал-демократии **. Мы вполне можем воскликнуть вместе с Гамлетом: «Ты хорошо роешь, крот!»

Своеобразие нашей истории последнего времени заключалось в том, что даже *европеизация идей нашей буржуазии происходила под флагом марксизма*: идеологи прогрессивной буржуазии, с г. П. Струве во главе, некоторое время рядом с нами боролись с публицистами народничества. В борьбе с народниками, которые к этому времени пришли в жалкое состояние и потеряли всякий революционный облик, идеи Маркса были решающим оружием. Поэтому ими пользовались не только идеологи пролетариата, но и идеологи буржуазии. Между тем последним теория Маркса нужна была только для борьбы с народниками. Как только эта борьба была закончена, буржуазные публицисты поспешили отречься от учения Маркса. В нашей «легальной»

* Под «монистическим взглядом на историю» я понимал исторический материализм, который я, однако, не хотел назвать своим именем, чтобы не дразнить цензуру. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Считаю своим долгом отметить здесь, что для распространения социал-демократических идей особенно много было сделано еврейскими рабочими. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

литературе началась «ревизия» марксизма, которая зашла у нас дальше, чем где бы то ни было.

Эта «ревизия», разумеется, нисколько не удивила и не огорчила нас. Нам достаточно того, что социал-демократическое знамя стало в настоящее время знаменем всех классово-сознательных элементов русского пролетариата и что события 1905—1906 гг. полностью подтвердили правильность того нашего убеждения, которое я еще в 1889 г. на Парижском международном конгрессе выразил словами: «Революционное движение в России восторжествует только как революционное движение рабочих или не восторжествует совсем». В настоящее время банальные, опровергнутые народнические догмы не собьют больше с истинного пути русских рабочих. Рабочие теперь в общем и целом понимают стоящие перед ними социально-политические задачи. Этим *пониманием они в значительной степени обязаны теории и практике германского рабочего движения.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Манифест 17 октября 1905 г., обычно датируемый по старому стилю.

[2] «Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган германской социал-демократической партии (эйзенахской), выходивший в Лейпциге в 1869—1876 гг. под редакцией В. Либкнехта, а во время его двухлетнего заключения (1872—1874) — под редакцией В. Блоса.

[3] В статье «Эмигрантская литература» Энгельс говорит о Лаврове, что с его эклектической точки зрения «...вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собою должны показаться чистыми пустяками, служащими лишь для того, чтобы радовать их врагов». И дальше, говоря о постоянном стремлении Лаврова к единению всех социалистов и переходя к вопросу о расколе в «Интернационале» между его марксистской и анархистской частью, Энгельс пишет: «Когда попытки бакунистов посредством фальшивых махинаций, лжи и обмана подчинить Интернационал своему господству вызвали пресловутый раскол в этом Товариществе, — «Вперед» и тогда взывал к единству. Этого единства, конечно, можно было достигнуть, лишь сразу отдавшись на волю бакунистов и предав Интернационал, связанный по рукам и ногам, их тайному заговору» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935, стр. 231, 232).

[4] Высказывания Маркса и Энгельса о русской революции, относящиеся к периоду террористической деятельности «Народной воли», мы находим в предисловии к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1882 г. В этом предисловии говорится: «Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, а Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» (Соч., т. XV, стр. 601). Значительно более подробно на ту же тему высказывается Энгельс в своем письме к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 461—463). В этом письме Энгельс трактует вопрос о возможности захвата власти «Народной волей» и о последствиях такого захвата. «То, что я знаю или думаю, что знаю о положении в России, — пишет он, — склоняет меня к тому мнению, что русские приближаются к своему 1789 г.: революция *должна* разразиться в течение определенного времени; но она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта [т. е. со дня убийства Александра II. — *Ред*]. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, — другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и освободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую... люди, которые подожгли фитиль, будут сметены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и сопротивлений». И дальше: «По-моему, важно, чтобы в России был дан толчок для того, чтобы революция разразилась... стоит в такой стране начаться 1789 г., как за ним не замедлит последовать 1793».

Из этих цитат совершенно ясно, что Энгельс (как и Маркс в начале 80-х годов) делал ставку на крестьянскую революцию в России, считая в то же время, что она может быть развязана захватом власти революционной организацией в лице Исполнительного комитета «Народной воли». Таким образом, «мощь» революционного движения вожди мирового пролетариата усматривали в массовом народном восстании, а отнюдь не в террористической деятельности народовольцев самой по себе.

[5] *Игнатов*, Василий Николаевич (1854—1885) — землеволец, потом черно-переделец и, наконец, один из основателей и член группы «Освобождение труда». Располагая некоторым состоянием, Игнатов оказывал материальную поддержку всем организациям, в которых участвовал. В частности группа «Освобождение труда» на его средства начала издавать «Библиотеку современного социализма». Несмотря на то, что Игнатов умер уже в 1885 г., его имя сохранилось в истории, как имя одного из пятерых создателей группы «Освобождение труда».

[6] «Манифест коммунистической партии» в переводе Плеханова и с его предисловием вышел в 1882 г. в издательстве «Русской социально-революционной библиотеки», в редакционную комиссию которой входили Гартман, Лавров и Морозов.

[7] Тихомиров развивал эти взгляды в статье «Чего нам ждать от революции», где он говорил «о том направлении, которое считает исторической неизбежностью русский капитализм», полагая, что «с этой точки зрения,— только один шаг остается до прямого содействия капитализму» (см. «Вестн. Нар. воли», № 2, стр. 235 и сл.).

[8] Из комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

[9] Речь идет о первой социал-демократической группе в России, основанной в 1884 г. и известной под названием группы Благоева.

[10] О том, какое значение придавалось в то время получению из России, от рабочей группы даже такой ничтожной суммы, свидетельствует письмо Степняка-Кравчинского к Засулич, написанное накануне Парижского международного социалистического конгресса, 31 мая 1889 г. В этом письме Степняк предлагает группе «Освобождение труда» послать своего представителя на конгресс и сообщает, что написал о том же Лафаргу, мотивируя свое предложение тем, что эта группа единственная, удовлетворяющая требованиям, имеющая свой орган и «состоящая в органической связи с группами рабочих», разделяющих ее взгляды «и даже посылающих ей деньги, собранные из их взносов (о 15 рублях мы слышали. Может быть теперь и больше стало?)» (сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 235).

[11] Речь идет о группах молодых народовольцев, которые возникали, начиная с середины 80-х и до середины 90-х годов, и, хотя очень быстро проваливались, но успевали выявить свое политическое лицо, значительно отличавшееся от лица «Народной воли». Так, уже группа Якубовича (поэта П. Я.) требовала в 1884—1885 гг. усиления работы в массах, а группы 90-х годов уже отчасти приближались по своим взглядам к социал-демократии.

СТАТЬИ 1882—1894 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

Настоящее предисловие, написанное в конце 1881— начале 1882 г., несмотря на небольшой объем, заключает уже в сжатом виде основные положения марксизма, пропаганде которых были посвящены первые большие работы Плеханова как главного теоретика группы «Освобождение труда». Плеханов сам говорит об этом в одном из своих позднейших неопубликованных писем к Н. А. Рубакину. В письме от 12 октября 1910 г. он пишет: «Я стал марксистом не в 1884, а уже в 1882 г.»

О том, каково было впечатление, произведенное на Плеханова «Манифестом» и какое значение он придавал его изданию на русском языке, мы узнаем из его собственного свидетельства, относящегося к 1909 г. (см. выше статью «Первые шаги социал-демократического движения в России»).

Манифест вышел в переводе Плеханова и с его предисловием в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Издательство это было предпринято Плехановым совместно с П. Л. Лавровым в 1880 г. с целью теоретической пропаганды социализма. В редакцию его вошли народовольцы — Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров и Н. А. Морозов. Однако это совместное предприятие просуществовало недолго ввиду значительных принципиальных разногласий между народовольцами и будущими членами группы «Освобождение труда». Последней были выпущены в издательстве «Русской социально-революционной библиотеки» всего две брошюры — «Наемный труд и капитал» Маркса и «Манифест коммунистической партии». До 1882 г. на русском языке существовало единственное издание «Манифеста» в переводе М. А. Бакунина, напечатанное в Лондоне в 1870 г. в типографии «Колокола». Маркс и Энгельс в своем предисловии к русскому изданию 1882 г. пишут об этом лондонском издании, правда, относя его ошибочно к началу шестидесятых годов: «В то время русское издание Манифеста могло казаться на Западе не более, как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935, стр. 600).

Работа Плеханова над переводом «Манифеста», как и участие его в этом издании, в выборе приложений к нему, снабжении его предисловием авторов и т. д. отразились в переписке Плеханова с Лавровым, опубликованной в журналах «Дела и дни», № 2, 1921, и «Литературное наследство», № 19—21, 1935. Получив от Лаврова экземпляр «Манифеста» в издании 1872 г., Плеханов благодарит его за присылку этого экземпляра, так как в нем имеется предисловие авторов к новому изданию. «Это предисловие, — пишет Плеханов, — навело меня на мысль попросить Маркса или Энгельса написать к нашему переводу новое, более полное

предисловие. Как вы об этом думаете? Издание выиграло бы через это очень немало. Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу, так как к Вашей просьбе он отнесется с гораздо большим вниманием, чем ко всякой другой. Сообщите, пожалуйста, мне о Вашем решении. Я думаю прибавить и к нашему изданию перевод Устава Международного товарищества рабочих и некоторые выдержки из «Первого Манифеста» этого товарищества. Но ни того, ни другого у меня пока нет». Повидимому, Лавров сообщил Плеханову о болезни Маркса, так как в одном из следующих писем Плеханов говорит: «Что касается до предисловия к Манифесту, то ведь его мог бы написать и Энгельс. Он такой же автор Манифеста, как и Маркс, и, кажется, совершенно здоров и по настоящее время. Как Вы думаете, не обратиться ли к нему?» («Дела и дни», № 2, стр. 88—90). Письмо Марксу было написано не Лавровым, а Засулич. В ответ на него Энгельс и прислал их общее предисловие.

В результате этих переговоров русское издание «Манифеста» вышло в 1882 г. в следующем виде: 1) Несколько слов от переводчика [Плеханова]; 2) Предисловие авторов к русскому изданию, датированное 21 января 1882 г.; 3) Предисловие авторов к немецкому изданию 1872 г.; 4) «Манифест коммунистической партии» [в переводе Плеханова]; 5) Приложения: а) отрывок из «Гражданской войны во Франции» Маркса и б) отрывок из «Устава Международного товарищества рабочих», составленного Марксом [оба отрывка, по всей вероятности, тоже в переводе Плеханова]. Выход «Манифеста» был отмечен Энгельсом в его письме к П. Л. Лаврову от 28 января 1884 г. «Женевские русские издания «Манифеста» и т. д., — писал он, — меня очень порадовали» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 349).

Перепечатка производится с издания «Манифеста» 1882 г. В Собр. соч. Плеханова предисловие вошло в т. I, стр. 150—152.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такою громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста коммунистической партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху * в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма. Едва ли нужно, поэтому, объяснять мотивы, побудившие «Русскую социально-революционную библиотеку» издать «Манифест» на русском языке. Достаточно сказать, что вышедший в шестидесятых годах русский перевод его представляет собою теперь библиографическую редкость в полном смысле этого слова. Кроме того, в перевод этот закралось, как нам кажется, несколько неточностей, мешавших правильному пониманию мыслей авторов. Мы решились сделать новый перевод этого великого, хотя и не объемистого, произведения, которое разошлось в огромном количестве экземпляров во всех цивилизованных странах и несомненно получило бы еще большее распространение, если бы образованные

* В Соч. Плеханова, т. I, Женева, 1905 и в Собр. соч., т. I: «начал новую эпоху». — *Ред.*

представители господствующих классов продолжали интересоваться наукой даже в том случае, когда выводы ее противоречат их интересам и предрассудкам.

Нам казалось, что издание русского перевода «Манифеста коммунистической партии» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движение окончательно уже выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом и вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом. Взаимная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в «Манифесте» с полною ясностью. Авторы его сочувствуют «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений». Но, отстаивая ближайшие, непосредственные цели всякого революционного движения, они в то же время не упускают из виду его «будущности». Поэтому «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая» и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы всякого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации русского рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время. Русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащейся молодежью, мыслящим пролетариатом и т. п. Рабочие наших промышленных центров, в свою очередь, начинают «мыслить» и стремиться к своему освобождению. Несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих не только не разрушаются, но принимают все более широкие размеры. Вместе с этим расширяется социалистическая пропаганда, растет спрос на популярные брошюры, излагающие основные положения социализма. Было бы очень желательно, чтобы имеющая возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учений Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма.

Правда, у нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западноевропейских товарищей. Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада.

Скажем теперь несколько слов о «приложениях», помещенных нами в конце книги. В своем предисловии к немецкому изданию 1872 г. авторы «Манифеста» указывают на опыт Парижской Коммуны, «показавшей, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей». При этом они ссылаются на брошюру «Гражданская война во Франции», в которой вопрос о развитии и значении современной государственной власти рассматривается подробнее. Ввиду того что русское издание этой брошюры теперь уже совершенно разошлось, мы решили приложить к «Манифесту» перевод указанного авторами места из «Гражданской войны во Франции». Что касается «Устава Международного товарищества рабочих», то мы считали его интересным дополнением к «Манифесту» потому, что это знаменитое товарищество представляет собою в высшей степени плодотворный опыт международной организации рабочего класса на началах, впервые развитых в «*Манифесте коммунистической партии*». Несмотря на непродолжительность своего существования, Международное товарищество рабочих сделало свое дело, скрепивши «братскими узами солидарности» социалистические партии всего мира.

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КОПЕНГАГЕНЕ В 1883 г.

Копенгагенский съезд немецкой социал-демократической партии был ее вторым нелегальным съездом со времени издания исключительного закона против социалистов, действовавшего с октября 1878 до января 1890 г. Заседания конгресса происходили от 29 марта по 2 апреля 1883 г. Конгресс, состоявшийся в такой тяжелый момент для партии, загнанной в подполье и только что потерявшей своего великого вождя, К. Маркса, должен был вызвать сочувственный отклик со стороны будущих членов группы «Освобождение труда», с особенным вниманием и интересом следивших за борьбой и победами наиболее сильной в то время социалистической партии мира.

Приветствие было опубликовано на немецком языке в центральном органе немецкой социал-демократической партии «Sozial-demokrat» под заголовком «Adressen an den Kopenhagener Kongress der deutschen Sozial-demokratie», в № 19, от 3 мая 1883 г. По-русски оно появилось, уже как посмертная публикация, в журнале «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6. В Собр. соч. оно вошло в т. II, стр. 9, откуда и производится перепечатка.

Дорогие товарищи!

Несколько русских социалистов, живущих в Женеве и Цюрихе, уполномочили нас выразить немецкой социал-демократии, в лице делегатов конгресса, живейшие симпатии и в то же время искреннейшие пожелания, чтобы конгресс достиг в своей работе для общего дела

пролетариата самых благотворных результатов. Мы и наши братья пользуемся этим случаем, чтобы выразить нашу глубокую скорбь по поводу смерти Карла Маркса, великого учителя и наставника всемирного пролетариата [1]. Мы целиком присоединяемся к словам глубокого уважения и почтения, которые товарищ наш Петр Лаврович Лавров сказал у могилы великого усопшего [2]. И мы твердо убеждены, что преждевременная смерть духовного вождя международного пролетариата для русского социально-революционного движения представляет такую же незаменимую потерю, как и для рабочего движения более передовых стран. Мы позволяем себе, поэтому, выразить желание, чтобы конгресс немецкой социал-демократической партии взял на себя инициативу международного сбора для сооружения памятника, который был бы достоин великого пионера современного социализма и свидетельствовал бы об уважении к нему социалистов всех стран, а также инициативу создания фонда для *народного издания* всех сочинений Маркса.

В заключение просим вас принять уверения, что мы с напряженнейшим вниманием следим за борьбой немецкой социал-демократии и с радостью приветствуем всякий шаг вперед в ее международном влиянии и всякий успех ее внутри самой Германии.

Да здравствует социал-демократия Германии и всех стран!

Г. Плеханов.
П. Аксельрод.
Вера Засулич.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маркс умер 14 марта 1883 г.

[2] П. Л. Лавров не присутствовал на похоронах Маркса, состоявшихся в Лондоне 17 марта 1883 г., но прислал из Парижа обращение, оглашенное зятем Маркса, Лонге. Это обращение, написанное на французском языке, было озаглавлено «На могилу Карла Маркса от русских социалистов». «От имени всех русских социалистов, — говорилось там, — шлю последний прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплоататоров пролетариата.

Русские социалисты склоняются перед могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы... Русский язык был первым, на котором появился перевод «*Капитала*» — этого евангелия современного социализма... Даже самые яростные противники, которых он встретил в рядах революционных социалистов, не могли, однако, не внять великому революционному призыву, который Маркс и Ф. Энгельс, друг всей его жизни, бросили тридцать пять лет тому назад:

«*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху» (Цит. по Собр. соч. *Маркса* и *Энгельса*, т. XV, 1935, стр. 654).

ОБ ИЗДАНИИ «БИБЛИОТЕКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА»

Объявление об издании «Библиотеки современного социализма», датированное 25 сентября 1883 г., является документом исключительной важности в истории группы «Освобождение труда». После разрыва с народовольцами, отказа Плеханова

участвовать в редакции «Вестника Народной воли» и непринятия «Вестником» его статьи «Социализм и политическая борьба» группа бывших чернопередельцев решила окончательно обособиться и выступить самостоятельно под социал-демократическим знаменем. Печатаемое «Объявление» было первым шагом вновь организованной группы, ее кратким символом веры, извещением о ее возникновении и о ее задачах. Основной из этих задач была пропаганда идей научного социализма и критика господствовавших в России народнических направлений, для чего группой и создавалось издательство под названием «Библиотека современного социализма».

Знакомство с теорией научного социализма и с практикой западноевропейского рабочего движения, сыгравшее громадную роль в переходе Плеханова и его единомышленников на марксистские позиции, сочеталось с двумя очень существенными моментами. С одной стороны, это было крушение теории и практики народовольчества, ставшее очевидным вскоре после убийства Александра II, с другой — начавшееся в 80-х годах оживление рабочего движения в России, выразившееся в организованных выступлениях рабочих масс.

Несмотря, однако, на всю закономерность оформления нового течения в русском революционном движении, первые шаги его были связаны с преодолением огромных трудностей. Новая группа не имела еще ни последователей, действующих в России, ни материальных средств и, кроме того, ей противостояла, хотя уже фактически обанкротившаяся и сходившая на-нет, но еще пользовавшаяся большой популярностью как в России, так и за границей, партия «Народной воли». В такой неблагоприятный для новой организации момент и было ею составлено печатаемое «Объявление».

Группа бывших чернопередельцев (будущих основателей группы «Освобождение труда») в начале 80-х годов усиленно пропагандировала идею объединения всех революционных течений с единственной действовавшей в то время в России партией «Народной воли». Переговоры об объединении шли и в эмиграции. Но здесь бывшие чернопередельцы наткнулись на серьезное препятствие: народовольцы соглашались на вступление их в партию, но поодиночке, а не всей группой, как того требовали Плеханов и его друзья, которые учитывали свои разногласия с народовольцами и принципиальную неустойчивость последних. Этот инцидент послужил последним толчком, заставившим бывших чернопередельцев решиться на крайне рискованный в тот момент шаг, диктовавшийся им всей социально-экономической обстановкой момента и целиком оправдавший себя в дальнейшем, — полный разрыв с народовольцами и образование самостоятельной группы.

Выступая при таких условиях со своим «Объявлением», новая группа избегала, с одной стороны, резко подчеркивать свои разногласия с народовольцами, но, с другой, не могла и обойти их, тем более, что оглашать публично истинную причину разрыва она не хотела. Эта сложная ситуация вызвала необходимость дать к «Объявлению» объяснительное примечание, в котором все разногласия были сведены к вопросу о «так называемом захвате власти» и о «некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы». В то же время в нем подчеркивалась общность обеих групп, которая позволяет им действовать «в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга».

П. Л. Лавров отнесся отрицательно к самостоятельному выступлению группы «Освобождение труда», что и высказал публично в № 2 «Вестника Народ-

ной воли». «Объявление» же он понял очень странно. В письме к Плеханову, написанном тотчас же после выхода «Объявления», он доказывал, что нужно организовать рабочих на почве пропаганды западноевропейского социализма, а не «на царизме, религии и разбойничьих шайках». Пересылая это письмо Аксельроду и процитировав приведенные нами места, Л. Г. Дейч восклицает: «И это, после того, как мы заявляем себя сторонниками современного научного социализма, он вздумал нам доказывать!» (сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 185, письмо № 15).

Объявление об издании «Библиотеки современного социализма» вышло листовкой в конце сентября 1883 г. — затем в приложении к первому выпуску «Библиотеки» — брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба» — в конце октября того же года и в 1885 г. — в приложении к русскому переводу брошюры Маркса «Речь о свободе торговли». Следующие его перепечатки относятся уже к началу 900-х годов. В Собр. соч. оно вошло в т. II, стр. 21—23.

В издании «Библиотеки научного социализма» за пять лет ее существования вышло около 15 брошюр Маркса, Энгельса, Плеханова и др., а также сборник «Социал-демократ». Осенью 1888 г., с основанием «Русского социал-демократического союза», «Библиотека» прекратила свое существование.

Перепечатка производится из т. I женевского издания Соч. Плеханова 1905 г. Подстрочное примечание, принадлежащее Л. Г. Дейчу, вошедшее в первые издания объявления, но опущенное в женевском издании, взято из Собр. соч., т. II, стр. 22.

Борьба с абсолютизмом — историческая задача, общая русским социалистам с другими прогрессивными партиями в России — не принесет им возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индиферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах.

Поэтому социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России и организация, по крайней мере, наиболее выдающихся представителей этих слоев составляет одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции.

Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложение научного социализма и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни, с точки зрения интересов рабочего класса.

Но, прежде чем взяться за создание такой литературы, наша революционная интеллигенция должна сама усвоить современное социалистическое миросозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций. Поэтому критика господствующих в ее среде программ и учений должна занять важное место в нашей социалистической литературе.

Всякий, знакомый с современным состоянием нашей социалистической литературы, знает, как мало удовлетворяет она обоим вышеуказанным требованиям. Члены группы, впервые приступившие к изданию «Черного передела» (в 1879—1880 гг.), решились всеми зависящими от них средствами способствовать пополнению этих пробелов и с этой целью приступают теперь к изданию «*Библиотеки современного социализма*».

Вполне признавая необходимость и важность борьбы с абсолютизмом, они полагают в то же время, что русская революционная интеллигенция слишком игнорировала до сих пор вышеуказанные задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде; они думают, что борьба ее с правительством не сопровождалась в достаточной мере подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в политической жизни страны. Разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «*Черного передела*» образуют ныне новую группу — «*Освобождение труда*» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями *.

Успех первого предприятия этой группы зависит, конечно, от сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров. Поэтому она и обращается ко всем кружкам и лицам в России и за границей, сочувствующим вышеизложенным взглядам, с предложением обмена услуг, организации взаимных сношений и совместной выработки более полной программы для работы на пользу общего дела.

Группа эта смотрит на «Библиотеку современного социализма», как на первый опыт, удача которого дала бы ей возможность расширить свое дело и приступить к изданию социалистических сборников или даже периодического обозрения.

Задача, поставленная себе издателями «Библиотеки современного социализма», едва ли нуждается, после всего сказанного, в более подробном объяснении. Она сводится к двум главным пунктам:

1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Женева, 25 сентября 1883 г.

* Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черного передела» с «Народной волей», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года, действительно, велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Народной воле» [1], полное слияние не могло, к сожалению, состояться. Как читатель может увидеть из брошюры «Социализм и политическая борьба», это слияние затрудняется нашим разногласием с «Народной волей» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга [2]. — *Прим. Л. Г. Дейча.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В партию «Народной воли» вошли к этому времени чернопередельцы Стафанович (Дмитро), Булановы и др.

[2] Примечание к объявлению было написано Л. Г. Дейчем из тактических соображений и вызвало оживленное обсуждение между Дейчем, Плехановым и Аксельродом. См. об этом подробно в переписке Л. Г. Дейча с П. Б. Аксельродом, опубликованной в сборнике «Гр. Осв. тр.», I.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «НАШИМ РАЗНОГЛАСИЯМ»

Книга «Наши разногласия», из которой мы публикуем здесь лишь вступление — письмо к П. Л. Лаврову, — написанная Плехановым летом 1884 г. и вышедшая в начале 1885 г. третьим выпуском «Библиотеки современного социализма», была вторым крупным теоретическим выступлением группы «Освобождение труда». Как и брошюра «Социализм и политическая борьба», она сыграла исключительную роль в деле популяризации марксистских идей в России. В ней Плеханов подверг жестокой критике реакционно-утопическую теорию народников о возможности для России мирного перехода к социализму путем развития общины, артели и т. п. и доказывал, что капитализм в России развивается и что капиталистический путь экономического развития является для нее неизбежным.

Значение для России этой критической брошюры Плеханова было оценено Энгельсом, который, прочитав ее начало, поделился своими впечатлениями с В. И. Засулич. Объяснив плохим знанием русского языка медленное чтение брошюры, Энгельс пишет ей в письме от 23 апреля 1885 г.:

«Но и того немногого, что я прочел из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 461—462. Оригинал письма хранится в архиве Дома Плеханова).

Другим интересным откликом на выход «Наших разногласий» является письмо к членам группы «Освобождение труда» петербургской группы благоевцев, первой социал-демократической группы в России. В письме, относящемся к 1884/85 г., сохранившемся в плехановском архиве и напечатанном в четвертом сборнике «Группа Освобождение труда», они пишут об идейном разброде среди русских революционеров, об «отсутствии критики к установленным программам», о «теоретической их неподготовленности». «В этом случае, — продолжают они, — нужно радикальное средство, которое бы способствовало прочищению тумана в головах... заставило бы оглянуться на те идеалы, которым, не рассуждая, поклонялся... Таким сильным средством является брошюра «Наши разногласия». Если эта книга и не заставит вполне примкнуть к мнениям нашей группы (хотя наблюдалось уже и такое явление), то несомненно, что она даст массу материала для критики народовольской программы, а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы. Если возможно будет, посылайте этой брошюры побольше...» (сб. «Гр. Осв. тр», IV, стр. 131—132).

О впечатлении, произведенном брошюрой Плеханова на народовольцев, можно судить по письму петербургской народовольческой группы в редакцию «Вестника Народной воли» от 8 (20) апреля 1885 г. «Здесь получилась статья Плеханова,— говорится в письме, — «Наши разногласия» и произвела сильное впечатление. Конечно, почти все (кроме русских социал-демократов) восстают против способа выражения, но против сути дела мало кто имеет силы спорить с Плехановым...» («Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924, стр. 189).

О значении книги Плеханова «Наши разногласия» Ленин упоминает в двух своих работах. В своей книге 1894 г., «Что такое «друзья народа»?», говоря об утопической постановке народниками вопроса о путях развития России, Ленин противопоставляет ей марксистскую постановку вопроса у Плеханова. «Спрашивается теперь, — говорит он: — как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непререкаемости диалектического процесса, об обще-философском значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу... и т. д. и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист:

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия *вступила* на капиталистический путь» (*Ленин*, Соч., т. I, стр. 106).

В другой статье, относящейся уже к 1905 г.,«Мелко-буржуазный и пролетарский социализм», полемизируя с эсерами, Ленин пишет: «Тот, кто говорит об «игнорировании» марксистами крестьянского вопроса в России, есть, во-первых, круглый невежда, ибо все главные произведения русских марксистов, начиная с Плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос» (*Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 362).

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» читаем: «Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», расчистили почву для победы марксизма в России» («История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 14).

Неудивительно, что и сам Плеханов придавал особое значение именно этой своей брошюре, как важнейшему этапу своей борьбы против народничества. По прошествии десяти лет после ее выхода он сделал две попытки выпустить под тем же заглавием, как вторую часть этой брошюры, свои новые работы, на этот раз направленные уже против либеральных народников — Михайловского, Воронцова и др. Но так как обе эти работы (Бельтов и Волгин) вышли легально, Плеханову пришлось дать им другие заглавия, чтобы не разоблачить своего авторства. Однако и после этого, выступая против эпигонов народничества — эсеров, Пле-

ханов снова предполагал озаглавить так направленную против них брошюру. Но работа осталась незаконченной и ограничилась несколькими фельетонами, напечатанными в «Искре» в 1903 г. под названием «Пролетариат и крестьянство».

Как и другие ранние брошюры Плеханова, вышедшие в 80-х и 90-х годах, «Наши разногласия» не переиздавались до 1905 г. и становились, таким образом, библиографической редкостью. В одном из писем к Л. И. Аксельрод, которой понадобилась эта брошюра, Плеханов пишет осенью 1902 г.: «Сегодня же вышлю вам «Наши разногласия». Но это едва ли не единственный экземпляр в партии. Храните его как зеницу ока» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 368).

Перепечатка производится с издания Госполитиздата 1938 г., выверенного Домом Плеханова.

ПИСЬМО к П. Л. ЛАВРОВУ

(Вместо предисловия)

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вы недовольны группой «Освобождение труда». В № 2 «Вестника Народной воли» Вы посвятили ее изданиям особую заметку, и хотя заметка эта очень невелика, но заключающихся в ней двух с половиной страниц было достаточно для выражения Вашего несогласия с ее программой и Вашего неудовольствия по поводу ее отношения к «партии Народной воли» [1].

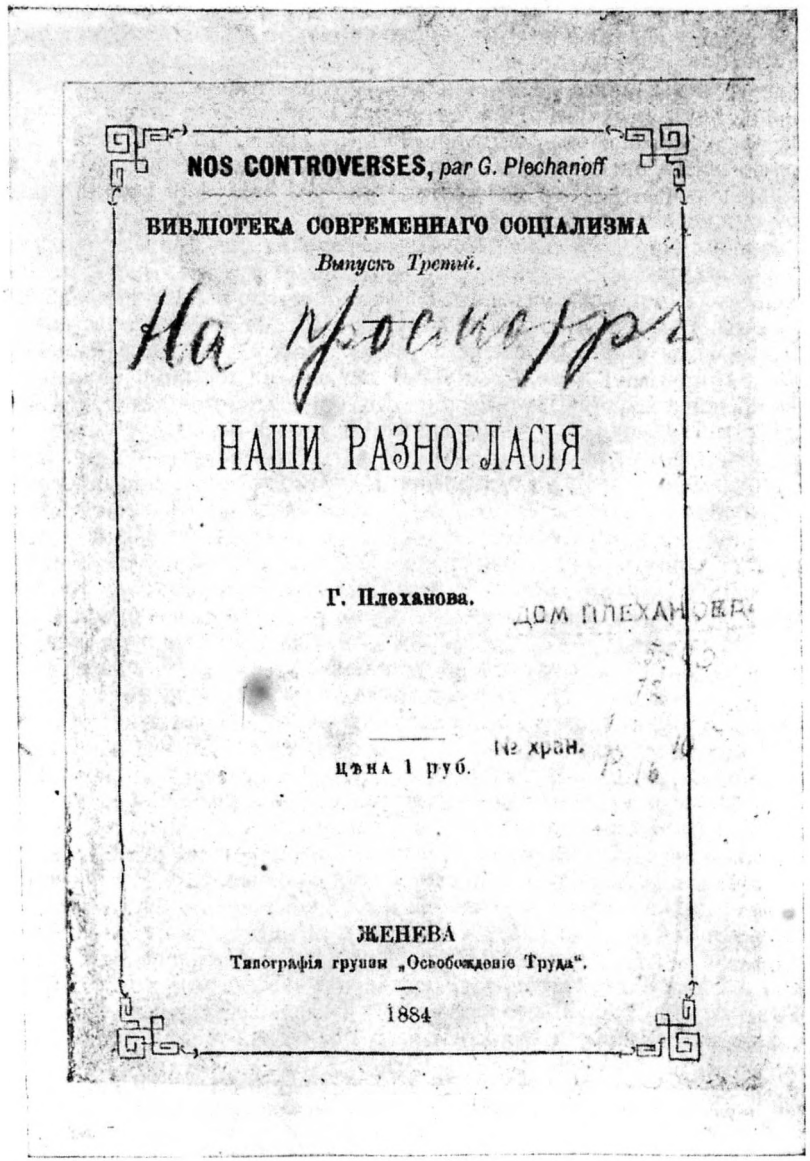
Привыкши издавна уважать Ваши мнения, зная, кроме того, с каким вниманием прислушивается к ним наша революционная молодежь всех оттенков и направлений, я позволю себе сказать несколько слов в защиту группы, к которой Вы отнеслись, как мне кажется, не совсем справедливо.

Я тем более считаю себя в праве сделать это, что в своей заметке Вы говорите, главным образом, о моей брошюре «*Социализм и политическая борьба*». Ею вызваны Ваши упреки, ее автору удобнее всего и отвечать на них.

Вы находите, что эта брошюра может быть разделена на две части, «к которым, — по Вашему мнению, — Вам приходится отнестись различно». Одна часть этой брошюры, «именно вторая глава, заслуживает такое же внимание, как все серьезные труды по вопросам социализма». Другая, значительная доля ее, — говорите Вы, — посвящена полемике против прежней и настоящей деятельности партии Народной воли, заграничным органом которой имеет в виду быть Ваш журнал. И Вы не только не согласны с мнениями, высказанными мною в этой части моей брошюры, но самый факт «полемики против Народной воли» кажется Вам заслуживающим строгого порицания. Вы думаете, что «не особенно трудно было бы доказать г. Плеханову, что его нападения могут быть встречены весьма вескими возражениями (тем более, что — может быть, вследствие поспешности — он цитирует неточно)». Вы убеждены также, что моя «собственная программа действия заключает в себе, может быть, гораздо большие недостатки и непрактичности, чем те, в которых я обвиняю партию Народной воли». Но для указания этих недостатков и непрактичностей Вы, к величайшему моему сожалению, не имеете свободного времени. По Вашим словам, «орган партии Народной воли посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа»; эта борьба так сложна, что требует от Вас «*всего* Вашего времени, *всех* Ваших трудов». Вам «нет ни досуга, ни охоты» посвящать долю Вашего издания «на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с Народной волей более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Надеясь, что само время разрешит спорные вопросы в Вашу пользу, Вы не считаете полезным «подчеркивать не особенно значительное разногласие» Ваше с Освободителями труда — как Вам угодно называть нас * — «прямыми ударами, направленными на фракцию, большинство членов которой может быть не сегодня-завтра в рядах «*Народной воли*». Это превращение «Освободителей труда» в народовольцев кажется Вам тем более вероятным, что, по Вашим словам, «сам г. Плеханов, как он указал в предисловии к своей брошюре, совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениях», и Вы «имеете основание надеяться на новые шаги» с моей стороны «в том же направлении». Дойдя до этого пункта в своей «эволюции», пункта, который кажется Вам, повидимому, апогеем возможного в настоящее время развития русского социализма, я сознаю, быть может, — надеетесь Вы — и еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего врага: именно, «что расстраивать организацию этой армии — даже если в ней видишь или предполагаешь некоторые недостатки — дозволительно только или врагам *дела* этой армии (из числа которых Вы меня исключаете), или группе, которая сама, своею деятельностью, своею силой и организациею способна стать общественною армией в данную историческую минуту». Но такая роль «находится, по Вашему мнению, в далеком, да, пожалуй, и несколько сомнительном будущем» для «Освободителей труда» как таковых, т.-е. не завершивших еще цикла своих превращений и изображающих собою в настоящее время нечто вроде народовольческих личинок или куколок.

Таково, многоуважаемый Петр Лаврович, содержание всего сказанного Вами о моей брошюре, переданное почти дословно. Я, быть может, утомил Вас обилием цитат из Вашей собственной заметки, но, с одной стороны, я боялся нового обвинения в том, что я «не-

* По поводу этого, придуманного Вами, названия я позволю себе, мимоходом, заметить следующее: «Освобождение труда» есть девиз и название нашей группы. Но называть группу «Освобождение труда» группой «Освободителей труда» — значит грешить против этимологии. Поясню это примером. Ваши сотрудники очень много говорят о «народоправлении»; при некоторой логической последовательности они должны были бы согласиться, что самое название их «партии» — Народная воля — является ничем иным, как девизом, выражением стремления к такому политическому строю, представление о котором связывается со словом народоправление. Но значит ли это, что они могут претендовать на титул *народоправителей? — Прим. Г. В. Плеханова.*



NOS CONTROVERSES, par G. Plechanoff

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Выпускъ Третій.

На русскомъ

НАШИ РАЗНОГЛАСІЯ

Г. Плеханова.

ДОМ ПЛЕХАНОВА

Не хран.

цѣна 1 руб.

ЖЕНЕВА

Типографія группы „Освобожденіе Труда".

1884

Корректурный оттиск титульного листа брошюры «Наши разногласия».

точно цитирую», а кроме того я считал нелишним напомнить читателю Ваши слова во всей их полноте, чтобы таким образом облегчить ему произнесение окончательного приговора по нашему делу. Вы знаете, что читающая публика есть главный, верховный судья во всех спорах, возникающих в свободной «республике слова». Неудивительно поэтому, что каждая из сторон должна принимать все меры для выяснения этой публике истинного характера спорного вопроса.

Изложивши Ваши замечания на мою брошюру и Ваши соображения о принятой группою «Освобождение труда» тактике по отношению к «партии Народной воли», я перехожу теперь, многоуважаемый Петр Лаврович, к тем объяснениям, без которых невозможно правильное понимание мотивов, побудивших меня и моих товарищей поступать именно так, а не иначе.

Собственно говоря, я мог бы признать всякий разговор о таких мотивах совершенно излишним, а читатель может найти его очень малоинтересным. Как! Разве вопрос о ближайших задачах, тактике и научном обосновании всей деятельности наших революционеров не составляет для нас самого важного, самого насущного вопроса русской общественной жизни? Разве вопрос этот может уже считаться решенным окончательно и безапелляционно? И разве не обязан всякий революционный писатель способствовать выяснению его всеми силами, какими он только обладает, со всем вниманием, на какое он только способен? Или выяснение это может быть признано полезным лишь в том случае, когда в результате его получается то убеждение, что, не обладая непогрешимостью папы, русские революционеры не сделали, однако, ни одной ошибки в своей практической деятельности, ни одного промаха в своих теоретических рассуждениях, что «все обстоит благополучно» как в том, так и в другом отношении? Или люди, не разделяющие этой приятной уверенности, должны быть осуждены на молчание, и чистота их намерений может быть заподозрена всякий раз, когда они берутся за перо, чтобы обратить внимание революционеров на то, как ведется и как должно быть ведено, по их крайнему разумению, революционное дело? Если Спиноза еще в XVII столетии говорил, что в свободном государстве каждому должно быть предоставлено право думать, что он хочет, и говорить, что он думает, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнению в конце XIX века, в среде социалистической партии хотя бы и самого отсталого государства Европы? Признавая право свободной речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить *пользование* этим правом лишь той фракции или «партии», которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения. Я думаю, что теперь, когда наша легальная литература подвергается самому беспощадному гонению, когда в нашем отечестве, в области мысли, как и во всех других сферах деятельности, «все живое, все честное косится» [2], — я думаю, что в такое время от революционного писателя можно скорее потребовать объяснения его *молчания*, чем *факта появления* того или другого из его произведений. И если Вы согласитесь с этим, — а не согласиться

едва ли возможно, — то Вы согласитесь также и с тем, что нельзя же осуждать на лицемерие писателя-революционера, который очень и очень многим должен пожертвовать, по прекрасному выражению Герцена, «человеческому достоинству свободной речи». А если и это так, то можно ли винить его, если он прямо, без обиняков и недомолвок, высказывает то, что думает о тех или других программах революционной деятельности? Я уверен, уважаемый Петр Лаврович, что Вы ответите на этот вопрос отрицательно. За это мне ручается, помимо всего другого, Ваша подпись под «Объявлением об изданий Вестника Народной воли», где, на странице VIII, мы читаем следующее: «Социализм, как всякая жизненная историческая идея, вызывает многочисленные, хотя не особенно существенные, разногласия между своими приверженцами, и много как теоретических, так и практических вопросов в нем остаются спорными. Вследствие бóльшей сложности, бóльших затруднений и меньшей давности в развитии русского социализма, более или менее заметные расхождения во взглядах между русскими социалистами, может быть, еще многочисленнее. Но это, повторяем, именно доказывает, что русская социалистическая партия есть партия живая, вызывающая энергическую работу мысли, энергические убеждения среди своих сторонников, партия, не успокоившаяся на догматическом веровании в заученные формулы».

Я не понимаю, каким образом редактор, подписавший это объявление, может встречать с неудовольствием литературные произведения группы, разногласия которой с Народной волей он именно считает «не особенно значительными» («Вестн. Н. В.» № 2, отд. II, стр. 65, строка 10 снизу); я не могу допустить, чтобы журнал, напечатавший это объявление, мог относиться враждебно к людям, «неуспокоившимся на догматическом веровании в заученные формулы». Ведь нельзя же думать, что вышеприведенные строки были написаны лишь для того, чтобы объяснить читателю, почему «программа, поставленная «Вестником Народной воли», охватывает взгляды, в некоторой мере нетождественные между собою» («Объявл. об изд. «В. Н. В.», стр. VII). Нельзя также предполагать, что, поставив себе такую «определенную программу», «Вестник Народной воли» признает жизненное значение «более или менее заметных расхождений между русскими социалистами» лишь в том случае, когда они «не выходят из пределов» этой программы, «охватывающей взгляды, в некоторой мере нетождественные между собою». Это значило бы быть терпимым лишь по отношению к членам своей собственной церкви, признавать с героями Щедрина, что оппозиция невредна лишь в том случае, если она не вредит. Такой либерализм, такая терпимость немного отрадного заключали бы в себе для всех русских социалистов-«нонконформистов» [3], которых теперь, повидимому, немало, так как Вы в своей заметке говорите о «фракциях, считающих, что для них полемика против Народной воли своевременнее» и т. д. Из этих слов явствует, что таких фракций, по крайней мере, две и что «Вестник Народной воли», «имеющий в виду быть органом объединения всех русских социалистов-революционеров», до сих пор далеко не достиг еще своей цели. Я думаю, что такая неудача

должна была бы расширять, а не суживать пределы свойственной его редакции терпимости.

Вы советуете мне не «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Но, прежде всего, позвольте мне спросить Вас, о какой «общественной армии» говорите Вы? Если под этой метафорой Вы понимаете организацию «партии Народной воли»,— то я никогда не думал, что моя брошюра окажет на нее разрушительное действие, и убежден, что первый спрошенный Вами народоволец успокоит Вас на этот счет. Если же под «расстраиванием организации общественной армии» Вы понимаете привлечение к нашей группе людей, по тем или другим причинам стоявших вне «партии Народной воли», то от такого привлечения «организация общественной армии» может только выиграть, так как в ее среде появится новая группа, составленная, так сказать, из новобранцев. Кроме того, с каких это пор обсуждение пути, по которому идет та или другая армия, и выражение уверенности в том, что существует другой путь, который вернее и скорее приведет ее к победе, — стало считаться «расстраиванием организации этой армии»? Я думаю, что такое смешение понятий возможно только в диких полчищах азиатских деспотий, а никак не в армиях современных цивилизованных государств. Кому же не известно, что критика тактики, принятой той или другой армией, может повредить разве лишь военной репутации генералов этой армии, которые, пожалуй, непрочь будут «наложить палец молчания» на нескромные уста. Но причем же здесь «организация армии», да и кто ее предводители? Вы знаете, что такие предводители могут быть или выбранными самими рядовыми, или назначенными сверху. Допустим на минуту, что Исполнительный комитет играет роль предводителя нашей революционной армии. Спрашивается, обязаны ли повиноваться ему даже те, которые не участвовали в его избрании, а если он назначен сверху, то кто и какую имел власть для этого назначения?

Вы относите нашу группу к «фракциям русского революционного социализма, считающим, что для них полемика с *«Народной волей»* более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Позвольте мне спросить Вас, думаете ли Вы, что к числу особенностей русского народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «против его эксплоататоров» может быть ведена без распространения идей, в которых выражались бы смысл и тенденция этой борьбы? Мне ли, бывшему бунтарю, доказывать Вам, бывшему редактору журнала «Вперед», что рост революционного движения не мыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здравых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества? Ваше ли внимание нужно обращать на то обстоятельство, что социализм — «как он выразился» в сочинениях Маркса и Энгельса — представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплоататорами народа? В распространении же учений названных писателей именно и заключается цель моих товарищей, как это ясно высказано в объявлении об издании «*Библиотеки современного*

социализма». Что социализм школы Маркса во многом расходится с «русским социализмом, как он выразился» в нашем революционном движении вообще и в «партии Народной воли» в частности, — это не подлежит ни малейшему сомнению, так как «русский социализм» до сих пор еще носит очень длинную бакунинскую косу за своей спиною. Что русским марксистам нередко приходится, поэтому, становиться в отрицательное отношение к некоторым «заученным формулам» русского социализма — это также вполне понятно и естественно; но отсюда еще никоим образом не следует, что они борьбу против революционеров предпочитают борьбе против правительства. В «Вестнике Народной воли» некто г. Тарасов [4] усиливается опровергнуть одно из основных положений исторической теории Маркса *. Статья г. Тарасова занимает первое место, так сказать, передний угол во 2 № «Вестника Народной воли» [6]. Значит ли это обстоятельство, что г. Тарасов находит, что для него полемика против Маркса «своевременнее, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа»? Или полемика, уместная и «своевременная» под пером дюрингианцев, бакунистов и бланкистов, становится оскорблением величества русской революции, как только возвышают свой голос марксисты? Справедливо ли, скажу больше, объяснимо ли такое отношение со стороны писателя, столько раз заявлявшего о своем согласии с теориями Маркса?

Я хорошо знаю, что решение вопроса о задачах нашей революционной партии с точки зрения названных теорий представляет собою далеко не легкую задачу. Основные положения этих теорий составляют, собственно говоря, лишь «большую посылку» силлогизма, так что люди, одинаково признающие правильность и великое научное значение этой первой посылки, могут соглашаться или расходиться между собою в выводе, смотря по тому, как понимают они вторую, «малую» посылку, роль которой должна играть та или иная оценка современной русской действительности. Я нисколько не удивляюсь, поэтому, Вашему несогласию с нашей программой, хотя и думаю, что, оставаясь марксистом, Вы не в состоянии были бы «доказать» мне, что «моя» программа заключает в себе «гораздо бóльшие недостатки и непрактичности», чем те, в которых я «обвиняю партию Народной воли». Но никакие разногласия в оценке современной русской действительности не объяснят мне и моим товарищам того несправедливого отношения, в какое Вы стали к нам в своей заметке.

* С г. Тарасовым я еще надеюсь побеседовать особо, по окончании его статьи. Теперь жа замечу, что г. Тарасов совсем не понял ни Маркса, ни его «эпигонов» и в своей святой простоте полемизирует, в сущности, против маленького буржуа Жоржа Молинари, а отнюдь не против великого социалиста Карла Маркса. Точно так же «метод» г. Тарасова приводит меня в большое смущение. Почтенный автор, очевидно, заимствовал его из той же самой буржуазной науки, «банкротство» которой он так неопровержимо доказал в первом № «Вестника» [5]. Как буржуазные писатели для доказательства своих «естественных законов» имели обыкновение изобретать «дикарей», которые, разумеется, ни о чем так не мечтали, как о «сбережении и накоплении капитала», так и г. Тарасов, сознательно уже игнорируя данные современной этнологии, изобретает «дикарей», которые оказываются явными бланкистами и стремятся лишь к «захвату власти» над своими соседями. Этот своеобразно-*индуктивный* метод грозит привести к полному «банкротству» социалистическо-дюрингианскую «науку» г. Тарасова. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Я обращаюсь к беспристрастию читателя. На письменном столе редактора «Вестника Народной воли» лежат две брошюры, изданные группой «Освобождение труда». Одна из этих брошюр представляет собою перевод того сочинения Энгельса, которое уважаемый редактор называет «самым замечательным произведением социалистической литературы за последние годы».

Вторая из этих брошюр, по словам того же редактора, одною своею частью заслуживает «такое же внимание, как и все серьезные труды по вопросам социализма». Другая часть этой брошюры заключает в себе «полемику против прежней и настоящей деятельности Народной воли», полемику, которая имеет целью доказать этой партии, что, «нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделав так много для развития революционного движения в России, партия Народной воли не может найти оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма» *. И эта-то *одна часть одной части* изданий группы «Освобождение труда» доказывает, по мнению нашего редактора, что названная группа задается чуть ли не исключительною целью «полемики против Народной воли» и ради этой цели готова отказаться от борьбы с правительством! При самой незначительной доле беспристрастия, читатель согласится, что такое умозаключение от части к целому не оправдывается характером других частей этого целого.

Я не отрицаю полемического или, вернее, критического характера «одной части» своей брошюры. Но что полемика против Народной воли не являлась исключительной целью даже этой, инкриминированной, ее части, — видно уже из того, упущенного Вами, Петр Лаврович, из виду обстоятельства, что моя критика не ограничивалась одним народовольческим периодом русского движения. Я критиковал там и другие его формации. И если уж из факта печатного и притом *мотивированного* выражения моего несогласия с той или другой революционной программой следует, что полемика против этой программы составляет главную цель моей литературной деятельности, то в интересах истины нужно было бы значительно расширить выдвинутое против меня обвинение. Следовало сказать, что главною целью моей литературной деятельности является полемика против анархистов, бакунистов, народников старого толка, народовольцев и, наконец, «марксистов», не понимающих значения политической борьбы в деле эмансипации пролетариата. Кроме того, нужно было бы принять в соображение еще и то обстоятельство, что «другая доля брошюры г. Плеханова посвящена изложению и подтверждению философско-исторической стороны учения Маркса и Энгельса». Тогда было бы ясно, что я виновен в распространении тех революционных взглядов, которые

* См. брошюру «Социализм и политическая борьба», стр. 20. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

я разделяю, и в полемике против тех, которые кажутся мне ошибочными. Но и это не все. При внимательном рассмотрении всех обстоятельств дела из него явствовало бы, что мое преступление совершено «по заранее обдуманному намерению», так как еще в «Объявлении об издании Библиотеки современного социализма» я и П. Аксельрод прямо заявляем, что задача наших изданий сводится:

1) К распространению идей научного социализма, путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) К критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Таков истинный характер вызвавшего Ваше неудовольствие «деяния». Чтобы сделать хоть один упрек человеку, его совершившему, нужно прежде всего доказать, что теперь не представляется никакой надобности в критике господствующих в нашей революционной среде программ и учений, или что эта критика должна превратиться, как выражался когда-то Белинский по другому, конечно, поводу, в «скромную служительницу авторитета, льстивую повторяльщицу избитых общих мест». Но я уже говорил, что едва ли найдется писатель, который решился бы поддерживать такое неслыханное положение, и уж ни в каком случае не Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, станете утверждать, что нашей революционной партии пора «успокоиться на догматическом верованиии в заученные формулы». А если это так, то

Wozu der Laerm?*

Впрочем, не решаясь вполне отрицать значение критики в нашей революционной литературе, многие думают, повидимому, что не всякая отдельная личность и не всякая группа личностей имеет право критиковать учения и тактику «действующей партии». После выхода в свет моей брошюры мне не раз приходилось слышать замечания в этом смысле. «Партия действия», «традиции Народной воли», «героическая борьба» — вот фразы, которыми прикрывалась боязнь самомалейшего прикосновения к «заученным формулам» нашего революционного катехизиса. Мое право на выражение моих несогласий с «партией Народной воли», или, вернее, с ее литературными произведениями, подвергалось оспариванию совершенно независимо от вопроса о том, кто прав, — я или публицисты нашей «партии действия». Прислушиваясь к этим нападкам на мою брошюру, я невольно вспоминал аргументацию «Саламанкского баккалавра» дона Иниго-и-Медрозо-и-Комодиос-и-Папаламиендо в знаменитой controverse des mais. «Mais, monsieur, malgré toutes les belles choses que vous venez de me dire, — говорил этот диалектик, — vous m'avouerez que votre église anglicane, si respectable, n'existait pas avant dom Luther

* — К чему же шум? — *Ред.*

et avant dom Eccolampade; vous êtes tout nouveaux: donc vous n'êtes pas de la maison! *[7] И я спрашивал себя: неужели аргументация, подсказанная великим сатириком своим злейшим врагам, может быть серьезно употреблена в дело русскими революционерами, и карикатура католического «баккалавра» станет точным изображением русских диалектиков из революционной среды? Согласитесь, многоуважаемый Петр Лаврович, что нет ничего печальнее такого рода перспективы и что никакие опасения за целость «организации» ровно ничего не значат в сравнении с опасением такого ужасного умственного упадка!

В интересах Народной воли лежит самое решительное противодействие вырождению нашей революционной литературы в революционную схоластику. А между тем Ваша заметка, многоуважаемый Петр Лаврович, может скорее поддержать, чем ослабить рвение наших революционных «баккалавров». Высказанное Вами убеждение в том, что «расстраивать организацию» революционной армии «дозволительно или врагам *дела* этой армии... или группе, которая сама, своею деятельностью, своею силою и организациею способна стать общественною армиею в данную историческую минуту», Ваше указание на то обстоятельство, что для нашей группы «эта роль находится еще в далеком, да, пожалуй, и несколько сомнительном будущем», — все это может подать повод к тому выводу, будто, по Вашему мнению, наша группа «в свои лета» хотя и может «сметь свое суждение иметь», но должна старательно припрятывать его каждый раз, когда оно противоречит мнениям редакции того или другого из периодических изданий «партии Народной воли». Разумеется, такой вывод из сказанного Вами был бы неправильным; но не нужно забывать того обстоятельства, что люди не всегда рассуждают по всем правилам строгой логики.

Самый принцип, высказанный Вами в только что цитированных строках, может вызвать много печальных недоразумений. Эти строки могут послужить совершенно «несвоевременным» avis для читателей-нонконформистов. Они могут навести их на такие, приблизительно, размышления. Группе, способной стать «общественной армией в данную историческую минуту», *дозволительно* «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Тем более «дозволительно» этой последней, в качестве заслуженного и испытанного войска, «расстраивать организацию» тех «несогласномыслящих» групп, гегемония которых кажется ей делом очень далеким, «да, пожалуй, и несколько сомнительным». Какую же революционную фракцию считает «общественной армией» редакция «Вестника Народной воли»? Вероятно — «партию Народной воли». Значит... но вывод ясен, и вывод в высшей степени печальный для групп, которые, подобно нам, полагали до сих пор, что можно критиковать чужие воззрения, но нельзя «расстраивать»

* — в полемике со всякими «но». «Но, сударь, несмотря на все прекрасные вещи, которые вы мне сейчас изложили... вы должны сознаться, что ваша столь почтенная англиканская церковь не существовала до господина Лютера и господина Экколампадия; вы совсем новички; стало быть, вы не принадлежите к нашей семье». — *Ред.*

чужие организации, а лучше итти с ними «*рядом, поддерживая и пополняя друг друга*» *.

Будущее нашей группы кажется Вам сомнительным. Я сам готов сомневаться в нем, поскольку речь идет о нашей группе, как таковой, а не о тех воззрениях, которые она представляет.

Дело вот в чем.

Ни для кого не тайна, что наше революционное движение находится теперь в критическом периоде. Террористическая тактика Народной воли поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов. Но, к сожалению, они до сих пор остаются неразрешенными. Находившийся у нас в обращении запас бакунистских и прудонистских теорий оказался недостаточным даже для правильной *постановки* этих вопросов. Выгнутая прежде в одну сторону палка перегнулась теперь в другую. Прежнее, лишенное всякого основания отрицание «политики» уступило место столь же мало основательной уверенности во всемогуществе конспираторского «политиканства». Программа петербургской Народной воли была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизмененными, и только практические выводы оказались диаметрально-противоположными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России.

Этот бланкизм пытается теперь создать свою особую теорию, и в последнее время нашел довольно полное выражение в статье г. Тихомирова «*Чего нам ждать от революции?*» [8]. В этой статье употреблен в дело весь арсенал, каким только располагают русские бланкисты для защиты своей программы. Г-ну Тихомирову нельзя отказать в умении владеть оружием: он ловко группирует говорящие в его пользу факты, осторожно обходит явления противоположного характера и не без успеха апеллирует к чувствам читателя там, где не надеется подействовать на его логику. Оружие его подновлено, подчищено, подточено. Но присмотритесь к нему внимательнее и Вы увидите, что оружие это есть не что иное, как старомодная шпага бакунизма и ткачевизма, украшенная новым клеймом: реакционных теорий мастер В. В. в Петербурге [9]. Ниже я сделаю некоторые выписки из «*Открытого письма к Фр. Энгельсу*» П. Н. Ткачева [10], и Вы сами увидите, многоуважаемый Петр Лаврович, что товарищ Ваш повторяет лишь то, что десять лет тому назад было высказано редактором «Набата» и что вызвало резкий ответ Энгельса в небезызвестной Вам брошюре «Soziales aus Russland» **. Неужели же десять лет движения не научили ничему лучшему наших писателей? Неужели «партия Народной воли» не хочет понять исторического смысла понесенных ею жертв, политического значения своей, поистине геройской, борьбы с абсолютизмом? Находясь вне России, ни я, ни Вы — не можем сказать ничего определенного о настроении, господствующем в настоящее время среди народовольцев. Но насколько можно судить по явлениям, происходящим вне организации «Народной воли», несомненно, что не под ткачевским знаменем суждено возродиться революционному движению. Наша революционная молодежь находится в нерешительном, колеблющемся состоянии, она изверилась в старые способы действия, а множество возникающих в ее среде новых программ и теорий показывает, что ни одна из них в частности не в состоянии охватить всех действительных интересов и всех насущных задач нашего движения. Скептицизм вступает в свои права. Народная воля утрачивает свое прежнее обаяние. Три с лишним года, протекшие со времени дела 1-го марта, характеризуются упадком революционной энергии в России. Нельзя оспаривать это печальное явление. Но многие и многие объясняют его, как мне кажется, слишком поверхностным образом. Говорят, что наше движение ослабело под влиянием правительственных преследований. Я слишком верю в «своевременность» русской революции, чтобы удовольствоваться таким шаблонным объяснением. Я думаю, что потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима, и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую. Общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительного решения в традиционной, заговорщицкой программе бланкизма. Мало-помалу эта избитая программа превратится в прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли его силу, обусловливали его влияние. Террористическая борьба, агитация в народе и в обществе, возбуждение и развитие народной самодеятельности — все это имеет для бланкиста лишь второстепенное, подчиненное значение. Его внимание сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму. Он старается лишь скомбинировать готовые уже общественные силы. Он не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой *. А так как рост революционных сил России еще далеко не закончен, так как они находятся еще в процессе des Werdens**, то это насильственное прекращение их развития

* См. Объявление об издании «*Библиотеки современного социализма*», стр. 3 в примечании. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** «Социальные отношения в России». — *Ред.*

* Наглядный пример: один из параграфов устава так называемых нечаевцев прямо говорит, что «общий принцип организации — не убеждать, т. е. *не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые уже есть на-лицо*» [11]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** — становления. — *Ред.*

должно иметь очень вредные последствия, упрочивать существование реакции, вместо того, чтобы служить делу прогресса. В этом случае может произойти одно из двух. Или будущее русской революции окажется поставленным на карту самого несбыточного из всех — *«социально-революционного»* — заговора, или из недр оппозиционной и революционной России выдвинется новая сила, которая, отодвинув на задний план «партию Народной воли», возьмет в свои руки дело нашего движения.

Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов. Это сразу лишило бы их всего прежнего влияния и на долгие годы отсрочило бы создание социалистической партии в передовых слоях народа. Вот почему мы и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, как я назвал его в своей брошюре, эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу. *В этом смысле* «будущее» нашей группы вовсе не «сомнительно», и я не понимаю, откуда берется в этом случае скептицизм у Вас, у писателя, не далее как в том же втором № «Вестника» называющего Маркса «великим учителем, который ввел социализм в его научный фазис, доказал его историческую правомерность и в то же время положил начало организационному единству рабочей революционной партии» [12]. Ведь нельзя же признавать теоретические положения «великого учителя» и умозаключать от них к бакунизму или бланкизму на практике.

Повторяю, между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени. К тому же мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы [13]. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что «наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются наконец русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции» *. Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте,

* «Социализм и политическая борьба», стр. 56. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополнения, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши. Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с Народной волей, но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия Народной воли *обязана* стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время.

Говоря о революционных традициях Народной воли, я имею в виду не одну только террористическую борьбу, не одни аттентаты и политические убийства. Я говорю о том расширении русла русского движения, которое было необходимым следствием этой борьбы и которое показало нам, до какой степени узки, абстрактны и односторонни были исповедуемые нами в то время теории. Вместе с Александром II динамит убил и эти теории. Но как русский абсолютизм, так и бакунизм, во всех его разновидностях, только убиты, а не похоронены. Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию, от самых консервативных до самых революционных ее слоев. Только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной воле закончить так блистательно начатое ею дело, потому что, как говорил Лассаль, «с высоких вершин науки можно раньше увидеть зарю рассвета, чем среди обыденной сумятицы». Марксизм укажет нашим «народовольцам», каким образом, привлекая к движению новые, почти еще не затронутые им слои, они могут вместе с тем обойти подводные камни гибельных односторонностей, каким образом, утилизируя прогрессивные стороны назревающей либеральной революции, они могут, тем не менее, до конца остаться верными делу рабочего класса и социализма. Совершенно чуждые узкого духа сектантства, мы желаем Народной воле не неудач, а дальнейших успехов, и если мы протягиваем ей *только одну* руку для примирения, то это происходит потому, что другою рукою мы указываем ей на теории современного научного социализма со словами — *«сим победишь»!*

К сожалению, Спенсер совершенно верно замечает, что консерватизм всякой организации прямо пропорционален ее совершенству. Суровая практика борьбы с абсолютизмом выработала крепкую и сильную организацию Народной воли. Совершенно необходимая и в высшей степени полезная организация эта не составляет исключения из общего правила и препятствует теоретическим успехам «партии Народной воли», стремясь возвести в догмат и увековечить ту программу и те учения, которые могли иметь лишь временное, переходное значение. В конце своей брошюры *«Социализм и политическая борьба»* я выражал надежду, что *«Вестник Народной воли»* сумеет критически отнестись к теоретическим промахам в программе и практи-

ческим пробелам в деятельности Народной воли. «Нам хочется думать, говорил я, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее». Я ожидал, что женевский «Вестник» пойдет дальше петербургской «Народной воли». Но если вы, многоуважаемый Петр Лаврович, прочтете внимательно статью г. Тихомирова, то Вы сами убедитесь, что высказанные в ней взгляды представляют собою огромный шаг назад даже по отношению к «Народной воле». И это совершенно естественно. Теоретические посылки старой программы «Народной воли» так шатки и противоречивы, что итти вперед, опираясь на них, — значит опускаться вниз. Остается ожидать, что другие, прогрессивные, элементы «партии Народной Воли» возвысят, наконец, свой голос и что революционное движение внутри этой партии пойдет, как шло оно всегда и везде, то есть — *снизу*.

А до тех пор, пока этого не случится, мы не перестанем будить общественное мнение наших революционеров, сколько бы ни вызывала наша литературная деятельность нападок, упреков и обвинений, как бы ни было нам тяжело то обстоятельство, что даже Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, встречаете эту деятельность с неудовольствием, Вы, на одобрение и сочувствие которого мы еще так недавно могли, казалось нам, рассчитывать. Мы спорим с народовольцами в интересах их собственного дела и надеемся, что они согласятся с нами рано или поздно. Если же искренность наша будет заподозрена, если в нас увидят врагов, а не друзей, — мы утешимся сознанием правоты своего дела. Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается.

Крепко жму Вашу руку.
Искренно уважающий Вас

Г. Плеханов.

Женева, 22 июля 1884 года.

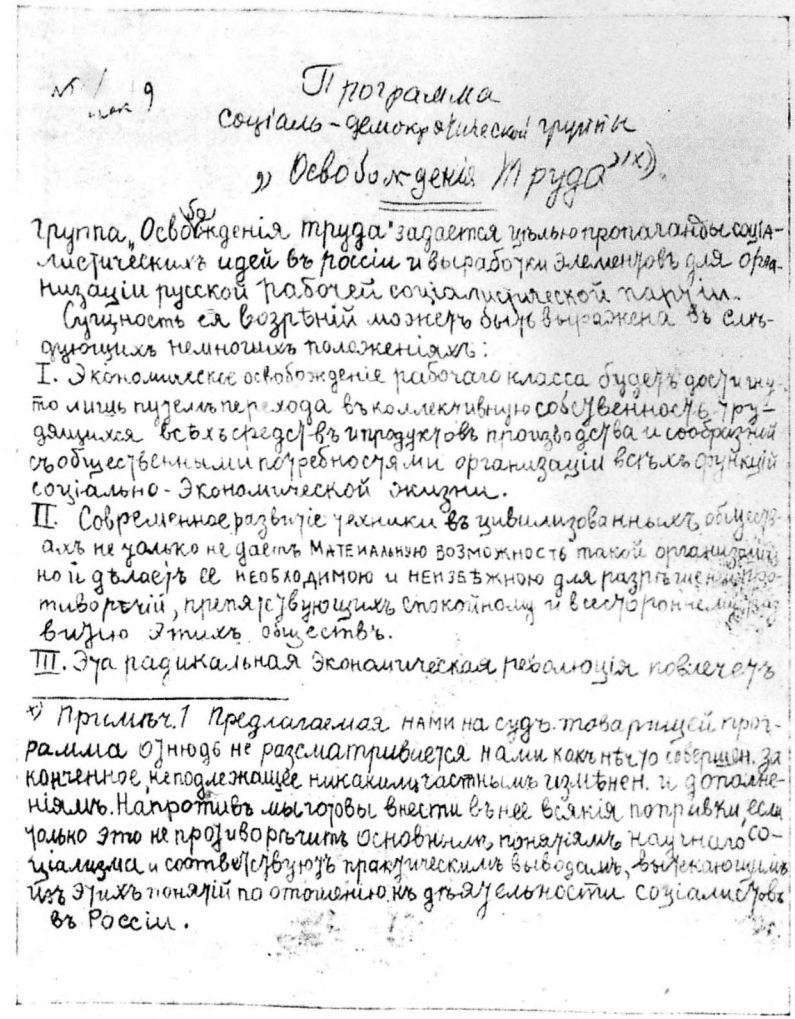
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заметка Лаврова помещена в библиографическом отделе № 2 «Вестника Народной воли», вышедшего в апреле 1884 г. В этой заметке разбираются две новые брошюры, выпущенные «Библиотекой современного социализма», — брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» и Энгельса «Развитие научного социализма». Заметка подписана: П. Л. (см. «Вестник Народной воли», № 2, отд. 2, стр. 64—67).

[2] Из стихотворения Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие», посвященного народникам, осужденным по «процессу 50-ти» в 1877 г.

[3] Нонконформисты, позднее диссентеры — протестантская секта в Англии, несогласная с господствующей англиканской церковью и подвергавшаяся за это преследованиям. Буквальное значение слова «нонконформист» — несообразующийся.

[4] *Тарасов, К.* — псевдоним в нелегальной печати Н. С. Русанова (род. 1859 г.), известного широкой публике под именем Н. Кудрина и В. Подарского. В начале своей деятельности Тарасов склонялся к марксизму, позднее стал одним из ярых его врагов и вел с марксистами ожесточенную полемику. Был одним из сотрудников «Вестника Народной воли», позднее одним из организаторов группы старых народовольцев и, наконец, редактором ряда эсеровских изданий.



№ 1 лек 9

Программа
соціаль-демократической группы
„Освобожденія Труда"[x]).

Группа „Освобожденія труда" задается цѣлью пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи и выработки элементовъ для организаціи русской рабочей соціалистической партіи.

Сущность ея возрѣній можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ:

I. Экономическое освобожденіе рабочаго класса будетъ достигнуто лишь путемъ перехода въ коллективную собственность трудящихся всѣхъ средствъ и продуктовъ производства и сообразной съ общественными потребностями организаціи всѣхъ функцій соціально-экономической жизни.

II. Современное развитіе техники въ цивилизованныхъ обществахъ не только не даетъ МАТЕРІАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ такой организаціи но и дѣлаетъ ее НЕОБХОДИМОЮ и НЕИЗБѢЖНОЮ для разрѣшенія противорѣчій, препятствующихъ спокойному и всестороннему развитію этихъ обществъ.

III. Эта радикальная экономическая революція повлечетъ

x) Примѣч. 1 Предлагаемая нами на судъ товарищей программа отнюдь не разсматривается нами какъ нѣчто совершен. законченное, неподлежащее никакимъ частнымъ измѣнен. и дополненіямъ. Напротивъ мы готовы внести въ нее всякія поправки, если только это не противорѣчитъ основнымъ понятіямъ научнаго соціализма и соотвѣтствуютъ практическимъ выводамъ, вытекающимъ изъ этихъ понятій по отношенію къ дѣятельности соціалистовъ въ Россіи.

Страница первого проекта программы группы «Освобождение труда» (на гектографе)

[5] Имеется в виду статья Тарасова в № 1 «Вестника Народной воли» — «Банкротство буржуазной науки» (стр. 59—97).

[6] Плеханов имеет в виду статью Тарасова «Политический и экономический факторы в жизни народов», начало которой было помещено в № 2 «Вестника Народной воли» (стр. 1—36). В этой статье Тарасов, опираясь на Дюринга, утверждает, что первенствующую роль в исторической эволюции играет политический фактор. Статья снабжена примечанием Лаврова о неполном согласии с некоторыми утверждениями автора.

[7] Цитата из Вольтера: «Histoire de Jenni ou l'athée et le sage» — Voltaire, Oeuvres complètes, v. XXI, Paris, 1879, стр. 529.

[8] Статья Л. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» напечатана в № 2 «Вестника Народной воли».

[9] *В. В.* — псевдоним В. П. *Воронцова* (1847—1917), одного из главных теоретиков либерального народничества 80-х и 90-х годов.

[10] Полемика с русским бланкистом П. Н. Ткачевым происходила в 1874—1875 гг. В 1874 г. Ткачев опубликовал в Цюрихе на немецком языке свое «Offener Brief an F. Engels» («Открытое письмо к Ф. Энгельсу»). Энгельс ответил на него статьей «Soziales aus Russland» в газете «Volksstaat», 1875, № 36 и сл. По-русски этот ответ вышел под заглавиями: «Ответ П. Н. Ткачеву», Женева, 1894, «О социальном вопросе в России», Спб., 1906, «Фридрих Энгельс о России», Спб., 1906. Переиздавая свой ответ в 1894 г., Энгельс снабдил его пояснительным примечанием, в котором говорит о письме Ткачева, что оно и по форме и по содержанию носило «обычный бакунистский отпечаток» (см. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935, стр. 251. Ответ Энгельса вошел в этот том под заглавием «Эмигрантская литература», гл. V, «Социальные отношения в России»).

[11] Нечаевская организация «Народная расправа», существовавшая в начале 70-х годов, исходила из того положения, что сознательность масс не нужна, что революцию могут совершить несколько человек. По словам Бакунина, задачей Нечаева было «народ не учить, а бунтовать».

[12] Цитата из статьи П. Лаврова «За пределами России» — «Вестник Народной воли», № 2, отд. 2, стр. 3.

[13] Имеется в виду первая программа группы «Освобождение труда», вышедшая в 1884 г. Программа эта была выпущена с примечанием, в котором указывалось, что она не является окончательной и допускает поправки и дополнения, не противоречащие основным понятиям научного социализма.

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Настоящая публикация представляет собой первый проект программы группы «Освобождение труда».

Время выработки настоящей программы, очевидно, совпадает с моментом организации группы. Так, в письме Дейча к Аксельроду ~~от~~ 6 октября 1883 г. говорится, что приехавшим из России товарищам была прочтена «программа Жоржа» и они делали на нее свои замечания: указывали, например, на то, что в ней мало места отведено деятельности в крестьянстве (сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 187). Упоминание о программе имеется и в письме Дейча к товарищам в России, написанном не позже зимы 1883 г. Он пишет там: «Из брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», из объявления об издании «Библиотеки современного социализма» и из прилагаемой нашей программы вы можете узнать, какие изменения произошли в наших воззрениях...» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 225).

Опубликована программа была позднее, в 1884 г., в Женеве, отдельным изданием. В 1887 г. отрывок из нее был перепечатан в журнале «Самоуправление», под заголовком «Ответ на анкету», среди писем эмигрантов. В Собр. соч. Плеханова

Заседание группы «Освобождение труда».

программа вошла в т. II, стр. 357—362. Перепечатка производится из первого тома Соч. Плеханова, вышедшего в Женеве в 1905 г. и просмотренного Плехановым. В архиве сохранился гектографированный экземпляр программы, совпадающий с публикуемым текстом.

*ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» **

Группа *«Освобождение труда»* задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской *рабочей социалистической партии*.

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимою и неизбежною* для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и целыми обществами, — она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование, в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ именно — *государства, как политической организации, противостоящей обществу*, и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

* *Примечание 1*. Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы внести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа «*Освобождение труда*» также признает великие принципы бывшей «*Международной ассоциации рабочих*» и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося *сознательность* туда, где господствует ныне *слепая экономическая необходимость*, заменяя современное господство *продукта* над *производителем* господством *производителя* над *продуктом*, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством* [1].

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может совершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплоататоров.

Совершаясь на началах «*Международной ассоциации рабочих*», организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией».

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных — как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа — остатков старых, до-буржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления*, а местами — в наших промышленных центрах — оно испытывает уже гнет капиталистического *производства*, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, — как говорил когда-то Маркс о Западе европейского континента, — не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России [2].

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, *позорные* действия к потере политической правоспособности *.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижения и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения **.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместных с достоинством человека.

---

* *Примечание 2.* К числу таких действий могут быть отнесены, например, *под упы при выборах*, вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.

** *Примечание 3.* Этот пункт логически заключается в § 4, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, например, *евреи*, не пользующиеся даже теми жалкими «правами», которые предоставлены другим «обывателям».

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной *подготовки* их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна *немедленно взяться за организацию* рабочих наших промышленных центров — как передовых представителей всего трудящегося населения России — в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа *«Освобождение труда»* полагает, что главнейшими пунктами *экономического отдела* рабочей программы должны быть *требования:*

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п. [3]

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям,* организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.) [4].

Группа *«Освобождение труда»* убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

Ввиду этого группа *«Освобождение труда»* задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа *«Освобождение труда»* в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства [5] и расходится с партией *«Народной воли»* лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.*

Группа *«Освобождение труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России.* Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение,* и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа *«Освобождение труда»* не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы [6].

Женева, 1884 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Относительно пункта о прямом народном законодательстве, сохранившегося и во втором проекте, Ленин писал в 1899 г. в статье «Проект программы нашей партии», что его не следует вносить в программу, так как «принципиально связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством — нельзя» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 516).

[2] Здесь, как и в дальнейших формулировках проекта, касающихся «социалистической интеллигенции», дает себя чувствовать народническое прошлое составителей программы, еще не отрешившихся от взгляда на «критически-мыслящих личностей», как на основных двигателей истории. Во втором проекте программы этот недостаток уже отсутствует и выдвигается положение, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

[3] В статье «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции», написанной в 1907 г., Ленин говорит об этой формулировке следующее: «Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны... Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы» (*Ленин*, Соч., т. XI, стр. 362).

[4] Пункт о производительных ассоциациях, сохранившийся и во втором проекте, отразил влияние лассальянства на составителей программы. Аналогичный пункт имелся и в Готской программе, являвшейся в то время официальной программой немецкой социал-демократической партии (см. об этом *Маркс*, Критика Готской программы — *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, 1935, стр. 281—282).

Ленин говорит о необходимости устранения этого пункта из программы РСДРП, считая, однако, что для периода группы «Освобождение труда» «включение с.-д-тами подобного требования в свою программу было естественно» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 518).

[5] Этот пункт первого проекта программы группы, допускающий тактику индивидуального террора, носит следы народнических взглядов и является ошибочным. Известный шаг вперед сделан группой во втором проекте ее программы, где говорится уже об «общем решительном нападении» на правительство, при котором рабочие революционные организации «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы», причем имеется в виду не индивидуальный террор, а революционное насилие по отношению к сопротивляющимся эксплоататорам. Кроме того, во втором проекте впервые говорится, что «неизбежным предварительным условием» социалистического переустройства общества является «захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран».

[6] В первом проекте составители программы, призывая интеллигенцию к работе среди наиболее развитого слоя населения, т. е. промышленного пролетариата, в то же время допускают возможность «самостоятельного революционного движения» крестьянства. Во втором проекте, где дается анализ социально-экономической эволюции крестьянства в условиях развивающегося капитализма, это допущение отсутствует. Ни в первом, ни во втором проекте программы не подчеркнута с достаточной четкостью революционная роль крестьянства в буржуазно-демократической революции, не учтено то обстоятельство, что «...в ходе революции пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом» («История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 16—17).

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКИХ РАБОЧИХ

До 1934 г. в печати была известна только первая часть статьи Г. В. Плеханова «Современные задачи русских рабочих». Она представляла собой первое письмо Плеханова к петербургским рабочим кружкам. Письмо это было опубликовано в № 2 петербургской подпольной газеты партии русских социал-демократов (благоевцев) «Рабочий» от июля 1885 г. Затем оно было напечатано в исправленном виде в сборнике статей Плеханова «На два фронта», вышедшем в Женеве в 1905 г. В Собр. соч. Плеханова оно вошло во второй том без следующих заключительных строк, которые имеются в вышеупомянутой газете и в сб. «На два фронта»: «В следующем письме я поговорю о тех задачах, которые открываются перед русской рабочей партией в будущем конституционном государстве». При разборе архива Плеханова была обнаружена рукопись, правда, не законченная, которая и является этим обещанным Плехановым «следующим письмом»; рукопись эта носит название: «Современные задачи русских рабочих (письмо второе)». Очевидно, Плеханов писал его для № 3 газеты «Рабочий». Но в январе — феврале 1886 г. редактор газеты В. Г. Харитонов был арестован, типография, где она печаталась, разгромлена, и издание газеты прекратилось. Вероятно Плеханов, узнав о постигшем газету бедствии, не закончил своей статьи; но не исключена возможность, что он закончил ее и отослал в редакцию, а у него остался ее черновик. Во всяком случае № 3 «Рабочего» не вышел, а помещать второе письмо не в том органе, где было помещено первое, не имело смысла. По этой причине второе письмо оставалось в рукописи до 1934 г., когда оно было опубликовано Домом Плеханова в первом сборнике «Литературного наследия Г. В. Плеханова» вместе с другими ранними работами Плеханова, по тем или иным причинам не увидевшими света.

Перепечатка первого письма производится из сб. «На два фронта» с приведением в подстрочных примечаниях некоторых разночтений из первой публикации в газете «Рабочий». Второе письмо печатается по рукописи, представляющей собой черновик, написанный рукой Плеханова на семи листах с одной стороны, в тетради, среди выписок из разных статей на французском языке. Рукопись не закончена, обрывается на полуфразе.

ПИСЬМО К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ КРУЖКАМ

Дорогие товарищи! Я получил приглашение сотрудничать в журнале «Рабочий» [1] и охотно принимаю это приглашение, чтобы побеседовать с вами о задачах нашей нарождающейся социал-демократии.

Я потому обращаюсь с письмом именно к вам, — к кружкам рабочих, — что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти *с рабочими*, а наше крестьянство должно итти *за ними*. При такой постановке вопроса наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность.

После этой оговорки я прямо перехожу к вопросу о том, каковы современные задачи русских рабочих.

В чем заключаются эти задачи, задачи тех рабочих кружков, которые уже существуют в России и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской социал-демократии?

Одно из двух: или эти задачи фантастичны, *придуманы* кем-нибудь из вас или ваших друзей, или они представляют собой прямой вывод из вашего современного положения. В первом случае все рассуждения о них были бы бесплодными и праздными, потому что на место одной выдумки всегда можно поставить другую, столь же интересную и привлекательную. Споры были бы бесконечны, и русская социал-демократия превратилась бы в общество фантазеров и болтунов, людей слова, а не дела. Но если ваши задачи вытекают из всего вашего положения, то они определяются сами собой; из того, *что есть*, нетрудно судить о том, *что может* и *что должно быть*.

Едва ли нужно спрашивать о том, какой путь определения задач рабочего класса лучше, серьезнее и основательнее. Дело говорит само за себя, и хотя мы с вами можем ошибаться, как и все другие люди, но мы не можем и не должны отказываться от попытки построить задачи русской социал-демократии на твердом фундаменте действительности.

Что же представляет собою эта действительность? Каково ваше современное положение?

Во-первых, вы — рабочие; а во-вторых, вы — граждане или — так как граждан у нас пока нет — вы обыватели русского государства.

В качестве рабочих вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него с утра до вечера. Своим упорным, тяжелым, изнурительным трудом вы другим создаете огромные богатства, а сами имеете лишь ту скудную *заработную плату*, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вам восстановить свои силы и предохранить своих детей от преждевременного изнурения.

Но и эта скудная плата не целиком попадает в ваши карманы. Получивши ее от хозяина, вы должны еще платить из нее налоги и подати, которые поступают в государственную казну. В этом случае вы являетесь в качестве «обывателей», обязанных платить, не рассуждая о том, куда идут собранные с них деньги.

В качестве рабочих вы вступаете в договор с вашим хозяином. Вы обещаетесь работать, он обещается платить вам известную сумму денег поденно или поштучно. Но вот ваш хозяин находит, что платить вам условленную сумму ему невыгодно. Он вывешивает объявление, в котором доводит до вашего сведения, что с такого-то числа ваша поденная или поштучная плата будет понижена на столько-то. Вы не соглашаетесь на такое понижение и объявляете ему, что не станете работать. Приходит назначенный день, фабрика или завод пустеет. Тогда хозяин идет в полицию и говорит, что вы «бунтуете». На место действия спешат городовые, жандармы, казаки, многих из вас хватают, сажают в тюрьмы или высылают, а остальных насильно заставляют итти на работу. В этом случае вы опять-таки являетесь в качестве «обывателей», отданных в жертву полицейского произвола и насилия.

В качестве рабочих вы испытываете теперь многочисленные бедствия. Если вы задумаетесь о том, как избавиться от этих бедствий, если вы станете собираться и обсуждать ваше положение, если вы начнете читать книги, которые зовут вас на борьбу с вашими притеснителями, — вас опять объявят бунтовщиками, вас будут обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или даже без всякого суда, «*административным порядком*». И в этом случае вас преследуют не как рабочих такой-то фабрики или такого-то завода, а просто как бесправных «обывателей», которым запрещено думать, как они хотят, и говорить, как они думают.

Во всем, мною сказанном, нет, как вы знаете по собственному опыту, ни малейшего преувеличения. Напротив, изображая ваше положение лишь в общих чертах, я не мог коснуться многих таких подробностей, перед которыми побледнело бы все вышесказанное.

Но для моей цели довольно и сказанного. Уже из него видно, что ваши задачи также должны иметь две стороны, как имеет их ваше современное положение.

Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от *экономической эксплоатации*, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас — пока еще бесправных обывателей — *свободных граждан свободной страны*. Другими словами, вы должны бороться ***во имя политической свободы***.

И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга. Каждый из вас одновременно является и эксплоатируемым рабочим и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности — весь русский рабочий класс — должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

Одно немыслимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами; без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотело бы и могло бы, — не давая вам политических прав, — обеспечить ваше материальное положение, то вы все-таки были бы не более как *сытыми рабами*, *хорошо откормленным рабочим скотом*. Ваше умственное развитие, ваше нравственное достоинство пострадали бы от этого даже более, чем теперь, когда правительственный гнет толкает вас на борьбу и наполняет негодованием ваше сердце. Ваши западноевропейские братья давно уже поняли тесную взаимную связь названных задач. Они видят в своих политических правах могучее средство борьбы за свое экономическое освобождение и не променяют этих прав ни на какие подачки существующих правительств.

Мало того. Когда в 1878 г. петербургские рабочие-социалисты организовались в «Северно-русский рабочий союз», они также выразили в своей программе убеждение в том, что экономическое освобождение трудящихся неразрывно связано с их политическим освобождением; они думали так, *несмотря на то*, что социалисты из так называемой интеллигенции говорили им, что рабочим вовсе не следует интересоваться политическими вопросами, — до такой степени эта мысль естественно вытекает из всего положения рабочего класса, до такой степени основывается она на *самой бесспорной действительности*.

Если вы признаете, — как я в этом уверен, — справедливость этой мысли, то мы, сговорившись в главном, без труда сговоримся и в подробностях.

Мы знаем теперь, что перед русским рабочим классом стоят две задачи: одна — экономическая, другая — политическая. Только разрешивши обе эти задачи, он достигнет своего *социального* (общественного) освобождения, т. е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий никаким его интересам.

Чем же могут быть разрешены эти задачи?

Они могут быть разрешены только силой.

Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добро-

вольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение*. Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что *народное благо есть высший закон*, и во имя этого блага *силой* заставить ваших врагов сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит, вам нужна сила, нужно очень много силы. В чем же она заключается?

Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т. е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности и 3) от его тактики, т. е. от умения во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной, победой для облегчения своих дальнейших действий.

Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собою и может быть выражено русской пословицей: «волков бояться, так и в лес не ходить».

Рассмотрим каждое из этих условий. В настоящее время огромное большинство крестьян и рабочих недовольны своим положением. Местами недовольство это выходит наружу, ведет к так называемым «бунтам» и «беспорядкам» в среде крестьян и рабочих. «Беспорядки» эти бесспорно вызываются теми коренными недостатками современного общественного устройства, устранения которых требуют социал-демократы. Но сами замешанные в «беспорядках» рабочие и крестьяне не видят этих недостатков. Их недовольство обрушивается по большей части на какой-нибудь отдельный частный случай, на одно какое-нибудь «злоупотребление» теми порядками, которые уже сами по себе, без всяких частных злоупотреблений, представляют вопиющее зло. Правда, страдающие от малоземелья крестьяне приходят к той мысли, что земля должна быть отобрана от тех, кто не обрабатывает ее собственным трудом. Но дальше этого отобрания земли они ничего не видят и не знают, а ведь им нужно распорядиться землею так, чтобы она опять не перешла в руки кулаков и эксплоататоров. Да и этого отобрания земли, этого «черного передела» крестьяне ждут от царя, который, разумеется, никогда его не сделает. Следовательно, наши крестьяне, хотя и думают, что должен произойти важный переворот во всех поземельных отношениях, но не знают ни — *как* надо сделать этот переворот, ни — *кто* его сделает. А это почти равносильно тому, что они ничего не знают. Тоже и с рабочими. Во время стачки 1878 г. на Новой бумагопрядильне (на Обводном канале) рабочие поговаривали между собою о том, что казна должна была бы отобрать фабрику и уж от себя вести все дело. В этой мысли есть некоторый зачаток истины. Фабрики действительно должны быть отобраны у частных

* В «Рабочем»: «не откажутся добровольно от своих прав на них и не передадут их в ваше распоряжение». — *Ред.*

владельцев и перейти в собственность всего государства, которое уж и будет ими управлять и заведывать. Но рабочие не знали ни того, как должно поступать государство с теми продуктами, которые будут производиться на отобранных фабриках, ни того, какое государство может все это сделать. Им казалось, что нынешнее государство, с царем во главе и со всем его чиновничеством, может это сделать. Они хотели только быть «казенными» рабочими, вместо того, чтобы служить собственникам бумагопрядильни. Но от такой перемены они ровно бы ничего не выиграли. Здесь опять недостаток сознательности помешал им выставить настоящие, действительно важные, требования. И так во всем.

Вот этот-то недостаток сознательности вы и должны устранять всеми возможными для вас путями. Более развитые рабочие должны помнить, что на них лежит огромный долг по отношению к их более темным братьям. Социалистическая пропаганда, т. е. распространение социалистических мыслей и, — как средство для этого, — распространение социалистических книг, брошюр и воззваний (теперь у вас есть уже газета), такая пропаганда составляет прямую их обязанность. А так как в одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданием как можно большего числа социалистических кружков в своей среде. Такие кружки удесятеряют силы каждого из вас в отдельности.

Эти же кружки сослужат вам и другую службу. Они дадут вам возможность образовать в своей среде стройную, сплоченную организацию. Когда вы будете иметь такую организацию в Петербурге и Москве, когда столичные организации войдут в постоянные сношения с кружками в провинциях, когда будут многочисленны эти провинциальные кружки, — тогда вы станете такой прочной* революционной силой, какой у нас никогда еще не бывало. Тогда у вас будет много частных успехов и недалек будет общий успех, первая, в высшей степени важная, победа над вашими врагами.

Какой же именно успех, какая именно победа?

Я сказал уже вам, что ваша сила будет зависеть, между прочим, и от вашей тактики, т. е. 1) от вашего уменья из каждого вашего успеха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь из него.

Остановимся прежде всего на уменье пользоваться своими успехами.

Вы задаетесь целью организовать социалистические кружки в своей среде. Вы будете иметь право сказать, что имеете успех, если кружки эти будут многочисленны, связаны между собой и приобретут влияние на остальную массу рабочих, не входящих в организацию. Спрашивается, как воспользуетесь вы этим успехом? Вы будете развивать в рабочей массе сознательное отношение к ее современному положению и к ее задачам в будущем. Вы будете распространять социалистические мысли, т. е. вести *пропаганду*, вы будете возбуждать недо-

* В «Рабочем»: «грозной». — *Ред.*

вольство * против нынешних порядков, т. е. вести *агитацию* **. Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все, что вы можете извлечь из вашего успеха. Если ваши кружки будут расти и развиваться, то неизбежно придет время, когда, кроме всего вышеперечисленного, вы в состоянии будете извлечь из вашего успеха и другие важные выгоды. Какие, например?

В настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность к этим кружкам вам грозит строгое наказание; за каждую книгу, найденную у вас на столе, за каждое слово неудовольствия, высказанное открыто и громко, вас карают и преследуют. Вообразите теперь, что вы получили бы право вести ваше дело, ни от кого не скрываясь, что вам предоставлена была бы *свобода слова, печати, сходок* и всяческих обществ; представьте себе, что все то, что вы теперь делаете втайне, было бы так же законно, как покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для вас огромным преимуществом? Не росли ли бы тогда ваши силы вдесятеро скорее? Представьте себе, кроме того, что у вас есть не только эти «отрицательные права», что вас не только не преследуют за вашу пропаганду и агитацию, но что вы имеете также положительное право участвовать — через ваших представителей — в законодательстве, что вы свободно выбираете этих представителей, обсуждаете действия правительства, открыто выражаете свое неудовольствие на него, отстаиваете проекты выгодных для вас законов. Разве все это не способствовало бы вашим дальнейшим успехам? Разве все это не давало бы вам новых сил в борьбе с врагами?

Конечно — да, конечно давало бы! Из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы тогда, наконец, в *открытую рабочую социал-демократическую партию*. А если это так, то вы сделали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своих тайных организаций для достижения этой цели.

Но как достичь ее? Хватит ли ваших сил на исполнение такой важной задачи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я напомню вам, что разумная тактика всякой партии требует, чтобы ее нападения на врагов совершались именно в моменты наиболее благоприятные. Своевременность нападения в весьма значительной степени облегчает победу. Поэтому мы и должны спросить себя, своевременно ли было бы для вас добиваться политических прав в настоящее именно время?

На этот вопрос, не колеблясь, отвечаю утвердительно. Между вашими врагами, которые так часто соединяются против вас, между правительством и высшими классами нет единодушия. Царь не хочет отказаться от своей деспотической власти, он не хочет поделиться ею с высшими сословиями. Он желает остаться полновластным, абсолютным монархом, во что бы то ни стало сохранить весь блеск, все азиатское величие своего сана. А между тем у него для этого нет ни силы, ни возможности. Преследуемый революционерами, он уже не правит страною, а думает только о том, как бы спасти свою жизнь от ударов революционеров. На деле вся власть перешла в руки кучки крепостников, ханжей или корыстолюбцев, думающих только о своей наживе.

Упиваясь своей минутной победой, не думая о завтрашнем дне, эта кучка ханжей, корыстолюбцев и честолюбцев потеряла всякий смысл и всякую меру. Она бьет направо и налево, не отличает друзей от врагов и мечтает о том, чтобы вернуться к временам крепостного права. Но такой поворот невыгоден даже для огромной части лиц, принадлежащих к высшим классам. Они видят, что эта реакционная политика правительства вредит их собственным интересам, и все более и более задумываются о том, чтобы положить предел самовластью царских любимцев. Они хотят ограничить царскую власть, ввести у нас *конституционное устройство*. Чем более распространяется подобное стремление, тем более возрастает недовольство современным правительством, а следовательно, тем менее может это правительство рассчитывать на сочувствие и поддержку. А пока оно продолжает терять кредит в глазах высших классов, в глазах так называемого *общества*, все государственные дела приходят в упадок: долги растут, казна пустеет, а вместе с тем уменьшаются и средства ее пополнения. Все эти средства брались до сих пор с народа, но народ все более и более беднеет и скоро дойдет до такого положения, что взять с него будет нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться к обществу, чтобы с его помощью избавиться от необходимости объявить себя банкротом. *Абсолютная* монархия уступит место монархии *ограниченной*. Царь должен будет разделить власть с Земским собором, с Парламентом или вообще законодательным собранием, как бы его не называли.

Вот этот-то раздор в лагере ваших врагов, вот эта-то необходимость ограничения царской власти и облегчит вам завоевание политических прав и политической свободы. Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до *выгод*, принесенных борьбою, то высшие классы будут помнить *только о себе*, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и не даром затратите свои силы.

Вы добьетесь тогда для всех вас, т. е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное собрание и быть выбираемыми в такие представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образования рабочих обществ, — короче,

* В «Рабочем»: «недовольство массы». — *Ред.*

** Как видит читатель, мысль об агитации не была для нас новостью, когда появилась, — в половине 90-х годов, — брошюра по вопросу о ней («Об агитации») [2]. — *Прим. Г. В. Плеханова ко 2-му изданию.*

вы завоюете себе *политические права и политическую свободу*. А мы знаем уже, что такая удача была бы в высшей степени полезна для ваших дальнейших успехов.

Значит, разумная тактика требует, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себе политические права и политическую свободу, а современное положение России показывает вам, что возможность эта очень недалека уже в настоящее время.

Недостаток места заставляет меня лишь кратко коснуться в этом первом письме того употребления, которое вы сделаете из своей политической победы *. Но дело ясно и само по себе.

Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение. Ваши представители потребуют от Законодательного собрания целого ряда экономических реформ в пользу бедных и трудящихся классов. Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во-первых, вы все-таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы вы, сидя сложа руки. А во-вторых, упорство высших классов также пойдет вам на пользу, хотя и в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши *революционные* ряды тех, которые, по своей слабости и нерешительности, надеялись на мирный исход, на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той истины, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит *всю* государственную власть в свои руки и провозгласит *республику социальную и демократическую*.

Итак, что же вам предстоит теперь делать?

1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное, облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем.

Ведите же настойчиво это дело! Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издевается только ленивый!

Г. Плеханов.

В следующем письме я поговорю о тех задачах, которые открываются перед русской рабочей партией в будущем *конституционном* государстве.

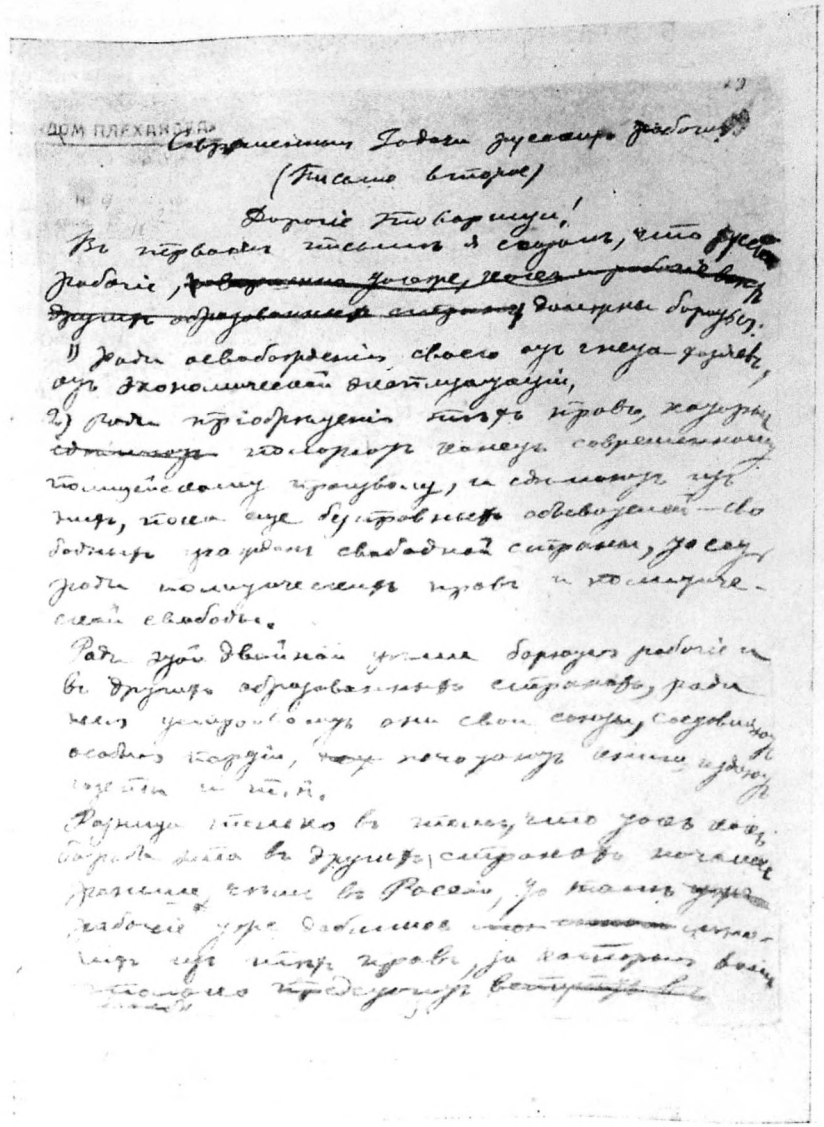
ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дорогие товарищи!

В первом письме я сказал, что русские рабочие должны бороться:

1) ради освобождения своего от гнета хозяев, от экономической эксплоатации;

* В «Рабочем»: «свободы». — *Ред.*



Первая страница рукописи «Современные задачи русских рабочих» (письмо второе)

2) ради приобретения тех прав, которые положат конец современному полицейскому произволу и сделают из них, пока еще бесправных обывателей, свободных граждан свободной страны, т. е. ради политических прав и политической свободы.

Ради этой двойной цели борются рабочие и в других образованных странах, ради нее устраивают они свои союзы, составляют особые партии, печатают книги, издают газеты и т. п.

Разница только в том, что так как борьба эта в других странах началась раньше, чем в России, то там рабочие уже добились многих из тех прав, за которые вам только предстоит начать кровавую борьбу с правительством.

Во Франции, например, совсем нет «государя»: ни царя, ни короля, ни императора. Франция — республика. Законы издают в ней выборные от всего народа, приводят их в исполнение чиновники, из которых высшие, т. е. обладающие самой большой властью, опять-таки выбираются, правда, уже не всем народом, но его выборными. Каждый рабочий, достигший 21 года, имеет право не только выбирать этих выборных, но и быть самому выбранным в народные представители, заседать в законодательном собрании, может быть рядом с тем самым капиталистом, у которого он перед этим работал на фабрике.

Кроме того, в той же Франции рабочие имеют право устраивать открытые союзы, собрания, издавать свои книги и газеты. Французская республика есть свободная страна.

Швейцарская республика пользуется всеми этими благами в еще большей степени. Там еще больше политической свободы. Но кроме того, интересы рабочего народа обеспечены там и другим образом. В каждой деревне существует прекрасная школа, в которую родители *обязаны* отдавать своих детей. Благодаря этому *обязательному образованию*, там нет совсем неученых, неграмотных, все умеют читать и писать и все убеждены, что *свободный народ должен быть образованным народом*. Те деньги, которые у нас идут на войско, расхищаются царем и его чиновниками, употребляют там на народное образование.

Но и этого мало. Хорошее дело учить бедных детей в школах, устроенных на счет государственной казны. Но что, если эти дети *голодны*, если их родители не имеют средств одеть их? Такие случаи возможны теперь везде, в Швейцарии так же, как и в России. Но разница в том, что между тем как наше *императорское* правительство вовсе не заботится о народном образовании и вовсе не думает о бедных учениках, — в Швейцарской республике теперь уже поднимается вопрос о том, чтобы устроить *школьные кухни*, т. е. кормить бедных учеников в школах опять-таки на счет государства или, как говорят у нас, на казенный счет. Разница, как видите, и здесь не маленькая.

Однако и это еще не все. Если бы сравнили русскую податную систему, положим, с французской, сравнили бы, какую часть своего дохода отдает в виде налогов французский крестьянин или рабочий и какую часть отдает русский, то увидели бы, что и в этом отношении народу живется гораздо лучше в тех странах, где есть политическая

свобода. За границей просто не хотят верить, что русский крестьянин отдает в казну часто все то или даже больше того, что получает он со своего надела.

У нас еще только недавно издан закон, по которому подростки от [12] до [15] лет не должны работать на фабриках более [8] часов [3]. В Швейцарии есть закон, по которому взрослые рабочие не должны работать больше одиннадцати часов в сутки.

Вы видите, дорогие товарищи, что за границей рабочие уже теперь имеют гораздо больше прав, чем у нас (в России). Мы далеко отстали от других образованных народов и нам нужно поскорее догонять их. Нам нужно поскорее завоевать себе политические права и политическую свободу.

〈...поскорее ограничить власть «Его величества» властью народных представителей, а то и вовсе покончить с «Государем императором» и провозгласить Российскую республику.

Но что значит завоевать себе политические права и политическую свободу? Это значит составить из себя такую грозную силу, которой поневоле уступили бы ваши враги...〉 *

Эти права и эти свободы должны быть обеспечены законом и притом так, чтобы те законы, в которых выражаются ваши права и ваша свобода, были самыми главными, основными законами русского государства, чтобы они были меркой, которой мерились бы все другие законы, чтобы не мог быть издан никакой закон, нарушающий ваши права и вашу свободу.

Такие основные законы составляют то, что называется конституцией, значит вам нужно добиваться конституции и требовать, чтобы эта конституция обеспечила ваши права и вашу свободу.

Какие же права? Мы отчасти уже видели это, когда сравнивали положение рабочего народа в России с положением его за границей.

Во-первых, вам нужно положить конец абсолютной (т. е. неограниченной) монархии... [4]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Рабочий» — первая социал-демократическая газета в России, издававшаяся в Петербурге в 1885 г. группой Благоева. Печаталась в подпольной типографии. Всего вышло два номера: № 1—в январе и № 2 — в июле.

Благоев, Дмитрий Николаевич (1859—1924) — болгарский социал-демократ. Окончив в России гимназию и университет, создал в 1882 г. в Петербурге первый в России марксистский кружок, а в 1884 г. — первую в России социал-демократическую организацию, известную под именем «Благоевской группы». Группа Благоева развила значительную пропаганду среди петербургских рабочих, приняла выработанную Благоевым социал-демократическую программу и выпустила два номера вышеупомянутой газеты. В 1885 г. Благоев был арестован и выслан на родину, где стал теоретиком и организатором болгарского рабочего движения. По его почину в 1919 г. социал-демократическая партия «тесняков» была реорганизована в болгарскую коммунистическую партию.

[2] Это примечание было сделано Плехановым в сборнике «На два фронта». Брошюра «Об агитации» была составлена в 1894 г. А. И. Кремером и проредактирована Ю. О. Мартовым.

* Слова, заключенные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. — *Ред*

Плеханов подробно остановился на ее положительных и отрицательных сторонах в статье «Еще раз социализм и политическая борьба» (Соч., т. XII). Примечание Плеханова направлено против «экономистов», неправильно расценивших мысли, развитые в брошюре, и обвинявших революционных социал-демократов в непонимании значения агитации для массового рабочего движения.

[3] Имеется в виду закон 1 июня 1882 г. об ограничении работ подростков, вошедший в силу в 1884 г. В рукописи цифры пропущены.

[4] На этом рукопись обрывается.

ОБ ИЗДАНИИ «РАБОЧЕЙ БИБЛИОТЕКИ»

Вскоре после своего возникновения, осенью 1884 г., группа «Освобождение труда» выпустила публикуемое объявление, в котором извещала о своем намерении издавать литературу для «наиболее развитых слоев рабочих». Эта библиотека должна была существовать наряду с созданной раньше ее «Библиотекой современного социализма», выпустившей к тому времени брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», а также брошюру Энгельса «Развитие научного социализма» и программу группы, — литературу, предназначенную для создания кадров интеллигентных пропагандистов. Одной этой библиотеки было недостаточно, так как в середине 80-х годов в России уже имелся рабочий читатель. В 1884 г. в Петербурге появилась первая в России социал-демократическая группа, именовавшаяся «Партией русской социал-демократии» и известная в литературе под именем «группы благоевцев». Организатор этой группы, будущий деятель болгарского рабочего движения, Д. Н. Благоев поддерживал связь с группой «Освобождение труда». Его письма вдохновляли оторванную от России, малочисленную и не имевшую в то время никакой материальной базы для своей деятельности группу. «Ну, да унывать не нужно, — писал Плеханов Аксельроду летом 1885 г. — Авось еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно, — это вы могли видеть из посланного вам письма Благоева. Если так, то наша беда — еще пол-беды» («Переписка Г. В. Плеханова и П. В. Аксельрода», М., 1925, т. I, стр. 21).

Первым выпуском «Рабочей библиотеки» была брошюра П. Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», в предисловии к которой и было помещено публикуемое «Объявление». Следующей вышла, также в 1885 г., брошюра С. Дикштейна «Кто чем живет», третьим выпуском, уже в 1889 г., «Речь П. А. Алексеева». В общей сложности «Рабочая библиотека» выпустила до 1903 г. 12 брошюр. Объявление «Об издании рабочей библиотеки» датировано 15 сентября 1884 г. и подписано: «Редакторы П. Аксельрод, Г. Плеханов». В Собр. соч. Плеханова оно не вошло. Перепечатка производится из предисловия к брошюре П. Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», Женева, 1885, стр. X—XVII.

Предпринимаемое группой «Освобождение труда» издание брошюр и книжек для рабочих будет иметь в виду главным образом наиболее развитые слои из них, другими словами, рабочую интеллигенцию. При всем своем желании работать на пользу создания литературы, доступной пониманию всей крестьянско-рабочей *массы*, мы, тем не менее, вынуждены *пока* ограничить свою народно-литературную деятельность тесным кругом более или менее интеллигентных читателей

рабочего класса. К этому принуждают нас наше положение вдали от родины и крайняя малочисленность лиц, на серьезную поддержку которых подобному предприятию мы можем в настоящую минуту рассчитывать. Будем надеяться, что искренние друзья рабочих классов среди русских революционеров не замедлят серьезно приступить к выполнению одной из их важнейших обязанностей — к созданию крестьянско-рабочей литературы, приспособленной к пониманию читателей разных степеней умственного развития. А пока пусть наша попытка послужит хоть первым шагом на этом пути.

Имея в виду в своих изданиях главным образом рабочую интеллигенцию, группа «Освобождение труда» считает нужным к ней же и обратиться с несколькими разъяснениями относительно непосредственных задач «Рабочей библиотеки».

Задачи эти зависят прежде всего от тех целей, которые должен и может преследовать рабочий класс в России. Обязанность литературы — книг и газет — и состоит в том, чтобы способствовать выяснению в головах людей тех целей и путей, которые наиболее верно ведут к их благосостоянию.

Россия живет теперь накануне больших перемен. Население ее страдает под гнетом царского самодержавия и произвола чиновников, жандармов и полиции — вплоть до самоуправства урядников и городовых. Беззаконие и произвол царят по всей стране и душат всех, начиная с крестьянина и рабочего и кончая учеными, издателями и сочинителями книг и газет, учащейся молодежью и т. д. Этот чудовищный порядок или, вернее, беспорядок неминуемо должен скоро рухнуть под напором борьбы против него революционеров и своей собственной дикости. Выиграют ли при этом, и в какой степени, трудящиеся слои России? — таков вопрос, который необходимо должен задать себе всякий развитой, мыслящий рабочий и всякий искренний друг народа — к какому бы классу населения он ни принадлежал.

Выигрыш крестьянско-рабочего населения России от предстоящих перемен в управлении ею будет прежде всего зависеть от степени сознательности и энергии, с которой оно будет бороться против царско-полицейского самовластия и участвовать в деле водворения новых порядков на его развалинах. Повсюду трудящиеся классы своей кровью способствовали низвержению царского деспотизма в пользу установления конституционных порядков, т. е. управления страной посредством законов, издаваемых выборными от населения. Но редко где перемены эти сопровождались сколько-нибудь заметным улучшением в материальном быту крестьян и рабочих — увеличением земельных наделов, облегчением от податных тягостей, увеличением заработной платы и т. д. Мало того, в громадном большинстве случаев, высшие классы и их образованные представители — интеллигенция — сумели устранить малоземельных крестьян и рабочих даже от пользования такими политическими правами, как избрание законодателей и представителей в земские и думские собрания, право собираться и составлять союзы для отстаивания своих интересов и т. п. А между тем, в конституционных государствах права эти составляют одно из

важнейших средств борьбы разных классов за их благосостояние. Неразвитость низших классов, непонимание ими смысла совершавшихся вокруг них событий и своих собственных интересов — были причиной того, что они долгое время служили во всех странах только пушечным мясом в руках богатого и образованного меньшинства населения.

Можно ли рассчитывать, что у нас на родине этого не случится при падении теперешнего порядка в управлении страной? Мы не решаемся с полной уверенностью отвечать на этот вопрос. Во всяком случае всякий развитой и честный человек обязан употребить все усилия на то, чтобы предохранить наши трудящиеся классы от унизительной роли слепого орудия в руках их эксплоататоров.

Всякий, более или менее знакомый с теперешними условиями жизни крестьянского населения, согласится с нами, что они крайне неблагоприятны для развития в нем того сознания своих сил и своих интересов, которое необходимо для самостоятельной, *разумной* борьбы против несправедливых порядков. Здесь не место доказывать эту мысль. Заметим только, что одна уже разбросанность крестьянского населения по деревням, оторванность от сношений с многолюдными центрами торговли, промышленности и образования и, наконец, чрезвычайная трудность доступа к нему правильных известий о том, что совершается вне тесного круга деревни, представляют собою достаточно сильные препятствия для возникновения в его среде вполне сознательного движения для низвержения царского произвола и установления на Руси лучших порядков.

Но если наше крестьянство не может само выдвинуть из себя сплоченную силу сознательных борцов за его интересы, то оно, тем не менее, могло бы сделаться значительной революционной силой под энергическим влиянием той части эксплоатируемых слоев, которая поставлена в более благоприятные условия для развития в себе способности и уменья к борьбе с существующими порядками. Мы говорим о рабочем классе промышленно-торговых центров.

Класс этот, правда, еще слишком малочислен у нас по сравнению со всей массой населения, чтобы он сам по себе мог в ближайшие годы приобресть такую силу, как, например, рабочие Англии и даже Германии и Франции. Но зато жизнь в многолюдных городах России создает для него возможность развития в себе тех качеств, которые необходимы для того, чтобы стать сознательным руководителем трудящихся масс России в их борьбе за свою свободу и благосостояние. Скопление рабочих из разных концов России большими массами в немногих пунктах, на фабриках и заводах, дает им возможность узнавать друг от друга о жизни населения во всей империи и облегчает им путь для взаимного сговора относительно общих нужд всего трудящегося люда и способов борьбы за удовлетворение этих нужд. Близкое соприкосновение (сравнительно с жителями деревень) с высшими властями и с образованными людьми, наконец, большая легкость получения газет и книжек — все это дает городским рабочим возможность доходить до верных понятий о характере нашего правительства, о порядках, господствующих в разных странах, и о путях, ведущих к общему равенству и истинной свободе всего человечества.

Всего 10—12 лет прошло с тех пор, как лучшая часть учащейся молодежи пустилась «в народ» с проповедью социалистических учений. И несмотря на всевозможные преследования правительства, несмотря даже на то, что сами пропагандисты считали свою деятельность среди городских рабочих очень маловажною по сравнению с революционной деятельностью в крестьянской среде и относились к ней, поэтому, далеко не с той серьезностью, какой она заслуживала, несмотря на все это, наш рабочий класс успел уже за это короткое время доказать и свою восприимчивость к идеям социализма, и свою способность бороться за них.

В начале 70-х годов у нас существовал только один слой — «интеллигенция», состоявший из более или менее образованных людей из среды имущих классов. «Народ», «рабочие» противополагались ей тогда, как сплошная масса невежественных и неразвитых людей. Кто станет отрицать, что у нас теперь уже существует *рабочая интеллигенция*, состоящая из нескольких тысяч лиц, сознательно сочувствующих стремлениям русских революционеров и с таким же интересом относящихся к важнейшим общественным вопросам, как и масса образованных представителей высших и средних классов. Сотни социалистов-рабочих, томящихся в ссылке, в тюрьмах и каторге, десятки мужественных борцов из рабочего класса, выступивших на разных процессах, и многие другие факты из его жизни за последние 10 лет показывают, на что он способен при серьезной пропаганде в его среде. Припомним, наконец, тот знаменательный факт, что в лице «Северно-русского рабочего союза» рабочий класс *первый* выступил у нас, даже *наперекор* так называемой революционной интеллигенции, с требованиями политической свободы; совершенно самостоятельно дошел он до сознания невозможности каких-нибудь улучшений в быту низших классов без приобретения ими для себя политических прав.

Эти краткие указания на успехи социалистической пропаганды среди рабочих достаточно убедительно говорят в пользу той мысли, что русский рабочий класс заключает в себе большие задатки для того, чтобы выступить сознательным представителем интересов всей трудящейся массы России. Но для того чтобы он своевременно мог приобресть такое значение в русской жизни, революционерам необходимо с гораздо большей серьезностью и упорством приняться за дело пропаганды социализма в его среде и объединения его в тайные союзы с ясно продуманными целями и средствами борьбы.

Обязанность эта прежде всего и главным образом падает на рабочую интеллигенцию и особенно на ее наиболее развитых и смелых представителей. Но чтобы достойно выполнить эту обязанность, она должна сама глубоко проникнуться сознанием *тесной связи* между условиями благосостояния крестьян и промышленных рабочих и пониманием задач рабочего класса как руководителя всех трудящихся слоев России. Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьез-

ное и неустанное подготовление рабочего класса к его великой исторической роли представляет собою одно из необходимейших условий для обеспечения трудящихся масс России от гибельных ошибок, от обманов и насилий со стороны эксплуатирующих классов.

Очевидно, что первый шаг на пути подготовления рабочих промышленных центров к выступлению на поле борьбы с врагами народного благосостояния должен состоять в том, чтобы сама наша рабочая интеллигенция организовалась в *самостоятельную* силу. Вместо того чтобы тащиться в хвосте так называемых интеллигентных кружков, она должна направить все свои усилия, всю свою энергию на образование одного *самостоятельного рабочего* союза или *рабочей партии* в полном смысле этого слова. Искренние друзья народной самодеятельности из высших и средних классов не замедлят, без сомнения, поддержать усилия рабочей интеллигенции на этом пути.

Чем энергичнее она будет преследовать эту цель, чем смелее и неустаннее она будет стремиться к достижению ее, тем больше будет расти число революционеров из так называемой у нас интеллигенции, которые почтут за честь состоять членами рабочих кружков и действовать ради них и от их имени. Несомненным последствием деятельности рабочей интеллигенции будет в конце концов то, что все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется *одна социалистическая рабочая* партия, в состав которой будут входить, как теперь в Германии, все действительные друзья трудящихся классов населения.

Из всего вышесказанного сама собою вытекает задача «Рабочей библиотеки». Она сводится главным образом к выяснению перед рабочей интеллигенцией ее задач и условий наилучшего их выполнения. С этой целью она будет знакомить русских рабочих:

1) С теми понятиями о человеческом благосостоянии, свободе и справедливости, до которых дошли передовые рабочие и их ученые представители в образованных странах. Понятия эти суть плод многовекового, весьма тяжелого опыта наиболее передовых народов, и знакомство с ними может предохранить рабочий класс России от многих, чрезвычайно важных ошибок.

2) Как необходимое дополнение к этому, «Рабочая библиотека» будет издавать книжки по истории образования рабочих союзов и партий в Европе и знакомить с теперешним состоянием и способами деятельности этих союзов.

3) Наконец, она будет выяснять, с одной стороны, положение разных слоев рабочего класса и взаимную неразрывную связь их интересов, а с другой — те пути и способы, которые, по убеждению членов группы «Освобождение труда», могут вести к приобретению рабочим классом достаточной силы для успешной борьбы за свою свободу и благосостояние.

Редакторы: *П. Аксельрод.*
Г. Плеханов.

Женева, 15 сентября 1884 г.

К РУССКИМ РАБОЧИМ В АМЕРИКЕ

Публикуемое обращение, подписанное Плехановым и Аксельродом, было первым обращением русских социал-демократов, а возможно и русских революционеров вообще, к русским рабочим-эмигрантам в Америке. В середине 80-х годов, к которым относится обращение, датированное февралем 1886 г., в Америке еще не существовало русских социал-демократических организаций (в 90-х годах таковые уже были; см. об этом письма Ингермана в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I). Сношения группы «Освобождение труда» в то время шли через отдельных лиц, связь с которыми поддерживал преимущественно П. Б. Аксельрод. Обращение было напечатано листовкой в четыре страницы, являющейся в настоящее время библиографической редкостью. Экземпляр такой листовки сохранился в архиве Аксельрода и был опубликован в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», вышедшей в Москве в 1925 г. Больше нигде обращение не публиковалось. Перепечатка производится из «Переписки», т. I, стр. 218—221.

Товарищи!

Кто бы вы ни были по своей вере или происхождению — христиане или евреи, — одно обстоятельство, одна причина заставила большинство из вас, — а может быть всех вас, — бросить свои родные места и искать убежища в другой части света. Самовластие царя и произвол его прислужников, невыносимое бремя рекрутчины и податей, страшный гнет бесчисленной орды чиновников, полицейских и жандармов — вот что главным образом гонит сынов России в чужие края. Вынужденные покинуть свою родину, вы не можете, однако, оставаться равнодушными к ее дальнейшей судьбе. Из вашей памяти не изгладятся испытанные вами притеснения; вы не забудете того, что миллионы ваших братьев продолжают страдать под игом деспотического и лицемерного правительства. Вы знаете, что русский царь не останавливается ни перед какими средствами для упрочения своей власти. Кому не известно, что его чиновники возбуждают ненависть и вражду между «обывателями», натравливают православных русских на немцев и поляков, а христиан вообще — на евреев? Когда разражаются вызванные таким образом беспорядки, то солдаты и полицейские усмиряют «бунтовщиков», а правительство является как бы благодетельным спасителем своих «подданных» от взаимного истребления, ангелом хранителем их спокойствия и благосостояния. Для того чтобы доказать необходимость своего существования для блага России, русское правительство возбуждает дикую вражду между людьми разных вер и наций и бесчеловечными мерами подавляет затем чересчур сильные проявления посеянной им же вражды.

Лично на себе испытав дикий произвол царско-полицейского самовластия, вы не можете не сочувствовать отважной борьбе русских революционеров против порядков, угнетающих население России. Само положение вещей делает вас революционерами. Но сознательный революционер должен ясно определить себе не только то, чего он не хочет, но также и то, *к чему он стремится*. Русский революционер не

может довольствоваться убеждением в том, что порядки, существующие теперь на Руси, должны быть *уничтожены;* ему необходимо уяснить себе, какие же именно порядки должны *занять их место*. В этом отношении жизнь за границей, в особенности в Америке, может значительно облегчить его задачу.

В Соединенных Штатах существует свободное, республиканское устройство; жители этой страны называются не *обывателями*, а *гражданами;* у них есть политические права, которые они умеют отстаивать и которых не может безнаказанно нарушить ни один чиновник.

Но вы видите в то же время, что такие порядки далеко нельзя считать верхом человеческого благополучия. Вы видите, что и в Соединенных Штатах, самой свободной из всех стран, иго капитала продолжает тяготеть над рабочим классом. Люди труда, руками которых создано все общественное богатство, остаются в бедности, между тем как их эксплоататоры наслаждаются всеми благами жизни. То же самое происходит и в других странах Запада, и против этого-то *экономического* неравенства, против этой *экономической* эксплоатации повсюду ведут борьбу наиболее передовые представители рабочего класса. В Америке и в Европе, в Англии, во Франции, в Бельгии, в Германии, в Дании, в Голландии рабочие собираются под знамя *социальной демократии*. Они ведут борьбу всеми зависящими от них средствами и часто изумляют своим героизмом эгоистичных сторонников буржуазии.

Мы уверены, товарищи, что раз уяснивши себе смысл этой великой борьбы, вы целиком станете на сторону того класса, к которому вы принадлежите сами; мы думаем, что и теперь уже многие из вас с полным правом называют себя *социал-демократами*.

Мы также сочувствуем всемирной борьбе рабочего класса против буржуазии; мы также имеем честь принадлежать к социальной демократии. Уже по одному этому мы желали бы войти с вами в более близкие сношения, чтобы общими силами работать для успеха общего дела.

Несколько лет тому назад мы основали социал-демократическую группу *«Освобождение труда»*. Прямой, непосредственной задачей этой группы является издание книг и брошюр для развитой части русских рабочих и для интеллигенции из имущих классов. Мы не надеялись на скорый успех, так как знали, что многие из русских революционеров до сих пор заражены анархическими предрассудками. Но успех превзошел наши ожидания. В настоящее время в России существует уже несколько тайных рабочих кружков, принявших социал-демократическую программу; там издается тайная социал-демократическая газета «Рабочий», и мы имеем все основания думать, что раз начатое дело будет продолжаться безостановочно.

Мы обращаемся к вам с просьбой поддержать это дело. Вы знаете, как выселившиеся в Америку ирландцы помогают революционному движению в Ирландии, вы знаете, что тысячи немецких переселенцев образуют социал-демократические союзы и энергически содействуют

рабочему движению в Германии. Последуйте же их примеру: организуйте русский рабочий социал-демократический союз и постарайтесь войти в федеративную связь с группой «Освобождение труда», издания и программу которой мы вам посылаем. Через посредство этой группы вы войдете также в сношения с действующими в России социал-демократами.

Еще раз повторяем, что мы обращаемся ко всем вам, без различия вашего племенного происхождения. Мы трудимся в интересах всего рабочего класса России, не справляясь о происхождении отдельных его слоев.

Мы ждем от вас братской моральной и материальной помощи.

П. Аксельрод.
Февраль 1886 г. *Г. Плеханов.*

ПРОЕКТ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «САМОУПРАВЛЕНИЕ»

Публикуемый черновик письма, найденный в архиве Аксельрода и опубликованный в его «Переписке» с Плехановым (т. I, стр. 224—225), представляет собой ответ группы «Освобождение труда» редакции «Самоуправления», предложившей группе сотрудничать в этом журнале. «Самоуправление» выходило в 1887—1889 гг. в Женеве. Всего вышло четыре номера — №№ 1 и 2 в декабре 1887 и в мае 1888 г. и №№ 3 и 4 в феврале и марте 1889 г. Это был журнал, называвший себя «органом социалистов-революционеров» и стремившийся объединить вокруг себя без разбора все революционные течения того времени. Фактически редакция журнала находилась в России; в состав ее входили люди, связанные с народническим движением конца 70-х и начала 80-х годов, — Флоровская-Фигнер, Белевский-Белоусов, каракозовец Николаев, позднее Н. К. Михайловский.

Платформой при переговорах о сотрудничестве в журнале эмигрантов разных толков служила программная передовица, написанная в России и напечатанная затем в № 1 «Самоуправления». Незадолго до выхода этого номера и было, повидимому, написано публикуемое письмо.

В № 1 журнала напечатан ряд писем русских эмигрантов, отвстивших на запрос об их отношении к новому изданию. Среди этих писем нет ответа группы «Освобождение труда». Вместо этого там помещен отрывок из проекта программы группы в виде письма в редакцию, за подписями Плеханова, Аксельрода и Засулич. Было ли отослано в редакцию публикуемое письмо, остается неизвестным. Возможно, что было, но редакция решила не публиковать его из-за заключавшейся в нем критики. Во всяком случае не подлежит сомнению, что из всех журналов того времени письмо это, не имеющее заголовка, могло быть адресовано только в редакцию «Самоуправления». Оно не могло быть адресовано журналу «Общее дело», существовавшему с 1877 г., так как этому предположению противоречили бы слова в письме: «Вы заводите орган». Не могло оно быть адресовано и в редакцию «Социалиста», так как программа этого органа, единственный номер которого вышел в 1889 г., почти целиком удовлетворила Плеханова (см. его письмо к Аксельроду в «Переписке», т. I, стр. 59). Наконец, адресатом печатаемого письма не могли быть и такие бледные органы либеральной интеллигенции, как «Свобода» и «Борьба».

Письмо адресовалось к органу, с направлением которого Плеханов не был согласен, но который он уважал, с которым считался. О том, что в данном случае этим органом было «Самоуправление», косвенно свидетельствует и сопоставление публикуемого документа с напечатанной в следующем году в сборнике «Социал-демократ» библиографической заметкой Плеханова о первых двух номерах «Самоуправления». Заметка характеризует политическое лицо журнала и отмечает положительные и отрицательные стороны его программы. Характеристика эта аналогична той, которая дана в публикуемом письме, но в статье она имеет более развернутый и законченный вид. Общая оценка журнала дана в следующих заключительных словах заметки: «Резюмируем наше мнение о новых противоправительственных органах [«Самоуправление» и «Свобода»]. Главное их достоинство заключается в *факте их существования*. Что же касается до их *направления*, то оно вполне соответствует переживаемому нами переходному времени» (Соч., т. IV, стр. 278). Когда, спустя много времени, в начале 1889 г., вышли №№ 3 и 4 «Самоуправления», Плеханов отметил и их появление в небольшой библиографической заметке, напечатанной в № 1 «Социалиста». Там он с удовольствием подчеркнул, что за время «своей болезни» журнал «значительно изменился к лучшему» и что в этом номере не осталось «и следа тех странных рассуждений, которыми был в особенности богат первый номер и которые способны были нагнать хандру на самого жизнерадостного читателя» (Соч., т. III, стр. 111).

М. Г.

Вы предлагаете нам писать в вашем журнале. Охотно принимая это предложение, мы должны, однако, оговориться.

Воззрения группы «Освобождение труда», высказанные в ее изданиях, далеко не сходятся с вашими [1]. Она не так, как вы, смотрит на общину, на капитализм, а главное — на экономическое и политическое значение пролетариата в России. Скажем более, выскажемся откровеннее: по мнению членов этой группы, ваши теории не устраняют главных ошибок «народничества» и «народовольства», они только *сглаживают* и *стирают* противоречия, настоятельно требующие *разрешения*. Ваша теоретическая критика нашего революционного прошлого далеко отстает от той практической критики, которая была сделана самой жизнью. Эта практическая критика гораздо глубже, решительнее, беспощаднее, а потому и плодотворнее. Она бесповоротно осудила те принципы, которые вы стараетесь спасти с помощью новой терминологии. Поэтому мы убеждены, что под знаменем ваших теорий ни в каком случае не может состояться желанное для нас объединение русских революционеров. Вы начинаете не с того конца: вы пытаетесь объединить их во имя тех остатков старого миросозерцания, которые сохранились у них после всех их теоретических и практических злоключений. Вы называете это *синтезом*, хотя на самом деле это лишь — *консервативный эклектизм*. Действительно полезное объединение может произойти, наоборот, лишь тех новых воззрений, которые необходимо должны явиться и уже являются под влиянием тяжелых уроков жизни и лучшего знакомства с западноевропейской социалистической литературой [2].

Кроме того, ваши политические требования не всегда ясны. Ваш федерализм по меньшей мере не имеет ничего общего с интересами трудящегося населения России.

Но ваша попытка есть, во всяком случае, очень хорошая попытка. Вы заводите орган, изъятый из ведомства императорской цензуры. Вы бросаете перчатку абсолютизму. Вы требуете политической свободы — и на этом основании мы можем работать вместе с вами, оставляя за собой право критиковать вашу программу в наших изданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Противопоставляя взгляды группы «Освобождение труда» программе «Самоуправления», Плеханов пишет в рецензии на № 1 и 2 журнала: «Самоуправление»... уверено, что чему не помогут легальные протесты, поможет «путь людей 1-го марта», и делу конец! А вот нам все кажется, что не мешало бы «затратить свои силы на городскую революцию» и *путем людей 93-го года притти туда, куда мы не дойдем, следуя лишь по пути людей 1-го марта*. Против русского деспотизма динамит недурное средство, но *гильотина еще лучше*» (Соч., т. IV, стр. 274).

[2] В заметке, напечатанной в «Социал-демократе», Плеханов развивает подробнее ту же мысль. Назвав несбыточными надежды издателей «Самоуправления» сгруппировать вокруг себя «социально-революционные силы России», он продолжает: «Под их знаменем, сшитым из старых лоскутков старых, истрепанных жизнью знамен, ни в каком случае не может состояться объединение «социально-революционных сил России». Для решения подобной задачи нужно, во-первых, не бояться «народной» и «городской» революций, а, во-вторых, нужно побольше критики, побольше определенности и поменьше противоречий в постановке жгучих социально-политических вопросов» (Соч., т. IV, стр. 275).

ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Настоящая публикация представляет собой второй проект программы, выработанный группой «Освобождение труда» вскоре после первого, в 1887 г. В печати он появился несколько позднее. Первая его публикация относится к 1888 г., когда в издании «Библиотеки современного социализма» вышла брошюра «Чего хотят социал-демократы?» Эта брошюра представляла собой извлечение из программы французской рабочей партии Геда и Лафарга («Programme du parti ouvrier»), в приложении к которой и был помещен публикуемый второй проект под заглавием «Проект программы русских социал-демократов». Вторично он был опубликован лишь через 10 лет в приложении к брошюре П. Б. Аксельрода «К вопросу о задачах и тактике русских социал-демократов», вышедшей в Женеве в 1898 г. Программа эта просуществовала до второго съезда партии, т. е. до момента ликвидации группы «Освобождение труда», и еще незадолго до съезда была снова и в последний раз опубликована в брошюре «Программа и объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда», Женева, 1903. Все дальнейшие многочисленные публикации обеих публикуемых нами программ группы «Освобождение труда» как вышедшие при жизни Плеханова, так и посмертные, носили уже исторический характер. В Собрание сочинений Плеханова настоящая программа вошла в т. II, стр. 400—404, откуда и производится перепечатка.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ [1]

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность *средств* и *предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т. е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по плану, заранее составленному, ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем — господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством* [2].

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран*, признанная и провозглашенная еще Международным товариществом рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, — то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран*. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов, естественно, должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени отмены крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным, умственным и нравственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции [3].

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него нападению, причем не остановятся и перед так называемыми террористическими фактами, если это окажется нужным в интересах борьбы [4].

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические права, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, например:

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставления права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п. [5].

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих* [6].

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.) [7].

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие и на крестьян, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье «Проект программы нашей партии», написанной в 1899 г. и опубликованной посмертно, Ленин говорит о втором проекте программы группы «Освобождение труда»: «Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-д-ой теории... В виду этого русские с.-д.-ты могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской с.-д.р. партии именно проект Группы «Освобождение Труда», — проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 511—512).

[2] См. примечание первое к первому проекту.

[3] Все эти «указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции», по мнению Ленина, должны были отпасть из принципиальной части программы (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 515).

[4] По поводу этого пункта Ленин пишет, что весь он должен отпасть: «... мы думаем, что в программе *рабочей партии* не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и съездам партии, устанавливающим *тактику* партии». И дальше: «Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор является *в настоящее время* нецелесообразным средством борьбы, что партия *(как партия)* должна от-

вергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации и правильной доставки литературы» (Соч., т. II, стр. 515—516). Ленин имел в виду допустимость на определенном этапе революции не индивидуальных террористических актов, а революционного насилия по отношению к эксплоататорам.

[5] По поводу этого пункта Ленин писал: «Мне кажется, что основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что с.-д. рабочая партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование» (Соч., т. II, стр. 518). Однако для конца 90-х годов он считал это требование неотчетливым, неопределенным. «Оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, но вряд ли можно удовлетвориться им теперь, когда мы должны и дать руководящий материал для агитации, и отгородить себя от защитников мелкого хозяйства...» (там же, стр. 521). Сам Плеханов в «Комментарии к проекту программы РСДРП», в 1902 г., также называет эту формулировку «неопределенной» и объясняет ее «дипломатическими» соображениями. Не выставляя никаких положительных требований, Группа исходила, по его словам, из того, что «пускаться в подробности на этот счет значило тогда поднимать такие ожесточенные, бесконечные споры, каких лучше было избегать до поры до времени» (Соч., т. XII, стр. 215).

[6] По этому пункту Ленин писал: «Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы, запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выборы рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промышленных и сельско-хозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и пр. других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для *всего* рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы не рационально» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 517—518).

[7] См. примечание 4 к первому проекту.

[8] По поводу этого примечания Ленин писал в 1899 г.: «15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение «основных принципов деятельности» в крестьянстве, если мы хотим, чтобы с.-д. рабочая партия сделалась передовым борцом за демократию» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 523). И там же он говорит, что русский социал-демократ может и должен «...стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 519).

РУКОВОДЯЩАЯ СТАТЬЯ ДЛЯ СБОРНИКА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» 1888 г.

Публикуемый отрывок, представляющий собой черновой набросок руководящей статьи для сборника «Социал-демократ», был написан Г. В. Плехановым, вероятно, весной 1888 г. Был опубликован впервые в книге «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М., 1925, стр. 38—41.

Отрывок печатается по рукописному оригиналу, сохранившемуся в архиве. Оригинал представляет собой автограф, написанный чернилами на девяти почтовых листах, с многочисленными помарками, частью на одной, частью на двух сторонах листа.

1 | Справедливо и не раз уже было замечено, что господствующая теперь в России реакция будет иметь для всего русского «общества» большое воспитательное значение. До последнего времени наши либералы были чужды всякой мысли об активной борьбе за политическую свободу. В царствование Александра II между ними преобладала полная уверенность в том, что «освободитель» решится, наконец, «увенчать здание реформ» и осчастливить своих верных подданных дарованием им «прав человека и гражданина». Иногда ожидание высочайшего подарка
2 приурочивалось к какому | нибудь торжественному событию, ждали, что нас наградят конституцией к какому-нибудь празднику, как награждают чиновников деньгами или орденами. Либеральная печать не раз намекала, что если бы революционеры не смущали правительство своими «преступными деяниями», то мы уже далеко ушли бы по пути политического прогресса. Русский либерал того времени отличался наивностью крестьянина. Он с такою же доверчивостью ожидал от царя благ представительного правления, с какою крестьянин ждет «черного передела».

Теперь едва ли уже возможны такие иллюзии. Теперь для всех уже очевидно, что Александр III совсем не проникнут конституционными
3 стремлениями, что он желает | не «увенчания» пресловутого «здания», а, напротив, полного его разрушения, восстановления порядков, процветавших при Незабвенном [1]. Очевидно также и то, что царский либерализм вещь слишком ненадежная, что пожалованные свыше реформы весьма непрочны и что «здание», увенчанное сегодня, может быть развенчано завтра, послезавтра, словом, когда только заблагорассудится коронованному архитектору. Нужно надеяться, поэтому, что энергические предприятия Александра III вылечат — если уже не вылечили — наших либералов от их застарелой болезни — политического оптимизма, и покажут им, — если уже не по-
4 казали, — что конституции не дарятся абсолютными | монархами, а *берутся у них с бою*.

Когда наши либералы проникнутся этим спасительным убеждением, они перестанут смотреть на революционное движение как на помеху для политического развития России. Напротив,

они сами задумаются о том, чтобы выступить, наконец, на путь активной борьбы с царским самовластием. Другого выхода нет и не может быть для людей хоть сколько-нибудь искренних и
5 цельных. | Этого пути, т. е. борьбы с абсолютизмом, не могли миновать и русские социалисты, т. е. люди, целью которых является экономическое освобождение народа. Люди эти нередко расходятся между собою по самым важным экономическим вопросам. В воззрениях некоторых из них много не только неясного и неопределенного, но и прямо противоречащего учениям западноевропейского социализма. Тем не менее все они единодушно признают и прекрасно понимают, что для успеха их дела необходимо прежде всего завоевание свободных политических учреждений и что до тех пор, пока Россией распоряжается гатчинский недоросль, экономическое освобождение трудящихся классов является делом совершенно немыслимым и невозмож-
6 ным. | Таким образом оказывается, что в падении абсолютизма одинаково заинтересованы люди самых различных политических направлений: от умеренного либерала до социалиста в западноевропейском смысле этого слова. Конечно, на этом основании смешно было бы говорить о полной солидарности этих партий. Различие между ними настолько велико, что, разделавшись с их общим врагом, все эти партии наверное вступят в ожесточенную борьбу друг с другом. Но тогда для их борьбы будет по крайней мере открыто свободное поле, тогда успехи их будут находиться в прямой зависимости от их энергии и жизнеспособности, между тем как в настоящее время абсолютизм связы-
7 вает каждую из них по рукам и ногам, | осуждает их на полную неподвижность и оставляет им одно печальное утешение: возможность питать совершенно бесплодную взаимную вражду и слепое недоверие друг к другу.

Давно уже пора всем нашим партиям понять невыгоду такого положения и серьезно взяться за изменение его к лучшему.

Теперь, в конце восьмидесятых годов, мы повторим то, что говорили в одном воззвании десять лет тому назад, после оправдания Веры Засулич [2].

Пусть каждая партия преследует свои особые цели, но пусть
8 ни одна не остается равнодушной к господству над Россией | тех людей, вся политика которых исчерпывается мрачной формулой *Слово и дело*[3]. Этой формуле нужно противопоставить другую, под которой могли бы подписаться все, кроме сторонников реакции и рыцарей застоя.

Долой абсолютизм! Да здравствует политическая свобода!

Вот девиз, который должны написать на своем знамени все наши оппозиционные и революционные элементы. Каждый из
9 них мог бы и должен был бы | внести в борьбу свою особую тактику и свои особые идеалы; их удары направлялись бы с различных сторон и имели бы неодинаковое значение, но именно это обстоятельство и приближало бы время нашего политического

освобождения. Такой натиск со всех сторон скоро сломил бы силы абсолютизма. Нужно только, чтобы он был единодушен, нужно, чтобы печать, ученое сословие, городские и земские представительства, равно как и социалистические организации, заявили конституционные требования и решились поддерживать
10 их всеми зависящими от них средствами. Раз началось бы | такое движение, его не остановили бы никакие генерал-губернаторы и никакие «сведущие люди».

Ввиду желательности и, по крайней мере, логической возможности такой единодушной борьбы против абсолютизма, весьма полезно было бы выяснить роль и приемы каждой из тех партий, которые могли бы принять в ней участие.

В качестве социалистов мы постараемся сделать это по отношению к социалистической партии. Само собой понятно, что политическая свобода не может быть конечною целью такой партии. С ее точки зрения завоевание политической свободы
11 является | лишь необходимым предварительным условием организации рабочего класса для борьбы за его экономическое освобождение, или, если угодно, одним из фазисов рабочего движения. Но мы забудем пока другие цели и будем иметь в виду только политическую свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Незабвенным» называл Александр II своего отца, Николая I.

[2] Плеханов имеет в виду листовку, выпущенную в 1878 г. по поводу оправдания судом присяжных Веры Ивановны Засулич, которая стреляла в петербургского градоначальника Трепова, протестуя этим актом против сечения розгами революционера Боголюбова. Автором листовки был Плеханов. В конце ее Плеханов говорит: «Всякий, кто не за правительство, в подобных случаях должен быть против него... Пусть разные политические партии преследуют разные цели, но ни одна из них не позволяет господствовать над собою тем, вся политика которых исчерпывается двумя мрачными, давно везде забытыми словами: «Слово и дело» (Соч., т. XXIV, стр. 322—323).

[3] «Слово и дело государевы» — название государственных преступлений в России XVIII в., а также условное название царского политического сыска, свирепо расправлявшегося с врагами царя и крепостного строя. «Сказывать слово и дело» — означало доносить властям об этих преступлениях.

РЕЧЬ НА ПАРИЖСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ 1889 г.

Парижский международный социалистический конгресс — первый конгресс II Интернационала — состоялся 14—21 июля 1889 г. Группа «Освобождение труда», не имевшая прочной базы в России и не получившая от русских организаций мандатов на конгресс, вначале считала неудобным посылать туда своих представителей. Между тем выступление на международном конгрессе первой русской социал-демократической группы должно было иметь очень большое значение не только для русского революционного движения, но и для международной социал-демократии. Это было понятно многим деятелям как русского, так и европейского

движения. Переписка разных лиц, относящаяся к этому времени, рисует картину переговоров, происходивших по этому вопросу незадолго до конгресса.

В письме от 31 мая 1889 г. Степняк-Кравчинский пишет Засулич: «Получили ли вы и ваша группа приглашение от Лафарга на марксистский конгресс в Париже? Если нет, то, вероятно, получите завтра или вместе с этим письмом. Они было меня пригласили через одного общего знакомого, который не объяснил мне, что только представители групп приглашаются... А между тем очень желательно было бы, чтобы русский социалист был на таком конгрессе. Это произвело бы очень хорошее впечатление в России, да и здесь было бы недурно выяснить солидарность русских социалистов с течением известного рода. Нас либо политиками-головорезами, либо анархистами считают. Если бы здоровье позволило Жоржу [Плеханову], было бы чрезвычайно хорошо, если бы он поехал. Что он произвел бы очень хорошее впечатление и не посрамил бы русского имени, это вы сами знаете... Я писал Лафаргу, ... что ваша группа единственная из мне известных, которая удовлетворяет требованиям. Вы издаете на русском языке орган научного социализма и состоите в органической связи с группами рабочих, разделяющих ваши взгляды и даже посылающих вам деньги... Хотя вы формально и не выбраны ввиду специально русских условий, которые нужно принять во внимание, но вы в такой же степени можете считать себя представителями русских рабочих, как Лафарг и иные...» (сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 234—235).

В ответ на это письмо Засулич пишет в недатированном письме, опубликованном там же, стр. 209: «Спасибо за рекомендацию нас Лафаргу. Мы действительно на-днях получили от него письмо и все совещались, что ответить, так как представителями рабочих явиться формально мы не можем. Ваше письмо вывело нас из затруднения». Вслед за тем, в недатированном письме к Засулич, написанном очевидно уже незадолго до конгресса, Плеханов сообщает: «Дорогая Вера, на конгресс я еду во всяком случае... Письмо, которое вы мне переслали вчера, — от Лафарга. Он настаивает на том, чтобы я приехал на конгресс: ce sera une réponse à la trahison de Tikhomiroff *, — пишет он. Если, говорит он, у вас нехватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте только. Поэтому вот что. Получивши мое письмо, сейчас же возьмите лист хорошей бумаги и напишите на нем хорошим почерком, чтобы рука ваша не ходила на пятках: Union des democrates socialistes russes autorise citoyen Georges Plekhanoff à les representer au congrès international socialiste de Paris.

Secrétaire de l'union
Véra Zassoulitch **.

Поставьте число. Пожалуйста, не забудьте этого сделать, иначе меня лишат голоса на конгрессе...» (сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 238—239).

В результате Плеханов поехал на конгресс и произнес там речь, которую закончил известной фразой, надолго ставшей лозунгом революционной социал-демократии: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

* Это будет ответом на измену Тихомирова. — *Ред.*

** Союз русских социал-демократов уполномочивает гражданина Георгия Плеханова быть его представителем на Международном конгрессе в Париже.

Секретарь союза
Вера Засулич. — *Ред.*

Кроме Плеханова, на конгрессе присутствовал П. Б. Аксельрод.

Речь Плеханова была напечатана, помимо протоколов съезда, в немецком журнале «Sozial-demokrat», в № 31 — сокращенно и в № 34 — полностью. По-русски она публиковалась несколько раз, притом в двух переводах. В журнале «Социал-демократ», № 1, 1890, отд. II, стр. 28—29, в посмертной публикации в журнале «Под знаменем марксизма», № 6, 1922, и в т. IV Собрания сочинений дан перевод текста, опубликованного в «Sozial-demokrat'e», а в журнале «Летописи марксизма», № 1, 1926 и в т. XXIV Собрания сочинений — перевод французского текста, найденного в архиве Геда. Ввиду исключительной важности этого выступления Плеханова, мы даем здесь оба перевода, заимствуя их для первого варианта из № 1 «Социал-демократа», для второго — из XXIV тома Собрания сочинений Плеханова.

В двух публикуемых переводах речи имеется разночтение в заключительной фразе, особенно существенной и многократно цитированной впоследствии. Отсутствие французского издания протоколов лишает нас возможности установить, какой из переводов ближе к оригиналу. Но тот факт, что первый из публикуемых вариантов является перепечаткой из журнала «Социал-демократ», бесспорно прошедшего через руки Плеханова, и что сам он, неоднократно ссылаясь на эту фразу в своих позднейших статьях, цитировал ее всегда по тексту «Социал-демократа», говорит за бóльшую точность первого из публикуемых нами вариантов.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России, — России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата. Вам всем знакома роль русского абсолютизма в истории Западной Европы. Русск е цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцию от Пруссии до Италии и Испа ний. Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую, например, Николай играл в 1848 и 1849 гг.; ясно как день, что падение русского абсолютизма равносильно торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом?

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает их социально-экономические сведения, рисуют Россию страной вроде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплоатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть

крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры; а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных *идеологов* могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Граждане!

Так как записалось большое число ораторов и конгресс может им поэтому уделить мало времени для их докладов об экономическом и политическом положении представляемых ими стран, то я постараюсь по возможности ограничить свой отчет о рабочем движении в России.

[Вам, может быть, странно видеть на этом конгрессе представителей России, — России, где рабочее движение]* далеко не так развито, как в других странах Западной Европы. [Но мы], русские социал-демократы, [думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от] остальной рабочей и социалистической Европы, [но что, наоборот, теперешнее сближение ее с нею принесет большую пользу] всемирному социалистическому движению.

[Вам всем известна гнусная роль, которую русский абсолютизм играл до настоящего времени в истории Западной Европы.

Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью поддерживать реакцию во всех странах — от Пруссии до Италии и Испании.

Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую] печальной памяти император Николай играл в известных событиях 1848 г.

---

* Здесь, как и в дальнейшем, в прямые скобки заключены места, совпадающие почти буквально с текстом первого варианта. — *Ред.*

Вот почему торжество революционного движения в России было бы торжеством европейских рабочих.

Поэтому важно выяснить, каким образом и при каких условиях возможно это торжество революционного движения в России?

Оно возможно, граждане, — и в этом мы твердо убеждены, — лишь при том условии, если русские революционеры сумеют завоевать сочувствие самого народа.

Но до тех пор, пока наше движение будет оставаться движением идеологов и учащейся молодежи, оно, быть может, будет опасно лично для царей, но не будет представлять никакой опасности для царизма, как политической системы.

Чтобы ниспровергнуть и окончательно сокрушить царизм, мы должны опираться на более революционный элемент, нежели учащаяся молодежь, и этот элемент, имеющийся налицо в России, — это класс пролетариев, класс революционный по своему тяжкому экономическому положению, революционный по самой сущности своей.

[Некоторые] экономисты, одаренные слишком пылкой фантазией, обнаруживающие больше доброй воли, нежели солидных знаний, [рисуют Россию как бы своего рода европейским Китаем, который по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западной Европой. *Это совершенно ложно.* Старые хозяйственные основы России находятся ныне в процессе полного разложения. Наша сельская община], о которой так много говорили даже в социалистической печати, но которая [на деле составляла опору русского абсолютизма], — эта хваленая община [все более и более делается] орудием для капиталистической эксплоатации в руках богатых крестьян, между тем как бедные покидают деревни и уходят в большие города и промышленные центры. [Одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях.]

Самодержавное правительство всеми силами усугубляет это положение и содействует, таким образом, процессу развития капитализма в России. [Нам, социалистам] и революционерам, [эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие], потому что этим путем оно само подготовляет свою гибель.

Промышленный [пролетариат], сознание которого начинает пробуждаться, [нанесет смертельный удар самодержавию], и тогда вы увидите на своих конгрессах его *непосредственных* представителей рядом с делегатами более передовых стран.

А пока наша задача состоит в том, чтобы вместе с вами отстаивать дело международного социализма, всеми средствами распространять учение социал-демократии среди русских рабочих и повести их на штурм твердыни самодержавия.

А в заключение повторяю — и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только *как рабочее движение* или же никогда не восторжествует!

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ РУССКОГО ЖУРНАЛА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В БРЮССЕЛЕ В АВГУСТЕ 1891 г.

Брюссельский международный социалистический конгресс — второй конгресс II Интернационала — состоялся 16—23 августа 1891 г. На нем присутствовало 380 уполномоченных от разных стран. Представителей от России на конгрессе не было: члены группы «Освобождение труда» не имели еще связей в России и не хотели выступать на конгрессе в качестве представителей эмигрантской организации. Они ограничились представлением печатного доклада от редакции журнала «Социал-демократ», издававшегося группой в 1890—1892 гг.

Неопубликованные письма Плеханова к Кричевскому, сохранившиеся в плехановском архиве, вскрывают картину подготовки к конгрессу. В письме от 29 июля 1891 г. Плеханов пишет Кричевскому в Цюрих, что не может принять предлагаемый ему «gebundenes Mandat» («обязательный мандат»), так как международные рабочие конгрессы таких мандатов не принимают. «Правда, на Парижском конгрессе с таким мандатом выступал Лавров», но это было принято с неудовольствием. «Притом же, — продолжает Плеханов, — на самом конгрессе *доклады читаться не будут*. Вам известно, вероятно, постановление распорядительной комиссии о том, чтобы доклады *печатались* на одном из трех языков: немецком, французском или английском, и затем раздавались на конгрессе. Следовательно, выступая с устным докладом, я нарушил бы всем известное постановление комиссии. Прошу Вас передать это тем, по поручению которых Вы мне писали, и поскорее сообщить мне их решение». Дальше он пишет, что на деньги одних цюрихчан ехать ему нельзя и лучше на эти деньги «напечатать доклад *«О прошлом русского революционного движения и о задачах социальной демократии в России»* и поручить распространение доклада между делегатами *Жюлю Геду* или *Элеоноре Маркс*, не посылая своего делегата». Этим цель будет достигнута вернее, чем поездкой делегата *без печатного доклада*. «Написать доклад на французском недолго; недолго и напечатать его во французской типографии, — говорит Плеханов в конце письма.— Но я должен знать, что́ именно мне следует делать. Относительно фабричного законодательства и стачек в России скажу вам, что этот предмет может войти как составная часть в предлагаемый мной очерк» (Письмо № 5121, А. 85. 4). В другом, недатированном, письме, относящемся, вероятно, к началу сентября, Плеханов спрашивает Кричевского, получен ли в Цюрихе доклад, и предлагает послать его во «Frankfurter Zeitung» и другие подобные издания (Письмо № 5118, А. 85. 1). О судьбе доклада на конгрессе имеются сведения в одном письме, полученном Плехановым из Парижа и сохранившемся в архиве. Письмо датировано 29 августа 1891 г.: *«Доклад роздан всем делегатам* на конгрессе, — говорится в нем, — Элеоноре Маркс в том числе, одним русачком Л. С. ...Гед тоже говорит, что доклад роздан всем, кому нужно, и обещал написать вам сам» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 254).

Доклад, вышедший брошюркой в 16 страниц под заглавием «Rapport, presenté par la rédaction de la revue democrate-socialiste au congrès international ouvrier socialiste à Bruxelles au mois d'août 1891», подписан именами Плеханова и Засулич. В настоящее время он является библиографической редкостью. В следующем, 1892, году он был напечатан в органе Геда «Le socialiste». В том же, 1892, году он был напечатан по-русски в газете «Прогресс», № 7—9, под двумя заглавиями: первая часть (в № 7) под заглавием «Программа русских социал-демократов», вторая (в № 8 и 9) — под заглавием «Задачи русской социал-демократии». Современная публикация доклада имеется в журнале «Под знаменем марксизма», № 6—7, 1923, стр. 79—89. В Собрание сочинений Плеханова доклад вошел в т. IX, стр. 341—351, откуда и производится перепечатка.

О самом конгрессе, происходивших на нем дебатах и принятых резолюциях Плеханов написал подробно в своем обзоре рабочего движения за 1891 г., напечатанном в № 4 «Социал-демократа» и вошедшем в т. IV Собрания сочинений.

Опубликование «Доклада» в «Le socialiste» в 1892 г. вызвало недовольство народовольцев. Плеханов пишет об этом Засулич в недатированном письме, опубликованном в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» и относящемся к началу 1892 г. Письмо написано из Парижа. «Сейчас был у Лаврова, — пишет Плеханов. — Народ[овольцы] хотят, как видно, водить нас за нос. Все, чего я добился от них до сих пор, сводится к следующему: их, изволите видеть, обижали мы уже не раз. В последний раз обидели мы их в нашем Rapport'е: мы называли их *бакунистами*, а они не *бакунисты*. Так вот и хотелось бы им, чтобы я и вы сделали что-то вроде amende honorable [вознаграждение за бесчестье]: объяснили где-нибудь, что обижать мы их не хотели, что бакунистами они были только отчасти, а вообще, мол, люди хорошие. Это очень глупо, но это так...» («Переписка», т. I, стр. 75—76). Результатом этих переговоров с Лавровым было письмо Плеханова в редакцию «Le socialiste» от 27 августа 1892 г., помещаемое нами ниже в комментарии к «Докладу».

Граждане!

Русские социал-демократы не представлены на конгрессе международной социал-демократии в этом году.

Их отсутствие не причинит вам никаких практических затруднений: наш голос не мог бы иметь большого значения в ваших решениях — или лучше сказать — он не имел бы *никакого* веса. Тем не менее мы считаем полезным изложить вам причины нашего воздержания.

Те из вас, граждане, у которых будет время и охота прочитать эти страницы, будут иметь возможность отдать себе отчет в действительном положении русского революционного движения, которое лет десять тому назад производило такой шум во всем цивилизованном мире.

Мы будем говорить откровенно, не слишком щадя себя, но и без громких фраз *. Скрывать что-нибудь было бы вредно для нашего движения и недостойно вас, представителей всемирной социал-демократии.

Наша *обязанность* сказать вам правду, обязанность, которую нам тем легче исполнить, что наше настоящее положение далеко не печально. Наоборот, только теперь в экономической жизни России можно заметить явления, которые могут служить серьезным основанием для надежд всех противников существующего строя.

---

* В Собр. соч.: «без излишней пощады». Исправление сделано по французскому тексту «Доклада». — *Ред.*

Наше политическое состояние отличается, как вам известно, ужасным правительственным деспотизмом, которому почти нет примера в истории; деспотизмом, который соединяет дурные стороны печальной памяти западного абсолютизма со всеми ужасами восточного деспотизма. Русский царизм опирается в одно и то же время и на открытия европейской науки, и на азиатское невежество крестьян. Он эксплоатирует науку для лучшей организации своих сил, он эксплоатирует невежество крестьян, считая себя правительством, наиболее соответствующим *национальному духу* русского народа.

Можно легко понять, что этот пресловутый национальный дух есть только нелепый софизм, придуманный правительством, которое не может найти ничего лучшего для оправдания своего существования. Бесполезно доказывать, что ни один народ не может иметь органической склонности к этому позорному и жалкому существованию, которое составляет удел всех подданных его царского величества. Русский народ никогда не имел такой склонности. То, что правительство называет национальным *духом* народа, было только *отсутствием развития* этого духа, вызванным недостаточным экономическим развитием России.

Это недостаточное экономическое развитие рассматривается как очень симпатичное проявление нашего национального духа. Наши реакционеры-славянофилы, как и наши революционеры-бакунисты, все в один голос прославляли его. И те и другие в своих теориях с одинаковым усердием противопоставляли его «буржуазному» развитию Запада. Россия избавлена от буржуазии, от пролетариата, от антагонизма классов и их борьбы, — твердили и те и другие. Следовательно, социальная революция, которая угрожает Европе, невозможна в России, — говорили реакционеры. Следовательно, социализм у нас может не сегодня-завтра восторжествовать, — утверждали бакунисты. В теории это был единственный пункт расхождения между обеими партиями.

Было бы излишне доказывать вам, представителям революционного пролетариата, революционную роль, выпавшую на долю современного пролетариата в истории. Точно так же излишне доказывать, что там, где нет пролетариата, не может быть социалистического движения, достойного этого имени. Все вы знаете очень хорошо, что современный социализм есть только «теоретическое выражение пролетарского движения», как говорит Ф. Энгельс [1]. Там, где нет пролетариата, социализм не имеет основания.

Если нужно доказывать наши утверждения, то это по поводу совершенно другого вопроса. Вас может быть удивляет, что подобная доктрина, — *социализм без пролетариата*, — может в наше время найти адептов среди революционеров какой бы то ни было страны.

Однако этот факт не покажется вам невероятным, если вы вспомните, что эти странные теории тесно связаны с пропагандой Бакунина. Вам, вероятно, знакомы противоречивые, туманные и метафизические доктрины этого человека, которого иногда считали замечательным диалектиком и который был только низкопробным софистом.

Лет десять тому назад Россия была цитаделью бакунизма. Благодаря пропаганде бакунистов, самое название социал-демократ казалось позорным русским революционерам, и когда в конце 1883 г. мы начали нашу пропаганду научного социализма, наши противники думали бросить нам ужасное обвинение, утверждая, что мы питаем симпатии и к идеям, и к деятельности германской социал-демократии.

И это обвинение было на самом деле обоснованно: мы действительно питали эту симпатию. Мы говорили нашим согражданам, что германская социал-демократия имеет много заслуг перед пролетариатом и что знакомство с ее теориями и с ее деятельностью тем более необходимо русским, что они до сих пор даже в Западной Европе изучали только доктрины и практику бакунистов.

Изгнанные из рядов революционной партии, оклеветанные всеми, преследуемые правительством, мы должны были в течение многих лет бороться против различных оттенков бакунинских доктрин. Это было скучное дело. Но оно почти кончено. Мы теперь можем поздравить себя с тем, что мы расчистили почву для научного социализма, и хотя бакунистские предрассудки оставили еще много следов в идеях многих русских социалистов, никто из тех, кто исповедует хоть сколько-нибудь революционные идеи, не осмелится считать преступлением наши симпатии к социал-демократии. Эти симпатии, наоборот, все увеличиваются среди русских революционеров.

По правде говоря, наша борьба против бакунистов вызывала иногда опасения даже среди западных социал-демократов. Они находили ее несвоевременной. Они боялись, что наша пропаганда, вызвав раскол в революционной партии, ослабит энергию ее борьбы против правительства. Но эти опасения, правда, очень законные, к счастью, были неосновательными.

Мы не доктринеры, готовые принести практические успехи революционного движения в жертву теории. Мы умели бы молчать, если бы мы могли думать, что успех революционной борьбы в России хоть сколько-нибудь зависит от сохранения бакунистских предрассудков. Но тяжелый опыт доказал нам обратное. Мы должны были убедиться, что бакунизм был источником слабости нашего движения. И мы боролись с бакунизмом именно для того, чтобы укрепить наши силы.

Заметьте хорошенько, что под именем бакунистов мы подразумеваем не одних только анархистов. Покойный Ткачев считал себя последователем Бланки. Он боролся с анархистами и полемизировал с самим Бакуниным. И все же все его идеи о социальных условиях в России были пропитаны чистейшим бакунизмом.

Как и Бакунин, он видел в отсталом состоянии нашей экономической жизни залог нашего быстрого будущего прогресса. Как Бакунин, он в своих теориях противопоставлял западноевропейским пролетариям русского крестьянина, которого он представлял себе проникнутым *коммунистическими идеалами*.

Точно так же для партии «Народной воли», руководимой знаменитым «Исполнительным комитетом», развитие пролетариата в Рос-

сии было только историческим несчастьем. Эта партия старалась отыскивать доказательства отсталого состояния России, и чем больше она находила этих доказательств, тем больше она была уверена в своем торжестве. Противоположность России и Западной Европы была одной из излюбленных тем этих писателей.

Эта партия состояла из представителей того социального слоя, который у нас называется интеллигенцией, т. е. студентов, людей всяких либеральных профессий и офицеров различного рода оружия. Она не отталкивала рабочих, но она не придавала большого значения их присоединению. Для нее один офицер имел гораздо больше значения, чем сотни рабочих.

Партия «Народной воли» оказала огромные услуги России. Благодаря ей борьба с правительством стала вестись с неслыханной до тех пор энергией. Но, вербуя своих членов почти исключительно среди «интеллигенции», партия «Народной воли» не могла быть очень многочисленной. Сил ее было достаточно для блестящих стычек, но не для решительного боя [2].

Название этой партии у нас тесно связано с идеей того, что у нас называют террористической борьбой, т. е. покушениями на жизнь официальных представителей царизма, до самого царя включительно.

Этот способ борьбы не был изобретен партией «Народной воли», но он практиковался этой партией с наибольшей энергией и с наибольшим успехом.

Нас, социал-демократов, считали противниками «терроризма». Но в принципе мы никогда не были против «террористической» борьбы.

Мы лишь постольку были против нее, поскольку она свидетельствовала о слабости революционной партии. «Терроризируя» на момент наше правительство, борьба эта в конечном счете стала опасной только для *личностей*. Терроризм не подрывал *системы*.

Несколько человек погибло. Их места тотчас же были заняты другими, и царизм не только не поколебался, но он еще укрепился, так как его поддерживали высшие классы, которые в одинаковой мере боялись реакции сверху и дерзости террористов.

Революционная партия тратила больше сил, чем приобретала. Легко понять, что произошло. После смерти Александра II, в марте 1881 г., наше движение заметно стало убывать.

Несколько новых удачных покушений не улучшили положения и не могли его улучшить. В продолжение трех или четырех лет после смерти Александра II в России существовали некоторые более или менее революционные группы молодых людей, но не было партии, не было ни одного тайного революционного общества, сколько-нибудь опасного для царизма.

Но это не все. Почти в то же самое время можно было констатировать ослабление революционного порыва в том социальном слое, которому до тех пор принадлежала инициатива движения.

Ясно, что если бы революционерам не удалось привлечь к себе новых социальных слоев, их дело погибло бы окончательно. В этом отношении все революционеры согласны; разногласия между ними возникли только тогда, когда надо было решить, к какому классу, к какому социальному слою надо приблизиться.

Одни утверждали, что революционеры должны сойтись с «обществом», т. е. с высшими классами; другие советовали обратиться к пролетариату промышленных центров.

Первые неизбежно склонялись к либерализму; вторые — к социал-демократии.

Наши либералы далеко не находятся у власти: человек с либеральными взглядами является человеком подозрительным в глазах нашего правительства.

В качестве партии оппозиционной нашему современному режиму либералы, очевидно, являются прогрессивной силой в нашей стране.

К несчастью, они никогда не боролись активно с правительством. Они никогда не осмеливались переступить узкие границы «*мирной*» и «*легальной*» оппозиции.

Революционеры могли бы слиться с либералами, только отказавшись от всякой революционной деятельности.

Надо заметить, кроме того, что слабость наших либералов зависит также до известной степени от их теорий.

Либеральные идеи до сих пор очень слабо захватили нашу промышленную буржуазию.

В большинстве случаев наши либералы, так же как и революционеры старого, бакунинского, закала, принадлежали к так называемой «интеллигенции». Для многих людей из этого социального слоя либерализм часто является только одной из фаз их эволюции.

Тот же самый человек, который был «*социалистом*» на университетской скамье, становится «*либералом*» по получении диплома, когда ему удалось устроиться и составить себе положение.

Не удивительно поэтому, что наши либералы не лишены некоторых предрассудков «русского социализма». Как и «социалисты», они охотно разглагольствуют на ту тему, что борьба классов, антагонизм между трудом и капиталом не имеют значения в нашей стране.

Эти теории были бы очень удобны для наших либералов, если бы они не доводили их до абсурда. Если борьба труда против капитала не имеет значения в России, то почему же либералы не обращаются к трудовому народу России? Почему не объединяют они его под своим знаменем? Но именно здесь и проявляется огромная разница между идеями наших русских либералов и идеями западных либералов.

Западные либералы говорят, что рабочий может много выиграть, живя в мире с капиталом.

Русские либералы ничего не говорят по этому поводу по той причине, что они отрицают самое существование пролетариата в России.

Говоря о народе, наши либералы имеют в виду только *крестьян*.

Но либеральные идеи не имеют влияния на крестьян; либералы это очень хорошо знают, и они не делают попыток привлечь крестьян на свою сторону.

Что же из этого следует? Так как крестьянин индиферентен, а пролетарий не существует, то остается надеяться только на самих либе-

ралов. Но эти господа лучше кого бы то ни было знают цену этой обманчивой надежды.

Вы знаете, граждане, что везде, где либеральные партии имели влияние на политическую жизнь своей страны, они обязаны были этим влиянием поддержке народа и в особенности пролетариата. Без этой ценной поддержки они теряют всю свою силу, потому что вдали от народа либеральная партия только штаб без армии, а штабы сами по себе не могут никому внушать страха.

Итак, закрывая глаза на революционную силу пролетариата, отрицая даже существование этого пролетариата, воздерживаясь, как от бесполезной, от всякой попытки сближения с рабочими массами наших больших городов, русский либерализм осуждает себя на полное бессилие.

Царизму нечего, таким образом, бояться подобного противника, и он в самом деле нисколько его не боится.

Наши реакционеры, которые по своим силам превосходят революционную партию, относятся с презрением к либералам. В насмешку они называют наших либералов *псевдо-либералами*. И они будут правы до тех пор, пока либералы будут игнорировать азбуку политической борьбы, состоящую в абсолютной необходимости сблизиться с рабочим населением наших больших городов.

Но они не могут понять этой *азбуки*, не отбросив предварительно всех старых идей о социальной жизни России.

Они знают русскую жизнь только в ее экономической статике, — они должны изучить ее с точки зрения экономического *движения*, узнать то, что *есть* и постоянно *растет*, вместо того, чтобы восторгаться тем, что *было* когда-то и что теперь все более превращается в патриотическое воспоминание.

Изученная с этой точки зрения экономическая структура России совершенно отличается от той, которая была так дорога нашим реакционерам, нашим либералам и нашим бакунистам.

При Николае «Незабвенном» можно было еще противопоставлять политическую экономию «святой» Руси политической экономии «гнилого» Запада.

Крепостное право, прикреплявшее русского крестьянина к земле, было непреодолимым препятствием для возникновения промышленного пролетариата; пути сообщения были в совершенно примитивном состоянии; промышленность и торговля были очень мало развиты; обмен еще не захватил сельского хозяйства крестьян.

И казалось, что тяжелая рука полицейской опеки делала совершенно невозможным всякое прогрессивное движение.

Но уже в то время проницательные люди понимали, что наш старый экономический строй не мог остаться неизменным.

К концу царствования Николая промышленность и торговля уже настолько развились, что даже министерство внутренних дел должно было констатировать несоответствие крепостного права экономическим интересам России.

После смерти Николая наступила эра реформ. Крымская война

«доказала, что Россия, даже с чисто военной точки зрения, нуждается в железных дорогах и крупной промышленности. Правительство принялось, поэтому, заботиться о размножении класса капиталистов. Но этот класс не может существовать без пролетариата, и для образования пролетариата пришлось произвести так называемое освобождение крестьян. За свою личную свободу крестьяне заплатили дворянству лучшей частью принадлежащей им земли. Того, что осталось, было слишком много, чтобы умереть с голоду, и слишком мало для жизни. Когда таким образом русская крестьянская община была подорвана в корне, новая крупная буржуазия старательно выращивалась в тепличной атмосфере железнодорожных привилегий, покровительственного тарифа и всяких других преимуществ. Всем этим, как в городах, так и в деревнях, была произведена полнейшая социальная революция, при которой не могло замереть раз начавшееся умственное движение» *[3].

Эта социальная революция продолжается до настоящего времени. Число крестьян, бросающих свои земли или не имеющих необходимых средств для обработки ее, растет с ужасной быстротой. Статистика доказала, что число это доходит до 60% общего числа русских крестьян.

Мелкая сельская буржуазия безраздельно господствует над крестьянами, между тем как крупная буржуазия скупает земли дворянства, все более и более разоряющегося.

Исчезновение старого экономического строя дает полный простор развитию капитализма. Но он уже не удовлетворяется внутренним рынком.

Русская буржуазия нападает на иностранных капиталистов, которых она обвиняет в бесчестной конкуренции. Она старается открыть себе сбыт в Центральной Азии, в Персии, в Монголии, в Китае и даже в Абиссинии. Закаспийская железная дорога оказала большие услуги нашим промышленникам. Сибирская железная дорога окажет еще бóльшие услуги. Одним словом, если император Николай был только царем солдат, то Александр II был царем буржуазии, и в этом отношении его сын верно следует примеру отца.

Как характерный признак нашего времени можно привести идеалы партии, называющей себя *русской партией или национальной партией*. В 1890 году член этой партии издал в Париже очень поучительную и очень интересную во многих отношениях книгу. Патриотический защитник царизма и православия старается просветить своих читателей-французов относительно прекрасных качеств истинного русского духа. Прекрасная тема для славянофильского красноречия. Но автор становится красноречивым только тогда, когда он говорит о будущности русской торговли. «По своему географическому положению, — говорит он, — Россия призвана служить естественным транзитом для продуктов азиатского материка и западных стран. Россия таким образом призвана стать в более или менее

* *Engels*, La politique extérieure du czarisme russe [*Энгельс*, Внешняя политика русского царизма]. — *Ред.*

близком будущем необходимым посредником как в западной, так и в восточной торговле. В тот день, когда она доведет до сердца Китая строящуюся ныне железную дорогу, погибнут богатые мореходные и перевозочные компании, суда которых бороздят теперь восточные моря, под каким бы флагом они ни плавали, и в тот день Англия потеряет свой морской скипетр».

«Но чтобы достигнуть этой цели, — продолжает он, — недостаточно, чтобы какая-нибудь дорога из восточных губерний России проникла в Азию, надо еще, чтобы сеть дорог, даже и морских, соединилась с большой артерией. Это именно и подсказывает идею господства России в Черном море. Константинополь, как всем известно, по своему положению может послужить конторой и складочным местом для всей Азии» и т. д. *[4].

Таковы идеалы наших реакционеров. Вы видите, что даже частичное осуществление их стремлений сделало бы Россию опасной для Западной Европы, и в особенности для европейского пролетариата, не только ее пушками и штыками, но и ее промышленностью.

Наше правительство напрягает все свои силы для осуществления этой патриотической программы.

И благодаря этой умелой тактике наша промышленная и торговая буржуазия не переходит на сторону либеральной оппозиции, сторонники которой рекрутируются главным образом среди буржуазных идеологов «либеральных профессий».

Европейский пролетариат не может больше продолжать смотреть на Россию, как на страну, фигурирующую на международном рынке только сырыми продуктами земледелия. Недалеко уже то время, когда русская промышленность будет сильно конкурировать с западноевропейской промышленностью на рынках Востока. *И поэтому жизненные интересы социал-демократии всего мира тесно связаны с прогрессом русского рабочего движения.*

Появление в России значительного промышленного пролетариата есть социальный факт огромного исторического значения. Уже с начала нашего столетия много говорят об *европеизации России*. Не один славянофильский писатель стяжал себе литературные лавры оплакиванием этой европеизации. Но в течение долгого времени одно только дворянство не противилось европейской культуре. Все другие классы, и в особенности крестьяне, вели совершенно азиатский образ жизни. В настоящее время европеизация захватывает *экономическую структуру* России, а следовательно, весь *русский народ*. С промышленным пролетариатом в первый раз в нашей истории появляется революционная сила, способная ниспровергнуть царизм и ввести нашу страну в великую семью цивилизованных народов. И мы можем без всякого преувеличения сказать, *что вся дальнейшая эволюция России зависит от умственного развития русского пролетариата.*

---

* *Dowerine-Tchernoff*, L'esprit national russe sous Alexandre III, Paris, 1890 [*Доверин-Чернов*, Русский национальный дух при Александре III, Париж, 1890]. — *Ред.*

Русский крестьянин доброго старого времени не имел ничего общего с культурой и либеральными идеями Европы. Его невежество было самой лучшей основой царского деспотизма. *Русский пролетарий* старается учиться, усвоить себе европейскую культуру. Везде, где императорская инквизиция допускает существование народных библиотек, читатели рабочие являются толпами. И на каждом народном чтении приток слушателей так велик, что их негде поместить.

Очевидно, что все, что может служить делу народного образования, должно пройти через фильтр придирчивой цензуры. *Легальная* пропаганда сколько-нибудь прогрессивных политических идей совершенно невозможна. Чтобы печатать книги и брошюры против современного режима, приходится прибегать к тайным типографиям или же печатать их за границей. Само собой разумеется, что подобные издания можно распространять только тайно.

Это положение диктует революционной партии ясно и логически программу, которой она должна следовать.

Что нам необходимо, это — пропаганда социалистических идей среди рабочих и организация рабочих обществ с той же целью пропаганды и агитации.

Русский пролетарий не является новичком в революционном движении. Вы знаете, что именно рабочий взорвал императорский дворец в феврале 1880 г.[5]. Самая идея этого акта зародилась в рабочей группе. Вот уже двадцать лет, как революционные кружки не прекращают своего существования, несмотря на все усилия политической полиции.

Пока наши революционеры были проникнуты бакунистскими предрассудками, они не могли иметь большого влияния на пролетариат. Их взоры были обращены в прошедшее. Они и не подозревали революционной роли русского пролетариата.

Они презирают политические свободы, как буржуазный софизм. Если они случайно обращались к рабочим, то лишь для того, чтобы звать их под знамя «*чисто-экономической*» революции. Приблизительно в начале 1879 г. тайное рабочее общество, *Северно-русский рабочий союз*, выпустило программу, в которой политические свободы были поставлены во главе требований русского пролетариата. Знаменитое революционное общество «Земля и воля», состоявшее почти исключительно из бакунистов, более или менее «интеллигентных», сочло своим долгом бороться против «буржуазных» тенденций рабочего союза [6].

В России, как и во всем мире, рабочее движение может процветать только под знаменем *научного социализма*, т. е. под знаменем *социал-демократии*.

Социал-демократия ни в коем случае не относится индиферентно к политическим свободам. Русская социал-демократия убеждена, что *именно к завоеванию этих свобод должны быть направлены первые усилия рабочей партии в России.*

Партия, которая рекрутировалась главным образом среди «интеллигенции», не могла ниспровергнуть царизм. Она не была даже достаточно сильна, чтобы напасть на него в решительном бою. Террористическая борьба, эта *партизанская* война, диктовалась ей неизбеж-

ным образом. Вступление в борьбу промышленного пролетариата дает возможность итти *дальше*. Отныне опасность будет грозить уже не *личности*, сидящей на царском троне, угроза будет направлена против существования самого трона.

Такова наша программа, дорогие граждане. Мы поставили себе обязанность покрыть всю Россию сетью рабочих обществ. До тех пор, пока цель эта не будет достигнута, мы будем воздерживаться от участия в ваших заседаниях. До того момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фиктивно.

А мы не желаем фикций.

Мы убеждены, что в скором времени наше воздержание не будет больше иметь оснований. Очень возможно, что на следующем международном конгрессе вы увидите среди вас действительных представителей русских рабочих.

Пока же мы думаем, что вы все, без различия национальности, пожелаете нам доброго успеха.

Да здравствует социал-демократия!

Да здравствует союз пролетариев всех стран!

За редакцию «Социал-Демократа»:

Г. Плеханов. В. Засулич.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Слова Энгельса из «Анти-Дюринга» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIV, 1931, стр. 289).

[2] Ввиду недовольства народовольцев «Докладом» (см. наше предисловие к настоящей публикации), Плеханов написал разъяснительное письмо в редакцию «Le socialiste», адресовав его Геду. Французский оригинал этого письма, отправленного, как явствует из почтового штампа, 28 августа 1892 г. и, повидимому, возвращенного редакцией по просьбе Плеханова, сохранился в его архиве. Оригинал написан почерком Засулич, по утверждению Р. М. Плехановой, под диктовку Г. В. Плеханова. По-русски письмо было опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 246—248. Приводим полностью это письмо, являющееся интересным дополнением к «Докладу».

Дорогой Гед! [Аннемас, 27 августа 1892]

Наш доклад, представленный Интернациональному конгрессу в Брюсселе, был перепечатан в «Социалисте». Мы надеемся, что вы не откажетесь поместить касающиеся его несколько дополнительных замечаний.

Повидимому, он был неправильно истолкован некоторыми нашими русскими читателями. Нас упрекали в неверной оценке деятельности партии «Нар[одной] воли», очень популярной в последние годы прошлого царствования и в первые — Александра III.

Обвинительные пункты сводятся к следующему:

1) говорят, что наш доклад может внушить иностранным читателям ошибочное представление, будто бы приверженцы названной партии были анархистами,

2) говорят, что мы не достаточно оценили сделанные этой партией усилия, чтобы пробудить политическое сознание русских рабочих.

Мы отвечаем:

1) Никоим образом нельзя подозревать членов партии «Нар[одной] воли» в принадлежности к анархистам. Именно эта партия искоренила — будем надеяться навсегда — всевозможные анархические поползновения в нашем движении. Сопоставляя идеи Бакунина с воззрениями публицистов «Нар[одной] воли», мы хотели только указать, что последние рассматривали нашу экономическую действительность с точки зрения Бакунина. Отец воинствующей анархии рассчитывал найти в устарелых формах, следы которых еще сохранились в экономическом строе России, гарантию близкого торжества *«русского социализма»*.

Надо, однако, прибавить, что в этом случае, как и вообще, Бакунин пороха не выдумал. Подобную оценку нашей действительности мы встречали у Герцена и, отчасти, у Чернышевского. Но именно Бакунин систематизировал эти взгляды и положил их в основу своей революционной программы.

Ко времени возникновения «Народной воли» почти все наши революционеры, а также значительная и самая передовая часть нашей «легальной» прессы принимали взгляды Бакунина об экономическом положении России, как математические аксиомы. Итак, не «Народная воля» впервые выставила этот взгляд: она нашла его в совершенно готовом виде. Ее ошибка состояла лишь в том, что она не подвергла критике и не отвергла этого взгляда, подобно тому, как она поступила с воззрениями Бакунина относительно государства и анархических приемов в революционной борьбе. Вот в чем мы упрекали эту партию, и делали мы это не в разгар борьбы, но по ее окончании, во время политического застоя, когда открылась полная возможность и даже необходимость подвергнуть критике наши устарелые теории. Нанеся своей практической деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества (т. е. бакунизму), оказав такие крупные услуги русскому революционному движению, «Народная воля» может опереться только на теорию современного научного социализма.

Вот что мы говорили с самого начала нашей марксистской деятельности.

2) Тактика «Народной воли» по отношению к рабочему классу основывалась на экономических теориях ее приверженцев. Так как торжество социализма она связывала не с развитием русского пролетариата, но с раскрепощением сельской общины, то рабочему движению она отводила второстепенную роль. Она кое-что сделала для политического пробуждения русских рабочих, но могла бы сделать гораздо больше, если бы стала на точку зрения классовой борьбы и поняла бы роль пролетариата в социальной и политической истории современного общества. Тогда она обратилась бы к рабочим, как к наиболее революционной силе в России. Старые деятели «Народной воли» были прежде всего революционерами, и, как таковые, их современные единомышленники не могут остаться глухими к голосу социальной жизни своей страны. Вот почему мы думаем, что недалеко то время, когда мы будем иметь удовольствие и честь бороться рядом с ними, под одним знаменем, под красным знаменем революционного пролетариата — *знаменем социалистической демократии*.

Георгий Плеханов.

[3] Цитата из статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, 1936, стр. 30), опубликованной по-русски впервые в 1890 г. в журнале «Социал-демократ», №№ 1 и 2, под заглавием «Иностранная политика русского царства».

[4] Плеханов дал рецензию на цитируемую им здесь книгу Доверина-Чернова в 1890 г. в журнале «Социал-демократ», № 3.

[5] Взрыв в Зимнем дворце был произведен рабочим *С. Н. Халтуриным* (1856—1882), организатором «Северного союза русских рабочих», которого «народники заставили... прекратить работу по организации революционного рабочего союза и целиком заняться террором» («История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 13).

[6] Северно-русский рабочий союз возник в конце 1878 г. в Петербурге. Он насчитывал более 200 членов, выпустил один номер газеты «Рабочая заря» и был разгромлен в 1881 г. Отдавая дань народнической идеологии, Союз вместе с тем значительно приблизился в своей программе к социал-демократии. Вот что пишет об этом Плеханов в брошюре «Русский рабочий в революционном движении»:

«Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам не малое огорчение. В ней — о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой,

оказались в положении курицы, высидевшей утят. В особой заметке, посвященной обзору новой программы, редакция «Земли и воли» мягко, но решительно высказалась против неприятной ей рабочей ереси» (Соч., т. III, стр. 184).

Плеханов имеет здесь в виду передовицу № 4 «Земли и воли» от 20 февраля 1879 г., в которой говорится: «В теоретической части программы «Северного союза» мы не видим, к сожалению, полной, последовательно-развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных западных социалистических партий... Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле».

Члены Союза ответили «Письмом в редакцию», помещенным в № 5 «Земли и воли» от 8 апреля 1879 г., в котором доказывали, что все их «требования так и останутся требованиями», если они не будут бороться с самодержавием. «Мы знаем, — говорится в «Письме», — что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое миросозерцание и успешнее вести дело пропаганды...»

Ленин дал следующую оценку отношения народнического «социализма» к организовавшимся рабочим союзам: «Когда в 1875 г. образовался «Южно-Русский Рабочий Союз» и в 1878 г. «Северно-Русский Рабочий Союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 535).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО к В. ЛИБКНЕХТУ

Данная публикация представляет собою открытое письмо Плеханова к Вильгельму Либкнехту, одному из основателей германской социал-демократической партии. С 1891 по 1900 г. Либкнехт редактировал центральный орган германской социал-демократии «Vorwärts».

Опубликованное в № 288 «Vorwärts» от 8 декабря 1892 г. «Открытое письмо» Плеханова явилось не первым выступлением русской социал-демократии в германской социал-демократической прессе. Ему предшествовало выступление 1890 года в «Sozial-democrat'e», нелегальном органе немецких социал-демократов, выходившем в Лондоне и заменявшем «Vorwärts» на время действия в Германии закона против социалистов. Тогда, как и в данном случае, выступление Плеханова в немецкой социал-демократической прессе было вызвано неправильным освещением в ней принципов и тактики русской социал-демократии (см. статью Плеханова «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов» в т. III Собр. соч.). На этот раз выступление Плеханова было вызвано нападками на русских социал-демократов одного из представителей лондонского общества «Друзей свободной России» в редактируемом им немецком издании этого общества «Frei Russland» и неудачным извинением за эти нападки со стороны лондонских руководителей общества.

В своем письме к В. Либкнехту от 16 ноября 1892 г. Плеханов просит его «не отказать напечатать статью о тактике русских социал-демократов», добавляя, что он хотел бы напечатать эту статью в виде «Открытого письма» к нему. И дальше он говорит: «объяснение с редакцией «Frei Russland» является только предлогом для того, чтобы выяснить наши взгляды немецким товарищам». Какую цель при этом преследовал Плеханов, видно из начала цитируемого письма, где он высказывает следующие мысли: «Я горжусь теми строками Вашего письма, где Вы говорите, что смотрите на положение дел в России так же, как и мы. Единомыслие с германскими социал-демократами является для нас наиболее желанной вещью. Мы первые начали борьбу с предрассудками, которые распространялись о Вашей партии Бакуниным и К°. Многие сначала ненавидели нас именно за наши симпатии к германской социалистической партии. При таких условиях, что могло быть горше для нас, чем оставаться непризнанными нашими друзьями в Германии» («Воинств. матер.», № 4, 1925, стр. 209).

На той же точке зрения стояли очевидно и немецкие социал-демократы, считавшие крайне важным правильное освещение принципов и тактики своих русских единомышленников и борьбу с их искажениями в немецкой социал-демократической прессе. Так, Клара Цеткин, сотрудница и корреспондентка «Vorwärts», пишет Плеханову в связи с появлением в 1891 г. каких-то статей о России в «Vorwärts» (каких — установить не удалось): «Я ими была совершенно удручена и считаю безусловно необходимым, чтобы Вы на них возразили; это необходимо столько же в интересах русских социал-демократов, сколько и их немецких единомышленников, которые раз навсегда должны быть правильно осведомлены о русских социалистах...» (Письмо от 13 июля 1891 г. — сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 246).

«Открытое письмо Плеханова к В. Либкнехту» печатается с сохранившегося в архиве черновика этого письма, написанного Плехановым по-русски, как видно, для немецкого переводчика. В таком виде «Письмо» появляется в печати впервые. До сих пор оно печаталось в переводе с немецкого, по тексту, опубликованному в «Vorwärts» под заглавием «Zur russischen Bewegung. Offener Brief an W. Liebknecht» («К русскому движению. Открытое письмо В. Либкнехту»). Первый русский перевод «Письма» Плеханова помещен в книге «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I; второй перевод, Коган-Бернштейн, напечатан в журнале «Воинствующий материалист», № 3, 1925. В архиве Плеханова, помимо русского черновика, сохранился немецкий перевод «Письма», неизвестно кем сделанный.

Русское «Письмо» написано Плехановым чернилами на отдельных тетрадочных листах, исписанных с одной стороны. Всего сохранилось 10 листов. Конец отсутствует. Цитаты из «Frei Russland» не приводятся целиком, дается лишь начало фразы на немецком языке, иногда указывается до какого слова надо привести цитату, после чего написано: «1-я выписка», «2-я выписка» и т. д. Очевидно цитаты отмечались для переводчика непосредственно в «Frei Russland». Не располагая данным органом, приводим цитаты из него по «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». По этому же источнику приводим и отсутствующий в оригинале конец «Письма». Все эти вставки заключены в прямые скобки,

1 Werther Genosse *.

Вы прочли, вероятно, в № [9] des «Frei Russlands» die sogenannte «Auseinandersetzung» des Herrn W. A. **, в котором русские социал-демократы были атакованы самым жестоким образом [1]. Вероятно вы прочли также вызванное этой «Auseinandersetzung» объяснение редакции названного журнала [2]. Редакция выражает свое искреннее сожаление о том, что [«по недо-

* — Дорогой товарищ. — *Ред.*

** «Свободной России» так называемое «разъяснение» господина В. А. — *Ред.*

смотру заведующего немецким изданием, забывшего отослать на просмотр редакции корректурные листы сентябрьского номера, в этом номере появилась статья, озаглавленная «Разъяснения», находящаяся в полнейшем противоречии со взглядами редакции на группу ее социалистических русских товарищей, которые объединились вокруг «Социал-демократа» [3], выходящего в Швейцарии на русском языке»] *.

Это достаточно ясно, и дело могло бы, повидимому, считаться покончeнным. Нас интересует не г. W. A., которого мы совсем не знаем, а редакция «Frei Russland», к которой мы всегда относились с уважением. К сожалению, мы все-таки вынуждены объясниться.

Мы не имеем, конечно, ни малейшей охоты возражать на Auseinandersetzung des Herrn W. A., но мы должны сделать несколько замечаний на объяснение редакции «Frei Russland». Наши цели выставляются в нем несколько неправильно, а мы не желаем вводить в заблуждение наших дорогих товарищей Deutschlands **.

2 | «Wir erblicken—sagt *** почтенная редакция — [в распространении соц[иал]-демократических идей в России залог улучшения положения русского рабочего народа. Однако, Россия по своему политическому строю на 50 лет отстала от Германии. Вследствие этого борьба с капитализмом в России значительно затрудняется политической борьбой, к участию в которой, по нашему убеждению, необходимо привлечь всех свободолюбивых людей как в России, так и за границей. Эту последнюю задачу мы избрали в данный момент в интересах общего дела»]****.

Именно здесь-то и кроется недоразумение. Дело излагается так, как будто бы по одну сторону стояли задачи политического освобождения России, которым и занимаются теперь сторонники «Frei Russland», а по другую — дело улучшения быта русского рабочего класса, которому та же редакция сочувствует от всей души. В действительности дело обстоит совершенно иначе, и подобный взгляд мог быть подсказан разве лишь старой прудоновско-бакунистской точкой зрения, к которой вообще приурочивается противопоставление «социализма» «политике».

Допустим, что стремления русских социал-демократов могут быть выражены словами: улучшение быта рабочего класса. Тогда, естественно, является вопрос: неужели русские социал-демократы надеются достичь своей цели в современном absolütistisch-

* В рукописи сказано: «Редакция drückt ihr aufrichtiges Bedauern aus, dass... 1-ая выписка». Воспроизводим это место по «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 233. — *Ред.*

** — германских. — *Ред.*

*** Мы видим — говорит. — *Ред.*

**** В рукописи: «Wir erblicken — sagt почтенная редакция» — in der Verbreitung и т. д. до слова gewählt. 2-ая выписка». Воспроизводим это место по «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 233. — *Ред.*

polizeilichen * государстве? Если это так, то русские социал-
2 bis демократы | представляют собою самую реакционную из всех реакционных партий, которые когда-либо существовали на земле. Тогда напрасно свидетельствует им свое почтение редакция «Frei Russland», тогда зачем сожалеть о поступке г. W. A., третировавшего нас столь грубым образом? Его статья, конечно, все-таки осталась бы одним из самых ярких образчиков der modernen grobianischen Literatur **[4], но он был бы прав по существу дела, ибо тогда выходило бы, что он старался вызвать презрение к таким людям, которые ничего не заслуживают кроме презрения.

Но русские социал-демократы, как и все вообще передовые слои русского пролетариата, никогда не думали о таких реформах, инициативу которых могло бы взять на себя существующее в России деспотическое правительство. По отношению к этому правительству у них может быть только одна задача: низвержение его, борьба с ним не на жизнь, а на смерть.

3 | Следовательно, совершенно невозможно исключить русских социал-демократов из числа тех людей, которые борются за политическое освобождение России. По отношению к этому пункту никакие «allein» *** не имеют и не могут иметь смысла.

В чем же дело? Какая сторона нашей программы вводит в заблуждение редакцию «Frei Russland»?

Призывая под свое знамя всех свободолюбящих людей (alle freiheitsliebenden Leute), эта редакция думает, повидимому, что мы желаем иметь дело только с теми сторонниками свободы, которые принадлежат к классу рабочих. Но это не так. В России, как и повсюду, социал-демократы смотрят не на профессию, а на *взгляды* человека и считают своими товарищами всех тех,
4 которые разделяют | *точку зрения* рабочего класса.

Вот эта-то классовая точка зрения и отделяет нас от редакции «Frei Russland», тут-то и являются достойные сожаления «allein», ответственность за которые мы не можем, «allein», взять на себя.

«Russland ist in seinen politischen Institutionen fünfzig Jahre hinter Deutschland zurück» ****. Это правда, тем более горькая правда, что, как всем известно, дорогой товарищ, политические учреждения Германии оставляют желать очень и очень многого. Но что же из этого следует? Редакция «Frei Russland», кажется, приписывает нам стремление *обезьянить* ныне существующую в Германии социал-демократическую партию. Может быть, она думает, что мы собираемся теперь же взяться за избирательную борьбу и выставить кандидатуры, z[um] B[eispiel], P. Axelrod's und Wera Zossulitsch***** в несуществующий русский

* — самодержавно-полицейском. — *Ред.*

** — современной литературы грубиянов. — *Ред.*

*** — «однако». — *Ред.*

**** «Россия по своему политическому строю на 50 лет отстала от Германии»,— *Ред.*

***** — например, П. Аксельрода и Веры Засулич. — *Ред.*

рейхстаг? Если бы у нас в голове действительно гнездилось
5 что-нибудь подобное, мы были бы | verrückt * и надо было бы удивляться тому, что редакция «Frei Russland» относится с уважением и симпатией к столь безумным людям. Тогда выходило бы, что г. W. A. погрешил в своей «Auseinandersetzung» лишь в одном отношении: именно в том, что вместо грубой брани (которая все-таки дает повод сказать: Юпитер, ты сердишься, стало быть ты неправ!) он не применил к нам добродушной, но тем более уничтожающей насмешки.

Но современные политические отношения Германии не упали с неба в готовом виде. «*Пятьдесят лет*» тому назад в Германии не было таких учреждений, тогда там велась борьба за политическое освобождение, но и тогда там были уже люди, родствен-
6 ные по духу современной немецкой социал-демократии. | Это были коммунисты направления Маркса — Энгельса. Как смотрели коммунисты на свои политические задачи? Они насмехались над «истинными социалистами», противопоставлявшими «социализм» «политике» [5]. Они шли «рядом с буржуазией, поскольку эта последняя являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства». Но они не ограничивались этим: «ни на минуту не переставали они вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов пролетариата и буржуазии». Они хотели, чтобы «общественные и политические условия, которые принесет с собою господство буржуазии, могли послужить немецким рабочим орудием против той же буржуазии, чтобы борьба против нее началась тотчас же после падения реакционных классов в Германии» ** [6].

7 | Именно так смотрим на дело и мы, русские социал-демократы. Мы боремся так, как боролись наши немецкие товарищи 50 лет тому назад. Многие — и, кажется, редакция «Frei Russland» в том числе — считают такую тактику узкой; многие предпочитают «чисто политическую» деятельность, т. е. политические рассуждения ins Blaue hinein ***. Я не думаю, чтобы перед немецкими социал-демократами надо было оправдываться по поводу упреков в *подобной* «узкости» взглядов. Замечу, впрочем, что такие упреки направлялись когда-то и против немецких коммунистов, этих родоначальников современной социал-демократии.

Очень часто против нашей *классовой* точки зрения возражают также указанием на преобладание в России крестьянского населения.

Но, во-первых, русское крестьянство не *класс*, а *сословие*, в его среде есть богатые капиталисты, равно как и *пролетарии* чистейшей воды.

* — безумными. — *Ред.*

** См. «Manifest der kommunistischen Partei». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

*** — в небесных туманностях. — *Ред.*

8 | Последняя четверть века до такой степени разложила наш старый крестьянский быт, что теперь просто нелепо противопоставлять Россию Западу как страну устойчивого крестьянского землевладения. С неурожаем прошлого года началась агония старого экономического строя России. А во-вторых, и это самое главное, не думайте, дорогой товарищ, что люди, указывающие нам на крестьянство, имеют в виду поднять это сословие на борьбу с абсолютизмом. Нет, подобное указание играет роль специфического оружия в теоретической борьбе против социал-демократов; когда же дело принимает практический оборот, наши противники обыкновенно взывают к так называемому обществу
9 и к так называемой интеллигенции. | Следовательно, вопрос можно было бы поставить не так: крестьянство или рабочий класс, а разве лишь так: «общество или пролетариат?» Да и в этом виде он не выражает истинного положения дел, потому, как уже сказано, мы готовы всеми силами поддерживать русское «общество» во всех его освободительных тенденциях.

Развивая политическое сознание русского рабочего класса, мы не задерживаем освободительного движения в России, напротив, мы расчищаем для него почву, мы расширяем русло того потока, который снесет безобразное здание русского царизма. Это тем более верно, что только через посредство рабочего класса (вообще трудящегося населения городов) революционные идеи могут найти широкий доступ в *крестьянскую среду*.

[10] | [Элементарнейший политический расчет должен был бы заставить русских революционеров обратиться к рабочим. Без поддержки народа революционеры всегда будут бессильны. Но само собой разумеется, что наши революционеры должны заниматься не распространением среди рабочих идей русских гг. Евг. Рихтеров [7], но просвещением рабочих относительно великих принципов современного научного социализма.

Вот что я хотел высказать по поводу разъяснения редакции «Frei Russland». Надеюсь, что этим устранена для нас всякая возможность недоразумения со стороны немецкой социал-демократии.

Примите, дорогой товарищ, выражение моего глубокого уважения.

Да здравствует наше общее великое дело, да здравствует освобождающая народы международная социал-демократия.

24 ноября 1892 г.

Г. Плеханов] *

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Орган «Frei Russland» был немецким изданием лондонского «Общества друзей свободной России». Это общество было организовано в Лондоне в 1890 г. С. М. Кравчинским. С июня 1890 г. оно стало выпускать в Лондоне на английском языке свой

* Конец письма, заключенный в прямые скобки, заимствован из «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 237. — *Ред.*

орган «Free Russia» («Свободная Россия»), который редактировался Кравчинским и бежавшим из Сибири Ф. Волховским. В январе 1892 г. лондонское «Общество друзей свободной России» стало издавать наряду со своим английским органом и орган для германских стран на немецком языке—«Frei Russland». Местом для такого издания был избран Цюрих, редактирование было поручено В. Андерфурену, проживавшему в Цюрихе и бывшему и раньше одним из официальных представителей лондонского общества в Швейцарии. В сентябрьском номере «Frei Russland» за 1892 г. Андерфурен поместил статью «Auseinandersetzung» («Разъяснение») за подписью W. A., в которой он выступил в очень резких тонах с грубыми личными выпадами против деятелей группы «Освобождение труда», доказывая немецким социал-демократам, что самостоятельное социалистическое движение пролетариата в России до свержения там царизма невозможно, что поэтому программа и тактика русских социал-демократов утопична и вредна, а единственно целесообразной в данное время для России является программа либералов.

[2] Статья Андерфурена вызвала большое недовольство среди лондонских руководителей «Общества друзей свободной России». Близкое к радикалам европейского типа, это общество во многом расходилось с группой «Освобождение труда», но благодаря личной близости Кравчинского с членами «группы» между обеими организациями до самой смерти Кравчинского поддерживались дружественные отношения. Кравчинский добился закрытия «Frei Russland», опубликовав в приложении к последнему его номеру особое заявление общества, содержащее извинение перед русскими социал-демократами и критику статьи Андерфурена.

[3] «Социал-демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся в 1890—1892 гг. в Женеве группой «Освобождение труда». «Социал-демократ» явился первым социал-демократическим журналом на русском языке; он сыграл очень большую роль в насаждении идей марксизма среди русских революционеров. Всего вышло четыре номера.

[4] Выражение Маркса, употребленное им в статье против Гейнцена «Морализирующая критика и критизирующая мораль» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, 1929, стр. 198—199).

[5] «Истинный социализм» — движение, развившееся в Германии в 40-х годах. «Истинный социализм» не был ни научным, ни политическим. Он представлял собой этическое стремление к правде и справедливости, являясь по существу своему мелкобуржуазным и реакционным. Представители этого движения считали, что Германия может перейти прямо к социализму, минуя фазу капитализма, если она передаст инициативу социального строительства в руки «гуманитарной» интеллигенции. «Истинный социализм» подвергся обстоятельной и справедливой критике в «Манифесте коммунистической партии» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 505—508). Ленин следующим образом охарактеризовал это направление: «Истинные социалисты» нечто вроде мирных лавристов, полу-культурники, не-революционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди» (*Ленин*, Соч., т. IX, стр. 297).

[6] Цитата из «Манифеста коммунистической партии» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 512).

[7] *Рихтер*, Евгений (1838—1906) — один из лидеров немецкой партии свободомыслящих, выражавшей взгляды либеральной буржуазии. Яростный противник социализма, Рихтер выступал против социал-демократии, отстаивавшей интересы рабочих, сеял иллюзии о гармонии классов, отвлекая рабочих от классовой борьбы.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РЕДАКЦИИ ПИСЬМА К ПОЛЬСКИМ ИЗДАТЕЛЯМ КНИГИ А. ТУНА «ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ»

Книга А. Туна «История революционных движений в России» («Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland» вышла в Лейпциге в 1883 г. Альфонс Тун (1854—1886), немецкий либерал, ученый, экономист, очень интересовался революционным движением в России. Свободно владея русским языком, он прочел всю

имеющуюся за границей литературу, связанную с историей русского революционного движения, пополняя свои сведения о ней беседами с русскими эмигрантами Л. Г. Дейчем, М. К. Элпидиным, М. Драгомановым и Н. Н. Лопатиным. Свою книгу Тун писал для немецкой публики, считая, что немцы должны познакомиться с революционным движением, развивающимся в далекой России при неведомых для немцев условиях. С этой целью он в Базельском университете наряду с лекциями по политической экономии читал лекции о революционном движении в России. Книга Туна долгое время являлась единственным сколько-нибудь полным изложением фактической стороны революционного движения в России, но, написанная иностранцем-либералом, она уже в силу этого грешила многими недочетами. Это обстоятельство учло издательство «Заграничного союза польских социалистов». Задумав в 1892 г. издать книгу Туна на польском языке, издательство в лице Марии Мендельсон обратилось к Г. В. Плеханову со следующим письмом от 31 декабря 1892 г.: «Дорогой гражданин! Мы подготовляем перевод произведения Туна («История революционных движений в России») и нам очень хотелось бы дополнить перевод различными приложениями, среди которых история социал-демократической партии в России должна непременно занять свое место. Вы согласитесь с нами, что краткий очерк, написанный Вами, представит для наших читателей исключительный интерес. Не сердитесь, что беспокоим Вас просьбой изложить кратко возникновение, принципы и историю Вашей организации. Мы надеемся, что Вы не откажетесь оказать нам такую услугу...» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 267).

Плеханов не замедлил откликнуться на это предложение и написал статью, которая была переведена на польский язык и под заглавием «O socjalnej demokracji w Rosji (List do wydawców polskiego tłómaczenia «Historji ruchu rewolucyjnego w Rosji» A. Thuna)» — «О социальной демократии в России (Письмо к польским издателям «Истории революционных движений в России» А. Туна)» — была помещена вторым приложением к польскому переводу книги А. Туна, вышедшему во Львове в 1893 г. В 1898 г. статья Плеханова появилась в переводе с польского на болгарский отдельным изданием, вышедшим в Варне. В переводе на русский язык она увидела свет впервые в 1903 г. как одно из приложений к русскому изданию книги А. Туна. В это издание кроме плехановской статьи вошел еще целый ряд статей других русских авторов на тему о революционном движении в России и большое предисловие Плеханова, написанное специально для русского издания. К русскому изданию своей польской статьи «О социальной демократии» Плеханов сделал несколько новых примечаний. В Собрание сочинений эта статья вошла в т. IX, стр. 5—29.

Все упомянутые здесь издания отличаются от сохранившейся в Доме Плеханова рукописи той же статьи как своим планом, так кое-где и содержанием.

Время написания публикуемой редакции устанавливается замечанием Плеханова на стр. 43 рукописи, где сказано: «...и теперь, после 10-тилетней литер[атурной] деятельности, мы можем сказать...» Эти слова свидетельствуют о том, что рукопись была написана в 1893 г., через 10 лет после основания группы «Освобождение труда». Поскольку эта редакция не является тем оригиналом, с которого был сделан польский перевод в 1893 г., и поскольку она не была использована в 1903 г., когда статья Плеханова должна была появиться в русском издании, надо думать, что печатаемая рукопись представляет собой первоначальную редакцию данной статьи.

Рукопись сохранилась почти целиком, недостает только первых двух страниц и страниц 6, 9—11. Последние приблизительно удалось восстановить по опубликованной статье. Рукопись написана в тетради, чернилами, отчасти рукой Г. В. Плеханова, отчасти рукой Л. И. Аксельрод, то на одной, то на обеих сторонах листа. Первые страницы до 12-й написаны на отдельных тетрадочных листах. 3—21 страницы перенумерованы арабскими цифрами. При публикации недостающие страницы восстанавливались по Собранию сочинений, т. IX. В подстрочных примечаниях приведены примечания, сделанные Плехановым в 1903 г. к русскому изданию статьи. На полях указаны страницы рукописи. Страницы, восстановленные из Собрания сочинений, и цифры на полях, привнесенные редакцией, заключены в квадратные скобки.

В конце публикации дается небольшой отрывок варианта, отличающийся как от статьи, публикуемой в настоящем сборнике, так и от статьи, опубликованной в Собрании сочинений. Он представляет собой четыре листа плехановского автографа, исписанные с одной стороны и пронумерованные цифрами 33—36.

[1—2] *О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ*

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

... [Русское правительство вынуждено было продолжать начатый Петром процесс европеизации, хотя само оно, конечно, ни мало не думало при этом о прогрессивном воздействии на русский народ. Оно повиновалось всемогущей исторической необходимости, но мало-помалу европеизация коснулась самых глубоких оснований русской народной жизни, перестроила всю экономику России, и необходимым следствием этого явилось враждебное правительству освободительное *течение снизу*. Старый спор славянофилов с западниками, начавшийся на философской почве, решался политической экономией.

Раз обращено было революционерами внимание на это решение, восстановилась логическая нить развития русской революционной мысли, порванная проникновением в Россию теорий
3 утопического социализма. Еще Белинский с восторгом] * | приветствовал появление «Deutsch-Französischen Jahrbücher» ** Маркса и Руге [1]. Мы посвящаем все свои силы распространению и торжеству тех идей, которые впервые высказаны были в упомянутом издании основателями современного научного социализма, учителями пролетариата всех стран, бессмертным автором «*Капитала*» и его великим сотрудником и другом Фридрихом Энгельсом.

Но если в теории нетрудно указать связь наших идей и стремлений с идеями и стремлениями лучших представителей русской литературы сороковых годов, то в действительном ходе революционного движения пропаганда *западников* отделяется от

* Первые две страницы рукописи не сохранились. Текст, заключенный в прямые скобки, непосредственным продолжением которого являются первые слова сохранившейся третьей страницы рукописи, заимствован из опубликованной статьи (Соч., т IX, стр. 23—24). — *Ред.*

** — «Немецко-французских ежегодников». — *Ред.*

социал-демократической пропаганды довольно длинным промежутком времени, в течение которого преобладают взгляды совершенно иного рода.

Уже в статьях Герцена очень явственно слышится после 1848—1849 гг. славянофильская нота. Чернышевский, решительно вооружавшийся против славянофильства Герцена, сам, в своих статьях об общинном землевладении, становится в сущности на славянофильскую почву. Он тоже противопоставляет *Россию Западу*, хотя, правда, лишь в области экономических отношений,
4 и хотя, к тому же, подобное | противопоставление казалось ему впоследствии, *по освобождении* крестьян, гораздо менее основательным и гораздо более опасным, чем это было прежде, пока дело крестьянской «эманципации» оставалось лишь законопроектом.

Вторжение славянофильских идей в область оппозиционной и революционной литературы становится еще более заметным. Наша революционная молодежь, никогда не переставшая восторженно чтить память Белинского, увлекается историческими исследованиями *А. Щапова* [2], даже не подозревая того, что она имеет там дело с чисто славянофильским, хотя в то же время крайне демократическим взглядом на ход нашего общественного развития.

Как давно уже известно, книги имеют свою «судьбу», подчас очень странную. Немало странностей бывает подчас и в судьбах общественно-политических теорий. Сочувствие к социально-революционным движениям Запада зародилось и окрепло у нас в западническом лагере. Славянофилы, собственно так называемые, видели в этих движениях лишь симптомы разложения
5 старой европейской цивилизации; | они всегда с особенным удовольствием оттеняли ту «*покорность*» и ту «*преданность престолу*», которые, по их мнению, составляли отличительную черту русского «*народного духа*». Вот почему наша революционная молодежь шестидесятых и семидесятых годов стала к ним в самое отрицательное отношение: слово «славянофил» сделалось в ее устах обидным, почти бранным словом. С другой стороны, та же самая молодежь все более и более проникается, как уже сказано выше, славянофильскими взглядами на русские общественные отношения, она все чаще и громче твердит, что Россия не Запад, что мы пойдем к социализму совсем не тем путем, каким идет к нему «Европа». Согласитесь, товарищи, что это очень большая странность и что эта очень большая странность заслуживает очень большого внимания со стороны всех тех, которые интересуются ходом революционного движения в России.

Как объясняется эта странность? Неужели она проистекает из каких-нибудь особенностей русского «народного духа», например из прирожденной нам неспособности к последовательному,
[6] логическому мышлению? | [Эта кажущаяся странность объясняется очень просто.

Европеизация Московской Руси началась *сверху*, волею первого русского императора, так как необходимость ее сказалась прежде и сильнее всего в области государственной самозащиты и государственного управления. Долгое время она не переходила за границы этой области. Весь «народ», вся огромная масса русского крестьянства и большая часть так называемого у нас купеческого сословия продолжали жить так, как жили они в доброе старое время. По отношению к непривилегированному сословию петровская реформа повела за собою прежде всего страшный рост государственных податей и повинностей, грозивших окончательно задавить его под своим бременем. Крестьянин протестовал, как мог и как умел, вооружаясь иногда вилами и топором, иногда осьмиконечным крестом и старопечатной раскольничьей книгой. Но и в том, и в другом случае его про-
7 тест] * | и по форме и по содержанию не мог быть привлекателен для западников. Горячо сочувствуя страданиям угнетенной массы, они понимали в то же время, что удачный исход народного движения вроде того, которое имело место под предводительством Пугачева, означал бы полную гибель всего того, что насадил у нас Петр, и в чем они видели единственный залог нашего дальнейшего развития. Прибавьте к этому, что по мере усовершенствования государственной организации крестьянские протесты становились все разрозненнее и все безнадежнее, и вы поймете, почему у Белинского, при всей страстности его натуры и всей глубине его ненависти к современной ему русской «*действительности*», не могла ни на минуту возникнуть надежда на то, что народ освободит и просветит себя своими собственными усилиями **. Совсем незадолго до появления его

* Отсутствующая шестая страница рукописи восстановлена по опубликованной статье (стр. 12). — *Ред.*

** В 1903 г. Плеханов сделал к этому месту следующее примечание: «Этот взгляд на народ получил чрезвычайно яркое выражение в стихотворном «отрывке» Н. А. Некрасова, относящемся к 1858 году:

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.
Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной глубокой ночи
Без понятий о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...»

(Соч., т. IX, стр. 13). — *Ред.*

8 знаменитого, полного революционного пыла, письма к Гоголю, | наш гениальный писатель, страстно сочувствовавший тогда западноевропейскому социализму, с убеждением повторяет в одной из своих статей, что *все прогрессивное* может итти у нас *только сверху*. Это было вполне последовательно, но зато как это было безнадежно! Достаточно заметить, что Белинский высказывал это убеждение в царствование Николая, этого тупого, фанатичного врага всякого прогресса [3].

Царствование Александра II, этого Манилова на престоле, в первое время как будто подтверждало западнический вывод относительно прогрессивной роли русской правительственной власти. Сам Чернышевский очень многого ждал во второй половине пятидесятых годов от правильного понимания русским правительством своих «интересов». Но уже с самого начала шестидесятых годов вполне обнаружилась несостоятельность подобных ожиданий, и тем из сторонников «прогресса», которые не хотели и не могли сидеть сложа руки, оставалось рассчитывать лишь на революционный способ действий, т. е. ждать прогрессивного движения уже *не сверху, а снизу*. Для такого движения нужны были силы. Где могли и должны были искать их тогдашние русские революционеры?

[9—11] | [При том взгляде на народ, который господствовал в кружках наших западников 40-х годов, всякие расчеты на него, как на революционную силу, являлись нелепой фантазией. Но в шестидесятых годах взгляд этот должен был значительно поколебаться уже в силу того простого обстоятельства, что уничтожение крепостного права вызвало в крестьянстве значительное возбуждение. Широкое, повсеместное восстание бывших крепостных, неудовлетворенных в своих ожиданиях «настоящей воли», одинаково казалось теперь возможным как правительству, так и революционному «молодому поколению», т. е. тому общественному слою, который впоследствии скромно называл себя «интеллигенцией». Что же касалось окончательного результата удачного всенародного восстания, то «молодое поколение», вследствие зародившейся в нем жажды революционной борьбы, должно было рисовать его в своей фантазии совсем не так, как рисовался он в воображении западников. Трудно ли поверить в благие последствия революции тому, у кого все надежды сводятся именно к революции? К услугам революционной молодежи как нельзя более кстати явилась та идеализация старых, веками завещанных нам форм народного быта, которая играла такую видную роль в произведениях славянофилов. Западники ровно ничего не ожидали от народной самодеятельности; славянофилы говорили, что в народе кроются богатые задатки самостоятельного «*гармоничного*» развития *.

* Примечание к изданию 1903 г.: «Ю. Самарин [4], указывая на то, что западный мир выставляет теперь (т. е. в сороковых годах) «требование общины» (т. е. социализма), прибавлял, что это требование «совпадает с нашей субстанцией» и что

Революционная молодежь конца 60-х и начала 70-х годов вполне согласилась в этом случае с славянофилами, приняв как догмат, что «гармоническое развитие» пойдет в сторону социализма, и дополнив веру в «самобытные задатки» этого развития верой в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции. Таким образом старый спор был, казалось, окончен, роковой вопрос решен: и *«сверху»*, со стороны «интеллигенции», и *«снизу»*, со стороны народа, ничего не предвиделось, кроме *«прогресса»*, и мы чрезвычайно быстро пошли по пути... *славянофильской переделки западноевропейского утопического социализма*. Восторженно чтя память Белинского, мы усвоили себе тот самый взгляд на общественную жизнь, который так часто будил его полемическую страсть и который казался ему *верхом непоследовательности, торжеством обскурантизма*.

Чернышевский сблизился со славянофильской школой в своем взгляде на общину [5]. *Щапов* пошел в этом направлении несравненно дальше Чернышевского; а *Бакунин* был убежден, что в русском народе находятся налицо, в самых широких размерах, те «элементы», которые являются необходимыми условиями социальной революции. Победить своих врагов народу мешает недостаток сплоченности и организации, а не отсутствие «общего идеала», который «был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Такой общий идеал, по мнению Бакунина, существует, «и нет даже необходимости далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты». Важнейшей чертой народного идеала оказывается «убеждение в том, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом, оплодотворяющему ее своим трудом»; вторая черта — приверженность к общинному землевладению; третья, «одинаковой важности с двумя предыдущими, — это квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление и, вследствие того, решительно враждебное отношение к государству» *.

«Углубляясь в историческое сознание нашего народа», славянофилы находили, что народный идеал был в значительной степени осуществлен в нашем старом, допетровском *государстве*. Щапов и Бакунин видели в государстве *отрицание* народного идеала, *посягательство на самоуправление общин* и на свободную федерацию этих общин *«снизу вверх»*. Таким образом центр тяжести идеализации «исторического сознания нашего народа» частью переносился в древнейший, домосковский период, частью приурочивался к народным протестам против непрерывного

«в оправдание формулы мы приносим быт». В этом он видел точку соприкосновения нашей истории с западной (см. Пыпина: «Характеристика литературных мнений», стр. 298). В этом взгляде Самарина заключается an sich почти все русское народничество» (Соч., т. IX, стр. 14). — *Ред.*

* «Государственность и анархия», примечание А, стр. 7—10. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

роста податей и повинностей, шедшего рука об руку с развитием и упрочением государства *. Русские народники, ближайшие потомки русских бакунистов, казались И. С. Аксакову непоследовательными, сбившимися с прямого пути славянофилами. С своей стороны народники могли упрекнуть славянофилов в том, что они, «углубляясь в историческое сознание нашего народа», останавливались на полдороге и идеализировали такие черты] ** | общественных отношений Московской
12 Руси, в которых сам народ не видел, да и не мог видеть ничего идеального.

Как бы там ни было, не подлежит сомнению тот факт, что наша «интеллигенция» семидесятых годов, свято чтя память Белинского и других *западников*, по общему *характеру* своих взглядов на народ, хотя, конечно, не по окончательным своим *выводам*, была несравненно ближе к *славянофилам*. Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что как ее уважение к памяти западников, так и славянофильское направление ее мыслей проистекало из одного общего источника: из ее революционного настроения, из ее жажды борьбы с существовавшим и, к сожалению, до сих пор существующим в России порядком вещей.

Анархическое славянофильство Бакунина и было тем, что мы называли в семидесятых годах нашим *социализмом*. Бакунизм бесспорно господствовал в среде нашей революционной интеллигенции того времени. Рядом с ним существовали еще так называемый *лавризм* и небольшие, в разных местах России,
13 преимущественно в провинции, рассеянные | группы последователей покойного Ткачева. Но, как это справедливо говорит *Тун*, влияние этих последних групп было до самого конца семидесятых годов совершенно ничтожно; что же касается лавризма, то он был гораздо более распространен, хотя, как увидим, гораздо менее прочен.

П. Л. Лавров несомненно достоин всякого уважения как человек, посвятивший революционному делу все свои силы. Но в философском отношении он всегда был и навсегда останется *эклектиком*. Его миросозерцание никогда не отличалось стройным, последовательным характером. Это указывали еще Антонович [6], Чернышевский [7] и другие сотрудники «Современника». Впоследствии с тем же упреком обращался к нему, на страницах немецкого «Volksstaat» *** [8], *Фридрих Энгельс*. До появления его «Исторических писем» в самом конце шестидесятых годов никому и в голову не приходило видеть в нем действительного или хотя бы только возможного вожака революционной молодежи.

* Примечание к изданию 1903 г.: «И. С. Аксаков третировал Разина и Пугачева, как *разбойников*; М. А. Бакунин считал разбойников *инстинктивными революционерами*» (Соч., т. IX, стр. 15). — *Ред.*

** Отсутствующие в рукописи стр. 9—11 восстановлены по опубликованной статье (стр. 14—16). — *Ред.*

*** — «Народного государства». — *Ред.*

Появление «Исторических писем» значительно изменило дело. | Они имели почти такой же успех, как самые знаменитые сочинения Чернышевского. Их автор вдруг приобрел огромную популярность. Передовая молодежь с удовольствием, не чуждым удивления, увидела в нем *революционера*. Но появление первых томов непериодического обозрения «Вперед!» не замедлило охладить ее увлечение.

В литературном отношении «*Исторические письма*» не представляют собою ровно ничего выдающегося. Очень заметные в них усилия автора отделаться от свойственной ему тяжеловесности, сухости и неуклюжести изложения не только остаются совершенно безуспешны, но производят очень тяжелое впечатление чего-то до крайности искусственного и неестественного: как будто слон старается протанцовать перед вами на канате. Нечего и говорить, что доводы П. Л. Лаврова ни мало не выигрывают от этого в убедительности. В его исторических взглядах, как в земной коре при вертикальном ее разрезе, можно заметить целый ряд постепенно образовавшихся наслоений. На них оставила свой неизгладимый след почти каждая из сколько-нибудь значительных философских школ, сменявших одна другую в процессе умственного развития Западной Европы. Наиболее | сказывается влияние немцев от *Канта* до *Бруно Бауэра* [9] и *Макса Штирнера* [10] включительно. В качестве добросовестного читателя П. Л. Лавров ознакомился со всеми выдающимися немецкими мыслителями; в качестве *эклектика* он не согласился целиком ни с одним из них, но зато ни одного из них он целиком не отвергнул. У каждого он нашел частицу истины и заботливо перенес ее в пестрое здание своих собственных исторических взглядов. К сожалению, ему не удалось сохранить полное беспристрастие по отношению к прочитанным им авторам. В приготовленной им механической смеси частиц различных систем каждая отдельная частица приобретает тем *более* решительное значение, чем *меньше* ценности имеет историческая философия того мыслителя, у которого она заимствована. Этот закон *обратной пропорциональности* господствует в «Исторических письмах» со строгостью и неуклонностью закона природы. Шеллинг и Гегель почти совсем забыты их автором, между тем как Кант не перестает смущать его своим учением о вещи в себе (Ding an sich), а Бруно Бауэр подсказывает ему свою, как любят выражаться у нас, *формулу прогресса*. Эта формула очень проста, так проста, что способна подкупить своей простотой всякого, кто не обратит внимания на ее крайнюю поверхностность и односторонность. У П. Л. Лаврова она принимает такой вид: сущность исторического процесса заключается | в переработке культуры критически-мыслящими личностями. Бруно и Эдгар Бауэры [11] давали ей несколько иной внешний вид, но грешно было бы сказать, что русский эклектик хоть на иоту изменил ее по существу.

Взгляды братьев Бауэров представляли собою реакцию против гегелевского идеализма. Как ни законна была эта реакция, она была в то же время до крайности поверхностна и легковесна. Развитие «самосознания» являлось в глазах Бауэров ключом к объяснению всей человеческой истории. Совершенно упуская из виду, что это развитие само было неизбежным следствием причин, не зависевших от воли людей и лежавших вне сферы самосознания, братья Бауэры тем самым становились, в философии истории, на точку зрения гораздо более идеалистическую, чем точка зрения абсолютного идеалиста Гегеля, который уже прекрасно понимал и, главное, выяснял, что развитие самосознания происходит под действием причин.

| Нам нет надобности рассматривать здесь, вследствие каких причин реакция против идеализма в Германии сама явилась на первых порах в виде крайне поверхностного идеализма. Достаточно сказать, что там дело очень скоро приняло другой оборот. Уже в своей книге «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik» * Маркс и Энгельс показали полную несостоятельность Бауэровских взглядов. К концу сороковых годов основные положения нового, диалектического материализма были в главных своих чертах почти совсем разработаны и положены, в «*Манифесте коммунистич[еской] партии*», в основание практической программы революционного пролетариата. С тех пор | передовая мысль Западной Европы навсегда распростилась со всеми видами и разновидностями идеализма. Этот период возникновения, разработки и распространения нового материалистического миросозерцания представляет собою едва ли не самую интересную и во всяком случае самую важную по своим практическим последствиям, хотя, к сожалению, до сих пор очень мало изученную эпоху в истории философии. Но именно этот-то период и был совершенно неизвестен П. Л. Лаврову в то время, когда он писал свои «*Исторические письма*». Он знал все, что было *до* Маркса, но не имел ни малейшего понятия *о* Марксе. Он усвоил, насколько способен сделать это эклектик, последнее слово *до*марксовой радикальной философии со всей поверхностностью, со всей теоретической бедностью и бессодержательностью этого слова, и стал строить на фундаменте, который, к концу шестидесятых годов, представлял собою уже очень ветхую развалину. Он даже придумал некоторые новые орнаменты для постройки, возведенной им | на этом фундаменте: так, он изобрел, правда, не без позаимствований у Огюста Конта, быстро прославившийся у нас «субъективный метод в социологии», который не имеет уже ровно ничего общего с научным мышлением **, возводя в доктрину утопический взгляд

* — «Святое семейство, или критика критической критики». — *Ред.*

** В 1903 г. Плеханов сделал к этому месту следующее примечание:

«Задача науки, поскольку она имеет дело с *субъектом*, заключается именно в том, чтобы объяснить его посредством *объекта*. Забывать об этом значит совершать

на общественную жизнь. Теперь этот «метод» приобрел у нас прочность предрассудка, но во время первого появления «Историч[еских] писем» едва ли [наша молодежь] обратила на него какое-нибудь внимание. Она увлекалась больше всего мыслью автора о долге образованных классов по отношению к народу. Эта мысль явилась теоретическим выражением ее практического стремления увлечь народ в начинающуюся борьбу ее с правительством, хотя, по правде сказать, еще сомнительно, имел ли в виду эту борьбу автор «Писем», говоря о переработке «культуры» критически мыслящими личностями.

Появление первых томов непериодич[еского] обозрения «Вперед!» значительно охладило увлечение революционеров П. Л. Лавровым. Тун подробно рассказывает [о] колебания[х], которые обнаружил автор при выработке программы этого обозрения.
20 Мы заметим, с своей [стороны], | что окончательно принятая им программа, если и не вытекала с логическою необходимостью из основных положений его «Писем», то во всяком случае нисколько не противоречила им. Обязанность критически мыслящих личностей заключается в переработке культуры. Под эту до последней степени отвлеченную формулу, чуждую самомалейшего атома конкретности, очень хорошо может подойти, напр[имер], мирная деятельность народолюбивых представителей нашего земского самоуправления. Но под нее с удобством подходит и деятельность революционера. Журнал «Вперед!» наполнил ее, повидимому, революционным содержанием. Но и это революционное содержание было до крайности отвлеченно *. Переработка культуры критической мыслью сведена была к пропаганде социализма между трудящимся населением России. Но в представлении главного редактора «Вперед!» и его последователей пропаганда эта приняла совершенно утопический характер. Западноевропейские социалисты ведут свою пропаганду, опираясь на объективный ход развития экономических отношений буржуазного общества. Этот ход ручается им за правильность их постановки социального вопроса и за удачный исход
21* их революционных усилий. П. Л. Лавров | со своим *субъективным* методом был как нельзя более далек от такой точки зрения.

смертный грех против науки. Но этого мало. Однажды в разговоре с Эккерманом [12] Гете заметил: «Все эпохи упадка субъективны, и, наоборот, все прогрессивные эпохи имеют объективное направление. Наше время ретроградно и потому субъективно». Не касаясь здесь вопроса о том, в какой мере это общее правило допускает исключения, мы заметим, что русская передовая общественная мысль тем более склонялась к *объективизму*, чем богаче она была *революционным содержанием;* и наоборот: она становилась тем более *субъективной*, чем беднее ее революционное содержание. Чернышевский и Добролюбов были очень далеки от субъективизма. Теперь за субъективный метод хватаются у нас так называющие себя социалисты-революционеры. Но «социалисты-революционеры» — настоящие реакционеры в русском социализме, и о них недаром сказано, что они носят двойное название единственно потому, что их социализм не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом» (Соч., т. IX, стр. 8). — *Ред.*

* В 1903 г. Плеханов сделал к этому месту следующее примечание:

«В доказательство приведем чрезвычайно характерный отрывок из передовой статьи № 34 «*Вперед!*». П. Л. Лавров описывает, как представляется ему будущий ход революционного движения в России. «Допустим, — говорит он, — что 100 убежденных личностей из молодежи образуют первый кадр социально-революционного союза; что каждый год из этой молодежи приступают к нему новые лица в том же числе, причем лишь половина из поступивших оказывается годна для действия в народе. Допустим, как выше, что из действующих в народе в конце каждых двух лет остается целой лишь одна четверть, а число лиц, не участвующих в пропаганде, остается неизменно 50 человек. Допустим, что каждый пропагандист из интеллигенции приобретет в 2 года четырех товарищей из народа, а каждый пропагандист из народа в тот же период — втрое более. Допустим, наконец, что одна четверть членов союза из народа гибнет в продолжение 2-х лет. При этих предположениях сделаем расчет, как велик оказался бы состав социально-революционного союза при *разумной* и *целесообразной* деятельности его членов после 2, 4 и 6 лет.

Мы получим следующие цифры:

Из интеллигенции	Вначале	Через 2 года	Через 4 года	Через 6 лет
Вступающих	100	100	100	100
Непропагандистов	50	50	50	50
Пропагандистов	50	50	50	50
Осталось пропагандистов	—	12	15	16
Всего пропагандистов	50	62	65	66
Всего	100	112	115	116

Из народа	Вначале	Через 2 года	Через 4 года	Через 6 лет
Привлеченных интеллигенцией	—	200	248	260
Привл[еченных] народн[ыми] пропаг[андистами]	—	—	2 400	33 576
Осталось	—	—	150	2 098
Всего	—	200	2 798	35 934
Численность социально-революционного союза	100	312	2 913	36 050

Я припомню, что при надлежащей организации и при разумном действии потеря не должна быть столь значительною, как здесь предположено (она и не была такова при деятельности, далеко не удовлетворявшей этим условиям), но допущу, что пропаганда даст, почему бы то ни было, *втрое* менее выгодные результаты, так что после 6 лет социально-революционный союз будет состоять лишь из 10 000 человек, которые усвоили простые начала: *отрицания монопольной собственности, обязательности всеобщего труда для всеобщего развития и обязательности всеобщей солидарности рабочих-социалистов* в их свободной группировке, т. е. из 10 000 таких, которые способны подчинить всю свою деятельность при подготовлении революции и после ее совершения этим трем началам. Прибавим, что около этих 10 000 *понимающих* находится несравненно обширнейшее число *сочувствующих практическим требованиям* социальной революции, т. е. насильственному устранению чиновничества и собственников с передачей всей власти и всего имущества в руки народа, хотя при этом понятия о солидарности всех рабочих, о необходимости всеобщего труда и устранения всякой отдельной собственности, наконец, о свободной группировке личностей были бы далеко не ясны этим многочисленным приверженцам социальной революции. Если мы представим себе после небольшого периода 6 лет 10 000 сознательных руководителей народного движения, которые сгруппированы в пяти территориях, наиболее восприимчивых для пропаганды, примерно по 2 000 в каждой, и окружены *несравненно большим* числом лиц, готовых каждую минуту итти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала, — то перед нами такая почтенная *революционная армия*, которая в определенную минуту может действительно совершить историческое дело» (Соч., т. IX, стр. 9—10). — *Ред.*

* Со страницы 21 и до конца рукописи нумерация отсутствует. — *Ред.*

Для него ручательство за успех заключалось в отвлеченном превосходстве социалистического «*идеала*». Действительное положение труд[ящейся] массы принималось им в соображение лишь с одной стороны: со стороны ее бедности, со стороны ее эксплоатации государ[ством] и имущими классами. Предполагалось, что чем тяжелее положение народной массы, тем более склонности должна обнаружить она к усвоению соц[иализ]ма. Изо всей экономии страны принималось в соображение лишь распределение продуктов, о способах их производ[ства] и обмена не было и речи. Бедность массы должна была, конечно, иметь в глаз[ах] П. Л. Лав[рова] и другую сторону: задавленность народа, его невежество. Но этому-то горю и должны были пособить революц[ионеры]. Чем меньше запас знаний у народа, тем больше он должен быть у пропагандистов. «Вперед!», требовал от этих последн[их] чуть ли не энциклопед[ического] образования. Образование без сомнения великая сила. Это
[22] прекрасно знают западные соц[иалисты]. Но те пользуются | своими знаниями для определения объективного хода общ[ественного] развития и для выяснения его смысла массе. Знания указывают зап[адно]-евр[опейским] соц[иалистам] материальные, экономич[еские] условия, ведущ[ие] общ[ество] к соц[иальной] революции. П. Л. Лавров отводил знаниям иную роль. Они представл[ялись] ему в виде огромного запаса доводов, показыв[ающих] несостоятельность нынешнего общ[ественного] устройства и преимущ[ества] соц[иального] общежития.

Когда наша революц[ионная] молодежь восстала против лавровской проповеди знания, она обнаружила этим интинктивное сознание утопичности такой постановки вопроса. П. Л. Лавров обвинял ее тогда в невежестве и чуть не в вандализме. Но невежество ее сказалось не в том, что она с ним не соглашалась, а в том, что она не умела критически обнаружить уто-
[23] пического характера его | воззрений *.

Вся дальнейшая история мира сводилась для социалистов-утопистов, по выражению авторов «Манифеста коммунистической партии», к пропаганде их нового евангелия. К тому же сводилась вся дальнейшая история России в глазах наших лавристов — этих пропагандистов по преимуществу. Их утопическая точка зрения не оставляла ровно никакого места вопросам политической борьбы. *Политическая борьба* казалась им вредной для интересов *социалистической* революции: «Вперед!» твердо держался утопического противопоставления социализма политике. Всякого рода агитационная деятельность казалась ему ненужным и часто очень вредным отвлечением революционных сил от единоспасающей проповеди их утопического социализма. Но именно потому деятельность лавристов вскоре совер-
[24] шенно утратила всякий революционный характер. | Они соста-

* С этого места рукопись написана почерком Л. И. Аксельрод. — *Ред.*

вили из себя довольно высокомерную общину сектантов, упорно восстающую против всяких попыток активной борьбы с правительством, какой бы вид ни принимали эти попытки: являлись ли они в виде студенческих беспорядков, рабочих стачек, сочувственных политическим «преступникам» манифестаций, массовых протестов против безобразий русской администрации и т. п. и т. п. Это очень раздражало революционную молодежь, и одна из политических карикатур того времени изображала редактора журнала «Вперед!» едущим верхом на раке. Популярность, приобретенная автором «Исторических писем», очень быстро разрушалась, да и весь лавризм с каждым годом все более и более утрачивал всякое значение. Некоторые из бывших его сторонников подвизаются теперь в качестве мирных деятелей, другие, более активные, сбросив с себя давившее их иго доктринерства, погибли впоследствии в рядах партии «Народной воли».

[25] В половине 70-х годов влияние Бакунина | было у нас несравненно сильнее влияния П. Л. Лаврова. Бакунизм — это тоже доктринерство тем более крайнее и упрямое в своих выводах, чем более презрения выказывал его основатель к тому, что он считал научным доктринерством. Ни одно из положений бакунизма не могло бы выдержать самого легкого прикосновения научной критики. Но в бакунизме была одна сильная сторона: пристрастие к «агитации», к «бунтам», столь ненавистным для лавристов. Какими нелепыми доводами защищали бунты некоторые из русских последователей Бакунина, могла бы показать ходившая в конце 70-х годов по рукам, а теперь, вероятно, бесследно исчезнувшая, рукописная брошюра «Мысли революционера», автор которой сам, впрочем, никогда не был дельным революционером [13]. Основная мысль записки заключается в том,
[26] что так как ум всегда повинуется | чувству, а чувство воспитывается упражнением, то бунты, воспитывающие в народе чувство протеста, гораздо скорее, чем пропаганда, подготовят его к социальной революции. Бунтари подсмеивались над запиской, считая ее довольно бесталанным произведением, но это не мешало им видеть в бунтах лучшее воспитательное средство для массы. Они бредили бунтами, они всюду искали бунтов, именно это обстоятельство скоро поставило их в полное противоречие с основными положениями бакунизма.

С целью подготовки и организации возможно широких крестьянских бунтов народническое общество «Земля и воля», в программу которого входили все основные положения бакунизма, с половины 1876 г. заводит целый ряд поселений в Поволжье, на Дону, в Тамбовской и Воронежской губерниях. Поселившиеся в народе революционеры не берут с собою революционных брошюр. Пропаганда отрицается. Под видом волостных писарей, сельских учителей, лавочников и разного рода деревенских
[27] ремесленников | они мирно живут в народе, стараясь сойтись

с оппозиционными элементами деревни и подчинить их своему влиянию. Дело идет, пожалуй, очень недурно, поселенцы приобретают любовь и влияние в деревне, по временам им удается расстраивать козни кулаков или отменять чересчур сильные притязания помещика, но все это очень мало подвигает вперед «святое дело бунта» (как выражался Бакунин). Идя в народ, землевольцы беспрестанно указывали на то обстоятельство, что в России ежегодно происходит несколько десятков крестьянских волнений. Поселившись в народе, каждый бунтарь самой жизнью вынужден был, продолжая свои операции над статистическими данными, прийти к такому вопросу: сколько лет я должен ждать бунта в моей деревне, принимая во внимание, что несколько
[28] десятков бунтов ежегодно приходится | на несколько сот тысяч населенных мест в России? В ответ получалась огромная цифра, неизбежно наводившая бунтаря на весьма грустные размышления. К этому присоединялось еще и вот что. Бунтарь шел в народ, чтобы поднимать его против всякого вообще государства, а между тем на деле выходило, что всякая агитация в деревне сводилась по преимуществу к протесту против нынешнего полицейски сословного государства. Отрицавший политику бунтарь на деле неожиданно оказывался прежде всего политическим агитатором, хотя в деревне «народные идеалы» ставили даже и для такой агитации очень тесные пределы: в огромнейшем большинстве случаев крестьяне упорно связывали с верой в царя все свои надежды на лучшее будущее. Почти такой же опыт пришлось пережить и южным бунтарям в Приднепровье. Вот
[29] почему бунтарские усилия заканчиваются, | с одной стороны, попыткой Стефановича [14] организовать крестьян во имя царя, а с другой, многими разочарованиями. Так, напр[имер], выстрел Соловьева [15] в царя был плодом полной потери им веры в возможность крестьянской революции.

Но в деревне жизнь текла медленно; в городе впечатления сменялись гораздо быстрее. С тогдашней бунтарской, а потом народнической точки зрения революционное значение города было совершенно ничтожно. Бунтовать надо было народ, а народ настоящий, неиспорченный цивилизацией народ, был только в деревне. Но поселившимся в деревне бунтарям нужны были паспорта, нужны были деньги, связи, нужен был приток новых революционных сил, а все это в городе добывалось легче, чем в деревне *. Вот почему общество «Земля и воля» во все время
[30] своей деятельности в «народе» неизменно оставляет | довольно значительную часть своих членов как в столице, так и в крупных городских центрах тех местностей, где имелись бунтарские «поселения». Занятые преимущественно удовлетворением различных нужд организации, жившие в городах бунтари и там не упускали случаев заняться своим любимым делом: *агитацией*.

* Отсюда начинается снова рука Плеханова. — *Ред.*

А там таких случаев было тогда немало. Одни политические процессы давали немало поводов для агитации. К ним надо прибавить стачки рабочих и студенческие волнения. Начиная с весны 1876 г., в Петербурге происходит ряд манифестаций, которые доходят до своего апогея весною 1878 г. во время процесса В. Засулич. Попытка жандармов задержать ее вопреки оправдательному приговору присяжных привела к серьезному столкновению публики с полицией. Страсти петербургской революционной интеллигенции до такой степени разгорелись, что общество «Земля и воля» пустило в обращение подписные листы для сбора денег на покупку оружия, которое, как говорилось в сопро-
[31] вождавшем эти листы воззвании, | необходимо для отражения силой силы правительства, позволяющего себе попирать самые непререкаемые права граждан. Увлечение манифестациями распространилось и на пров[инциальные] города: вскоре после оправдания Засулич в Петербурге, произошла манифестация в Саратове по случаю суда и оправдания Новицкой, арест[ованной] на так наз[ываемой] конспир[ативной] квартире, но улич[енной] лишь в прожив[ании] по фальшивому виду. Наконец, в Одессе, во время суда над Ковальским [16], завязалась перестрелка между манифестантами и охранителями порядка, причем с обеих сторон были убитые и раненые.

Борьба с каждым месяцем становилась ожесточеннее. Но здесь приходится сказать то же, что мы говорили о поводах, представлявшихся бунтарям для агитации в деревне: это была борьба не с государством вообще, а с русским полицейским государством. Ее характер обрисовывался все яснее и яснее, и лавристы горько упрекали бунтарей
[32] | в том, что те, забыв о социализме, борются лишь за *политическую свободу*. Бунтари и сами чувствовали, что их деятельность плохо вяжется с основными положениями их программы, но верный революционный инстинкт неудержимо толкал их вперед, и они, очень неудачно защищая свою агитацию в теории, не могли и не хотели отказываться от нее на практике. Дело приближалось к неминуемой развязке: *бакунизм, толкая русских революционеров на путь борьбы с правительством*, тем самым приближал свое собственное, безвозвратное падение.

Борьба велась, главным образом, силами интеллигенции. Городское рабочее население еще недостаточно было подготовлено для того, чтобы оказать революционерам массовую поддержку, в чем в значительной степени виновато анархическое славянофильство наших бунтарей-народников, никогда не придававших большой важности делу революционного влияния
[33] на рабочих. | В *массе* рабочего населения только еще начинало пробуждаться сознание того, что «студенты» (так называли тогда, да вероятно и теперь еще называют в народе революционеров), отстаивают общенародное дело. Что же касается так называемого общества, то оно, сочувствуя революционерам, понимало,

что сила еще не на их стороне и, оказывая им тайную поддержку, избегало открытых столкновений с правительством. Таким образом, революционной интеллигенции в случаях подобных столкновений приходилось рассчитывать почти только на свои соб[ственные] силы. Эти силы, уже весьма значительные тогда в смысле подготовления массы, оказывались слишком незначительными для открытого уличного боя с правительством. Правительство в каждом открытом столкновении с революционерами наносило им, почти без всяких усилий, жестокие удары. Надо было прибегнуть к новому способу борьбы с ним. И этот способ
[34] явился в виде так называемого | теперь террора, который уже начал практиковаться тогда под названием *дезорганизационной* деятельности. Терроризм позволил наносить сильные удары правительству, несмотря на очевидное, страшное превосходство его сил над силами революционеров.

Террористическая борьба имела очень большое агитационное значение. Но это значение было *непосредственным*. Террорист, совершая свое покушение, не имеет прямого отношения к массе. Его действие производит на нее сильное впечатление, но она сама должна разобраться в этом впечатлении, сделать из него тот или другой вывод. Правда, ничто не мешало, повидимому, террористам, не прерывая близких связей с народной массой, разъяснять ей, в чем дело. Но раз начавшись, непосред[ственная] террористич[еская] борьба поглощала все больший и больший проц[ент] револ[юционных] сил. Нетрудно было предвидеть, что
[35] скоро все они будут привлечены к террору. | Ко времени летних съездов 1879 г. (в Липецке и Воронеже) поселения в народе не только перестали умножаться, но даже значительно поредели; вместе с этим уменьшились и без того уже не достаточно обширные и системат[ические] «занятия с рабочими». Главная часть сил и средств уже тогда фактически шла на террор. Вор[онежский] съезд, на котором террористы далеко не добились всего, чего они хотели, решил, что впредь *две трети* средств будут итти на террор и только одна на непосред[ственную] агитацию в народе. Но главный поход террористов был еще впереди. Только с осени 1879 г. начинаются систематич[еские] напад[ения] тер[рористов] на Алекс[андра] II. Как велись они, рассказано у Туна. Я прибавлю только, что раз начался этот по истине славный поход, он придал совершенно новое направ[ление] всей деятельн[ости] революц[ионеров]. Бунтарское народнич[ество] осуждено было на смерть. Попытка чернопередельцев оживить
[36] его окончилась * | полнейшей неудачей. Революционная молодежь, даже сочувствующая программе «Черного передела», продолжала жить в городах, и скоро одно за другим исчезли последние поселения в народе.

Террористическая борьба в России была борьбой против

* С этого места почерк Л. И. Аксельрод. — *Ред.*

царизма, следовательно, борьбой за политическую свободу. Сосредоточить все силы на террористической борьбе значило направить их целиком на политику, которую предавал анафеме старый бакунизм. Практически партия «Народной воли» была поэтому полным отрицанием бакунизма, но теоретически она была еще очень далека от полного с ним разрыва, что и придало ее программе очень своеобразный, так сказать, искусственный характер. Так, например, она еще очень твердо держалась завещанного бакунизмом противопоставления социализма политике. Ее социалистическая совесть не переставала упрекать ее за
[37] исключительное занятие политической борьбой. Еще | громче, чем ее собственная совесть, роптала окружающая ее революционную организацию атмосфера революционной интеллигенции. Противоположение социализма политике становилось тормозом революционного движения. Разделаться с этим тормозом помогла теория захвата власти. Народовольцы стали рассуждать так: если бы наша борьба привела лишь к торжеству политической свободы, то это действительно могло бы быть скорее вредно, чем полезно для русского народа, так как политическое освобождение повело бы за собою торжество буржуазии, а следовательно, и капитализма. Но если нам удастся, повалив абсолютизм, захватить власть в свои собственные руки, то восторжествует уж не буржуазия, а социализм, и народ бесконечно много выиграет от нашего успеха. Осуществление же нашей социалистической программы будет для нас тем легче, что у нас
[38] очень | слабо развит капитализм, очень прочна община, крепки народные идеалы и что вообще мы не Запад. Таким образом то самое теоретическое затруднение, которое, казалось, должно было приблизить нас к точке зрения западного социализма, только подкрепило славянофильский элемент «русского социализма». Покойный Тихомиров в своих статьях в газете «Народная воля» и в «Вестнике Народной воли» был уже настоящим славянофилом, хотя и не анархического, как Бакунин, а якобинского толка. С появлением «Народной воли» вообще восторжествовало у нас оставшееся у нас до того времени чрезвычайно слабым славянофильско-якобинское направление Ткачева.

Террористическое направление было у нас, как мы видели, плодом слабости революционной партии, стремившейся нанести окончательный удар правительству. Эта же слабость партии была
[39] причиной неудачи терроризма. | После 1-го марта 1881 года партия «Народной воли», несмотря на кажущийся пышный расцвет ее сил, быстро клонится к упадку. К концу первой половины 80-х годов организованное революционное движение перестало существовать в России. Цикл революционного движения интеллигенции закончился. Она обнаружила геройское самоотвержение, она совершила блестящие подвиги, но ее силы были окончательно истощены, между тем как реакция все более и более росла и усиливалась.

Наступившее затишье было благоприятно для русской революционной мысли по крайней мере в одном отношении: оно давало время и повод уцелевшим от погрома революционерам подвергнуть критическому обзору всю предыдущую историю их движения. Там, где все приходилось начинать заново, ничто не могло помешать обновлению наших революционных теорий.
[40] Всякий революционер, | не заколовший своей критической мысли на могилах «великих теней», должен был спросить себя, что такое собственно был тот социализм, под знаменем которого совершалось до сих пор наше движение. При некотором знакомстве с западноевропейским социализмом, то есть с социализмом Маркса, легко было увидеть, что наши старые социалистические теории представляют собою во всех своих видах и разновидностях лишь самую плоскую переработку утопического социализма. Раз обнаружилась теоретическая несостоятельность русского социализма, нетрудно было обнаружить и его практические промахи.

Мы видели, что, инстинктивно сознавая необходимость искать поддержки в народе, наша революционная интеллигенция идеализировала этот народ по примеру славянофилов. Теперь, когда силы одной интеллигенции оказались недостаточны для борьбы, пришла пора проверить теоретические основы этой
[41] идеализации. Она основывалась, как мы знаем *, | на экономич[еской] отсталости России, которая будто бы предохраняет ее от буржуазной испорченности Запада. Теперь, когда надежда на немедленную победу революц[ионной] партии была значительно поколеблена и когда следов[ательно] приходилось помириться с мыслью о том, что разлож[ение] общины и развитие капитал[изма] будет продолжаться в течение некотор[ого] времени по крайней мере с прежней быстротою, естественно было спросить себя, точно ли наш старый экономический быт так сближает нас с «соц[иалистическими] идеалами» и точно ли развитие капитал[изма] создает новые препятствия для нашего дела? С точки зрения западного социализма ответ явился сам собою: не экономич[еский] застой, а экономич[еское] движение, расшатывая почву, на которой вырос и окреп русский царизм, создаст у нас почву для победоносного рев[олюционного] движения. А отсюда следует, вопреки старым мнениям наших револ[юционеров], что «народ» тем более будет подготовлен к восприятию наших идей, чем ближе условия его жизни буд[ут] подходить к условиям жизни зап[адно]евр[опейских] народов, и что, след[овательно], не крестьянин, а рабочий | должен явиться главным объектом
[42] революц[ионного] воздействия. Отсюда следует также, что соц[иализму] нечего бояться ни капитализма, ни политич[еской] свободы, которая, как опасались нар[одовольцы], нанесет смертельный удар стар[ым] форм[ам] нар[одного] быта. Точно так же,

* С этого места почерк Плеханова. — *Ред.*

с точки зрения Маркса, было ясно как божий день, что противопоставление соц[иализма] полит[ике] просто-напросто нелепо, так как соц[иализм], будучи классовой борьбой, есть борьба политич[еская]. Но ясно было также и то, что движ[ение] горсти интеллиг[ентов] не есть классов[ое] движ[ение] и потому мож[ет] иметь серьезное полит[ическое] значение лишь в том случае, если оно сольется с более шир[оким] движением раб[очего] класса. Политич[еская] свобода только развяжет нам руки. Фикция захвата власти интел[лигенцией] становилась излишней и потому исчезала. Она заменилась сознанием необход[имости] воспитать раб[очий] класс сначала для политич[еского] его освобожд[ения], а затем для господства. Что же касается террора, то он приобретал лишь значение приема, который может быть необходим, а может быть и вреден, смотря по данному положению
[43] соц[иалистической] партии. | Когда борьба велась силами одной интел[лигенции], он сделался, как мы видели, един[ственным] возмож[ным] средством борьбы. Но как только движение сделалось бы шире, он приобрел бы лишь условное, относит[ельное] значение.

К половине восьмидесятых годов все эти выводы были сделаны рус[скими] соц[иал]-дем[ократами], вызвав против себя целую бурю. Но мало-помалу волнения улеглись, и теперь, после 10-летней литер[атурной] деятельности, мы можем сказать, что в теоретич[еском] отношении наша цель почти достиг[нута], возврат к старым теориям совер[шенно] невозможен, и каждая, даже самая вражд[ебная] соц[иал]-дем[ократам] группа русских рев[олюционеров] на $^3/_4$ усвоила их идеи. Теперь не соглаш[аются] с соц[иал]-дем[ократами] только те, кто не совсем их понимают. Несмотря на то, что группа р[усских] с[оциал]-д[емократов] сделала для лит[ературы] больше, чем какая бы то ни было др[угая] группа или партия, ее до сих пор нередко плохо понимают;
[44] так, напр[имер], наш взгляд | на то, что развитие капит[ализма] революционирует наши общ[ественные] отношения и что пролет[ариат], а не крестьянин старого завета является в Рос[сии] естествен[ным] союзн[иком] революц[ионеров], истолковывается в том смысле, что мы, советуя рев[олюционной] интел[лигенции] обратиться к рабочим, настаиваем на том, что она должна иметь дело исключит[ельно] только с рабочими. Если бы мы думали так, то мы показали бы, что не поним[аем] того самого марксизма, который проповедуем.

М[аркс] и Эн[гельс] говорили в Ман[ифесте] Ком[мунистической] партии, что крестьянин и мелкий рем[есленник] стремятся повернуть назад колесо истории и что они делаются револ[юционерами] лишь тогда, когда становятся на точку зрения пролет[ариата]. Но со времени выхода в свет Маниф[еста] и вплоть до возникнов[ения] в Германии «независ[имого] соц[иализма]» никому в голову не приходило объяснять эти слова в том смысле, что ком[мунисты] или соц[иал]-дем[ократы] должны закрыть

глаза на все те обществен[ные] движения, которые совершаются вне среды пролетариев. Напротив, будучи правильно понята,
[45] эта | мысль авторов Маниф[еста] учила их послед[овательно], чутко прислушиваться к биению пульса общественной жизни и пользоваться каждым новым размахом ее для целей рев[олюционного] движения. Немецкие соц[иал]-дем[ократы] умели привлечь к себе мелкого ремесленника, теперь они начинают привлекать и крестьянина. И все это делается ими без всякой фальши, без всякого обмана, просто благодаря тому, что [они] умеют поставить все эти элементы, по крайней мере поскольку это нужно для данного действия, на точку зрения пролетариата. Вот так же надо глядеть и в России. Если мы гов[орим], что наши революц[ионеры] должны стать на точку зрения рабоч[его] класса, то это не значит, что они должны запер[еться] в тесных раб[очих] кружках, враждебно смотря на всякое другое движ[ение], которое могло бы иметь место в России. Напротив, тяжелый, хотя и обветшалый колпак царизма покрывает собою много недовольных элементов помимо раб[очего] класса.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

(Отрывок)

33 | В восьмидесятых годах на Западе не могло быть речи ни о каком другом социализме, кроме *социализма Маркса*. Западноевропейский пролетариат к тому времени уже окончательно покинул утопическую точку зрения. Но социализм Маркса никогда не искал опоры в застое. Человек, усвоивший себе исторические взгляды автора «Капитала», не мог видеть в экономической отсталости России ручательства за легкое и скорое торжество русских социалистов. Он должен был взглянуть на нее совсем другими глазами: не экономический застой, охраняющий старые формы жизни, а экономическое движение, расшатывающее основу, на которой вырос русский царизм, подготовляет у нас торжество революционеров. Но если это было так, то становилось ясно, что *социалистам нечего бояться ни развития капитализма, ни политического торжества буржуазии*. И то, и другое создает новую, богатую почву для роста социалистического движения. Противопоставление социализма политике оказывалось вредным на практике и нелепым в теории, так как *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Фикция *захвата власти* становилась излишней по той причине, что сам собою падал тот тормоз, для устранения которого она была при-
34 думана. Она уступала место сознанию | необходимости воспитать рабочий класс сначала для политического его *освобождения*, а затем и для *господства*. Наконец, изменялся взгляд и на террор. Пока борьба велась силами одной интеллигенции, он был безусловно необходим, потому что стал безусловно неизбежен, как только борьба достигла значительной степени напряженности. Но как только расширилось бы русло революционного движения, террор приобрел бы условное, относительное значение приема, который может быть полезен, а может быть и вреден, смотря по положению дел партии и по соотношению политических сил в России.

Каким образом могло бы расшириться русло нашего революционного движения? Мы видели, что наша интеллигенция уже с начала шестидесятых годов сознавала, что ей надо искать опоры в народе. Теперь, когда опыт так ярко обнаружил недостаточность ее собственных сил, народ опять должен был явиться в ее глазах необходимым союзником. Но прежде интеллигенция смотрела на народ через славянофильскую призму. Теперь тот же
35 опыт, — *неудача народнических революционных усилий*, — | заставил подозревать, что эта призма искажает истинные образы явлений. Уже оконченный, казалось, спор славянофилов с западниками оживал в новом виде.

Пока экономический застой представлялся нам могучим союзником социализма, до тех пор мы естественно должны были видеть в крестьянине прирожденного, хотя и не совсем еще сформировавшегося социалиста. Но когда мы убедились, что экономический застой не союзник, а опаснейший враг революционеров, положение дел представилось нам в ином свете. Мы поняли, что «народные идеалы», — не говоря уже о том, насколько правильно было наше представление о них, — могут быть очень интересным памятником *прошлого*, но ни в каком случае не могут определить собою *дальнейшего хода общественного развития*. Идеалы вырастают на реальной экономической основе; с исчезновением этой основы они продолжают существовать еще в течение некоторого времени, но затем исчезают в свою очередь, уступая место новым идеалам, выросшим под влиянием новых условий. Новые же условия русской экономической жизни, при трезвом взгляде на вещи, оказывались вовсе не благоприятными ни для сохранения, ни для осуществления старозаветных идеалов
36 крестьянства. | Внутреннее разложение общины шло вперед с постоянно возрастающим ускорением; в крестьянском *сословии* возникали два новых *класса*: *буржуазия* и *пролетариат*; капитализм торжествовал по всей линии, хотя революционеры и не замечали этого, потому что *не хотели* заметить. Крушение старых экономических основ крестьянской жизни делало бессмысленным славянофильское противопоставление России Западу. *Обезнародьте народ*, писал в шестидесятых годах И. С. Аксаков, и наши теории окажутся лишенными всякого основания [17]. Он был совершенно прав, хотя и не подозревал, откуда возьмется сила, способная лишить русский народ его традиционного «*духа*». Такой силой оказались новые экономические условия. Они решили в пользу западников старый спор их с славянофилами. Европеизация России, начавшаяся некогда *сверху*...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отзыв Белинского о «Немецко-французских ежегодниках» — радикальном журнале, издававшемся Марксом и Руге в Париже в 1844 г., находится в его письме к Герцену от 26 января 1845 г. (Письма, т. III, стр. 87).

[2] *Щапов*, Афанасий Прокофьевич (1830—1876) — один из крупнейших русских историков, материалист. В своих исторических работах ставил на первый план историю трудящихся масс, главным образом, крестьянства и его борьбы с эксплоататорскими классами и царской властью. В 1861 г. за речь на панихиде по крестьянам, убитым во время Бездненского восстания, был арестован и лишен кафедры. В 1864 г., заподозренный в связях с революционной эмиграцией, сослан в Сибирь. Плеханов посвятил ему статью, опубликованную в «Вестнике Народной воли», № 1, 1883, «Афанасий Прокофьевич Щапов», в которой много места отведено сопоставлению взглядов Щапова со взглядами Чернышевского (Соч., т. II).

[3] Здесь Плеханов не проводит различия между западниками-либералами и западниками — революционными демократами, в первых рядах которых стояли В. Г. Белинский и впоследствии Чернышевский и Добролюбов.

Если в начале своей деятельности, в 30-х годах, Белинский, как и другие западники, высказывал опасения за последствия крестьянского «бунта», то в 40-х годах у него формируются революционно-демократические убеждения.

Крепостная Россия была забита и неподвижна, и потому Белинский не выдвигает еще требования крестьянской революции. Но он уже рассчитывает на то, что прогресс России будет осуществлен не царским правительством, а передовыми силами общества (в первую очередь разночинной интеллигенцией), которые разбудят народные массы и распространят среди них западноевропейскую цивилизацию.

[4] *Самарин*, Юрий Федорович (1819—1876) — русский общественный деятель и писатель, один из видных славянофилов.

[5] Взгляд Чернышевского на общину развит им в статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», напечатанной в «Современнике», № 12, 1858 (*Чернышевский, Н. Г.*, Соч., т. IV, 1906, стр. 304—333).

Плеханов исходит из того, что Чернышевский держался идеалистического понимания истории и рассчитывал на исключительную роль крестьянской общины в социальном преобразовании России. В действительности же Чернышевский, несмотря на это, всегда боролся против славянофильства и выступал за крестьянскую революцию в России, которая приведет ее к социалистическому переустройству при помощи крестьянской общины; славянофилы же идеализировали патриархально-крепостническую общину и видели в ней один из незыблемых «устоев» самодержавно-монархического строя. Ошибочно также утверждение Плеханова о славянофильстве Герцена.

[6] *Антонович*, Максим Алексеевич (1835—1918) — литературный критик 60-х годов. После смерти Добролюбова вел критический отдел в «Современнике». Критику статей Лаврова он дал в статье «Два типа современных философов», напечатанной в «Современнике», № 4, 1861, стр. 349—418.

[7] Н. Г. Чернышевский разбирал философские произведения П. Л. Лаврова в статье «Антропологический принцип в философии», опубликованной в «Современнике», № 4 и 5, 1860. В Собрание сочинений 1906 г., которым пользовался Плеханов, эта статья входит в т. VI, стр. 179—239.

[8] «Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган германской социал-демократии в 1870—1876 гг., выходивший в Лейпциге под редакцией В. Либкнехта. В «Volksstaat» сотрудничали Маркс и Энгельс.

[9] *Бауэр*, Бруно (1809—1882) — немецкий философ, историк, критик библии, левогегельянец. Основным двигателем истории считал критически мыслящие личности. Взгляды Б. Бауэра и его брата Эдгара подвергнуты критике Марксом и Энгельсом в их работе «Святое семейство...».

[10] *Штирнер*, Макс (псевдоним Иоганна Каспара *Шмидта*, 1806—1856) — немецкий философ, теоретик анархизма. Примыкал к левым гегельянцам, считал личность единственной и абсолютной реальностью.

[11] *Бауэр*, Эдгар (1820—1886) — брат Бруно Бауэра, — как и он, историк и философ, вначале левый гегельянец и радикал, потом защитник прусского консерватизма и поповства.

[12] *Эккерман*, Иоганн Петер (1792—1854) — немецкий писатель, литературный секретарь Гете. В 1837 г. издал свой двухтомный труд «Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens (1823—1832)». В 1848 г. вышел третий том. На русском языке «Разговоры Гете, собранные Эккерманом», вышли в Петербурге в 1891 г. в двух томах. Приведенная в тексте цитата находится в т. I, стр. 223—224.

[13] Автором брошюры «Мысли революционера» был *Каблиц*, Иосиф Иванович, псевдоним *Юзов* (1848—1893) — писатель-народник, вначале ярый бакунист и бунтарь, прошедший через «хождение в народ», затем — идеолог реакционно-славянофильского народничества.

[14] *Стефанович*, Яков Васильевич (1853—1915) — революционер-народник 70 — 80-х годов, затем член «Черного передела», один из организаторов южного кружка бунтарей, инициатор попытки создать массовую крестьянскую революционную организацию, действуя от имени царя. С этой целью, воспользовавшись брожением из-за земли среди крестьян Чигиринского уезда, привез им подложную, будто бы тайную грамоту от Александра II, в которой царь приказывал крестьянам образовывать дружины для борьбы с помещиками и чиновниками за землю и волю.

[15] *Соловьев*, Александр Константинович (1846—1879) — революционер-народник. Работая сельским учителем, кузнецом и волостным писарем, вел революционную пропаганду. Разочаровавшись в результатах пропаганды среди крестьян, пришел к мысли о терроре и 2 апреля 1879 г. неудачно стрелял в Александра II в Петербурге. Казнен 28 мая. Покушение совершил по личной инициативе, независимо от партии «Земли и воли».

[16] *Ковальский*, Иван Мартынович (1850—1878) — народник-бунтарь. В 70-х годах вел революционную работу на юге. В 1877 г. доказывал необходимость перейти от пропаганды к террору. В январе 1878 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление. В день приговора перед зданием суда произошло вооруженное столкновение революционеров с полицией. Суд над Ковальским и казнь его произвели большое революционизирующее влияние на молодежь.

[17] См. передовую в газете «День» от 6 марта 1865 г.; *Аксаков, И. С.*, Полн. собр. соч., т. II, М., 1886, стр. 289—299.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ НЕМЕЦКИМ РАБОЧИМ

(Перевод с немецкого)

Настоящая статья, написанная Г. В. Плехановым в Морнэ (Савойя) в 1893 г. и не вошедшая в Собрание сочинений Г. В. Плеханова, перепечатывается нами из «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 246, где она дается в переводе с немецкого текста, напечатанного в особой листовке «Mai Feier», изданной в Дрездене в 1893 г. по поручению Vorstand'а германской социал-демократической партии.

Г. В. Плеханова к участию в этой листовке привлек Шмуйлов-Классен, который принимал близкое участие в ее составлении.

В архиве Дома Плеханова сохранились отрывки рукописи, написанной рукой Г. В. Плеханова и представляющей собой русский вариант той же статьи. Рукопись написана на тетрадочных листах, с одной стороны; из них сохранилось всего три листа (страницы 3,6 и 8). Приводим их в примечании. В 1934 г. эта статья была перепечатана в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. II, в котором собраны первомайские статьи и речи Г. В. Плеханова.

Майский праздник в России! Это фантазия, забавная шутка! Так скажут многие. Конечно, в России рабочая демонстрация невозможна.

Но все же русские пролетарии по-своему принимают участие в международном празднике 1 мая.

Как они празднуют этот день? Так, как некогда, во время преследований, первые христиане для выполнения своих религиозных обрядов украдкой встречались в потаенных местах. Принимаются всевозможные меры предосторожности, и потом произносятся речи, несовершенные по форме, но звучащие вдохновенной энергией и убеждением.

«Правда, нас немного, нас преследуют, но наше число будет расти, ибо будущее принадлежит нам», — вот основной мотив, который повторяют все рабочие ораторы на всевозможные лады.

Впечатление, которое майская демонстрация производит на русского рабочего, огромно. Отдаленный насилием цензуры и жандармерии от всего, что волнует цивилизованный мир, в этот день он чувствует себя членом великой семьи, члены которой во всех странах земли борются за достижение своих высоких культурных идеалов. Мысль, что он принимает участие в мировом движении пролетариев, положительно опьяняет нашего рабочего. В то время как я пишу это, мне вспоминаются слова, которые великий немецкий писатель писал полстолетия тому назад.

«Во время первой революции, — говорит Гейне, — когда свинцовый, истинно немецкий сон сковывал народ и во всей Германии царило тупое спокойствие, в нашем литературном мире наблюдалось самое бурное волнение. Самый одинокий автор, в каком бы заброшенном уголке Германии он ни жил, принимал участие в этом движении; почти инстинктивно, не будучи хорошо осведомлен о политических событиях, чувствовал он их социальное значение и выражал его в своих писаниях. Это явление напоминает мне о больших раковинах, которые мы часто ставим на наши камины, как украшения, и которые, как бы далеко ни находились они от моря, все же начинают внезапно гудеть, лишь только там, на море, наступает время прилива и волны бьются о берега. Когда здесь, в Париже, в великом человеческом океане, начался прибой революции, когда здесь все было охвачено огнем и бурей, тогда загудели и зазвучали по ту сторону Рейна немецкие сердца... Но они были так изолированы, они были со всех сторон окружены бесчувственным фарфором, чайными чашками и кофейниками и китайскими идолами, которые механически кивали головой, как если бы они знали, о чем идет речь. Ах, наши бедные предшественники в Германии должны были дорогой ценой искупить свою симпатию к революции. Юнкеры и попы проявили в отношении их самое грубое и самое низкое коварство»[1].

Так первого мая приходит в движение великий океан пролетариата всех тех стран, в которых существуют хоть какие-нибудь гражданские права. И в то время, как шумят волны этого океана, начинают сильнее биться и многие русские сердца, полные горячей симпатии к борцам западных стран и проклинающие своих притеснителей. Но за эту симпатию приходится еще дороже платить, чем за сочувствие предшественников Гейне великой французской революции. Малейшая неосторожность, одно единственное подслушанное слово, — и тюрьма, ссылка в Сибирь со всеми ее ужасными последствиями ждет нас.

К тому же нужно отметить еще одно большое различие. Немецкий народ спал, говорит Гейне, свинцовым, истинно немецким сном во время великой революции, и лишь литературный мир понимал события. У нас же теперь как раз наоборот. Наши «легальные» писатели не имеют, в большинстве случаев, никакой симпатии к революционным звукам, доносящимся с Запада. У нас народ, рабочие, те, которые еще недавно спали не только немецким, но азиатским сном, постепенно пробуждаются и направляют свои взоры, полные надежды и братских чувств, на Запад. В нынешней России нет другого общественного слоя, который бы так горячо стремился к знанию и просвещению, как рабочий класс и неимущие. И для всего цивилизованного мира это имеет большое значение в такое время, когда тяжелое экономическое положение все более и более разрушает царизм. Не напрасно гудят в час прибоя русские раковины!.. *

---

* Приводим отрывки рукописного варианта той же статьи на русском языке: «...одно резкое слово, одно неосторожное выражение, — и человек попадает в число «подозрительных», а иногда оказывается в тюрьме или, пожалуй, в Сибири, среди диких туземцев, даже и не подозревающих существования тех «проклятых вопросов», которые волнуют западных пролетариев и проникают даже в Россию, несмотря ни на пограничные таможни, ни на красные чернила цензуры.

Да, русский, сочувствующий революционному движению западного пролетариата, невольно напоминает одинокие «немецкие сердца», горячо бившиеся при звуках великого гимна великой французской революции. Но при некотором внимании нетрудно заметить и очень существенное различие. Немецкий народ спал самым тяжелым сном, говорит Гейне; революции сочувствовали лишь представители литературы. Наша «легальная» литература, та литература, которая умеет говорить, не договаривая, и даже — гораздо более важное...»

«Нас пока еще мало; нас преследуют и гонят; но нас будет очень много, мы сила, нам принадлежит будущее», — таков основной мотив, варьируемый на разные лады рабочими ораторами. И замечательно, что, между тем как наша так называемая интеллигенция очень любила, да и до сих пор любит по временам потолковать на ту тему, что Россия не Запад и что русские общественные отношения совсем не похожи на западноевропейские, русский рабочий оказывается прирожденным западником. Главным доводом его, главным залогом успеха в его глазах является пример западноевропейского рабочего движения. «И на Западе начало рабочего движения было очень скромно, говорят обыкновенно рабочие ораторы, а теперь посмотрите, как оно велико и сильно, то же будет и в России».

Не удивительно было бы, если бы в этих ссылках на Запад оказалось много наивного и утопического ...Западный рабочий уже много жил и много видел. Впечатление, подобное тем, которые он получает от майских манифестаций, может быть очень сильно, но оно уже не ново и потому не может потрясти его в такой степени, в какой потрясает оно русского рабочего. В этот день он, обыкновенно отрезанный от всего мира китайской стеной цензуры и жандармерии, чувствует себя членом великой семьи, частью могучей силы. Уже за несколько дней до майского праздника он чувствует себя как бы опьяненным. «Мы видели сегодня многих рабочих, — писали мне в прошлом году накануне 1 мая из одного большого провинциального города. — Все они крайне возбуждены и потрясены в особенности той мыслью, что завтра они будут участвовать во всемирном движении пролетариата». Эта черта составляет интересную особенность рабочего движения в России. Между тем как...» — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из статьи Гейне «Людвиг Берне», написанной в Париже в 1840 г. В Собр. соч. Гейне под ред. Петра Вейнберга см. т. II, Спб., 1898, стр. 489—490. Приведенный в тексте перевод, по всей вероятности, сделан самим Плехановым.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЦЮРИХСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ 1893 г.

Цюрихский международный социалистический конгресс состоялся 6—12 августа 1893 г. На конгрессе присутствовали делегаты от 20 стран. От России был только один делегат — Плеханов, получивший мандат от петербургского кружка и от «Русского социал-демократического общества» в Нью-Йорке. В протоколах конгресса сказано: «Plechanow, Georg, Petersburg, Russische Social-demokratische Partei, New-York». Очевидно, Плехановым были предъявлены оба мандата.

Плеханов работал на конгрессе в военной комиссии и был докладчиком на пленуме конгресса по вопросу о милитаризме.

Настоящая публикация заключает в себе две части. Первая представляет собой перевод выдержек из протоколов конгресса («Protokoll des internationalen sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6 bis 12 August 1893», Zürich, 1894), заключающих в себе речь Плеханова как докладчика военной комиссии и его заключительное слово (см. в протоколах стр. 20—21 и 29—30). Перепечатка производится из Собрания сочинений Плеханова, т. IV, стр. 330—332. Вторая часть публикации заключает письмо Плеханова в редакцию марксистского журнала «L'Ère nouvelle», написанное по просьбе редактора этого журнала, члена немецкой делегации конгресса, Лео Франкеля. В этом письме Плеханов излагает свои речи на конгрессе и прения, развернувшиеся на нем по вопросу о милитаризме. О том, что письмо было действительно адресовано Франкелю, свидетельствует французский черновик его, сохранившийся в плехановском архиве и начинающийся словами: «Дорогой Франкель! Вы просили меня прислать Вам то, что вы называете моей речью на Цюрихском конгрессе...» Письма Франкеля с такой просьбой в архиве не оказалось. Весьма вероятно, что просьба эта была высказана Франкелем устно в разговоре с Плехановым на самом конгрессе.

Незаконченный черновик письма Плеханова к Франкелю был опубликован в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 271—274. Там же напечатан и ответ Франкеля на письмо Плеханова (стр. 275). Письмо, отосланное Плехановым в «L'Ère nouvelle» и напечатанное в октябрьской книжке этого журнала, мало отличается от сохранившегося в архиве черновика, лишь немного дополненного и исправленного в окончательной редакции. На русском языке перевод этого письма появился впервые в 1922 г., в № 5—6 журнала «Под знаменем марксизма». В Собрание сочинений Плеханова письмо вошло в т. IV под заглавием «Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе» (стр. 161—165). Перепечатка производится из последнего источника. Первоначальная редакция письма не помещается ввиду ее незначительных отличий от окончательной редакции.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В ЦЮРИХЕ 6—12 АВГУСТА 1893 г.

ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ [1]

Плеханов. Комиссия должна была рассмотреть два предложения: голландцев, которое может быть изложено следующим образом:

Конгресс постановляет предложить международной рабочей партии быть готовой в случае объявления правительством войны немедленно ответить всеобщей забастовкой и везде, где рабочие могут иметь влияние на войну, в тех странах на объявление войны ответить отказом от военной службы.

Против этого внесено следующее предложение немцев:

«Позиция рабочих в случае войны окончательно определена резолюцией Брюссельского конгресса относительно милитаризма. Международная революционная социалистическая демократия всех стран должна восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических аппетитов господствующих классов, она должна все теснее соединять узами солидарности рабочих всех стран; она должна неослабно работать над сокрушением капитализма, который разделил человечество на два враждебных лагеря и который натравливает народы друг на друга. Вместе с уничтожением господства классов исчезает война. Падение капитализма означает мир во всем мире».

Во время дебатов Боннье (Франция) внес предложение считать весь вопрос исчерпанным резолюцией Брюссельского конгресса. Смит (Англия) вносит поправку, что рабочие должны везде стремиться к более тесной взаимной связи и к усилению дружеских отношений, чтобы, благодаря этому международному братству, войны просто стали невозможны.

После долгих совещаний решено было держаться немецкой резолюции, так как она исключает всякую шовинистическую мысль и в то же время предоставляет каждой нации возможность бороться за устранение войны в тех рамках, которые соответствуют ее условиям дома. Следует твердо придерживаться того, что причины войны глубоко коренятся в капиталистическом способе производства; если будет отменен капитализм, то сама собой исчезнет и война. В Комиссию внесено было предложение сделать некоторую уступку голландцам в том смысле, что в случае войны им предоставляется право занять особое положение, согласное с их резолюцией. Но и это предложение было отброшено, и в конце концов немецкая резолюция была принята без изменений всеми голосами против трех. Голландская резолюция была отвергнута по следующим соображениям. Всеобщая забастовка невыполнима в современном обществе, так как пролетариат не имеет для этого средств. Но если бы, с другой стороны, мы имели возможность провести всеобщую забастовку, тогда экономическая власть была бы уже в руках пролетариата, тогда всеобщая забастовка явилась бы смешной нелепостью.

Что же касается вопроса о военной забастовке, то подобная мысль

может возникнуть лишь в такой стране, где милитаризм не так силен, как, например, во Франции и Германии. В этих двух странах военная стачка является утопией. Она повела бы только к уничтожению одним ударом всех манифестантов, но и в других отношениях военная забастовка привела бы к противоположным результатам, чем предполагалось. Военная забастовка в первую очередь обезоружила бы культурные народы и отдала бы Западную Европу во власть русских казаков. Русский деспотизм смел бы всю нашу культуру, и вместо свободы пролетариата, призывом к которой должна была бы служить военная забастовка, везде господствовал бы русский кнут. И таким образом кажущееся таким революционным предложение Голландии превратилось бы в реакционную противоположность. Немецкая резолюция, наоборот, ясно указывает всем народам их линию поведения и вместе с тем она далека от неопределенного утопизма голландской резолюции.

Действительно революционной является только немецкая резолюция. Немецкая резолюция должна быть принята в интересах свободы, цивилизации и революционного пролетариата. *(Бурное одобрение.)*

В заключительном слове Плеханов говорит: «Неправильно говорить о *немецкой* резолюции. Резолюция эта не что иное, как принятая два года тому назад в Брюсселе большинством конгресса франко-немецкая резолюция; автором ее является Вальян, доблестный представитель революционной социал-демократии, имя которого хорошо известно международной социал-демократии. Но, чтобы возбудить неправильное предубеждение, обыкновенно говорят о *немецкой* резолюции. Плеханов тогда дал более подробное резюме из этих доводов Вальяна. Последний указывал, что тройственный союз не является более позорным, чем двойственный союз между Россией и Францией, которая сто лет тому назад прокламировала права человека, а теперь ползает на коленях перед русским царем. Это была свободная речь, свободная от всякого шовинизма, и в этом духе нам следует рассматривать предлагаемую резолюцию. Из этой точки зрения исходит следующее объяснение части французской делегации:

«Мы не считаем возможным голосовать за резолюцию Домелы Ньевенгайса, так как, по нашему мнению, она повела бы к бесполезному кровопролитию. Кроме того, даже не указано, как эта военная забастовка должна быть проведена. Поэтому мы полагаем, что даже те, которые голосуют за предложение Ньевенгайса, не могут отвергнуть немецкой резолюции, которая доказывает, что единственным средством для исчезновения войны является окончание классовой борьбы посредством уничтожения капитализма. Резолюция Ньевенгайса является для нас опасной иллюзией. Каждый социалист может и должен голосовать за немецкую резолюцию, какого бы он ни придерживался мнения о предложении Домелы Ньевенгайса».

Жаклар (синдикат соц[иалистической] прессы),
Боннье (рабочая партия),
Дезей (революционный центральный комитет),
Вебер (независимые социалисты).

«Ньевенгайс возбудил во мне подозрение, не осуществил ли он уже для себя своего предложения о введении волапюка — так нелогична и бессмысленна была его речь. *(Шум со стороны голландцев.)*

Он упрекал немцев в шовинизме, но все его доводы были направлены к возбуждению зависти французов по отношению к Германии. Да, милостивый государь, не следует иметь никаких шовинистических чувств, и позор тем, кто явился сюда с такими чувствами, позор тем *(живые и продолжительные протесты со стороны французов)*, которые в сердце своем таят национальную зависть и национальную вражду, — и я не тот, который питает эти столь достойные проклятия чувства. В этом упрекали немцев, и здесь ссылались на одну речь Бебеля, в которой он якобы проповедывал национальную вражду против России [2]. Но на это я возражаю, что если бы Бебель действительно сказал то, в чем его упрекают, да, он был бы шовинистом, и я, русский, разделяющий его мнение, я был бы предателем своей родины! Но обстоит ли действительно дело так, как его излагают? Что же сказал Бебель? Какую национальную вражду проповедывал он? Но, граждане, Бебель выступал против *официальной* России, он нападал на царя, он приставил его к позорному столбу истории. Да, по отношению к нему мы вполне согласны с нашим другом Бебелем. Уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры. И чем больше наши немецкие друзья нападают на царизм, тем более должны мы быть благодарны. Браво, мои друзья, бейте его сильнее, сажайте его на скамью подсудимых возможно чаще, нападайте на него всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами! Что же касается русского *народа*, то он знает, что наши немецкие друзья желают его свободы.

Никто принятием нашей резолюции не высказался против русского народа, а только против русского царизма. Но если бы прошла голландская резолюция, то это только бы поддержало царя, человека, подавляющего свободу, морящего голодом народ, человека, который должен пасть вместе со всей его системой, если победит свобода. Если бы немецкая армия перешла наши границы, она пришла бы как освободительница, как пришли французы национального конвента сто лет тому назад в Германию, чтобы, победив князей, принести свободу народу.

Говорят, что русская опасность вовсе не является такой угрожающей. Но разве вы забыли, что русский царь соединился с вашей *(обращаясь к французам)* буржуазией, что он является убийцей Польши? Как может Франция настолько забыть свое революционное прошлое, чтобы принятием голландской резолюции стать соучастником царизма. *(Шум среди французов.)*

Голландская резолюция только фраза; исполнение ее в лучшем случае, как заявляет французское меньшинство, привело бы к кровопролитию и к убийству лучших из рядов пролетариата, не причинив ни малейшего вреда деспотизму. Русской опасности как будто не существует, но спросите делегатов Венгрии, Болгарии, Сербии, какая опасность угрожает им со стороны русского царизма.

Ньевенгайс указывает на то, что немецкая буржуазия питает сильную вражду к Франции, которая в конце концов должна привести к нашествию германских армий во Францию. Но разве немецкое нашествие менее опасно, чем русское?

Но это полнейшее игнорирование действительного положения вещей. Во Франции и в Германии мы имеем организованный пролетариат, и народы поэтому должны стараться делать невозможным подобное нашествие. Но для достижения этого надо искоренить всякий шовинизм во Франции и в Германии, а чтобы это произошло, примите предлагаемую резолюцию подавляющим большинством голосов, как демонстрацию мира, как демонстрацию сильного и единодушного пролетариата» [3].

ВОЕННЫЙ ВОПРОС НА КОНГРЕССЕ В ЦЮРИХЕ

В редакцию журнала «L'Ère nouvelle» [4]

Вы попросили меня послать вам те несколько слов, которые я произнес на Цюрихском конгрессе по вопросу о милитаризме. Я вам посылаю их в надежде, что они встретят у ваших читателей более благосклонный прием, чем тот, который им был оказан большинством французских делегатов.

Как докладчик комиссии, я защищал так называемую немецкую позицию. Вы, без сомнения, имеете ее текст, так что я не привожу его здесь *.

Я сказал, что предложение голландцев — военная забастовка во время войны — является не чем иным, как *утопией*. В самом деле, для того, чтобы осуществить это предложение, нужна сила, большая сила, нужно, чтобы армии слушались голоса социалистической демократии. Однако, когда мы будем иметь эту силу, нам не нужно будет складывать оружия: *нашим долгом* будет найти для оружия другое применение, характер которого очень легко предвидеть. Пока мы не сильны до такой степени, пока армия не с нами, всякая резолюция в духе предложения голландцев остается пустой фразой, лишенной всякого практического смысла.

Больше того, успехи социализма не везде одинаковы. Так, в Германии мы имеем уже очень сильную и превосходно организованную партию. В России мы присутствуем только при первых шагах социалистического движения. Предположим, что в случае войны между Россией и Германией наши немецкие товарищи сумеют организовать военную забастовку, — тогда русская армия покорит Центральную Европу, и вместо торжества социализма мы увидим торжество казацкой нагайки. Вот почему голландское предложение является не просто утопией, а *реакционной* утопией, осуществление которой было бы очень вредно для дела свободы. Дело идет не о том, чтобы проповедывать крестовый поход против северного деспота. Кровь пролетариата слишком дорога, чтобы нам пришла в голову подобная идея; кроме того, рабочие Западной Европы имеют и без того много дела у себя дома. Но пусть русское правительство держит себя спокойно, — социалисты будут первыми борцами против всяких воинственных тенденций. И если это ненавистное правительство не будет держаться смирно, если оно попробует наложить свою тяжелую лапу на соседние народы, тогда всякое воздержание будет преступным, тогда нужна будет война, смертельная война, война без отдыха и пощады. И эта война *против нашего правительства* будет в то же время войной *за освобождение нашего народа*.

Вот вкратце то, что я сказал в своей первой речи против голландского предложения. Гр. Домела в своем ответе сравнил меня с Бисмарком, который постоянно восклицал: «вот идут казаки». Голландский делегат придерживался того мнения, что русский деспотизм не может иметь ничего страшного для немцев, которые сами не пользуются большой политической свободой: немного меньше, немного больше деспотизма, — сказал он, — это, собственно говоря, одно и то же, как утверждал Гейне. Нашествие варваров не всегда является несчастьем для цивилизованных народов; наоборот, нашествия иногда приносили значительную пользу делу развития человечества. Общее правило — *одно нашествие стоит другого*; французам достаточно только вспомнить бедствия войны 70—71 гг. Немецкие социалисты ничего не сделали, чтобы побороть у себя милитаризм; они сами не свободны от шовинистических настроений, как это доказывает хорошо известная речь Бебеля против России.

Как вы знаете, после речи гр. Домела завязался долгий спор. Каждая нация высказывалась в лице одного из своих делегатов, и когда я, как докладчик, получил слово, чтобы резюмировать прения, стало очевидным, что предложение голландцев будет отвергнуто подавляющим большинством. Излишне было бы защищать уже выигранное дело, и я поэтому ограничился некоторыми замечаниями второстепенного порядка.

Я сказал, что неправильно считать предложение большинства комиссии предложением немцев. На Брюссельском конгрессе оно защищалось французом Вальяном так же, как и немцем Либкнехтом. Даже на Цюрихском конгрессе меньшинство французской делегации, имеющее в своей среде Боннье, делегата рабочей партии, Жаклара и некоторых других, также высказалось за него. Точнее, потому, назвать это предложение — франко-немецким. *(Протесты и крики со стороны французов и голландцев.)* Я рад, что могу отметить это согла-

---

* Вот текст, о котором идет речь:

«Позиция рабочих в случае войны окончательно определена резолюцией Брюссельского конгресса относительно милитаризма. Международная революционная социалистическая демократия всех стран должна восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических аппетитов господствующих классов: она должна все теснее соединять узами солидарности рабочих всех стран; она должна неослабно работать над сокрушением капитализма, который разделил человечество на два враждебных лагеря и который натравливает народы друг на друга. Вместе с уничтожением господства классов исчезает война. Падение капитализма означает мир во всем мире». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

сие между немецкими социалистами и частью французских социалистов, так как оно доказывает еще раз, что не шовинизм воодушевляет тех, кто защищает наше предложение. Все, что было сказано против него, настолько нелогично и так мало понятно, что я одно время спрашивал себя, не начинал ли наш главный противник гр. Домела говорить на языке «волапюк», употребление которого он рекомендовал пролетариям. *(Шум со стороны голландцев, минута смятения.)* В самом деле, что можно сказать о той части речи, где он старался нас успокоить относительно последствия нашествия варваров. Что ответить гражданину Домела, говорившему нам, что немецкий строй почти ничем не отличается от русского? Спросите присутствующих здесь венгерцев: они с 1849 г. хорошо узнали, что такое русский «порядок»; обратитесь к польским делегатам — они расскажут вам на этот счет много назидательного. Что можно, вообще говоря, сказать об этой странной идее? Доказать, что одно нашествие стоит другого? Разве дело идет о том, чтобы выбрать из двух нашествий то, последствия которого будут менее печальными? Разве это дело конгресса? В этом ли заключается вопрос, стоящий в порядке дня? Большинство комиссии совершенно просто сказало, и это ясно, как день, что если социалисты Германии и Франции исполнят свой долг, война между этими двумя странами сделается невозможной, и тогда постоянной угрозой для европейского мира останется один только русский царизм. Гр. Домела в длинной тираде распространялся против шовинистических настроений. Вы правы, милостивый государь, эти настроения сейчас неуместны, и позор тому, кто явится на социалистический конгресс с злопамятством и национальной завистью. Но кто же питает эти чувства, сто крат достойные осуждения? Вы ставите в упрек Бебелю его речь против России. Если бы он нападал на русский народ, он был бы шовинистом, и я, защищая его мнение, был бы предателем своей родины. (Французы кричат: *Вы им и являетесь! Да здравствует анархия!)* Но дело обстоит не так, как вы это себе представляете. Бебель нападает на официальную Россию, на властителя севера, голодом морящего свой народ, на поставщика виселиц, и не нам упрекать Бебеля за эти нападки.

В нашей несчастной стране интересы нации диаметрально противоположны интересам правительства. Все, что делается в пользу последнего, является ущербом для нации, и, наоборот, все, что подкапывает правительство, выгодно народу. Вот почему мы можем быть благодарны Бебелю за то, что он еще раз разоблачил вампира всея Руси. Браво, друг, вы хорошо сделали, не теряйте случая сделать это еще раз, обличайте наше правительство как можно чаще, поставьте его к позорному столбу, бейте сильнее... Таким образом вы окажете нам большую услугу.

Что касается нашего *народа*, — наши немецкие друзья хотят *свободы* для него, и, быть может, придет то время, когда немецкие социалистические батальоны будут бороться за нашу свободу, как некогда армии Национального конвента боролись за свободу народов того времени...

Будем ли мы сетовать на Бебеля за то, что в своей речи, которую Домела вменяет ему в преступление, он выразил симпатию к благородной и несчастной польской нации. Что касается нас, русских революционеров, мы не продадим Польши, как это сделала французская буржуазия, которая когда-то кричала: «Да здравствует Польша, милостивый государь![5]», и которая после этого пошла приносить свои извинения г. Моренгейму [6].

Вот здесь-то большинство французской делегации подняло такой сильный шум, что я лишен был возможности продолжать свою речь. Слышались возгласы: «Да здравствует анархия!» Эти граждане как будто забыли, что анархия и царизм — две совершенно разные вещи... Впрочем, время мое уже истекло, и мне осталось немного прибавить к тому, что я уже сказал. Так как гр. Домела цитировал Гейне, я намеревался привести по поводу его речи следующие стихи того же автора:

«Я знаю мотив этой песни и текст
И авторов знаю отлично:
Тайком они пили вино, а в речах
Водой угощали публично» [7].

Гр. Домела кончил свою речь, сказав, что если будет принято предложение голландцев, то государи задрожат на своих тронах. В заключение я мог бы сказать, что если мы дадим такое доказательство своего легкомыслия, государи ехидно усмехнутся; особенно стал бы радоваться великий петербургский Могол, убедившись в том, что пролетариат не представляет собой серьезной партии, а является ребенком, которого можно забавлять дешевыми игрушками.

Вот все, что я сказал и что хотел сказать. Буржуазные газеты взапуски клевещут на меня. Даже некоторые социалистические органы заявляют, что я оскорбил г. Домела (см. «Le Peuple», Бельгия). Позволю себе надеяться, что вы отнесетесь более справедливо ко мне.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вопрос о позиции социал-демократии в случае войны обсуждался на Брюссельском международном социалистическом конгрессе 1891 г. Две точки зрения, выявившиеся на Брюссельском конгрессе, — одна в формулировке Домелы Ньевенгайса («голландская») и другая, сформулированная Либкнехтом и поддержанная Вальяном («немецкая»), — и легли в основу дебатов военной комиссии.

[2] По всей вероятности Плеханов имеет в виду речь, произнесенную Бебелем в Берлине осенью 1891 г. в связи с возникшей тогда опасностью войны с Россией. Об этой речи упоминает Энгельс в письме к Зорге от 24 октября 1891 г. (см. Письма *К. Маркса, Фр. Энгельса* и др. к *Ф. Зорге* и др. Спб., 1908, стр. 373).

[3] Протоколы рисуют обстановку, в которой Плеханов произнес свое заключительное слово. Даем в переводе абзац, следующий за его речью: «Ввиду беспрестанных перерывов и непрекращающегося шума со стороны французов, некоторых голландцев и других делегатов, Плеханов, превысивший положенное ему время, вынужден был прервать свою речь. Немецкий и английский перевод речи были встречены горячими одобрениями».

Дальше в протоколах приводятся результаты голосования: «При голосовании по нациям голландской резолюции за нее голосовали Австралия, Голландия, Франция, Норвегия, остальные 14 наций против. При следующем за этим голосовании бельгийской поправки: «представители рабочих в парламенте обязаны голосовать против всякого военного бюджета и выступать за всеобщее разоружение»— эта поправка была принята огромным большинством. При голосовании немецкой резолюции со включением бельгийской поправки воздержались Австралия, Америка, Голландия, Франция и Норвегия. Остальные 14 наций голосовали за немецкую резолюцию» (Protokoll... S. 30).

[4] Письмо в «L'Ère nouvelle» было написано Плехановым в своеобразной обстановке. Вот что рассказывает об этом Г. Бакалов в своей статье «Г. В. Плеханов в Болгарии» («Летописи марксизма», № 5, 1928, стр. 46): «Во время Цюрихского конгресса в 1893 г. мы условились с Плехановым пойти на большой ледник Mer de glace, у подошвы Монблана. Я поселился недалеко от Шамони, в затерянном савойском шалэ на берегу Арвы, куда ко мне приехали Плеханов с женой и Ноков, чтобы вместе взобраться на Ледяное море. В этом деревянном крестьянском домике Плеханов написал по-французски на следующее по приезде утро свое письмо в «L'Ère nouvelle».

[5] Слова, брошенные известным радикалом Флокэ при приезде Александра II в Париж в 1867 г., через четыре года после кровавого подавления польского восстания.

[6] *Моренгейм* — русский посол в Париже при Александре III.

[7] Цитата из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка» в переводе В. Водовозова.

ХОРОШИЙ УРОЖАЙ В РОССИИ

Статья «Хороший урожай в России» была написана Плехановым в декабре 1893 г. для центрального органа германской социал-демократической партии «Vorwärts». Редакция «Vorwärts» в лице В. Либкнехта выразила ему благодарность за эту статью в письме от 16 декабря 1893 г. «Дорогой друг! — писал Либкнехт. — Спасибо, что подумали о нас и прислали нам корреспонденцию. Будьте так добры, пришлите поскорее другие статьи. Все, что вы для нас напишете, мы примем с радостью...» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 279).

Статья Плеханова была опубликована в № 290 «Vorwärts» от 10 декабря 1893 г. под заглавием «Die gute Ernte in Russland». Русский перевод напечатан впервые только посмертно в журнале «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 94—97. В Собрание сочинений Плеханова статья не вошла.

Целых два года среди большой части, почти половины, населения Европейской России, царил голод. Бедствие достигло небывалых еще размеров; нельзя было без ужаса читать описания мук народа. Даже правительство, всегда относившееся с величайшим спокойствием к страданиям народа, на этот раз казалось несколько обеспокоенным. Голод означает разорение крестьян. Между тем крестьянин является плательщиком налогов для государства. Правительство опасалось также взрыва народного недовольства, так как в некоторых местностях дело, действительно, дошло уже до этих пределов. Что же дальше? Что будет с нами в случае нового неурожая? Среди слуг русского царя вряд ли был хоть один разумный человек, который не понимал бы всего огромного рокового значения этого вопроса. Им оставалось надеяться только на счастливый случай, на хороший урожай в 1893 году. Можно, поэтому, представить себе их радость, когда эта надежда, казалось, начала сбываться, когда появились виды на хороший

урожай. Официальные и официозные писатели ликовали так, как будто судьба лиц, от которых они зависели, разрешилась в благоприятном смысле и даже упрочилась.

Урожай 1893 года действительно был хорошим подарком для русского правительства. Без него русскому самодержавию пришлось бы плохо. И хотя пословица и говорит, что «даровому коню в зубы не смотрят», все же, при ближайшем рассмотрении, необходимо признать, что подарок не так уж велик, как это могло показаться сначала. Урожай оказался хорошим не повсеместно. Наоборот. Хлеб во многих местностях в этом году совершенно не уродился, и крестьяне вновь были обречены на голод. Но мало того. Неурожаи прошлых лет подорвали и без того очень скромное благосостояние крестьян настолько, что много полей (в некоторых местах до $^1/_3$ посевной площади) остались незасеянными и именно *ввиду недостатка в рабочем скоте*. Французская пословица гласит: нужда диктует закон, это и осуществилось в России. *Придуманы были плуги, в которые вместо лошадей впрягались сами крестьяне, как мужчины, так и женщины.* Но вполне понятно, что такая обработка земли не могла дать удовлетворительных результатов. Наконец урожай — и это самое главное — даже и в тех местах, где он оказался хорошим, принес крестьянам мало радости. Ибо хлеба они попрежнему не имели, так же как и в годы неурожая. Это может показаться странным, но это — факт.

Причина этого кроется в том, что в годы неурожая за крестьянами накопилось много *недоимок* из-за неплатежа податей. Кроме того, правительство не безвозмездно оказало поддержку голодающим, а под условием возместить эту поддержку при первой же возможности.

Полагали, что эта возможность уже наступила в нынешнем году, и правительство потребовало от крестьян уплаты: 1) налогов, 2) недоимок за последние годы и 3) выданных пособий. Эти требования ставят крестьян перед необходимостью вывозить на рынок весь урожай этого года. Рынок, и без того съуженный ввиду таможенной войны с Германией, оказывается заваленным хлебом [1]: цены на него сильно падают, и крестьянин, отдавший правительству все, что он мог выручить от продажи на рынке своего зерна, остается *без денег и без пропитания*. Так наступает новый голодный год, вызванный самим правительством.

Впрочем, было бы ошибкой приписывать неурожаи прошлых лет исключительно случайным метеорологическим причинам. Фридрих Энгельс очень метко указал причины этих неурожаев, сказав, что они являются следствием той социальной революции, которую переживает Россия со времени отмены крепостного права, т. е. с 1861 года [2].

В самом деле, русский крестьянин, после отмены крепостного права, был поставлен в ужасные экономические условия. Привязанный к земле, от которой он не имел права отказаться, он вынужден был платить за нее огромные *налоги*, которые нередко превышали весь его доход. Его хозяйственный инвентарь всегда находился в плачевном состоянии. Землю необходимо было удобрять, между тем крестьянин имел очень мало скота и даже это ничтожное количество все еще про-

должало уменьшаться. Чтобы создать себе возможность платить огромные налоги, которыми он был обременен, крестьянин нанимался к соседнему кулаку, забирая у него всегда деньги вперед на самых невыгодных условиях, так что у него почти никогда не хватало времени для обработки своего собственного участка, по крайней мере, постольку, поскольку это возможно было при его бедственном экономическом положении. В некоторых местностях крестьянин совершенно не вспахивает свою землю, прямо сеет на невспаханной земле и потом принимается боронить. Уже в семидесятых годах бросался в глаза упадок земледельческого населения России. В начале девятнадцатого века дело дошло то того, что неурожаи стали *правилом*, а сносный урожай являлся *счастливым исключением*.

Нынешний год и представляет собою такое исключение. Мы уже видели, что правительство употребило все свои усилия на то, чтобы помешать крестьянам извлечь выгоды из этого исключения. *Выколачивание* налогов создает теперь в русской деревне такой же голод, как в прежние годы засухи.

Я сказал «выколачивание налогов». Это — общеупотребительное выражение в России. Налоги из крестьян действительно выколачиваются, так как неплатежеспособный крестьянин подвергается *телесному наказанию*: его секут до тех пор, пока он не откупается уплатой следуемой суммы.

Это ужасно, но русское правительство ведет себя при взимании налогов не только ужасно, но и безрассудно. Приведем, например, поучительный случай, который мы заимствуем из *официального* источника, из отчета министерства государственных имуществ. В 1885 году стали собирать недоимки в Раненбургском уезде, Рязанской губ. В одной деревне, состоящей из 50 дворов, только 6 крестьян сохранили свои наделы, в другой, состоящей из 80 дворов, только 10 крестьян удержали свои наделы. «В общем, — гласит вышеупомянутый официальный отчет, — без преувеличения можно сказать, что в деревнях бывших крепостных, где взыскиваются недоимки, только $^1/_8$ крестьян удержала свои наделы. Все же остальные сдали свою землю в аренду...»

Сдают в аренду свои наделы... Но знаете ли вы, как русский крестьянин сдает свою землю в аренду? Ввиду того, что налоги на землю очень часто превосходят доходы от нее, собственнику не только ничего не достается от арендатора, но он еще приплачивает ему известную сумму. Это невероятно, а потому должно казаться во всяком случае неясным. Поясним это на одном примере. Допустим, что налоги на землю равны 10 руб., а доход с нее составляет 7 руб., в таком случае *убыток* с данного участка земли составляет 3 рубля. Ввиду этого, говорит арендатор, ты должен мне приплатить по крайней мере три рубля, чтобы я без ущерба для себя нанимал твою землю. Но, в действительности, собственник платит гораздо больше.

Так обстоит дело с нашим крестьянским землевладением. Таково положение нашего сельского хозяйства.

Так наше правительство само подрубает тот сук, на котором сидит.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В связи с тяжелым аграрным кризисом, разразившимся в Германии в 70-х годах и выразившимся во внезапном снижении цен на сельскохозяйственные продукты, Германия вступила в полосу необузданного протекционизма и так повысила пошлины на хлеб, что сделала почти недоступным свой рынок для ввоза из-за границы.

[2] Энгельс касается вопроса о голоде в России в конце своей статьи «Социализм в Германии», напечатанной в 1891 г. по-французски в «Almanach du Parti ouvrier pour 1892» и по-немецки — в «Neue Zeit» (в той ее части, которая под заглавием «La carestia in Russia» — «Голод в России» — была опубликована 1 апреля 1892 г. в № 7 итальянского журнала «Critica sociale»).

«Русский голод, — говорит он, — не только результат неурожая, он является составной частью огромной социальной революции, переживаемой Россией со времени Крымской войны; он представляет собою лишь вызванное этим неурожаем превращение хронического недуга, связанного с этой революцией, — в недуг острый» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, 1936, стр. 251).

АДРЕС МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ЖЕНЕВЕ

(Перевод с французского)

Настоящее обращение Плеханова к конгрессу социалистического студенчества, состоявшемуся в Женеве в декабре 1893 г., явилось ответом на приглашение, полученное им от конгресса.

Любопытно сопоставить с этим обращением Плеханова письмо Энгельса, адресованное тому же конгрессу 19 декабря 1893 г. «Пусть ваши усилия, — говорит в нем Энгельс,— способствуют развитию среди студентов сознания, что именно из их рядов должен выйти тот пролетариат умственного труда, который призван наряду и вместе со своими братьями, работниками физического труда, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазные революции прошлого требовали от университетов только адвокатов, как лучший первичный материал, из которого выходили их политические деятели; для освобождения рабочего класса нужны кроме того доктора, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, потому что дело идет о том, чтобы взять в руки управление не только политической машиной, но и всем общественным производством, и тут вместо звонких фраз понадобятся солидные знания» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 374).

Обращение Плеханова было опубликовано по-французски в журнале «L'Ère nouvelle» от марта 1894 г., стр. 140. По-русски оно печатается впервые.

Женева, 21 декабря 1893 г.

Дорогие товарищи,

Ваше любезное приглашение пришло слишком поздно, и потому я только теперь могу выразить вам свою благодарность.

Я не имею никакой возможности принять участие в вашем совещании, но это не помешает мне следить за ним с самым живым интересом.

Оторванное от великого рабочего движения, социалистическое движение среди студенчества было бы лишь детской забавой. Но вы понимаете его иначе. Сами пролетарии, вы не отделяете себя от пролетариата; совершенно напротив: вы идете в его ряды, вы хотите распро-

странять его идеи в среде, где до настоящего времени безраздельно царят буржуазные теории. Социалистические рабочие партии всего мира могут только восторженно приветствовать вас.

Смелей, товарищи, ибо борьба, которую вы предпринимаете, будет очень трудна.

Да здравствует международная социал-демократия! Да здравствует движение рабочих всех стран и всех специальностей!

Георгий Плеханов.

ПРИВЕТ БОЛГАРСКИМ РАБОЧИМ

Первомайское приветствие болгарским рабочим было написано Плехановым в 1894 г. и передано через Стояна Нокова в выходивший в Софии орган болгарской рабочей социал-демократической партии «Другарь» («Товарищ»). Плехановская статья-письмо не имела заглавия. В «Другаре» она была помещена в переводе на болгарский язык 15 апреля 1894 г. в № 33—34 под приведенным выше заглавием.

По-русски статья была опубликована в «Летописях марксизма» за 1928 г., кн. V, стр. 47—48. Эта публикация является переводом болгарской статьи из «Другаря». Русский оригинал статьи находится в ИМЭЛ.

Привет вам, дорогие болгарские товарищи! Привет от человека, который с самого начала вашего движения следил за ним с величайшим интересом и глубочайшей симпатией; привет в день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется нами солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Первое мая — великий день, это — настоящий праздник рабочих. Правда, требования, которые предъявляют в этот день работники своим эксплоататорам, еще не осуществлены: восьмичасовой день не сделался еще нигде *законным рабочим днем*. Но теперь уже нет, теперь уже не может быть сомнения в том, что требование рабочих будет удовлетворено. *Буржуазия уже начинает сдаваться*; она, четыре с половиною года тому назад встретившая решение Парижского международного социалистического конгресса, как самую нелепую, как самую несбыточную утопию, видит себя теперь *вынужденной* понять, что восьмичасовой день не представляет собою ровно ничего невозможного. И она уже старается, как говорят французы, faire bonne mine au mauvais jeu *. Она делает вид, что сама в этом случае идет нам навстречу. Она сама высказывается за восьмичасовой день. Только... только и здесь она надеется еще обмануть историю. Буржуазия одной страны льстит себя надеждой, что горькая чаша будет выпита не ею, а иностранной буржуазией. Так, некоторые французские буржуа уверяют теперь рабочих, что восьмичасовой день хорош для Англии, но не соответствует условиям производства во Франции. Наверное, недалеко то время, когда немецкие буржуа станут толкать вперед французских, австрийские — немецких и т. д., и т. д. Оставим этих господ с их взаимными пререканиями! Мы смеемся над ними теперь совершенно так же, как

* — делать веселое лицо при плохой игре. — *Ред.*

смеялись, когда они уверяли нас, что требование наше *совершенно* неосуществимо. Мы знаем, что оно осуществится *повсюду*; мы знаем также, что этой победой далеко не закончится еще поход пролетариата против капитализма: взяв эту крепость, мы немедленно обложим другую, взяв другую, нападем на третью, и не успокоимся до тех пор, пока в наших руках не окажется вся неприятельская территория.

Буржуазия до сих пор еще не поняла характера современного социализма. Она все еще воображает, что имеет дело с *утопистами*, которые, занимаясь подробной разработкой планов будущего общественного устройства, оставались в действительной общественной жизни людьми совершенно безвредными для буржуазного режима. Они прежде всего старались обратить на путь истины самую буржуазию, которая смеялась над ними, лишь по временам, лишь в добрую минуту соглашаясь признать, что они не совсем дураки и что есть у них некоторые мысли, которые, может быть, в неизвестной стране и в неизвестное время и найдут себе практическое приложение. Мы поступаем совсем иначе. Мы опираемся не на *добросердечие эксплоататоров*, а на *сознание эксплоатируемых*. Мы развиваем это сознание, и каждый новый шаг в его развитии знаменуется для нас новой *практической победой*. Время утопий безвозвратно прошло; настало время борьбы, которая окончится лишь торжеством нового общественного порядка.

Когда буржуазия восстает против сокращения рабочего дня, она рассматривает вопрос исключительно с точки зрения *уровня прибавочной стоимости*. В действительности самое скромное требование рабочих в этом смысле затрагивает вопрос *о самом существовании* прибавочной стоимости, *о самом существовании капитализма*. Раз начав ставить преграды господству слепых экономических сил, производители не остановятся до тех пор, пока не станут полными господами этих сил, а следовательно, и своих продуктов, которые теперь подчиняют их своему господству. Каждое самое незначительное ограничение рабочего дня есть, во всяком случае, победа политической экономии *труда* над политической экономией *капитала*.

Вся сила капиталистического строя заключалась в неразвитости классового сознания пролетариата. Едва это сознание стало пробуждаться, капитализм вошел в неустойчивое равновесие, из которого есть только один выход: *полное падение существующего буржуазного порядка*.

Вот почему, как ни велико в наших глазах то непосредственное значение, которое будет иметь для рабочего класса восьмичасовой рабочий день, еще бо́льшую важность приписываем мы тому классовому сознанию рабочих всего цивилизованного мира, которое так блистательно проявляется в день Первого мая. Первое мая — великий день; это настоящий праздник для рабочих; это — торжество *совершеннолетия пролетариата*.

Людям XIX века, а особенно нам, живущим во второй его половине, выпала счастливая доля видеть самое важное, самое многознаменательное явление, какое только знает история. Все прежде совер-

шавшиеся революционные движения совершались, как говорит Маркс, *меньшинством и в интересах меньшинства* [1]. В XIX веке дело приняло другой оборот. Революционное движение этого века совершается *большинством в интересах большинства*. И это революционное большинство жадно усваивает *величайшие открытия современной общественной науки*. В первый раз с тех пор, как наш мир существует, искра сознания запала в трудящуюся массу; но раз запав туда, она быстро разгорелась огромным пламенем, и вчерашние рабы завтра станут господами; нынешние предметы эксплоатации завтра положат конец всякой эксплоатации человека человеком.

Весело жить в такое время! Весело видеть, как с каждым днем увеличивается наша великая армия свободы, как почти с каждым годом социализм проникает все в новые и новые страны! Социализм — недавний гость на Балканском полуострове, а между тем посмотрите, как он уже окреп в Румынии, как он окреп в Болгарии, где он делает поистине великое просветительное дело, где его литература является едва ли не самой богатой литературой страны.

Привет вам, болгарские товарищи, привет в великий день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется наша солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Г. Плеханов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Маркс* и *Энгельс*, Манифест коммунистической партии — Соч., т. V, 1929, стр. 493—494.

ПРИВЕТСТВИЕ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДВЕНАДЦАТОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНГРЕССУ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В НАНТЕ В 1894 г.

(Перевод с французского)

Настоящее приветствие было опубликовано в отчете двенадцатого национального конгресса французской рабочей партии (Douzième congrès national du parti ouvrier français, Lille, 1894), состоявшегося в Нанте 14—16 сентября 1894 г., среди ряда приветствий от социалистических партий и организаций других стран.

В русском переводе настоящее приветствие было опубликовано впервые в 1937 г. в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 284—285.

Дорогие граждане!

Русская социал-демократическая группа шлет свой братский и социалистический привет французскому пролетариату, собравшемуся на двенадцатый конгресс рабочей партии.

Она с тем большим интересом будет следить за работами вашего конгресса, что они в большей своей части будут посвящены социалистической пропаганде в деревне и организации сельского пролетариата [1], — два вопроса, которые при экономическом и социальном положении России представляют величайшую важность для нас, русских социал-демократов.

Мы не можем не воспользоваться этим случаем, чтобы протестовать вместе с вами против изгнания, под предлогом анархизма, наших товарищей [2] Плеханова, Веры Засулич, Селитренного [3], Маргулиса [4], Лазарева [5] и стольких других, которые не только не имеют ничего общего с анархистами, но борются с ними всеми силами как в России, так и за границей.

Это сотрудничество французской республики с русским деспотизмом в деле преследования наших товарищей тем более тягостно для нас, русских социалистов, что мы с детства привыкли любить и восхищаться славным и героическим прошлым социалистической революционной Франции.

В ожидании победы социализма как во Франции, так и в России, мы восклицаем вместе с вами:

Долой деспотизм во всех его формах!

Да здравствует международная социальная демократия!

Да здравствует французская рабочая партия!

Группа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На конгрессе был принят ряд добавлений и поправок к выработанной на Марсельском конгрессе 1892 г. аграрной программе.

[2] В «Летучих листках», изданных «Фондом вольной русской прессы», № 11, от 14 октября 1894 г., в заметке под названием «Право убежища», сказано: «Из Парижа были изгнаны Добренович и Лазарев, из деревушки Морнэ — Плеханов, из захолустного пансиона в Montées Pélissier — Добровольский и И. Жуковский, из Тулузы — Селитренный, из Монпелье — Маргулис».

[3] *Селитренный*, Леон Маркович (р. 1862) — был уволен в 1881 г. из Харьковского университета за участие в студенческих беспорядках. Выехал в 1883 г. за границу, где примкнул к сторонникам группы «Освобождение труда».

[4] *Маргулис* — студент, деятельный член социал-демократического кружка в Женеве, а затем в Монпелье.

[5] *Лазарев*, Егор Егорович (р. 1855) — участник революционного движения 70-х и 80-х годов. В 1890 г. бежал из Сибири в Америку. С 1894 г. жил в Париже в качестве представителя «Фонда вольной русской прессы». В конце 90-х годов примкнул к организации эсеров.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ»

(Перевод с французского Е. С. Коц)

Печатаемое ниже предисловие к брошюре «Анархизм и социализм», написанное на французском языке, по содержанию своему может быть отнесено только к 1894 г., т. е. ко времени выхода в свет первого издания этой брошюры.

Плеханов писал брошюру об анархизме для немецких социал-демократических органов. Это видно из переписки его с Фишером, частью опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма», за 1923 г., № 11—12, и в «Литературном наследии Г. В. Плеханова», сб. IV, частью неопубликованной, но сохранившейся в архиве. Из этой же переписки видно, что брошюра была отправлена им Фишеру 5 апреля 1894 г. Естественно было бы предположить, что предисловие, весьма актуальное

для того момента, появится в немецком издании. Однако мы не находим его там. Первое немецкое издание «Anarchismus und Sozialismus» von Georg Plechanow, Berlin, 1894, вышло совсем без предисловия.

Для какого же издания предназначал Плеханов это предисловие?

Отсылая Фишеру рукопись своей брошюры, Плеханов пишет ему между прочим:

«Очень прошу Вас сохранить французский оригинал» *.

На это Фишер отвечает ему в неопубликованном письме от 7 апреля:

«Само собой разумеется, что французский подлинник будет сохранен и возвращен Вам».

Просьба Плеханова наводит на мысль, что он собирался выпустить свою брошюру одновременно и на французском языке **. Эта мысль находит свое подтверждение в политической обстановке того времени. Именно в романских странах (Италии, Франции) пронеслась в 1892—1894 гг. волна анархических покушений. В частности в Париже в эти годы были брошены бомбы перед казармами, перед домами судей, осудивших анархистов; был взорван ресторан, в котором арестовали Равашоля; произведен взрыв в комиссариате полиции, брошена бомба в палате депутатов; убит президент республики Карно.

Эти акты «пропаганды действием», в которых в большинстве случаев присутствовала провокаторская рука, являлись логическим выводом из анархистских теорий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они не находили заслуженного осуждения в работах самых видных из теоретиков анархизма: Кропоткина, Элизе Реклю и других.

Плеханов поставил перед собой задачу подвергнуть критике анархистскую теорию и тактику. По выходе немецкого издания брошюры «Анархизм и социализм» ее стали переводить на другие языки. Так, уже в том же 1894 г. она появилась на страницах итальянского журнала «Critica sociale», в 1895 г. вышла отдельным изданием на английском языке, в переводе дочери Маркса, Элеоноры Маркс-Эвелинг, и в 1896 г. — на итальянском. На французском же языке брошюра была опубликована несколько позднее: в журнале «Jeunesse socialiste» она печаталась в 1895 г., а отдельным изданием вышла только в 1897 г. Ни одно из упомянутых изданий предисловия не имеет. Печатаемое нами предисловие, предназначенное, повидимому, для французского издания, к 1896 г., конечно, устарело и, вероятно, поэтому Плеханов не счел нужным публиковать его.

Имеющиеся в печати два предисловия к брошюре «Анархизм и социализм» относятся к немецким изданиям: второму — 1904 г. и третьему — 1911 г. (Соч., т. XVI).

---

* «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 29.

** В архиве Плеханова сохранился отрывок письма его к Геду, в котором он, вероятно, имел в виду предложить свою брошюру для французского издания, но письмо осталось незаконченным.

Вот этот отрывок:

«Mon cher Guesde, je viens de publier ou, plutôt, le parti allemand vient de publier ma brochure *contre les anarchistes*. Dans peu de temps va en paraitre une traduction italienne dont je vous ferai mon hommage, en me rejouissant d'avance à l'idée que [vous] pourrez vous rendre un compte exacte...» («Дорогой Гед, только что я, верней немецкая партия, опубликовала мою брошюру *против анархистов*. В скором времени появится ее итальянский перевод, который я вам преподнесу, радуясь заранее при мысли, что вы сможете отдать себе точный отчет...»).

Рукопись «Предисловия», написанная на французском языке, состоит из двух тетрадочных листов. Почерк Плеханова. Листы исписаны с одной стороны и нумерованы. Имеется начало и конец, обозначенный горизонтальной чертой.

За последние месяцы «пропагандистские» выступления Вайяна [1], Эмиля Анри [2], Леотье и других снова привлекли внимание публики во Франции и в других странах цивилизованного мира к тому, что́ анархисты называют своей *тактикой*. Процесс Жана Грава [3] заставил говорить о том, что́ они именуют своей *теорией*.

Но вот явление в высокой степени достойное того, чтобы отметить его. В то время как французское правительство достаточно сурово карает тех из «товарищей» [4], для которых «пропаганда действием» не является пустым звуком, печать этой страны говорит с большим уважением о «теоретических» трудах анархистов. «Умирающее общество и анархия» [5], отныне знаменитая, но поистине жалкая брошюра Грава, трактуется как «труд по социальной философии», как глубокое произведение, а автор ее рассматривается как очень сильный ум, к сожалению, сбившийся с правильного пути. Только одни *социалисты*, осуждая рвение судей и полицейских, продолжают относиться не слишком почтительно как к теории анархистов, так и к силе «мыслителей» такого калибра, как Грав. Откуда проистекает эта разница? Неужели социалистическая партия менее проницательна, менее способна оценить хорошую умственную пищу, чем более или менее просвещенная и передовая буржуазия? Часто говорят, что «товарищи» составляют левое крыло этой партии, что социалисты и анархисты образуют одну семью, разъединенную, на несчастье или на счастье рабочего класса, внутренними раздорами. Эти чувства взаимной ненависти и мешают якобы социалистам воздать справедливость своим братьям-врагам.

Есть много людей, рассуждающих именно так. Но они глубоко заблуждаются. Настоящая брошюра имеет целью рассеять, поскольку это зависит от нас, это глубоко ошибочное представление. Мы постараемся показать, что если у буржуазии в отношении анархистов имеется всего лишь один действительно сильный аргумент — *гильотина*, если среди ее представителей есть только один человек, способный полемизировать с ними, — г-н Дейблер [6], то современные социалисты стоят на такой точке зрения, которая позволяет им с большой легкостью разоблачить всю несостоятельность анархистской «теории» и разрушить ее, подобно детскому карточному домику.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вайян*, Огюст — анархист-фанатик, бросивший 9 декабря 1893 г. бомбу во французской палате депутатов. Согласно разоблачений Жако, покушение Вайяна явилось результатом провокаторских действий полиции, которая подстрекнула его к этому акту и снабдила материальными средствами. Когда бомба взорвалась и палатой овладела паника, президент палаты Шарль Дюпюи в облаках дыма выкрикнул свою знаменитую фразу: «Господа, заседание продолжается!» По этому поводу Жако замечает: «Это мужество стоило ему недорого, ибо он лучше кого-либо другого знал, что снаряд совершенно безопасен». По приговору суда Вайян был гильотинирован.

[2] *Анри*, Эмиль — анархист, совершивший ряд террористических актов в 1892—1893 гг., в том числе взрыв на улице Бонзанфан, которым было убито шесть человек, и взрыв в кафе Терминус, которым был убит один человек и несколько ранено.

Эмиль Анри был по приговору суда гильотинирован.

[3] *Грав*, Жан — анархист-теоретик. Выступил с проповедью анархизма в 80-х годах. В 1893 вышла его книга «La société mourante et l'anarchie» («Умирающее общество и анархия»), наделавшая много шума. Грав был привлечен в феврале 1894 г. к судебной ответственности по обвинению в «подстрекательстве к воровству, неповиновению и убийству», а также за «апологию действий, квалифицируемых законом как преступления». Книга Жана Грава, сделавшаяся объектом разбирательства на суде и называемая Плехановым «жалкой брошюрой», приобрела громкую известность. В качестве свидетелей на суде выступали, между прочим, такие фигуры, как Элизе Реклю, Октав Мирбо, снабдивший книгу Грава своим предисловием, Поль Адан и Бернар Лазар (см. о процессе Жана Грава в книге: *Emile de Saint-Aubain*, L'histoire sociale au Palais de justice, Paris, 1895, pp. 201—243 (*Эмиль де Сент-Обен*, Социальная история во Дворце правосудия, Париж, 1895, стр. 201—243).

Жан Грав был присужден к тюремному заключению, а книга его — к уничтожению.

Плеханов относился к Граву как теоретику и мыслителю в высшей степени пренебрежительно. «Кропоткин может, сколько угодно, — пишет он, — петь хвалу *анархистскому мыслителю*, но ему никогда не удастся доказать, что его друг Грав сумел подняться хоть немного выше уровня *самой жалкой метафизики*» (Соч., т. IV, стр. 225).

[4] По-французски — «compagnons». Плеханов переводит это словом «товарищи» (см. «Анархизм и социализм» — Соч., т. IV, стр. 245 и др.).

[5] *Jean Grave*, La société mourante et l'anarchie, avec preface par O. Mirbeau, Paris, 1893.

[6] *Дейблер* — французский палач.

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД НАЧАЛА БРОШЮРЫ «АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ»

В середине 90-х годов на Западе усилилась террористическая деятельность анархистов. То, что после Маркса и Энгельса не было серьезной марксистской критики анархистской теории и практики, было в 90-х годах существенным пробелом в международной социалистической литературе. Марксистский анализ анархистской доктрины становится задачей момента. Естественно, что Плеханов, давший бой анархистскому течению среди русских народников еще за 10 лет до этого в своей брошюре «Наши разногласия» и тем суровее его осудивший, что он сам прошел через увлечение «бакунизмом» в период своей народнической деятельности, не мог пройти мимо этой темы, когда сама жизнь снова выдвинула ее на первый план.

Однако, работа Плеханова «Анархизм и социализм», как отметил в 1917 г. Ленин в своей книге «Государство и революция», содержит наряду с ценным историко-литературным материалом пробелы и неправильные рассуждения.

«Плеханов, — пишет Ленин, — ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще!» (*Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 442).

Внешним толчком к работе Плеханова «Анархизм и социализм» послужило предложение правления немецкой социал-демократической партии, сделанное ему Фишером в письме от 13 января 1894 г. («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 270).

Плеханов согласился написать брошюру. Вот что пишет он в своем ответе Фишеру: «Я очень польщен предложением, которое вы делаете мне, написать брошюру против анархистов, тем более, что в настоящее время они причиняют слишком много вреда международной рабочей партии. Я согласен с предлагаемым вами *планом*. К сожалению, я не могу точно указать вам, сколько мне понадобится времени, чтобы написать эту брошюру. У меня случилось несчастье, у меня более двух недель тому назад умерла дочь, и я нравственно разбит и не в состоянии работать. Я понимаю, что для нас, *пролетариев*, нравственные страдания являются роскошью, — роскошью, на которую мы не имеем никакого права... Я надеюсь, однако, что через несколько дней победит моя воля, и я опять стану работоспособным... Я работаю довольно быстро, вопрос не является для меня новым, и я думаю, что работа скоро будет закончена» («Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 28).

Плеханов рассчитывал закончить брошюру к сроку, т. е. к 1 марта, но еще 16 марта он писал Фишеру: «Мне пришлось больше поработать над этой статьей, чем я рассчитывал. А я не хотел торопиться со статьей, разбирающей такой важный вопрос. Несмотря на все мои старания, мне не удалось получить всю литературу немецких независимых. Прошу вас, выпишите мне возможно скорее те их произведения, которые вы считаете самыми значительными и самыми характерными для их тенденций. Прошу извинить мое опоздание, но оправданием мне служит желание хорошо выполнить труд, за который я взялся» (там же, стр. 29).

5 апреля Плеханов отослал готовую рукопись с препроводительным письмом, в котором говорил: «Я надеюсь, что вопрос об анархизме исчерпан, я не представляю себе, с какой еще стороны можно рассматривать анархизм» (там же, стр. 29).

Из дальнейших писем видно, что работа Плеханова была одобрена, но найдена слишком объемистой. По этому поводу Плеханов писал Фишеру 9 апреля: «Но вы согласитесь, что, раз вопрос об анархизме был затронут, его следовало основательно разобрать, и в таком случае несколько лишних страниц не играют роли» (там же, стр. 30).

Плеханов отказался сам лично произвести сокращения в своей брошюре, опасаясь, что будет недостаточно объективен. Предоставляя Бернштейну, который должен был перевести на немецкий язык брошюру, написанную Плехановым по-французски, проделать эту операцию, он добавляет: «...но знайте, что она для меня будет мучительна, я работал с увлечением и жалею лишь о том, что не написал об анархистах больше, чем написал» (сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 252).

Брошюра была переведена не самим Бернштейном, а его женой (см. письмо Плеханова Бернштейну от 4 мая 1894 г. в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 255), после чего французский оригинал был отослан для перевода на английский язык Элеоноре Маркс-Эвелинг (дочери Маркса). «Тысячу раз благодарю вас, — пишет она Плеханову в письме от 8 августа, — за то, что доверили мне перевод своей брошюры. Я получила рукопись вчера утром и немедленно приступила к работе...» («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 282).

Работа Плеханова появилась впервые в июне — июле 1894 г. на страницах немецкого органа «Sozial-Demokrat», а затем в том же году вышла отдельной брошюрой.

Публикуемый перевод, сделанный за границей и исправленный Плехановым, относится к началу 900-х годов. Это видно из новых примечаний, сделанных Пле-

хановым именно к данному русскому изданию. В этих примечаниях имеются ссылки на предисловие Плеханова ко второму русскому изданию его перевода «Манифеста коммунистической партии», написанное в 1900 г. Значит, перевод редактировался им после 1900 г. С другой стороны, формулировка «примечание автора к русскому изданию» говорит за то, что это предполагавшееся издание было бы первым изданием брошюры на русском языке, т. е. должно было выйти до 1906 г. Между этими двумя датами и заключена дата редактирования настоящего перевода.

Публикуемая рукопись представляет собой только начало перевода, примерно первую треть статьи. Остальная часть перевода, доведенного до конца, не носящая на себе никаких следов плехановской правки, не помещена в настоящем сборнике. Проредактированная Плехановым часть, напротив, испещрена его поправками и представляет интерес в особенности потому, что все известные русские переводы брошюры «Анархизм и социализм» делались не с французского оригинала, а с немецкого перевода. Хотя и настоящий перевод сделан с немецкого (французский оригинал, очевидно, был затерян), но здесь автор имел возможность восстановить в первоначальном виде свои мысли, быть может, не совсем точно переданные немецким переводчиком. Во всяком случае сличение печатаемого текста с текстом, данным в Собрании сочинений, установило ряд существенных отличий, вполне оправдывающих настоящую публикацию.

Вот несколько примеров таких отличий известного перевода от публикуемого:

В рукописи:	*В печатном тексте (т. IV):*
...«человеческая природа», постепенное раскрытие которой и составляет историю (стр. 4)	...«человеческая природа», для которой история служит лишь внешним проявлением (стр. 170)
человек... — есть существо, обладающее разумом и способностью ощущать (стр. 4)	Человек... чувствующее и мыслящее существо (стр. 170)
У него довольно разума для познания того, что ему полезно, а следовательно, и того, что ему вредно (стр. 5)	Он достаточно рассудителен для понимания того, что для него полезно и что вредно (стр. 170)
Человек отклоняется от истины, истина же никогда не перестает существовать (стр. 7)	Человек изменяет правде, но она никогда не исчезает (стр. 171)
Морелли, Фурье, Сен-Симона и их последователей мы называем социалистами-утопистами. Так как нам известен главный отличительный прием их мышления в области общественных явлений, то... (стр. 8)	Морелли, Фурье, Сен-Симона мы считаем теперь социалистами-утопистами. И так как мы уже знакомы с общим для них основным взглядом, то... (стр. 171)
Впрочем, утопистами были и те, которые (стр. 9)	Бывали, впрочем, утописты, которые... (стр. 172)
Гегель... смеется над буржуазными утопистами, старавшимися придумать такую конституцию, которая была бы лучше всех возможных конституций (стр. 19)	...Гегель достаточно высмеивает буржуазных утопистов, которые фантазируют и бредят «совершенным» общественным строем (стр. 177).

Ограничимся этими примерами, заимствованными с первых страниц статьи, и отметим, что, помимо подобных разночтений, имеется множество менее значительных, придающих, однако, в целом свой особый стиль переводу. Новизна его усугубляется также наличием ряда примечаний, никогда еще не появлявшихся в печати.

Кроме рукописи, в архиве Плеханова сохранились гранки набранного начала брошюры. В настоящую публикацию вошли 75 страниц рукописи. Весь перевод занимает 6 общих тетрадей, из которых публикуется $2^1/_3$.

1 *АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ[1] — Г. ПЛЕХАНОВА*

Перев. с немецкого под редакцией автора и с приложением двух его статей:

1) ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ АНАРХИЗМ Б. ТЭКЕРА
2) НЫНЕШНЯЯ НАША АНАРХИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА *

I

2 *ТОЧКА ЗРЕНИЯ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Известно, что *французские материалисты* 18-го столетия в своей непримиримой борьбе со всеми «Infames» **, иго которых тяготело над тогдашней Францией, не пренебрегали исследованиями о том, что они называли *совершенным законодательством*, т. е. отысканием наилучшего из всех возможных законодательств, такого законодательства, которое дало бы всем человеческим «существам» самую большую сумму счастья и которое могло бы быть введено во всех существующих обществах именно потому, что оно — *совершенное*, а следовательно, и *«самое естественное»* законодательство. Экскурсии в область «совершенного законодательства» занимают в произведениях Гольбаха и Гельвеция довольно значительное место.

С другой стороны, *социалисты* первой половины 19-го столетия с чрезвычайным усердием и с редкой настойчивостью стараются открыть лучшую из всех возможных социальных организаций, *совершенную социальную* | *организацию*. Эта выдающаяся 3 характерная черта свойственна им в той же мере, как и французским материалистам 18-го столетия, и именно она должна здесь прежде всего обратить на себя наше внимание.

Для разрешения проблемы совершенной социальной организации, или — что то же — наилучшего из всех возможных законодательств, мы, — как это само собою разумеется, — должны иметь критический масштаб, с помощью которого мы могли бы сравнивать одно с другим различные «законодательства». И этот критерий должен иметь совсем особый характер. В самом деле, речь идет не об *«относительно»* только лучшем законодательстве, т. е. не о законодательстве, наилучшем при *данных условиях*.

---

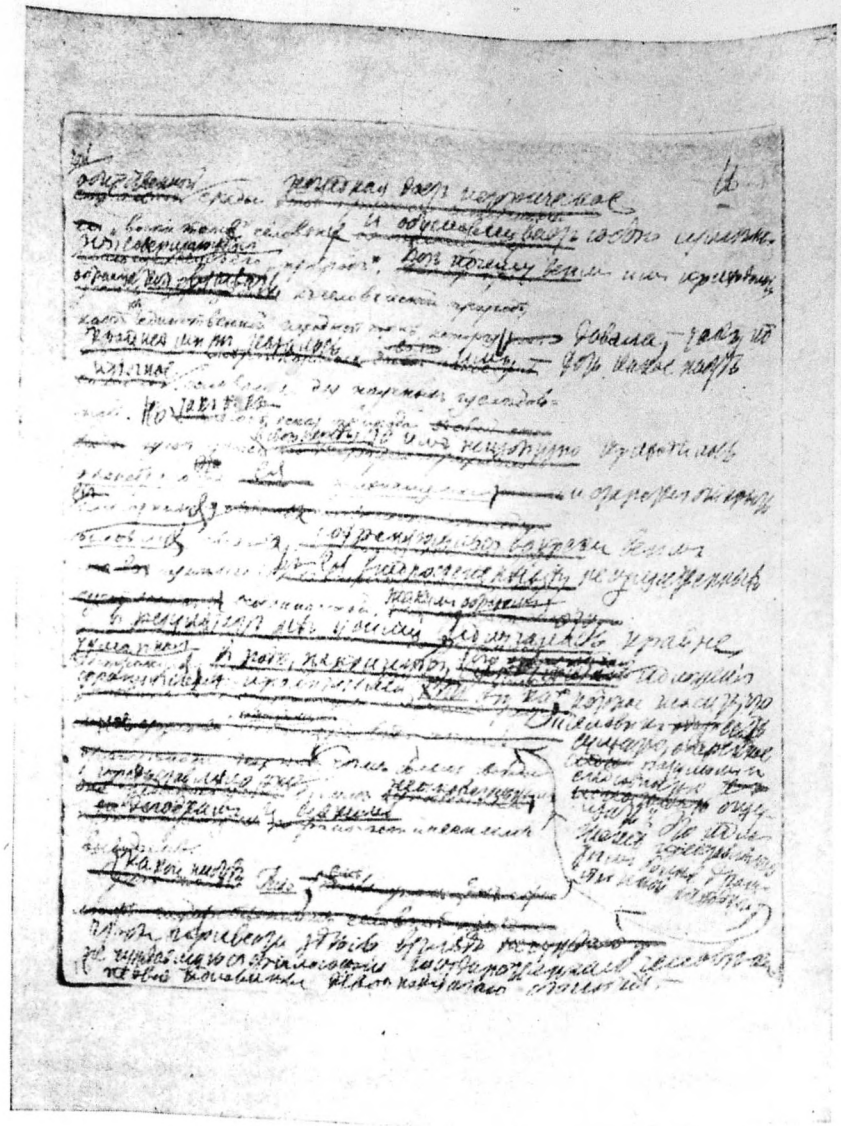
* Первая страница титульная. — *Ред.*
** — низостями, гнусностями. — *Ред.*

Отнюдь нет, мы должны найти *абсолютно совершенное* законодательство, превосходство которого совсем не зависело бы от обстоятельств времени и места. Поэтому мы вынуждены пренебречь историей, в которой все относительно, все зависит от этих обстоятельств. Но что же остается у нас при наших «законодательных»| исследованиях в качестве руководящей нити, если 4
мы пренебрежем историей? У нас остается *человечество, человек вообще, «человеческая природа»*, постепенное раскрытие которой и составляет историю. Таков, стало быть, наш вполне определенный критерий. *То законодательство есть наилучшее изо всех возможных, которое более всего соответствует человеческой природе.* Весьма возможно, что, даже обладая подобным критерием, мы не сумеем разрешить проблему наилучшего общества вследствие недостатка «просвещения» или логики: человеку ведь свойственно ошибаться. Но представляется совершенно неоспоримым, что эта проблема *может* быть разрешена, что если только мы хорошо знаем человеческую «природу», то очень легко можем найти *совершенную социальную организацию.*

Такова была точка зрения французских материалистов в области социальной науки. Человек, — говорили они, — есть существо, обладающее разумом и способностью ощущать; он избегает неприятных ощущений и ищет приятных. У него довольно
разума для| познания того, что ему полезно, а следовательно, 5
и того, что ему вредно. Опираясь на эти основные положения, мы, в наших рассуждениях о наилучшем законодательстве, можем, при помощи размышления и доброй воли, притти к таким же основательным, таким же точным, таким же бесспорным выводам, к каким приводит математический способ доказательства. Так, *Кондорсэ* [1] все предписания здравой морали старается дедуктивно вывести из той простой основной истины, что человек есть существо, одаренное разумом и способностью ощущать.

Было бы почти излишне прибавлять, что в этом Кондорсэ ошибался. Если «философы» в этой области исследования приходили к выводам бесспорной, хотя и очень *относительной* ценности, то только потому, что они, сами того не замечая, каждый раз оставляли свою отвлеченную исходную точку зрения «человеческой природы вообще» и переходили на точку зрения *более или менее идеализированной природы члена тогдашнего третьего сословия.* Этот человек «ощущал» и «думал» очень определенным образом, |
обусловливаемым окружающей его *социальной средой.* Его при- 6
роде свойственно было отстаивать буржуазную собственность, стремиться к представительному правлению, к свободе торговли и т. д., — «laissez aller, laissez faire» * — громко и беспрерывно кричала «природа» этого человека. На самом деле французские философы постоянно имели в виду очевидные для них экономические и политические потребности третьего сословия; и в этом

* — пусть идет, как идет. — *Ред.*



Страница перевода брошюры «Анархизм и социализм» с поправками Г. В. Плеханова

состоял их фактический критерий. Но они пользовались им *бессознательно* и приходили к нему длинным обходным путем, ведшим через область абстракции. Их *сознательный* прием всегда сводился к отвлеченным рассуждениям о «человеческой природе» и о социальных и политических учреждениях, наиболее соответствующих этой природе.

Тот же самый прием употреблялся первоначально и социалистами. Дитя 18-го века, *Морелли* [2], «чтобы предупредить множество пустых возражений, которым не предвидится конца», выставляет как бесспорный принцип то, «что в мире нравственных
7 | явлений *природа едина, постоянна, неизменна*, ...что ее законы не изменяются» и что «все, что может быть сказано насчет различия нравов диких и культурных народов, не в состоянии доказать, что *природа изменяется;* такие различия свидетельствовали бы о том, что вследствие независевших от них случайностей, некоторые народы вышли из послушания законам природы, другие по привычке остались верны этим законам в известных отношениях, и, наконец, третьи подчинились им в силу некоторых искусственных законов, не во всем противоречившим природе», — словом «человек отклоняется от истины, истина же никогда не перестает существовать» *.

Фурье опирается на анализ человеческих страстей; *Роберт Оуэн* берет за точку исхода известные размышления об образовании человеческого характера; *Сен-Симон*, обнаруживший такое значительное понимание *исторического развития* человечества, — постоянно возвращается к человеческой природе, чтобы объяснить законы этого развития, а сен-симонисты объявляют, что их философия «основана на новом *понимании человеческой природы*».
8 Как ни спорили | между собою социалисты разных школ из-за различного понимания человеческой природы, — они все без исключения были твердо убеждены в том, что общественная наука не имеет и не может иметь другой основы, кроме правильного понимания этой природы. В этом отношении они ничем не отличались от материалистов 18-го столетия. *Человеческая природа* служит им *неизменным критерием*, как при оценке существующего общественного порядка, так и при их усилиях придумать новую социальную организацию.

Морелли, Фурье, Сен-Симона, Оуэна и их последователей мы называем теперь социалистами-*утопистами* **. Так как нам известен главный отличительный прием их мышления в области общественных явлений, то мы можем составить себе ясное понятие о том, что́ составляет *утопическую точку зрения*. Это будет

* См. «Code de la Nature», Париж, 1841 г. (изд. Вильгарделля), стр. 66, примечание. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Таким же *утопистом* был знаменитый теперь Уильям Томпсон [3], которого некоторые немецкие и английские писатели (Менгер, Фоксуэлль [4]), а с их голоса и некоторые русские «критики» марксизма (г. Туган-Барановский [5]), называют основателем *научного* социализма и у которого по их словам, Маркс заимствовал

тем полезнее для нас, что среди противников социализма вошло в обычай употреблять слово: «утопия», не связывая с ним никакого ясного представления.

9 | *Утопист есть всякий тот, кто старается придумать совершенную социальную организацию и при этом берет за точку исхода какой-нибудь отвлеченный принцип.* Этим отвлеченным принципом, положенным в основу исследования утопистов, был принцип «человеческой природы». Впрочем, утопистами были и те, которые посредственно опирались на этот принцип, апеллируя к производным от него понятиям. Так, например, придумывая «совершенную систему законодательства», идеальную организацию общества, мы можем взять за исходную точку понятие о *правах человека*. Но ясно, что это понятие более или менее прямо выведено из основного понятия о «*человеческой природе*».

Так же очевидно и то, что можно быть утопистом, вовсе не будучи при этом *социалистом*. *Буржуазные тенденции* французских материалистов 18-го столетия особенно ясно выступают в их рассуждениях о *совершенном законодательстве*. Но это нисколько не уничтожает утопического характера этих рассуждений. Мы уже видели, что приемы социалистов-утопистов ничем не отличались от приемов Гольбаха или Гельвеция, этих передо-
9а вых борцов | революционной французской буржуазии.

Более того! Можно смеяться над всякой «музыкой будущего», можно быть твердо убежденным в том, что нынешний общественный порядок, в котором мы имеем счастье жить, есть самый лучший из всех возможных общественных порядков, и, несмотря на все это, можно рассматривать «строение и жизнь социального тела» *с той самой точки зрения*, с которой рассматривали их *утописты*.

Это кажется парадоксом, и однако же нет ничего вернее этого. Вот пример, доказывающий это.

В 1753 г. появилось сочинение Морелли, называющееся «Les Iles flottantes ou la Basiliade du célèbre Pilpaï» («Пловучие

свое учение о прибавочной стоимости. В своем главном сочинении, «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth most conductive to human Happiness» [«Исследование о принципах распределения богатства, ведущего к наибольшему человеческому счастью»], написанном около 1822 г., Томпсон занимается вопросом о том, какое распределение богатства может дать наибольшую сумму счастья. В основе этого исследования лежит заимствованное у французских материалистов, — и главным образом у Гельвеция, — представление о человеческой природе. Что касается собственно вопроса о происхождении прибавочной стоимости и об ее отношении к заработной плате, то на этот счет мы находим в огромном и, по-своему, очень умном сочинении Томпсона никак не больше, чем в «Основах политической экономии» Рикардо. Скажем более. Все учение Томпсона о прибавочной стоимости целиком содержится в одном небольшом письме Рикардо к Мальтусу, именно в письме от 15 октября 1815 года, напечатанном в «Letters of David Ricardo to Thomas Robert Malthus» [«Письмах Давида Рикардо к Томасу Роберту Мальтусу»], 1810—1823, Oxford, 1887. Конечно, Томпсону неизвестна была эта переписка, но он хорошо знал названную книгу Рикардо, больше которого он не дал и, как утопист, не мог дать. — *Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

острова, или Базилиада знаменитого Пильпаи», перев. с индийского). И вот какими доводами один из журналов того времени, «Bibliothèque impartiale», старался опровергнуть коммунистические идеи автора:

«Всем достаточно известно, какая пропасть отделяет прекрас-
10 нейшие | умозрения этого рода от возможности их осуществления; в теории берут воображаемых людей, которые подходят ко всем учреждениям и с одинаковым рвением способствуют осуществлению желаний законодателя; но как только вещи переносятся в действительный мир, приходится считаться с людьми, каковы они на самом деле, т. е. с людьми непонятливыми, ленивыми или увлеченными какой-нибудь сильной, чудовищной страстью. Проект *равенства* относится к тем проектам, которые больше всего *противоречат характеру людей*. Люди родятся для того, чтобы повелевать или повиноваться».

Люди родятся для того, чтобы повелевать или повиноваться. Неудивительно, поэтому, что мы видим в обществе господ и слуг; этого требует человеческая «природа». «La Bibliothèque impartiale» очень решительно отвергала «коммунистические умозрения», но, несмотря на это, точка зрения, с которой она рассматривала социальные явления, точка зрения «человеческой природы», — была у нее общей с *утопистом* Морелли.

И пусть не говорят нам, что доводы этого журнала, вероятно,
11 | были не искренни, что он взывал к человеческой «природе» только затем, чтобы как-нибудь подслужиться к эксплоататорам, к тем, которые повелевают. Факт тот, что в своей критике Морелли «Bibliothèque impartiale» стояла, — искренно или лицемерно, — на точке зрения, общей всем писателям того времени: все они, — за исключением оставшихся в живых теней прошлого, попрежнему взывавших к «божьей воле», — апеллировали к человеческой природе, так или иначе ими понимаемой.

Мы уже знаем, что девятнадцатый век унаследовал от своего предшественника точку зрения человеческой природы: утопические социалисты не знали другой точки зрения.

Пример Сен-Симона, — гениального человека, обладавшего энциклопедическими знаниями, — может быть, нагляднее всего показывает, как ограниченна и неудовлетворительна была эта
12 точка зрения и в какой непроходимый | лабиринт противоречий вела она всех тех, которые держались ее.

Сен-Симон с глубочайшим убеждением говорит: «Будущее складывается из последних звеньев той цепи, начало которой лежит в прошедшем. Если первые звенья этой цепи хорошо изучены, то легко определить последующие; следовательно, *из хорошо изученного прошедшего легко вывести будущее*». Это так верно, что в первую минуту возникает вопрос: на каком основании этого человека, имеющего столь ясное представление о взаимной связи различных фаз исторического развития, причисляют к утопистам? Но ознакомьтесь поближе с историческими

идеями Сен-Симона, и вы увидите, что его называют утопистом не без причины. Будущее выводится из прошедшего, историческое развитие человечества есть законосообразный процесс изменения. Прекрасно. Какова же *побудительная причина*, какова *сила*, приводящая в движение человеческую природу, толкающая ее с одной ступени развития на другую? Здесь Сен-Симон возвращается к точке зрения всех утопистов, к точке
13 зрения человеческой | природы. Так, по его мнению, основной причиной французской революции было перемещение сил, совершившееся в светской и духовной областях; и чтобы надлежащим образом направить и завершить эту революцию, «нужно было бы силам, получившим перевес, дать исход в непосредственной политической деятельности», другими словами, надо было бы предоставить «промышленникам» и «ученым» выработку политической системы, соответствующей этому новому соотношению общественных сил. Этого не сделали, и революция, начавшаяся так хорошо, очень скоро попала на *ложную* дорогу: «юристы» и «метафизики» стали господами положения. Чем объясняется этот исторический факт? «Природе человека, — отвечает Сен-Симон, — свойственно переходить от какой-ниб[удь] одной доктрины к другой через стадию ошибок». Этот закон находит себе еще большее применение в различных политических системах, через которые есте-
13a ственный ход цивилизации заставляет | проходить человечество. Таким образом, та же самая необходимость, которая в промышленности породила элемент новой светской силы, предназначенной заменить собой *военную* власть, а в положительных *науках* элемент новой духовной силы, призванной заступить место духовной власти, — должна была (прежде чем эта перемена в общественном строе станет очень заметной) развивать и приводить в действие светскую и духовную власть среднего смешанного и преходящего характера, ту власть, единственное назначение которой состоит в том, чтобы осуществить переход от одной социальной системы к другой *.

Мы видим на этом примере, что «исторические ряды» Сен-Симона ровно ничего не объясняют по существу, они сами нуждаются в объяснении, и для их объяснения опять-таки приходится обратиться к той же неизбежной «человеческой природе» [6]: французская революция пошла по ложному пути, потому что человеческая природа такова, что и прочее **.

---

* «Du système industriel» par Henri Saint-Simon [«О промышленной системе» Анри Сен-Симона], Paris, 1821 г., стр. 52. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Точно так же, если мы видим, что в истории «органические» периоды уступают место «критическим», то и это, в последнем счете, объясняется особенностями человеческой природы [7]. Ясно, что подобная точка зрения должна проводить множество *фантастических аналогий* между жизнью индивидуального организма, с одной стороны, и общества, с другой. *Контизм* (буржуазная карикатура на сен-симонизм) очень богат подобными аналогиями. Да и сам Сен-Симон ничего против них не имеет; смотрите напр[имер] его «Opinions littéraires, philosophiques et industriel-

Одно из двух: или человеческая природа «*неизменна*», как принимали французские просветители и социалисты-утописты, — и тогда она ничего не объясняет в *истории*, которая показывает нам длинный ряд изменений в общественных отношениях людей; или же сама она *изменяется* в зависимости от обстоятельств, в которых живут люди, и тогда она отнюдь не может быть *причиной*, движущей силой исторического развития. Французские материалисты очень хорошо знали, что человек есть продукт окружающей его общественной среды: «человек целиком зависит от воспитания», говорит Гельвеций. Казалось бы, что здесь Гельвеций должен был оставить точку зрения человеческой природы, чтобы изучить законы развития среды, которая определяет собою свойства человеческой природы, давая общественному человеку то или иное «воспитание». Но ни Гельвецию, ни другим современным ему просветителям, ни социалистам первой половины девятнадцатого века, а также никому из представителей официальной науки той эпохи не удалось открыть ту новую точку зрения,
16 которая дала бы возможность изучить развитие | той общественной среды, которая дает историческое «воспитание» человеку и обусловливает собою изменения, совершающиеся в его «природе». Вот почему всем им приходилось обращаться к человеческой природе, как к единственной исходной точке, которая давала, — так по крайней мере казалось им, — хоть какое-нибудь прочное основание для научных исследований. Но так как человеческая природа изменяется в свою очередь, то им неизбежно приходилось *пренебрегать ее изменениями* и стараться открыть ее постоянные, *основные* свойства, сохраняющиеся вопреки всем изменениям ее второстепенных, несущественных особенностей. Таким образом в результате их усилий получалась крайне туманная абстракция, вроде, например, того положения французских просветителей 18-го века, которое гласит, что «человек есть существо, одаренное разумом и способностью ощущать». Это положение представлялось тем более драгоценной находкой, чем больше свободы предоставляло оно всяким неосновательным догадкам и всяким фантастическим выводам.

Какой-нибудь *Гизо*, — чтобы привести здесь взгляд не чуждавшегося философии государственного человека первой поло-
17 вины девятнадцатого столетия, — | не имел ни малейшей склонности к отыскиванию наилучшей общественной организации совершенного законодательства. Он был, — по крайней мере в эпоху Луи-Филиппа, — как нельзя более доволен существующим общественным порядком. Но самый сильный изо всех тех доводов, которые он мог бы привести в защиту этого порядка от

les», Paris, 1825. (О них подробнее говорится в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».) — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Так в рукописи. В Собрании сочинений конец фразы переведен следующим образом: «... Человеческая природа обладает такими и такими-то свойствами». Примечание Плеханова написано на отдельном листе (стр. 14). — *Ред.*

нападок недовольных, была бы все та же, столь знакомая нам ссылка на человеческую природу, которая, — сказал бы он, — делает *невозможным* всякий коренной *переворот* в социальной и политической конституции Франции. Недовольные со своей стороны осуждали эту конституцию, опираясь на ту же самую абстракцию. А так как эта абстракция была совершенно бессодержательна; так как она, — мы уже сказали это, — предоставляла полный простор всяким неосновательным догадкам и вытекающим из этих догадок логическим выводам, то «научная» задача решительно всех реформаторов того времени принимала вид геометрической проблемы: дана такая-то и такая-то природа человека; надо найти, какой общественный порядок больше всех других соответствует ей. Так, Морелли горько жалуется на то, что «наши старые учителя» не поставили и не разрешили следую-
18 щей «важной задачи»: | «*Найти такое общественное состояние, в котором человеку было бы почти невозможно испортиться и стать злым, или, по крайней мере, такое состояние, в котором у человека было бы наименьшее число пороков*». Мы видели, что для Морелли человеческая природа была «*единой, постоянной и неизменной*».

Мы знаем теперь, в чем состоит «научный прием» утопистов. Чтобы покончить с ними, мы напомним читателю, что, так как «человеческая природа» есть чрезвычайно тощая абстракция и, следовательно, не очень питательная, то утописты на самом деле взывали, — подобно просветителям 18-го столетия, — не столько к человеческой природе вообще, сколько к идеализованной ими природе людей *того времени*, принадлежащих к *тем классам*, общественные стремления которых они выражали. Поэтому общественная *действительность неизбежно* давала себя знать в произведениях утопистов; но утописты плохо сознавали это; они видели эту действительность только сквозь призму абстракции, хотя и очень тощей, но все-таки очень мало прозрачной.

19

II

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Великие немецкие философы-идеалисты *Шеллинг* и *Гегель* прекрасно понимали недостаточность точки зрения человеческой «природы». Гегель в своей «Философии истории» смеется над буржуазными утопистами, старавшимися придумать такую конституцию, которая была бы лучше всех возможных конституций [8]. Немецкий идеализм рассматривает *историю*, как *закономерный процесс*, и ищет двигательной силы исторического развития не в человеческой природе, *а вне ее*.

Это было очень большим шагом в сторону изучения действительной жизни. Но идеалисты думали, что им удалось найти указанную двигательную силу в «*абсолютной идее*», в «*мировом духе*». Но так как их абсолютная идея была не чем иным, как

абстракцией *человеческого процесса мышления*, то в свои философско-исторические умозрения они впускали через заднюю дверь старую приятельницу французских просветителей: человеческую природу, облеченную в костюм, достойный почтенного и степен-
20 ного | общества немецких философов. Гони природу в дверь, она влетит в окно! Несмотря на огромные услуги, оказанные немецкими идеалистами общественной науке, ее основная задача осталась такой же неразрешимой для немецких идеалистов, какою она была для французских материалистов 18-го века.

Какова та скрытая сила, которая вызывает историческое движение человечества? *Это оставалось совершенно неизвестным.* В этой области было сделано лишь несколько более или менее верных, более или менее остроумных, — иногда *очень* верных и *очень* остроумных, — но всегда не связанных между собой частных наблюдений.

Если общественная наука вышла, наконец, из этого тупого переулка, то этим она обязана *Карлу Марксу*.

По Марксу, правовые отношения, как и государственные формы, не могут быть поняты ни сами из себя, ни из так называемого развития человеческого духа; они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов восемнадцатого века, обозначает именем «гражданского общества». Это почти то же самое, что подразумевал *Гизо*, когда он, в своих исторических исследованиях, говорил, что *политические конституции* коренятся в иму-
20а щественных отношениях. Но между тем как для Гизо | «имущественные отношения» оставались загадкой, которую он напрасно пытался разгадать при помощи рассуждений о человеческой природе, для Маркса эти отношения уже не заключали в себе ничего загадочного: они определяются состоянием тех *производительных сил*, которыми располагает в данное время данное общество. «Анатомию гражданского общества надо искать в политической *экономии*». Но предоставим самому Марксу формулировать свое понимание истории:

«В процессе общественного производства своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения, *производственные отношения*, соответствующие определенной ступени развития материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует *экономическую структуру* общества, реальный базис, на котором воз-
21 вышается юридическая и политическая | надстройка и которому соответствуют определенные *формы общественного сознания*. Вообще, способ производства *материальной* жизни обусловливает собою процесс жизни *социальной, политической* и *духовной*. *Не сознание людей определяет их бытие, но, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.*

На известной ступени своего развития материальные производительные *силы* общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе производственными *отношениями*, или, выражаясь юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм, содействующих развитию производительных сил, эти отношения становятся их тормозом. Тогда наступает эпоха социальной революции» *.

Это вполне материалистическое понимание истории представляет собой одно из величайших открытий нашего века, столь богатого научными открытиями. Только ему мы обязаны тем, что общественная наука вышла, наконец и раз навсегда, из заколдованного
22 | круга, в котором она до сих пор вращалась; только ему мы обязаны тем, что эта наука обладает теперь основанием, не менее солидным, чем основные положения науки о природе. Революцию, произведенную Марксом в общественной науке, можно сравнить с революцией, сделанной в астрономии Коперником. В самом деле, до Коперника считалось неоспоримым, что земля стоит на месте, а солнце вращается вокруг нее. Гениальный поляк доказал, что дело происходит как раз наоборот. Точно так же до Маркса точкой отправления общественной науки считалась *человеческая природа*; именно с этой точки зрения делались все попытки объяснения исторического развития человечества. Точка зрения гениального немца прямо противоположна: *между тем как человек, для поддержания своего существования, воздействует на внешнюю природу, он изменяет свою собственную природу.* Воздействие человека на внешнюю природу предполагает известные орудия, известные производственные отношения; *в зависимости от характера своих средств производства*, люди вступают в процессе производства, — который, что бы
23 ни говорил нам Бюхер [9] | о мнимом индивидуализме диких племен, всегда был и будет общественным процессом, — *в те или иные отношения* между собою, и, *в зависимости от их отношений* в общественном процессе производства, *изменяются их обычаи, их чувства, их наклонности, их способ мышления и действия*, одним словом, их *природа*. Итак, *не человеческая природа объясняет собой* историческое движение, а историческое движение сообщает человеческой природе тот или другой вид **.

[Как ни кратко цитированное нами предисловие к книге «Zur Kritik der politischen Oekonomie», но его надо назвать и, конечно, со временем его *будут* называть *пролегоменами для всякой*

* « Zur Kritik der politischen Oekonomie», Vorwort [«К критике политической экономии». Предисловие]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** Не совсем безызвестный в русской литературе г. Чернов [10], избравший своею специальностью грубейшее искажение Маркса, высказал однажды в «Русском богатстве» ту светлую мысль, что Бельтов был неправ, говоря, что Маркс не придавал никакого научного значения ссылкам на человеческую природу. Для просвещения этого господина мы приведем здесь следующие слова Маркса: «Monsieur Proudhon ignore que l'histoire tout entière n'est qu'une transformation continue de la nature humaine» (г. Прудон не знает, что вся история была лишь постоянным изменением человеческой природы). Misère de la Philosophie, 2-ое издание, стр. 204 [11] Яснее выражаться невозможно; но г. Чернов, конечно, способен не понять даже и это. На то он — г. Чернов. — *Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

будущей социологии, которая захочет выступать как наука. И эти же пролегомены лежат в основе современного научного социализма] *.

Но если это так, — а это так, — то какую цену могут иметь в настоящее время все более или менее остроумные исследования о «совершенном законодательстве», о наилучшей из всех возможных общественных организаций? *Никакой, ровно никакой!* Они могут только свидетельствовать *о недостатке научного образования* у тех, кто ими еще занимается. Их время прошло невозвратно.

Вместе со старой точкой зрения человеческой природы должны были потерять всякое значение утопии всех цветов и оттенков. Великая революционная партия нашего времени, международная социальная демократия, опирается не на «новое понимание» человеческой природы и не на какой-нибудь отвлеченный принцип, | а на экономическую необходимость, «констатируемую с естественно-научной точностью». Вот что составляет силу нашей партии; вот что делает ее столь же непобедимой, как сама экономическая необходимость!

24

«Средства производства и сообщения, которые послужили основанием для могущества буржуазии, получили начало еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения условия, среди которых совершалось производство и обмен в феодальном обществе, *феодальная организация земледелия и промышленности*, словом, феодальные *имущественные отношения* оказались несоответствующими вызванным к жизни производительным силам. Эти отношения стесняли производство, а не облегчали его. Они сделались его цепями. Их нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты. Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии. На наших глазах совершается подобное этому | историческое движение. Современное *буржуазное общество* с его имущественными отношениями, с его организацией производства и обмена, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, это общество находится в положении волшебника, который не в состоянии справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. В продолжение последних десятилетий [история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных *сил* против современной *организации производства*, против имущественных *отношений*, которые являются условиями жизни для буржуазии и для ее господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества.

25

* Место, заключенное в прямые скобки, добавлено Плехановым при редакции рукописи, с пометкой: «Тут вставка». — *Ред.*

Оружие, которым буржуазия на смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии» *.

Буржуазия уничтожила *феодальные* имущественные отношения; пролетариат положит *конец существованию буржуазных* имущественных отношений. | Между пролетариатом и буржуазией происходит *борьба, непримиримая борьба*, доходящая до крайних пределов и столь же неизбежная, как была в свое время борьба между буржуазией и привилегированными сословиями. «*Но всякая классовая борьба есть политическая борьба*». Чтобы уничтожить феодальный строй, буржуазия должна была овладеть политической силой. Пролетариат должен будет сделать то же самое, чтобы похоронить капитализм. *Его* политические задачи определяются, поэтому, силою самого хода вещей, а не какими-нибудь отвлеченными рассуждениями **.

26

Характерен тот факт, что только *со времени Карла Маркса* социализм стал на почву *классовой борьбы*. Социалисты-утописты не имели о ней сколько-нибудь ясного представления. И в этом отношении они уступали современным им *ученым теоретикам буржуазии*, понимавшим, по крайней мере, историческое значение *борьбы* третьего сословия с дворянством ***.

Если каждый «новый взгляд» на человеческую природу | давал, повидимому, очень ясные указания насчет организации «будущего общества», то научный социализм очень скуп по части такого рода указаний. Социальное устройство зависит от состояния общественных производительных сил. Каково будет это состояние в тот момент, когда пролетариат захватит власть в свои руки? Этого мы не знаем и знать не можем. Нам известно теперь лишь одно, а именно, что производительные силы, уже имеющиеся у цивилизованного человечества, настоятельно требуют *обобществления средств производства и планомерной его организации*. Этого для нас достаточно, чтобы не ошибаться в нашей борьбе с «реакционной массой». «Таким образом коммунисты на практике представляют собой самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие

27

* Манифест коммунистической партии, Соч. Маркса и Энгельса. Русск. перевод Г. Плеханова, изд. орг. «Соц.-Дем.», 1900 г., стр. 8—9. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** «Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям... Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формировать движение пролетариев... Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим всемирным реформатором. Они представляют собою лишь общее выражение современных отношений, существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения» (Ком[мунистический] Манифест, стр. 16—17).—*Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

*** Подробнее см. об этом в нашем предисловии ко второму изданию нашего перевода «Манифеста Коммунистической партии». — *Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

результаты рабочего движения» [12]. Для нашего времени эти, написанные в 1848 году, строки неточны только в одном отношении: они говорят о «рабочих партиях», | независимых от коммунистической партии: теперь нет *ни одной рабочей партии*, которая бы не следовала на большем или меньшем расстоянии за «научным социализмом», или, как он называется в «Манифесте», за *коммунизмом*.

Повторяем: точка зрения социалистов-утопистов, как и всей современной им общественной науки, была точкой зрения *человеческой природы* или какого-нибудь другого, выведенного отсюда отвлеченного принципа. Социология и социализм нашего времени стоят на *точке зрения экономической действительности и закономерного развития*. Нетрудно представить, поэтому, какое впечатление могут производить на современных социалистов доводы теоретиков буржуазии, беспрестанно повторяющих старую песню о том, что требования социалистов противоречат человеческой природе. Это то же самое, как если бы кто захотел побивать дарвинизм оружием, заимствованным из научного арсенала Кювье [13]. Особенно заслуживает внимания то обстоятельство, что этой старой песни не позабыли даже «эволюционисты» вроде Герберта Спенсера! Что делать! Самый красивый офицер не может быть красивее самого себя, говорит французская пословица *.

| Посмотрим же теперь, что общего может быть у *современного социализма с анархизмом*.

III

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АНАРХИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ. ДОКТРИНЫ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ АНАРХИЗМА

«Меня упрекают еще в том, что я был отцом анархии. Мне оказывают этим слишком много чести. Отец анархии — бессмертный *Прудон*, впервые изложивший ее в 1848 г.»

Так говорил Петр Алексеевич *Кропоткин* в своей защитительной речи перед уголовным судом в Лионе (январский процесс 1883 г.) [14]. Кропоткин, как это часто происходит с моим уважаемым соотечественником, утверждает то, что не вполне согласно с действительностью.

«Впервые» Прудон говорит об анархии в своей столь известной книге: «Qu'est ce que la propriété» («Что такое собственность, или исследование о принципе права и правительств»), первое издание которой появилось еще в 1840 году. Правда, он «излагает» ее там не очень подробно, посвящая ей всего несколько страниц *. Но прежде, чем он взялся за ее изложение «в 1848 году», об этом позаботился, *тремя годами раньше*, немец *Макс Штирнер* (псевдоним *Каспара Шмидта*) в своей книге: «Der Einzige und sein Eigenthum» («Индивидуум и его собственность»). Этим | Штирнер получил довольно основательное право на титул отца анархии. Как бы мы ни решали вопрос об его «бессмертии», несомненно то, что он первый «изложил» анархическую теорию.

МАКС ШТИРНЕР

Анархическую теорию Макса Штирнера называют карикатурой на философию религии *Людвига Фейербаха*. (Так, например, определяет ее *Ибервег* в своих «Grundzügen der Geschichte der Philosophie», третья часть, Philosophie der Neuzeit **.) Некоторые заходят даже так далеко, что утверждают, будто Штирнер, когда писал свою книгу, руководился одним только желанием осмеять эту философию. Однако это мнение совсем не основательно. Штирнер совсем не шутил, излагая свою теорию; он держался за нее, будучи глубоко убежден в ее истинности, хотя у него проглядывала вполне естественная для того бурного времени тенденция превзойти Фейербаха радикализмом своих выводов.

Для *Фейербаха* то, что люди называют *божеством*, есть лишь продукт их фантазии, | психологической аберрации. Не бог создал человека, а человек создал бога по своему собственному образу и подобию. В боге человек поклоняется лишь своей *собственной сущности*. Бог не более, как вымысел, но это очень вредный вымысел. О *христианском* боге говорят, что он — сама любовь, само сострадание к бедному страждущему человечеству. Но несмотря на это, или, вернее, *именно благодаря этому*, всякий христианин, достойный этого названия, ненавидит и должен ненавидеть атеистов, кажущихся ему живым отрицанием всякой любви и всякого сострадания. Таким образом бог любви превращается в бога ненависти, в бога преследования; продукт человеческой фантазии становится действительной причиной человеческих страданий. И потому надо покончить с этой фантасмагорией. Так как человек в лице бога поклоняется только своей собственной сущности, то нужно, наконец, раз навсегда разорвать

* «Не только социалисты, но и те мнимые либералы (речь идет об английских либералах), которые уравнивают для них путь, думают, что при надлежащем умении недостатки человечества могут быть исправлены хорошими учреждениями. Это ошибка. Каков бы ни был общественный организм, порочная природа граждан дает себя знать в дурных инстинктах, порождаемых ею. Нет политической алхимии, с помощью которой можно было бы превратить свинцовые инстинкты в золотое поведение». *Г. Спенсер*, «L'Individu contre l'État» [Личность против государства], Paris, 1888, p. 64. [Эволюционисту следовало бы знать, откуда берутся «свинцовые инстинкты» у человека и у животных. Или, может быть, Спенсер думал, что они были «прирождены» человеку? Тогда остается спросить себя, как мог думать это тот самый человек, который был убежден, что, например, вся наша познавательная способность является плодом развития]. — *Прим. Г. В. Плеханова*.

Конец примечания, заключенный в прямые скобки, добавлен Плехановым при редакции перевода. — *Ред*.

* Стр. 295—300 издания 1841 г. — *Прим. Г. В. Плеханова*.

** «Основные черты истории философии»... Философия нового времени. — *Ред*.

и снять то мистическое покрывало, которым окутывается в религии эта сущность. Любовь к человечеству не должна осуще-
33 ствляться | вне человечества. «*Самое высшее существо для человека есть человек*».

Так говорит Фейербах.

Макс Штирнер вполне согласен с ним, но он хочет извлечь из его теории те выводы, которые кажутся ему наиболее крайними и радикальными. Он рассуждает так: «Бог есть не что иное, как продукт фантазии, не что иное, как *призрак*. Это верно. Но что такое человечество, любовь к которому вы мне проповедуете? Не есть ли и оно призрак, *отвлеченная сущность, плод воображения?* Где существует оно, это ваше человечество, если не в головах людей, т. е. *индивидов? Итак, в действительности не существует ничего кроме индивидуума* с его потребностями, его стремлениями, его волей. А если это так, то как вы можете хотеть, чтобы *индивидуум*, — эта *действительная сущность*, — жертвовал собой ради счастья человека, т. е. ради сущности отвлеченной? Как вы ни восстаете против своего старого бога, вы все-таки продолжаете держаться религиозной точки зрения, и та эмансипация, которую вы собираетесь нам дать, насквозь пропитана теологией, т. е. учением
34 о боге». | Высшее существо есть, конечно, существо, сущность человека. Но именно потому, что здесь перед нами выступает сущность человека, а не сам человек, решительно все равно, принимаем ли мы, что это высшее существо находится вне нас, как «бог», или же говорим, что оно живет внутри нас, и называем его «сущностью человека» или человеком вообще. Я не бог и не человек вообще; я не высшее существо и не сущность самого себя, и потому фактически безразлично, мыслю я эту сущность во мне или вне меня. Ведь на самом деле мы мыслим себе высшую сущность в потусторонности двоякого рода: одновременно внутренней и внешней; потому что «Дух божий», согласно христианскому воззрению, есть в то же самое время и «наш Дух», который «живет в нас». Он живет на небесах и в то же время живет в нас; мы, бедняки, не более как его жилище; и если Фейербах совсем разрушит его небесное жилище и вынудит его переселиться в нас со всем своим скарбом и со всеми своими пожитками, то мы — его земная квартира — окажемся слишком переполненными» *. Для того, чтобы избегнуть неприятностей, связанных с таким «пере-
35 полнением» и | не позволить тому или другому «привидению» господствовать над нами; для того, чтобы поставить, наконец, свою ногу на реальную почву, мы имеем только одно средство: взять за *исходный пункт* единственное действительное существо, наше собственное «я».

«Итак долой все то, что не есть мое собственное дело; вы думаете, может быть, что мое собственное дело должно быть, по крайней мере, «хорошим делом»? Что хорошо? Что дурно? Мое

* «Der Einzige etc.», 2-ое изд., Лейпциг, 1882 г. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

собственное дело, это — я сам, а я ни хорош, ни дурен. И то, и другое слово не имеет для меня никакого смысла. Божественное есть дело бога, человеческое — дело человека. Мое же дело не есть ни божье, ни человеческое дело; оно не есть Добро, Истина, Право, Свобода, оно просто-напросто *мое дело*; оно — не общее, а индивидуальное, как индивидуален я сам. Для меня нет ничего выше меня» *.

Религия, совесть, мораль, право, закон, семья, государство — сколько слов, столько цепей, накладываемых на меня во имя абстракции, столько поработителей, с которыми «я», индивидуум, сознающий свое собственное «дело», борюсь всеми имеющимися у меня средствами. Ваша *мораль* — мораль не только буржуазных филистеров, но и самая возвышенная гуманитар-
36 ная | мораль — есть не более, как *религия*, в которой переменилось лишь высшее существо. Ваше *право*, которое, по вашим словам, прирождено человеку, — не более, как *призрак;* и если вы его чтите, вы ушли не дальше героев Гомера, которые содрогались, видя, что боги сражаются в рядах их врагов. Право есть сила.

«У кого сила, у того и право; если у вас нет силы, то у вас нет и права. Неужели так трудно дойти до понимания этой истины? Меня уговаривают пожертвовать своими интересами в интересах *государства*. Я же, напротив, объявляю войну на жизнь и на смерть всякому государству, даже демократическому... Всякое государство есть *деспотия*, все равно, одному ли принадлежит в нем деспотическая власть, или многим, или же, наконец, — как мы видим это в республике, — в нем все являются повелителями, т. е. все оказываются деспотами один другого. Этот последний случай имеет место тогда, когда дан-
37 ный закон, выражение воли данного народного собрания, | становится для всякого отдельного лица *законом*, которому оно обязано *беспрекословно повиноваться*. Представим себе даже такой случай, когда все отдельные лица, составляющие данный народ, высказали одинаковую волю и когда, таким образом, в законе нашла свое выражение воля, *общая* в полном смысле слова: дело нисколько не изменится и от этого. Разве моя *вчерашняя* воля не продолжала бы в этом случае *связывать* меня и *сегодня?* Моя [воля] оказалась бы застывшей. Печальное постоянство! Мое создание: данное выражение моей воли — стало бы моим властелином. И я, создатель, оказался бы стесненным в новых проявлениях своей воли, в своих желаниях и решениях. Если я вчера был дураком, то я оказался бы вынужденным оставаться глупым в течение всей остальной своей жизни. Таким образом я был бы в государстве в лучшем случае, — с таким же правом можно сказать: в худшем случае, — рабом самого себя. Так как вчера у меня была воля, то сегодня я безволен;

* Ib., стр. 7—8. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

так как вчера я был свободен, то сегодня я лишен свободы *.

Сторонник «народного государства» мог бы возразить здесь Штирнеру, что его «я», в своем стремлении довести *демократическую свободу* | *до абсурда*, заходит слишком далеко: дурной
38 закон можно *отменить*, как только этого захочет большинство граждан; поэтому нет никакой необходимости в вечном подчинении такому закону. Но это незначительная частность. Притом же Штирнер ответил бы на нее, что самая необходимость апелляции к большинству доказывает, что я — [не] господин над своими собственными действиями. Выводы нашего автора неопровержимы по той простой причине, что сказать: я не признаю ничего, кроме самого себя, значит сказать: я чувствую себя *угнетенным всяким* учреждением, налагающим на меня какую-нибудь *обязанность*. *Это просто-напросто тавтология.*

Ясно, что никакое «я» не может существовать *одно*. Штирнер это очень хорошо знает, и потому он проповедует «союзы эгоистов», т. е. свободные соединения, в которые каждое данное «я» вступает и в которых оно *остается* в том случае и до тех пор, пока это согласуется с его интересами.

Остановимся здесь немного.

39 Мы имеем перед собой «эгоистическую» систему | par excellence (по преимуществу). В этом отношении она представляет собою нечто единственное в истории человеческой мысли. *Французских материалистов* 18-го столетия обвиняли в том, что они проповедывали эгоизм. Это очень неправильно. Французские материалисты постоянно проповедывали «добродетель» и делали это с таким неудержимым рвением, что Гримм не без основания смеялся над их «капуцинадами» (проповедями монахов капуцинского ордена). Вопрос об эгоизме имел для них значение двойной задачи:

1. В человеке все сводится к ощущению: такова была основа всех их рассуждений о человеке. По самой природе своей человек должен стараться избегать неприятных ощущений и искать приятных. Каким же образом происходит то, что люди бывают способны переносить величайшие *страдания* ради торжества какой-нибудь *идеи*, т. е., в последнем счете, для доставления приятных ощущений своим *ближним?*

2. Так как все в человеке сводится к ощущению, то живя в такой общественной среде, в которой интересы одного лица
40 *противоречат* интересам других, он | стал бы *вредить* своим ближним. Каково же должно быть то законодательство, которое согласовало бы *общую* пользу с интересами отдельных лиц?

Здесь, в *этой* двойной задаче, заключается весь смысл материалистической этики 18-го столетия.

Макс Штирнер преследует прямо противоположную цель. Он насмехается над «добродетелью» и чрезвычайно далек от

* «Der Einzige...», SS. 196—197. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

того, чтобы стремиться к ее торжеству; в его глазах разумны только те эгоисты, для которых нет ничего выше их собственного «я». Еще раз, Макс Штирнер — теоретик эгоизма par excellence *. Добрые буржуа, уши которых так же целомудренны и добродетельны, как циничны и черствы их сердца, добрые буржуа, которые «втайне попивают вино, явно проповедуя воду» [16], приходят от безнравственности Штирнера в величайшее негодование; «это — отрицание всего на свете!» — восклицают они. Однако, как это всегда бывает, *добродетель* филистеров оказывается очень слабой по части аргументации.
41 «Истинная заслуга Штирнера состоит в том, что он высказал | *последнее* слово молодой *атеистической* школы» (т. е. левого крыла гегелевской школы. — *Г. П.*), — писал француз *Ст. Ренэ-Таландье* [17]. Филистеры других стран были, сколько нам известно, того же мнения о заслугах смелого писателя. *С точки зрения современного социализма эта заслуга представляется совсем в другом свете.*

Во-первых бесспорная заслуга Штирнера состоит в том, что он открыто и энергично *выступил* [против] той кисло-сладкой, сентиментальной проповеди *буржуазных реформаторов* и многих *утопических социалистов*, по смыслу которой выходило, что *освобождение* пролетариата должно явиться результатом «добродетели» «самоотверженных» людей, принадлежащих к различным общественным классам и преимущественно к классу собственников. Штирнер прекрасно знает, чего можно ожидать от «самоотвержения» эксплоататоров. «Богатые» жестоки, но «бедные» (такова терминология нашего автора) не правы, когда жалуются на это, потому что не богатые создают для бедных *нищету*, но *бедные* создают для богатых *богатство*. Поэтому они должны *пенять на самих себя*, если их положение тяжело.
42 Чтобы изменить | это положение к лучшему, им нужно только восстать против богатых. Как только они серьезно захотят этого, сила окажется на их стороне, и тогда *господству* богатых придет конец. *Средство спасения заключается в борьбе, а не в бесполезном взывании к великодушию угнетателей.* Этим Штирнер проповедует *классовую борьбу*. Конечно, он представляет себе ее в отвлеченном виде борьбы некоторого числа эгоистических «я» с менее значительным числом не менее эгоистичных «я». Однако, здесь мы близко подходим к другой заслуге Штирнера.

По мнению Талландье, он высказал последнее слово молодой атеистической школы немецкой философии. В действительности

* В настоящее время интереснее было бы сопоставить учение Штирнера с «философией» Ницше. Такое сопоставление показало бы нам, как велико то расстояние, которое прошли немецкие «интеллигенты» буржуазного пошиба за время, отделяющее появление книги Штирнера от выхода главных сочинений Ницше. «Эгоизм» Штирнера есть идеализация индивидуалистических стремлений *поднимающейся* буржуазии; «философия» Ницше есть плод эпохи *упадка* того же класса [15]. — *Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

он высказал только *последнее слово идеалистического миросозерцания*. Но то обстоятельство, что он высказал его, составляет его бесспорную заслугу.

В своей критике религии *Фейербах — материалист только наполовину*. В то время как человек поклоняется богу, он поклоняется лишь своей собственной идеализованной сущности. Это верно. Но религии возникают и исчезают, как и все на
43 свете. Не доказывает | ли это, что «сущность человека» не остается постоянной, что она *изменяется* в историческом процессе развития общества? Ясно, что так и бывает на самом деле. Но если дело обстоит так, то что является причиной исторических изменений «сущности человека»? *Фейербах совершенно не знает этого*. Для него «сущность человека» — только отвлеченное понятие, каким была человеческая природа для французских материалистов. *В этом заключается основная ошибка его критики религии*. Штирнер прекрасно видит, что она не имеет под собой твердой почвы, и хочет подкрепить ее, вдохнув в нее свежий воздух *действительности*. Он отворачивается ото всех призраков, от всех «плодов воображения». «*В действительности*, — говорит он себе, — существуют только *индивидуумы*, поэтому возьмем индивидуума за точку исхода». Но *какого* же индивидуума берет [он] за точку исхода? Ивана или Петра, Якова или Сидора? Совсем нет. Он берет *индивидуума вообще, новую абстракцию и притом самую тощую*, — «я».

44 Штирнер наивно воображает, что он дает окончательный | ответ на тот старый философский вопрос, из-за которого воевали еще средневековые номиналисты с реалистами. «Ни одно понятие, — говорит он, — не имеет бытия, ибо оно не в состоянии принять телесный образ. Схоластический спор реализма с номинализмом имеет то же самое содержание» [18].

Увы! Первый встречный номиналист с полной ясностью показал бы нашему автору, что его «я» такое же «понятие», как и всякое другое; *что оно так же мало реально, как и математическая единица*.

Иван, Петр, Яков и Сидор находятся *между собой в отношениях*, не зависящих от воли их «я» и определяемых строем общества, в котором они живут. Критиковать социальные учреждения во имя «я» значит покидать единственную в данном случае плодотворную точку зрения, точку зрения *общества*, точку зрения законов его жизни и его развития, и расплываться в тумане абстракции.

Номиналист Штирнер чувствует себя хорошо именно в таком тумане.

«Я есмь я» — такова его точка исхода. *Не-я* не равно я, — таков его вывод. Я + я + я + и т. д. — такова его социаль-
45 ная утопия. Это | простой и чистый субъективный идеализм на службе у социальной и политической критики. *Это самоубийство идеалистического умозрения*.

Но в том же самом году (1845), в котором вышла книга Штирнера, появилось во Франкфурте на Майне сочинение Маркса и Энгельса: «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Cons[orten]». *(«Святое семейство, или критика критической критики, против Бруно Бауэра и компании».)* В ней идеалистическое умозрение было атаковано и наголову разбито *диалектическим материализмом*, составившим теоретическую основу современного социализма. «Индивидуум» Штирнера пришел слишком поздно.

Мы только что сказали: я + я + я + и т. д. — такова социальная утопия Штирнера. Его «союз эгоистов» фактически есть не что иное, как сумма *отвлеченных* величин. На чем основывается, на чем *может* основываться их соединение? На их *интересах*, отвечает Штирнер. Но в чем состоит и в чем может состоять та реальная основа, на которую опирается то или иное сочетание их интересов? Штирнер ничего не говорит и не может сказать ничего определенного на этот счет, потому что с высоты абстракции, в которой он парит, не легко различать *экономи-*
46 *ческую действительность*, | *мать и кормилицу* всевозможных — эгоистических и альтруистических — «я».

Нет ничего удивительного в том, что он не в состоянии довести до ясности даже то понятие классовой борьбы, к которому он приблизился довольно значительно. «Бедные» должны бороться с «богатыми». А что им делать тогда, когда они победят их? Тогда каждый из бывших «бедных», равно как и каждый из бывших «богатых» начнет борьбу с каждым из бывших «бедных» и с каждым из бывших «богатых». *Тогда наступит «война всех против всех»* (Штирнер пользуется именно этим выражением). И в этой колоссальной войне, в этой всеобщей борьбе «союзы эгоистов» будут представлять собою лишь частичные перемирия. В этом много воинственного духа, но реализма, о котором мечтал Макс Штирнер, здесь *нет и следа!*

Оставим, однако, в покое «союзы эгоистов». Утопист может закрывать глаза на экономическую действительность; но она вторгается к нему сама, *не спрашивая его желания;* она преследует его всюду с неутомимостью силы природы, не сдержива-
47 емой силой науки. Штирнер не в состоянии охранить | возвышенную область отвлеченного «я» от вторжения *экономической действительности*. У него речь идет не только об «индивидууме»; его темой является «индивидуум и *его собственность*». Какой же вид имеет эта собственность «индивидуума»?

Само собой разумеется, что Штирнер мало склонен уважать собственность, как «*приобретенное право*».

«Законной или закономерной собственностью другого будет только то, что ты будешь признавать таковою. Когда ты перестаешь считать ее таковою, она теряет для тебя всякую за-

кономерность, а над абсолютным правом ты будешь смеяться» *. Это все та же песня. «Мне ни до чего нет дела, кроме самого себя». Но отсутствие уважения к собственности другого не мешает штирнеровскому «я» в то же самое время обладать *наклонностями собственника*. Самым сильным аргументом «против коммунизма» является в его глазах то соображение, что коммунизм, *уничтожив* индивидуальную собственность, сделает из всех членов общества простых «босяков». И Штирнер глубоко возмущается такой несправедливостью.

«По мнению коммунистов, — говорит он, — община должна
48 быть | собственником. Напротив: «я» — собственник и только сговариваюсь с другими относительно своей собственности. Если община поступает со мной несправедливо, то я восстаю против нее и защищаю свою собственность. Я собственник, но собственность *не священна*. Или, может быть, «я» — только простой владелец? (намек на теорию Прудона. — *Г. П.*). Нет, *до сих пор* существовали только владельцы, которые были обеспечены в обладании своим участком тем, что другие обладали другими участками; но теперь мне принадлежит *«все»*; я — собственник «всего» того, в чем я *нуждаюсь* и чем могу завладеть. Если социалисты говорят: «общество дает мне то, в чем я нуждаюсь», то эгоист говорит: «я беру себе то, в чем я нуждаюсь». Если коммунисты ведут себя, как босяки, то эгоист *ведет себя, как собственник*» **.

Собственность эгоиста выглядит как не весьма «обеспеченная» вещь. «Эгоист» остается собственником лишь до тех пор, пока другие «эгоисты» не решили ограбить его и превратить в «босяка». Однако, чорт далеко не так черен, как он кажется с первого взгляда. Штирнер представляет себе взаимные отно-
49 шения «эгоистических» собственников, скорее | как *отношения обмена*, чем как *царство грабежа*. И сила, к которой он беспрестанно взывает, есть собственно экономическая сила *товаропроизводителя, освобожденного от старых оков*, наложенных на него государством и «обществом».

Устами Штирнера говорит *душа товаропроизводителя*. Если он до основания уничтожает государство, то это происходит единственно потому, что ему кажется, будто *государство недостаточно уважает «собственность»* товаропроизводителей. Он хочет иметь свою собственность, *свою полную* собственность. Государство берет с него налоги; оно позволяет себе экспроприировать его ради общественной пользы. Он желает иметь jus utendi et abutendi (право пользования и злоупотребления); государство говорит: «хорошо», но прибавляет, что злоупотребление злоупотреблению рознь. Тогда Штирнер кричит: «Караул! Грабят!» «Я враг государства, — заявляет он, — по-

* Индивидуум и т. д. — *Прим. Г. В. Плеханова.*
** Ib., стр. 266. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

стоянно колеблющегося между альтернативой: оно или я... *В государстве не существует собственности*, т. е. собственности отдельного лица; в нем есть только собственность государства. Только с позволения государства я имею то, что у меня есть,
50 и только с его позволения я становлюсь тем, что | я собою представляю. Моя частная собственность есть лишь то, что государство уделяет мне из своей собственности, уменьшая этим долю других граждан: это государственная собственность». *Поэтому, долой государство!* И *да здравствует* простая и *полная собственность отдельных лиц!*

Штирнер перевел на немецкий язык политическую экономию Ж. Б. Сэя. И хотя он перевел также *Адама Смита*, но он никогда не мог подняться выше *узкого круга буржуазных вульгарно-экономических понятий*. Его «союзы эгоистов» суть не более, как утопия взбунтовавшегося мелкого буржуа. В этом смысле надо признать, что он высказал *последнее слово буржуазного индивидуализма*.

У Штирнера есть еще одна заслуга: он имел мужество твердо держаться за свои взгляды и доводить свою индивидуалистическую теорию до самых крайних выводов. Он — самый бесстрашный, самый последовательный из анархистов. В сравнении с ним *Прудон*, которого Кропоткин и все нынешние анархисты считают отцом анархии, не более как *чопорный филистер*.

51 ## ПРУДОН

Если Штирнер боролся с Фейербахом, то «бессмертный» Прудон подражал *«Канту»*. «То, что Кант сделал около 60 лет тому назад по отношению к религии; что раньше того он сделал по отношению к достоверности; что другие до него пытались сделать по отношению к счастью или к высшему благу, то «La voix du peuple» («Голос народа») [19] хочет предпринять по отношению к правительству», — торжественно возвещает «отец анархии».

Посмотрим же, как он берется за это дело и к чему он приходит.

По мнению Прудона, до Канта верующий и философ с «непреодолимым волнением» спрашивали себя: *что такое бог?* Потом они спрашивали себя: какова самая лучшая изо всех религий? «Если в самом деле над человечеством есть высшее существо, то должна также существовать система отношений между этим существом и человечеством. Какова же эта система? Искание самой лучшей религии есть второй шаг, делаемый человеческим духом в области разума и веры». Кант устранил
52 эти вопросы, как неразрешимые; он уже не | спрашивал себя, что такое бог и какова истинная религия, но поставил себе задачу объяснить происхождение и развитие *идеи* бога; «он старался дать биографию этой идеи». И он достиг столь же величественных, как и неожиданных результатов.

«То, чего мы ищем и *видим* в боге, есть, как сказал Мальбранш [20], наш собственный идеал, чистая сущность человечества... Человеческая душа первоначально познает себя не посредством рефлектированного рассмотрения своего *я*, как предполагают психологи; она познает себя вне самой себя, как будто бы она имела отличную от нее сущность. Это обратное отражение она называет богом. Таким образом нравственность, справедливость, порядок, законы не представляют собою откровения, идущего сверху; они не предписаны нашей свободной воле каким-нибудь неизвестным, непостижимым, так называемым творцом, но свойственны нам и нашей сущности, как наши способности и наши органы, как наша плоть и наша кровь. Говоря коротко: религия и общество — два однозначащие выражения; человек сам по себе так же свят, как если бы он был
53 богом». | Вера во власть так же первоначальна, так же всеобща, как и вера в бога. Везде, где существуют люди, группирующиеся в общество, существует власть, начало правительства. С незапамятных времен люди спрашивают себя: что такое правительственная власть, какая форма правительства лучше всех остальных, и напрасно ищут они ответа на эти вопросы: правительства так же разнообразны, как и религии; политические теории так же многочисленны, как и философские системы. Есть ли какая-нибудь возможность положить конец этим беспрерывным и бесплодным спорам? Можно ли выйти из этого тупого переулка? Конечно! Нужно только последовать примеру Канта. Мы должны только спросить себя, откуда происходит эта *идея* власти, правительственного авторитета? Мы должны только осведомиться о *законности политической идеи*. Как только мы поставим вопрос на эту почву, он разрешится поразительно просто:

«Подобно *религии*, *правительство* есть проявление общественной бессознательности, подготовление человечества к высшему состоянию».

54 | «В религии человечество ищет и называет *богом* самого себя».

«В *правительстве* гражданин ищет и называет *королем*, *императором* или *президентом* самого себя, т. е. свободы».

«Вне человечества нет бога; теологический взгляд не имеет никакого смысла: — вне свободы нет правительства, политический взгляд не имеет никакой ценности».

Вот вам и «биография» политической идеи. Будучи раз узнана, она должна пролить свой свет на подлежащий нашему решению вопрос: какая форма правительства *самая лучшая*.

«*Самая лучшая* форма правительства, равно как и самая совершенная религия, — если брать эти выражения буквально, — представляет собою противоречивую идею. Задача заключается не в том, чтобы определить, как управлять нами наилучшим образом, а в том, как быть нам наиболее свободными. Свобода, соответствующая порядку и совпадающая с ним,— вот к чему сводится все действительное содержание общественной власти и политики. Как образуется эта абсолютная свобода,
55 совпадающая с | порядком? Это покажет нам анализ различных форм власти. Вообще же мы так же мало допускаем господство человека над человеком, как эксплоатацию человека человеком» *.

Мы достигли здесь кульминационного пункта политической философии Прудона. Отсюда *берет свое начало свежий и живи-*
56 *тельный поток* | его анархических мыслей. Но прежде, чем следовать за несколько извилистым течением этого потока, бросим взгляд на тропинку, по которой мы взобрались.

Мы воображали, что следуем за *Кантом*. Но мы ошиблись. В своей «Критике чистого разума» Кант опроверг доводы, приводимые для доказательства бытия божия, опираясь на то положение, что все недоступное для нашего опыта, не может быть познано нами. В своей «Критике *практического* разума» Кант, во имя морали, признал бытие бога. Но он *никогда* не говорил, что бог есть только обратное отражение нашей собственной души. То, что Прудон приписывает Канту, составляет неоспоримую собственность *Фейербаха*. Таким образом, набрасывая крупными штрихами «биографию» политической идеи, мы шли за этим последним. Итак Прудон опять приводит нас прямо к тому месту, откуда началось наше совсем не сентиментальное путешествие в обществе Штирнера. Но нечего делать! Будем снова рассуждать, опираясь на *Фейербаха*.

В религии человечество ищет самого себя. В правительстве гражданин ищет самого себя, ищет свободы. Очень хорошо. Но
57 следует ли отсюда, что сущность гражданина | состоит в свободе? Вытекает ли отсюда, что свобода есть основное свойство гражданина? Допустим, что — да. Но даже, допуская это, приходится сказать, что наш французский «Кант» *ничего*, *решительно ничего* не сделал, чтобы *доказать* «*законность*» такой «*идеи*».

---

* См. для всех вышеприведенных цитат предисловие к 3-му изд. «Confessions d'un révolutionnaire» («Исповедь революционера»). Это предисловие представляет собою извлечение из «Voix du peuple» от ноября 1849 г. Прудон только в 1849 г. начал «излагать» анархическую теорию. В 1848 г. он изложил, — с позволения П. А. Кропоткина, — только свою теорию обмена, в чем можно удостовериться из шестого тома собрания его сочинений (Париж, 68 г.). «Критика» демократии, помеченная мартом 1848 г., не есть изложение анархической теории. Эта критика есть часть произведеньица «Solution du problème social» («Решение социального вопроса»), и этого решения Прудон надеется достичь без займов, без монеты, без бумажных денег, без законодательного ограничения цен, без реквизиций, без банкротств, без аграрных законов, без налога на бедных, без национальных мастерских, без ассоциаций (!), без участия в прибылях, без государственного вмешательства, без ограничения свободы торговли и промышленности, без нарушения собственности, а больше и прежде всего «*безо всякой классовой борьбы*». Действительно, «бессмертная» идея, заслуживающая восторженного сочувствия со стороны всех мирных, сентиментальных и плаксивых буржуа белого, голубого и красного оттенков! — *Прим. Г. В. Плеханова.*

И это еще не все. В чем состоит та свобода, которая, — согласно нашему предположению, — есть основное свойство гражданина? К какой свободе должен он стремиться согласно своей природе? К *политической?* Как бы не так! Утверждать это — значит превращать «гражданина» в «авторитарного» демократа. Наш гражданин ищет в правительстве *«абсолютной» свободы индивидуума*, той абсолютной свободы, которая «совпадает» с порядком и «тождественна» с ним. Другими словами, сущность «гражданина» есть прудоновская анархия. Это как нельзя более приятное открытие; но не мешает припомнить «биографию» этого открытия. Мы хотели разрушить все доводы в пользу идеи власти, подобно тому, как Кант разрушил все доказательства бытия бога. Чтобы достичь этой цели, мы *предположили*, что свобода есть именно то, чего гражданин ищет | в правительстве, причем в этом случае мы отчасти подражали *Фейербаху*, по которому человек ищет и чтит в боге свою собственную сущность. А что касается свободы, то мы одним движением магической палочки *превратили ее* в «абсолютную» свободу, в свободу, свойственную *анархии*. Раз, два, три! — Geschwindigkeit ist keine Hexerei (проворство не хитрая штука), как говорят немцы.

58

Так как «гражданин» ищет в правительстве только «абсолютной» свободы, то *государство* есть лишь измышление («измышленное таким образом высшее лицо, называемое государством» *), и «все эти правительственные формулы, из-за которых народы и граждане душат друг друга в течение 60 столетий, — *только плод нашего воображения* и передача его на хранение в музеи и в библиотеки составляет первую обязанность свободного разума». Вот вам, стало быть, еще одно, мимоходом сделанное и чрезвычайно важное открытие: двигателем в политической истории человечества был «в течение 60 столетий» *плод воображения!*

Доказать, что в боге человек поклоняется своей собственной сущности, значит *показать происхождение* религии, но это еще не значит | написать ее *биографию*. Если слова имеют какой-нибудь определенный смысл, а не употребляются совершенно произвольно, то написать биографию религии значит написать ее историю, *объясняя развитие человеческой сущности*, находящей в ней свое выражение. Фейербах этого не сделал, да и не мог сделать. Прудон, который подражал Фейербаху, думая подражать Канту, был очень далек от того, чтобы понять неудовлетворительность точки зрения автора «Сущности религии». Все, на что он был здесь способен, это принять Фейербаха за Канта и самым жалким образом копировать Канта — Фейербаха. До него дошел слух о том, что божество есть вымысел,

59

* Прудон употребляет здесь слово *лицо* в смысле *юридического* лица.—*Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

и он немедленно решил, что государство — тоже вымысел: если бог не существует, то с какой стати мы будем признавать существование государства? Прудон решил бороться с государством и начал с того, что объявил его *несуществующим;* этого было достаточно, чтобы привести в восторг читателей прудоновского органа «La voix du peuple» и в ужас врагов г. Прудона, содрогавшихся при виде того, как глубок анализ, предпринятый его философским духом. Чистая трагикомедия!

Для современного читателя почти излишне прибавлять, что раз мы объявляем государство простой выдумкой («фикцией»), то для нас становится совершенно невозможным понимание его «сущности», равно как и объяснение его исторического развития. Прудон именно и обнаружил такую неспособность.

60

| «Я различаю в каждом обществе двоякую конституцию, — говорит он. — Одну я называю *социальной* конституцией, другую *политической*. Конституция первого рода, теснейшим образом связанная с человечеством, либеральна и прогрессивна; ее прогресс главным образом состоит в освобождении от конституции второго рода, которая преимущественно имеет характер произвольный, реакционный и эксплоатирующий. Социальная конституция есть не что иное, как равновесие интересов, основанное на *свободном договоре* и организации *экономических сил*, которые суть: *труд*, *разделение труда*, *коллективная сила*, *конкуренция*, *торговля*, *деньги*, *машины*, *кредит*, *собственность*, *равенство в сделках*, *взаимность гарантий* и т. д.

«Политическая конституция имеет своим принципом власть. Ее формы суть: классовые различия, разделение властей, административная централизация, судебная иерархия, представительство народного самодержавия посредством выборов. Она была придумана и постепенно дополнялась вследствие отсутствия *социальной* конституции, принципы | и правила которой могут быть открыты только посредством долгого опыта и еще в настоящее время служат предметом споров между социалистами.

61

«Эти двоякого рода конституции, — как это легко видеть, — имеют совсем различный и даже несовместимый характер: но так как политическая конституция с неизбежностью рока беспрерывно вызывает и ведет за собой социальную конституцию, то в нее постоянно проскальзывает что-ниб[удь] из этой последней, и она, становясь неудовлетворительной, начинает казаться полной противоречий, вызывает ненависть и, путем постепенных уступок, понемногу окончательно уничтожается» *.

Социальная конституция «теснейшим образом связана с человечеством», *присуща* ему. Несмотря на это, она может быть *открыта* только посредством долгого опыта, и пока ее нет

* «Confessions d'un révolutionnaire», изд. 1868 г., девятый том собр. соч. Прудона, стр. 166—167. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

человечество вынуждено придумывать «политические конституции». Не представляет ли это собой чисто утопического понимания человеческой природы и «теснейшим образом связанной» с ней социальной организации? Не возвращаемся ли мы здесь к знакомой уже нам точке зрения Морелли, говорившего, что
62 | человечество на протяжении всей своей истории всегда было *«вне природы»?* Нет, мы не возвращаемся к Морелли по той простой причине, что нам и нет надобности *возвращаться* к нему: мы с Прудоном ни на минуту не *покидали* утопической точки зрения. Когда наш автор свысока смотрит на утопистов и на их попытки найти «самые совершенные формы правительственной власти», он не видит ничего плохого в точке зрения утопистов. Он только насмехается над недогадливостью людей, не умевших понять, что самая лучшая политическая организация есть *отсутствие всякой политической организации* и наличность соответствующей человеческой «природе», необходимейшей, «теснейшим образом связанной» с человечеством *социальной* организации.

Природа социальной конституции решительно отличается от политической конституции и даже несовместима с ней. Тем не менее, «*судьба*» политической конституции состоит в том, чтобы постоянно вызывать и производить социальную конституцию. Это выражено ужасно темно. Мы могли бы, пожалуй, выбраться из этой путаницы, «предположив», что Прудон хотел сказать просто-напросто следующее: политическая конституция влияет на развитие социальной конституции. В таком случае
63 неизбежно поднимается вопрос: не коренится ли, | в свою очередь, политическая конституция, как это допускал уже Гизо, в социальной конституции всякой данной страны. Но по Прудону выходит, что мы тем не менее имеем право думать так, что социальная конституция, как истинная и единственная, есть только дело будущего и что только *вследствие ее отсутствия* бедное человечество придумало для себя *политические* конституции. К тому же «политическая конституция» охватывает очень обширную область: она заключает в себе даже «классовые различия», а вследствие этого и *не* «организованную» *собственность*, собственность, какою она не должна быть и какая существует в настоящее время. А так как эта конституция измышлена только в ожидании анархической организации общества, то очевидно, что *вся история* человечества *до сих пор* была не чем иным, как страшным *заблуждением*. Государство не просто чистая фикция, как утверждал Прудон в 1849 году; «правительственные формулы», из-за которых народы и граждане душат друг друга «в продолжение 60 столетий», не просто «плод воображения нашего духа», — как думал Прудон в названном году; эти формулы, равно как и государство и вообще полити-
64 ческие конституции — простой *продукт* | *человеческого невежества*, этой матери всех фикций и фантазий. Но в сущности это все равно. Главное дело в том, что *анархическая* («социальная»)

организация может быть открыта только посредством «долгого опыта». Читатель видит теперь, как это прискорбно.

Политическая конституция оказывает несомненное влияние на *социальную организацию*; она по меньшей мере «вызывает» ее, и в этом состоит ее «судьба», открытая преподавателем кантовой философии и социальной организации Прудоном. Единственный логический вывод, который можно сделать отсюда, заключается в том, что приверженцы социальной организации должны пользоваться политической конституцией для достижения своих целей. Но как ни логичен этот вывод, он не по вкусу нашему автору: он кажется ему простым «плодом воображения». Пользоваться *политическими* конституциями это значит приносить жертву на алтаре страшного бога *власти*; это значит, — о ужас! — участвовать в борьбе партий. Прудон не желает ничего подобного. «*Отныне никаких партий, никакой власти, абсолютная свобода человека и гражданина*: вот, — говорит он, — в немногих словах весь наш политический и социальный символ веры» *.

65 | *Всякая классовая борьба есть борьба политическая.* Кто слышать не хочет о *политической борьбе*, тот тем самым отказывается от какого бы то ни было участия в *борьбе классов*. Так и случилось с Прудоном. Уже в начале революции 1848 г. он стал проповедывать *примирение классов*. Вот, для примера, место из циркуляра, который помечен третьим апреля и с которым он обратился к своим избирателям в дубском департаменте.

«Социальный вопрос поставлен. Вы не уйдете от него. Чтобы разрешить его, нужны люди, которые одновременно *совмещали бы в себе самый радикальный* и *самый консервативный дух*; *рабочие, протяните руку своим хозяевам*, а вы, работодатели, не отталкивайте идущих вам навстречу ваших наемников».

Человеком, который, по мысли Прудона, соединял в себе самый радикальный дух с самым консервативным, был он сам, П. Ж. Прудон. В этой мысли, с одной стороны, заключается «фикция», свойственная всем утопистам, мечтавшим возвыситься *над* классами и их борьбой и наивно думавшим, что вся дальнейшая история человечества должна свестись к мирной пропаганде их нового евангелия. С другой же стороны, это
66 стремление соединить радикализм | с консерватизмом как нельзя яснее открывает «сущность» самого «отца анархии». Прудон был типичным представителем *мелкобуржуазного социализма*.

«Судьба» мелкого собственника, — поскольку он не становится на точку зрения пролетариата — именно в том и состоит, чтобы всегда колебаться между радикализмом и консерватизмом. Чтобы еще лучше понять это, нужно только представить себе, в чем заключается план социальной организации, предложенный Прудоном.

---

* «Confessions...», стр. 25—26. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Пусть говорит он сам. Предупреждаем, однако, что нам и здесь придется иногда иметь дело с более или менее правильно понятым «Кантом».

«Таким образом, путь, на который мы хотим выступить при обсуждении *политического* вопроса и при собирании материалов для пересмотра конституции, должен быть тот же самый, по которому мы до *сих* пор шли при обсуждении *социального* вопроса. «*La voix du peuple*», продолжая дело двух предшествовавших ему органов, пойдет по их стопам *.

67 | «Что говорили мы в этих двух органах, павших под ударами реакции и осадного положения? Мы не спрашивали подобно нашим предшественникам и единомышленникам: какова *наилучшая* система коммунизма? Какова *наилучшая* организация собственности? Мы не спрашивали, что лучше: коммунизм или собственность? Кто прав: Сен-Симон или Фурье? Чья система лучше: Луи Блана или Кабэ? — По примеру Канта, мы ставили вопрос так: Как владеет человек? Как он приобретает собственность, как утрачивает ее? Каков закон ее развития и преобразования? К чему он ведет? К чему стремится? И что, наконец, он собою представляет? Далее, как работает человек? Как сравниваются между собой продукты? Как совершается их обращение в обществе? При каких условиях? По каким законам? И вывод изо всей этой монографии собственности был следующий: собственность указывает на распределение; общественность — на взаимность деятельности; постоянно уменьшающийся уровень процента указывает на тождество труда и капитала (sic!). Что нужно, чтобы выделить и осуществить все эти выражения,

68 | которые до сих пор были закутаны в старые символы собственности? Работники должны гарантировать друг другу работу и сбыт; с этой целью они должны принимать, как деньги, свои взаимные *обязательства*. Прекрасно. Мы говорим теперь: политическая *свобода*, как и свобода промышленная, явится для нас плодом *взаимной гарантии*. Обеспечив друг другу свободу, мы избавимся от этого правительства, назначение которого состоит в том, чтобы символически изображать республиканские девизы: *свобода, равенство и братство*, причем на долю нашего ума выпадает обязанность найти способы осуществления этих девизов. Но какова же формула этой политической и свободной («liberale») гарантии? Сначала *всеобщее избирательное право*, затем *свободный договор*... Экономическая и социальная реформа посредством взаимной гарантии кредита; политическая реформа посредством согласования индивидуальных свобод; такова программа «Voix du peuple» **.

* Прудон говорит здесь об органах: «*Le peuple*» («Народ») и «*Le représentant du peuple*» («Представитель народа»), издававшихся им в 1848—1849 гг., ранее «*La voix du peuple*». — *Прим. Г. В. Плеханова.*

** «Confessions...», p. 7—8. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Мы прибавим к этому, что нетрудно набросать «биографию» этой программы.

69 | В обществе *товаро*производителей обмен продуктов совершается по количеству затрачиваемого на их производство общественно-необходимого труда. Труд — источник и мера меновой стоимости. Всякому человеку, воспитанному в понятиях, порождаемых обществом товаропроизводителей, это кажется как нельзя более «справедливым». К несчастью, эта «справедливость» не «вечна», как ничто вообще не вечно под луною. Развитие товарного производства необходимо ведет за собой превращение большей части членов общества в пролетариев, обладающих только своей рабочей силой, а другой их части — в капиталистов, которые, покупая эту рабочую силу, единственный товар, выносимый на рынок пролетариями, делают себе из ее употребления источник своего обогащения. Трудясь для капиталиста, рабочий создает одновременно как доход своего эксплоататора, так и свою собственную нищету, свою собственную социальную зависимость. Справедливо ли это? Приверженец прав товаропроизводителей оплакивает жребий пролетария; он гремит против *капитала*. Но в то же время он гремит и *против* революционных тенденций *пролетариев*, говорящих об экс-

70 | проприации эксплоататоров | и о коммунистической организации производства. Коммунизм это — несправедливость, это — самая ненавистная из тираний! Нужно *организовать не производство*, но *обмен*, утверждает он. Но как организовать обмен? Это очень легко, и то, что ежедневно происходит перед нашими полными грусти глазами, может указать нам путь к этой цели. Труд — источник и мера стоимости товаров. Но всегда ли *цена* товара определяется его стоимостью? Не колеблется ли она в зависимости от редкости или излишка товаров? Стоимость товаров и их цена — две различные вещи, и в этом и состоит все несчастье, *наше* великое несчастье, несчастье всех бедных и честных людей, желающих добиться только своего права и получить только то, что им следует. Следовательно, чтобы разрешить социальный вопрос, нужно положить конец «*своеволиям цены*», «*аномалии стоимости*» (собственные выражения Прудона). Для этого нужно «*установить ценность*», т. е. сделать так, чтобы всякий производитель получал за свои товары ровно столько, сколько они ему стоят. Тогда частная собственность

71 | не только перестанет | быть «кражей», но станет даже самым точным выражением справедливости. Установить стоимость значит *установить мелкую частную собственность*, а как только будет установлена мелкая частная собственность, тотчас же у нас, в нашем печальном мире, полном нищеты и вопиющей несправедливости, воцарятся справедливость и счастье. И пусть пролетарии не говорят, что у них нет средств производства: обеспечивая себе даровой *кредит*, все те, которые захотят ра-

ботать, получат, как по мановению волшебной палочки, все то, что необходимо для производства.

Мелкая собственность и *мелкое производство*, как ее экономический базис, были постоянной мечтой Прудона. Современная крупная механическая мастерская всегда внушала ему глубокое отвращение. Он говорит, что работа, как и любовь, избегает «общества». Конечно, есть некоторые отрасли промышленности, — Прудон относит к ним железные дороги, — где *ассоциация* необходима. В этих отраслях отдельного производи-
72 теля должно заменить *«рабочее товарищество»*. | Но исключение только подтверждает правило *. Мелкая частная собственность должна послужить основанием социальной организации.

Мелкая частная собственность стремится к исчезновению. Кто желает не только *сохранить* ее, но положить ее в основу новой социальной организации, тот представляет собой *самого крайнего консерватора*. А кто вместе с этим желает положить конец «эксплоатации человека человеком», системе наемного труда, тот поистине соединяет в себе радикальнейшие стремления с консервативнейшими идеалами. [И в этом отношении Прудон напоминает наших народников, у которых одна нога шла вперед, а другая упрямо пятилась назад, в архаическую область старых «устоев» натурального хозяйства] **.

Мы не намерены критиковать здесь эту мелкобуржуазную утопию. Ее критика сделана рукою мастера [21] в книге «Нищета философии. Ответ на философию нищеты г. Прудона» и в «Критике некоторых положений политической экономии». Отметим только следующее:

Товаропроизводитель, как таковой, — индивидуалист по свое-
73 му существу. Единственной связью, соединяющей | между собою товаропроизводителей в экономической области является *обмен*. С *юридической* точки зрения обмен представляется отношением, в котором проявляется свободная воля двух лиц. Воля этих лиц — двух товаропроизводителей — находит свое выражение в *договоре*. «Установленное» по всем правилам мелкобуржуазной справедливости *товарное* производство представляет собою, следовательно, господство «абсолютной» *индивидуальной свободы*: принимая на себя, посредством договора, обязательство

* По мнению Прудона, «провозглашаемый большинством социалистических школ принцип *ассоциации* совсем *бесплоден*; он не есть ни промышленная сила, ни экономический закон... он скорее представляет собой правительство и повиновение — два понятия, исключающие революцию» («Idée générale de la révolution au XIX siècle», 2 изд., Париж, 1851, p. 193).

[Очень характерен для Прудона весь третий этюд этой книги, посвященный вопросу об ассоциации. В нем доказывается, что ассоциация не только бесплодна, но вредна, так как она стесняет свободу рабочего. Прудон — индивидуалист до конца ногтей. В этом отношении он может поспорить со Штирнером]. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Конец примечания добавлен Плехановым при редакции перевода. — *Ред.*

** Вставка к русскому изданию. — *Ред.*

произвести тот или другой предмет, доставить тот или другой товар, я ни мало не ограничиваю своей свободы. Совсем нет! Я пользуюсь ею, чтобы вступить в сношения с моими ближними. В то же время договор регулирует мою свободу: исполняя обязанность, которую я добровольно возложил на себя заключением договора, я выказываю справедливое отношение к правам другого. Вследствие этого, *«абсолютная» свобода* идеального общества товаропроизводителей становится *адэкватной «порядку»*.

Примените понятие выросшего на почве товарного производства договора к критике *«политической конституции»*, — и вы самым логическим путем, ни на минуту не переставая быть мелким буржуа, придете к анархии *.

«Идея *договора* исключает идею *господства*... Для договора, для взаимного соглашения характерно то, что им *увеличиваются свобода* и *счастье* человека, между тем как с установлением
74 *власти* как то, так и другое, уменьшается... | Если договор имеет такое свойство уже в своем обыденном значении и в своей повседневной практике, то каков будет общественный договор, назначение которого заключается в том, чтобы соединить между собою всех членов нации на почве одного и того же интереса?

«Социальный договор представляет собой самый возвышенный акт, посредством которого всякий гражданин представляет в распоряжение общества свою любовь, свой ум, свой труд, свои услуги, свои продукты, свое имущество, в обмен за жертвы, идеи, труды, продукты, услуги и блага своего ближнего, причем мера *права* для каждого всегда *определяется стоимостью его взноса*... Общественный договор должен быть свободно обсужден, индивидуально принят и собственноручно («manu propria») подписан всеми теми, которые в нем принимают участие... *Общественный договор* по своему характеру подобен *меновому договору* (ну, еще бы! Он представляет собою лишь его идеализацию. — *Г. П.*): он не только оставляет за ним (за подписавшим договор) полную меру (l'integralité) его благ, но еще прибавляет к его собственности; он ничего не предписывает его труду, он имеет дело только с обменом (в этом все дело. — *Г. П.*)... Таков должен быть общественный договор, согласно праву и всеобщей практике» **.

75 | Раз мы приняли за бесспорный и основной принцип то положение, что договор есть «единственная нравственная связь,

* Возвышенный идеал «бессмертного отца анархии» Прудона, это — *продажа по справедливой цене*: la vente à juste prix. Он сожалеет лишь о том, что в нашей юдоли плача этот идеал никогда еще не был осуществлен, потому что никем не был понят. См. шестой этюд, четвертый параграф той же книги: «Idée générale и т. д.» — *Прим., добавленное автором к русскому изданию.*

** «Idée générale de la révolution au XIX siècle», 12 изд., стр. 124—127. — *Прим. Г. В. Плеханова.*

Примечания в тексте за подписью *Г. П.*, заключенные в круглые скобки, внесены Плехановым при редакции перевода. — *Ред.*

которую могут признать существа равные и свободные», — то нет ничего легче, как изготовить самую «радикальную» критику «политической конституции». Допустим, для примера, что речь идет о том, насколько справедливо *право наказания*. В этом случае Прудону нужно было бы только спросить: по какому договору общество получило право наказывать преступника?...*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кондорсэ*, Жан Антуан (1743—1794) — французский ученый, математик и астроном, деятель буржуазной революции 1789 г., жирондист. В основном своем труде «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (вышел в русском переводе в 1936 г.), Кондорсэ развивает идею прогресса человечества в связи с ростом знаний, придавая особенно большое значение приложению математики (в частности теории вероятностей) к исследованию разных вопросов общественной науки.

[2] *Морелли* Н., аббат (XVIII в.) — французский утопист-коммунист, выражавший настроения народных низов, предшественников рабочего класса. Морелли резко критиковал принцип частной собственности и требовал его отмены и перехода к коммунизму, средством для чего считал просвещение. Свой главный труд, «Кодекс природы» (1755), Морелли заканчивает картиной будущего коммунистического строя, которую он именует «образцом законодательства, согласно с намерениями природы». «Коммунизм» Морелли носил аскетический и уравнительный характер.

[3] *Томпсон*, Вильям (1783—1833) — английский социалист-утопист, сочетавший идеи Рикардо, Бентама и Оуэна. Несмотря на много ценных и верных мыслей, имеющихся в трудах Томпсона, он был далек от научного социализма и являлся идеологом обеспеченных ремесленников и высокооплачиваемых рабочих; выступал с планом создания «кооперативно-коммунистических общин».

[4] Плеханов имеет здесь в виду работы английского юриста *А. Менгера* (1841—1906) и английского профессора *Г. С. Фоксуэля*, которому принадлежит предисловие к книге Менгера «Das Recht auf den vollen Arbeiterstag» («Право на полный рабочий день»), опубликованное в качестве введения к немецкому переводу труда Томпсона «An inquiry into the principles of the distribution of Wealth». Плеханов касается вопроса о неправильной оценке ими английских социалистов-утопистов в одном из своих примечаний к книге о Чернышевском, сделанном в 1910 г. «Но А. Менгер, — говорит он там, — сделал большую и странную ошибку, вообразив, будто в этих сочинениях заключаются *основы научного социализма*. Английские социалисты, делавшие, по выражению Маркса, эгалитарные выводы из экономического учения Рикардо, продолжали стоять обеими ногами на почве *утопического* социализма, как в этом легко может убедиться всякий, кто даст себе труд прочитать, например, вышеназванные сочинения Томпсона... Для английских социалистов, опиравшихся на Рикардо, задача исследования сводилась... к уяснению себе и другим того, что капиталистический порядок не соответствует «требованиям здравой теории» (Соч., т. VI, стр. 241).

[5] *Туган-Барановский*, Михаил Иванович (1865—1919) — буржуазный экономист, одно время принадлежавший к «легальным марксистам». Характеризуя его в одной из своих критических статей, Плеханов говорит: «...этот писатель обладает большим прилежанием и некоторой способностью к *описательным* трудам. Но для экономической теории он мертв или еще не родился» (Соч., т. XI, стр. 333).

[6] Несмотря на то, что Сен-Симон искал в истории прежде всего *законосообразности*, полагая, что наука об обществе должна стать такой же строгой наукой, как естествознание, и что будущее может предвидеть только тот, кто понял прошлое; несмотря на то, что «Сен-Симон умел дальше проследить пружины внутреннего развития европейских обществ, чем современные ему *историки-специалисты*», Тьерри, Минье, Гизо; несмотря на то, что в исторических взглядах Сен-Симона заключались зерна исторического материализма, — эти взгляды «очень хорошо уживались с самым крайним историческим идеализмом». «Апелляция к человеческой природе придавала совершенно своеобразный вид всем «законам» общественного развития, формулированным как Сен-Симоном, так и его учениками» (см. *Плеханов*, Соч., т. VII, стр. 86—89 и т. XVIII, стр. 106—107).

[7] Сен-Симон различал два состояния общества — *органическое*, «где все акты человеческой деятельности распределены, предусмотрены, регулированы общей теорией», и *критическое*, когда всякая общность мысли, общность действия исчезли.

[8] Очевидно, Плеханов имеет в виду следующее место у Гегеля, относящееся к буржуазным просветителям и французской буржуазной революции 1789 г.: «Мысли, понятию права, *сразу* было придано действительное значение, и ветхие подмостки, на которых держалась несправедливость, не могли устоять. Итак, с мыслью о праве теперь была выработана конституция, и отныне все должно было основываться на ней. С тех пор как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него, не было видно, чтобы человек стал на голову, т. е. опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им» (*Гегель*, Соч., т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 413).

[9] *Бюхер*, Карл (1847—1930) — немецкий экономист, представитель исторической школы, известный своим учением о ступенях развития народнохозяйственных форм. Основной недостаток Бюхера — игнорирование классовой структуры хозяйства.

[10] *Чернов*, Виктор Михайлович (род. 1876) — один из основателей и вождей партии эсеров. В годы империалистической войны — социал-шовинист. Враг советской власти, участник чехословацкого восстания, белоэмигрант.

[11] В Собрании сочинений *Маркса* и *Энгельса* настоящая цитата находится в т. V, 1929, стр. 394.

[12] Цитата из *Маркса* и *Энгельса*, Манифест коммунистической партии, — Соч., т. V, стр. 495.

[13] *Кювье*, Жорж (1769—1832) — французский натуралист, положивший основание сравнительной анатомии животных и палеонтологии.

[14] Эмигрировавший в 1876 г. за границу русский революционер-народник П. А. Кропоткин вскоре стал там одним из самых популярных теоретиков анархизма. В 1883 г. он был привлечен к суду и присужден к тюремному заключению за принадлежность к Интернационалу.

[15] Блестящим подтверждением этого положения может служить то, что в настоящее время в ряде стран философия Ницше стала официальной философией реакционной буржуазии.

[16] Цитата из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка».

[17] *Тальяндье* (Taillandier, Saint-René), Ренэ Гаспар Эрнест (1817—1879) — французский публицист и литературный критик, популяризатор во Франции немецкой и русской литературы.

[18] Номинализм — ранняя разновидность философского материализма, философское воззрение, согласно которому общие понятия суть лишь отвлечения человеческого ума или условные знаки для ряда единичных предметов. Номинализм получил развитие в средние века, как реакция против схоластического реализма, признававшего реальное существование лишь общих понятий.

[19] «La voix du peuple» — газета Прудона, изданию которой материально содействовал и в которой сотрудничал А. И. Герцен.

[20] *Мальбранш*, Николай (1638—1715) — французский философ-идеалист, развивший систему Декарта в духе чуждой этой системе мистики. Приведенные в тексте мысли Мальбранша развиты в главном его труде «Recherche de la vérité», вышедшем на русском языке в 1906 г. (см. *Мальбранш, Н.*, Разыскания истины, Спб., 1903—1906, т. II, кн. 3, ч. 2, «О чистом познавании. — О природе идей»).

[21] Рукой Маркса.

* Дальнейший текст рукописи не отредактирован Плехановым. — *Ред.*

ПОЛЕМИКА С ЧЕРКЕЗОВЫМ

Публикуемые материалы, относящиеся к середине 90-х годов, являются выступлениями Плеханова против анархиста и «критика» Маркса В. Н. Черкезова. Клеветническое утверждение Черкезова, которое он пытался «доказать» в своих брошюрах и устной полемике, имело целью дискредитировать основоположников социализма — Маркса и Энгельса. Черкезов утверждал, что в работах Маркса и Энгельса нет никаких самостоятельных и новых идей, что все, ими сказанное, было уже до них сказано другими. По этому поводу Плеханов писал позднее, в 1909 г.: «...каким образом анархист В. Черкезов «доказал», что Маркс и Энгельс были не более как плагиаторы? Он взял нередко встречающиеся у социалистов-утопистов материалистические мысли о важном значении экономики и борьбы классов, сопоставил эти мысли с указаниями тех же писателей на эксплоатацию пролетариата буржуазией, на рост общественного неравенства и т. п. и решил, что Маркс и Энгельс были воронами в павлиньих перьях, что они все накрали у других» (Соч., т. VI, стр. 369). И дальше Плеханов иронически отмечает, что доводы Черкезова кое-кого все-таки убедили. «И нашелся даже, — пишет он, — один (петербургский) профессор политической экономии, которому «труд» В. Черкезова показался заслуживающим серьезного внимания» (там же, та же страница). Профессор этот — А. Исаев, упомянувший о «труде» Черкезова в своей книге «Пять вопросов обществоведения», вышедшей в Берлине в 1901 г.

Кроме публикуемых здесь материалов, имеется еще одна работа Плеханова, посвященная полемике с Черкезовым, относящаяся к 1901 г. В это время Черкезов, под псевдонимом В. Марвели, выступал в качестве «критика» Маркса в грузинской прессе. На помещенную им в 1900 г. в либерально-дворянском органе «Иверия» статью «Путешествие по Бельгии» Плеханов ответил большой статьей, которая была напечатана в легальном грузинском социал-демократическом журнале «Квали» под заглавием «Гром не из тучи» (см. «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. V). В ней Плеханов критикует философские взгляды Черкезова, главным образом его понимание диалектики. Как видно из последних строк этой статьи, Плеханов собирался кроме того «рассмотреть этого критика с другой стороны», по всей вероятности, со стороны его понимания теории исторического материализма, но почему-то намерения своего не осуществил.

Настоящая публикация состоит из двух частей. Первая представляет собой постраничный разбор брошюры Черкезова «Pages d'histoire socialiste. I. Doctrines et actes de la social-democratie» («Страница из истории социализма. I. Теория и практика социал-демократии»), вышедшей в Париже в 1896 г. Год издания брошюры, к страницам которой относятся ссылки Плеханова, устанавливает одну из предельных дат данной работы. Очевидно, она не могла быть написана раньше 1896 г. Вторая часть публикации представляет собой запись, сделанную Плехановым на реферате Черкезова, состоявшемся, по воспоминаниям Р. М. Плехановой, в Женеве, во второй половине 90-х годов.

Несмотря на то, что данная публикация выходит за хронологические рамки настоящего сборника, мы считаем целесообразным ее включение в цикл печатающихся в нем работ об анархизме.

РАЗБОР БРОШЮРЫ В. ЧЕРКЕЗОВА [1]

«Pages d'histoire socialiste. I. Doctrines et actes de la social-democratie», Paris, 1896 («Страница из истории социализма. I. Теория и практика социал-демократии», Париж, 1896).

Заметки написаны на трех разрозненных листах, с обеих сторон, чернилами, рукой Плеханова.

P. 12. Nous savons a présent que ce furent M[arx] et E[ngels], qui découvrirent les lois éternelles de la vie sociale *. Это относится к стр. 11, но в цитате там говорится лишь о законах *капиталистич[еского] общества* [2].

P. 15. Вызов социал-демократам насчет Ламарка и других (диалектика).

15. *Характеристика диалектики* (le pour et le contre).

Il n'y a qu'une méthode: scientifique **. Да в том-то и дело, *какова она* [3].

17. *La plus value* de Sismondi *fut supérieure etc* ***. *Сравнить* [4].

18. Owen, что он установил *первый* [5].

19. La société *de toutes les classes Owen'a — devancière de l'Internationale.*

19. Почему Оуэн *rêveur?* В этом вопрос. А вы толкуете о *dèvouement* **** [6].

21. Поразительная цитата из *Contradictions* économiques *Proudhon'a* ***** насчет того, что всякий труд оставляет излишек [7].

21. *Ces deux chapitres sont peut être longs et ennuyeux à* lire ******. Нисколько, они очень веселы, ибо очень смешны [8].

21. Непременно прочитать *Gorgios Platon'a*, где «культивируется» диалектич[еская] метода [9].

28. *Dialectique et concentration.* Le néofatalisme économique *******.

29. Число защитников существующего порядка *прямо* пропорционально числу лиц, обложенных подоходным налогом. Так ли это?

29. Г. Черкезов и «*Синие книги*».

30. Классич[еские] сочинения *Гиффена и Мельголля* [10].

38. *Kerkup* и *Черкезов* [11].

39. *Заявление Нибура* насчет истории римского народа [12].

39. Причем тут *Адам Смит?* [13]

41—42. Черк[езов] цитирует Вольнея. Уличить его *Вольнеем* (Les Ruines) [14].

---

* Теперь мы знаем, что вечные законы общественной жизни были открыты Марксом и Энгельсом. — *Ред.*

** — за и против. Существует только одна метода — научная. — *Ред.*

*** Прибавочная стоимость Сисмонди была выше и т. д. — *Ред.*

**** Всеклассовое общество Овена — предтеча Интернационала... мечтатель... о преданности. — *Ред.*

***** ... из «Экономических противоречий» Прудона. — *Ред.*

****** Эти две главы быть может слишком длинны и скучны для чтения.—*Ред.*

******* Диалектика и концентрация. Экономический неофатализм. — *Ред.*

43. Честь открытия мат[ериалистического] понимания истории принадлежит Вико, энциклопедистам, Адаму Смиту, английским философам и т. д.

43. «À l'adresse des scientistes» (Metaphysika etc.) * [15].

43. *Ложь насчет индукции.*

44. Чего Черк[езов] не понял насчет *«узкости»* материализма XVIII в. [16]

45. Ч[еркезов] сам материалист. *Для него матер[иализм] и наука одно и то же* [17].

46. Explication matérialiste de l'histoire — élaborée par toute la science ** [18].

47—48. Соверш[енно] неуместная цитата из Геккеля. Тут-то не метафизика. Но не так смотрели те материалисты, которых Энгельс называл *вульгарными* [19].

48. Материализм Ч[еркезова]. Человек *moral* есть *produit* de l'évolution *organique* *** [20].

49. *Как хорошо* сам *Ч[еркезов] понимает матер[иалистическое] понимание истории*, см. также на 50 стр. [21].

50. Тирады насчет *рабства* [22].

51. La philosophie réactionnaire et métaphysique de cette école ****.

56. Непременно обратить внимание на *«армии труда»*. Это выражение ведь взято у Фурье [23].

59. Ч[еркезов] a beaucoup de sympathie pour *les hommes honnets* de la bourgeoisie *anglaise* *****.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Черкезов*, Варлаам Николаевич (Джан Асланович) (1846—1925) — анархист. Принимал участие в русском революционном движении 60-х годов, в кружке ишутинцев и затем нечаевцев. В 1871 г. был осужден по процессу нечаевцев и в 1876 г. эмигрировал. За границей работал в журнале «Вперед» Лаврова, затем в органе бакунистов «Община». С конца 70-х годов сблизился с Кропоткиным, принимал участие в западноевропейском рабочем движении и был одним из основателей анархистского журнала «Revolté» (1879). Черкезов поместил в европейской анархической прессе ряд статей, направленных против социал-демократии и в особенности против основоположников научного социализма — Маркса и Энгельса.

[2] На стр. 11 Черкезов иронизирует над «утверждениями» *«мыслителей»* и официальных публицистов партии», цитируя следующее место из биографии Маркса, написанной Энгельсом (в переводе): «Законы капиталистического производства так же устойчивы, как законы Ньютона и Кеплера для движения солнечной системы».

[3] Черкезов утверждает, что естествознание было создано и выросло на основе индуктивного метода и что великие ученые с осуждением относились к диалектике. «Пусть социал-демократы, — говорит он, — назовут мне хоть одного ученого нашего века, который пользовался бы в своих научных исследованиях диалектическим методом... Разве Ламарк, Жофруа-Сент-Илер, Лайель, Дарвин, Геккель, Гельмгольц, Гексли и другие разработали великую философию эволюционизма с помощью диалектического метода?»

Дальше Черкезов характеризует диалектику, как метод, путем которого *«за* и *против* доказываются с одинаковой легкостью», и приходит к заключению, что существует единственный метод исследования: научный.

Ответ на «вызов» Черкезова дан Плехановым по другому поводу, в полемике с ним же в грузинской газете «Квали».

«Но ведь *диалектические взгляды Эрнста Геккеля*, — говорит Плеханов, — *выработаны были индуктивным путем, точно так же, как и метафизические взгляды Линнея, Кювье, Агассица и других светил старой биологии*. Что же это означает? Это означает, что *диалектическое миросозерцание так же мало исключает индукцию, как и метафизическое. А потому противопоставлять индукцию диалектике по меньшей мере странно*» («Гром не из тучи» — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. V, стр. 187—188).

[4] Черкезов говорит, что Сисмонди показал в своем труде «Nouveaux principes d'économie politique» («Новые начала политической экономии»), что «за вычетом издержек производства из меновой стоимости остается излишек, присваиваемый капиталистом. Этот излишек труда Сисмонди называет прибавочной стоимостью». И дальше Черкезов напоминает, что Сисмонди родился в 1819 г., т. е. за год до рождения Энгельса.

Сисмонди, Симонд де (1773—1842) — швейцарский экономист и историк, один из первых критиков капиталистического строя, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма.

По вопросу об «открытии» Сисмонди понятия прибавочной стоимости, приписываемом ему Черкезовым, читаем у Ленина: «...у него [Сисмонди — *Ред.*] попадается даже слово: mieux-value (сверхстоимость)... Не надо однако преувеличивать значение такого словоупотребления... говоря, что «теория Сисмонди близка к теории прибавочной ценности»... Сисмонди, собственно, не сделал ни одного шага вперед против Ад. Смита, который тоже говорил, что рента и прибыль суть «вычет из труда», доля той ценности, которую работник прибавляет к продукту... Дальше этого не пошел и Сисмонди» *(Ленин*, Соч., т. II, стр. 15). Об ошибочности воззрений Сисмонди на национальный доход и капитал см. в цитированной статье Ленина «К характеристике экономического романтизма», где проводится параллель между мелко-буржуазным утопизмом Сисмонди и наших народников. Там же.

[5] На стр. 17 Черкезов утверждает, что Оуэн — знаменитый английский социалист-утопист XIX в. — первый показал, что характер человека есть результат воздействия на него окружающей среды. Вероятно, Плеханов хочет сказать своим замечанием, что эта истина была провозглашена значительно раньше Оуэна. Так, мыслители XVIII в. устами Гельвеция утвердили ее в очень краткой и выразительной формуле: «l'homme c'est l'éducation» («человек — это воспитание»). Плеханов подробно останавливается на этом вопросе в своих «Очерках по истории материализма» (Соч., т. VIII).

[6] Черкезов считает, что организованное Оуэном в 1836 г. «Общество всех классов и всех наций», на заседаниях которого было впервые употреблено слово «социализм», было предтечей Интернационала. И дальше он пишет (в переводе): «И этого-то организатора, этого человека, несравненного по своей скромности, по своей преданности делу освобождения обездоленных, с его положительным умом, вздумали превратить в мечтателя...»

«Вопрос», о котором говорит Плеханов, заключается не в «мечтательности» Оуэна и не в «преданности его делу освобождения обездоленных», а в его непонимании того, что весь объективный ход развития общества обеспечивает наступление «золотого века» на земле, о котором мечтали и который пытались осуществить все социалисты-утописты, взывая к человеческому разуму и чувству справедливости.

[7] Цитата из Прудона, приводимая Черкезовым (в переводе), следующая: «В области политической экономии то положение, *что всякий труд должен остав-*

---

* По адресу мнимых ученых (метафизика и т. д.). — *Ред.*

** Материалистическое объяснение истории — выработанное всей наукой. — *Ред.*

*** — нравственная природа человека есть продукт органического развития. — *Ред.*

**** Реакционная и метафизическая философия этой школы. — *Ред.*

***** — очень симпатизирует почтенным людям из английской буржуазии. — *Ред.*

лять излишек, есть не что иное, как освящение завоеванного всеми нами путем революции конституционного права *грабить своего ближнего»* (*Proudhon*, Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, Paris, 1846, p. 91).

[8] Имеется в виду глава III, «Диалектический метод», и глава IV, «Прибавочная стоимость и утонизм».

[9] Замечание относится к утверждению Черкезова, что «диалектический метод изумительно культивировался софистами во времена Сократа». Здесь имеется в скобках ссылка: «см. Gorgios Платона».

«Gorgios», или «Горгий», — один из диалогов Платона, направленный против реторики, не основанной на истинном знании доброго и справедливого.

[10] Черкезов отрицает закон концентрации капиталов, «этот закон, действующий «с фатальностью» законов природы».

Чтобы опровергнуть «экономический фатализм», который якобы проповедывали Маркс и Энгельс в своих «классических трудах», Черкезов приводит данные официальной статистики английских «Синих книг» и частных исследователей вопроса о тенденциях развития капитализма, заключающиеся в трудах Гиффена *(Giffen*, Essays on finance) и Мельголля *(Mulhall*, Dictionary of statistics. 50 years of national progress).

[11] Речь идет о ссылке Черкезова на автора книги «History of socialism» («История социализма») Керкопа, говорящего об историческом материализме, что «этот вид материализма был известен задолго до Маркса». Черкезов, как и Керкоп, не признает огромного значения того переворота, который был произведен в социальной науке Марксом и Энгельсом.

[12] Черкезов ссылается на знаменитого историка, основоположника немецкой исторической школы, Георга *Нибура* (1776—1831), который еще в начале века считал необходимым отбросить легенду Тита Ливия о происхождении Рима и обратиться к изучению экономического положения и социальных учреждений римского народа.

Вместе с тем Черкезов подчеркивает, что Нибур, как и вся его школа, был очень далек от материализма.

[13] Развивая ту мысль, что все историки, придававшие значение экономическому фактору в истории (Вико, Мишле и др.), были далеки от материализма, Черкезов делает аналогичное утверждение и об основоположнике политической экономии, Адаме Смите.

[14] В доказательство своего тезиса о несамостоятельности теории Маркса и Энгельса Черкезов сопоставляет отрывок из «Анти-Дюринга» Энгельса с отрывком из книги французского ориенталиста *Вольнея* (1757—1820) «Ruines ou Méditations sur la révolution des empires» («Руины или размышления о революциях империй»). В обоих отрывках идет речь о первобытном человечестве, его близости к животному и бессилии по отношению к природе.

[15] Черкезов упрекает Энгельса в том, что он будто бы смешал науку с «метафизикой» и внушал немецким рабочим, что метафизика Гегеля — это наука, а наука Дарвина, Ламарка и других естествоиспытателей — это метафизика. Между тем, по определению Черкезова, «meta physika» — это то, что выше физики, природы». Это замечание, заключенное в скобки, предназначается им для марксистов.

[16] Плеханов имеет здесь в виду непонимание Черкезовым ограниченности метафизического метода мышления, свойственного материалистам XVIII в. и созданного, по словам Энгельса, той самой индуктивной концепцией природы, которую превозносит Черкезов.

[17] Черкезов восстает против того, что «Энгельс и его весьма ученые последователи заклеймили, как *вульгарный*, материализм естествоиспытателей, другими словами, всю индуктивную науку, как таковую». Между тем он находит, что «в нашу эпоху материализм это и есть индуктивная наука».

[18] Приведенная фраза взята из следующего текста: «Как могут они говорить рабочим, что материалистическое понимание истории, выработанное всей наукой, было открыто ими и что это открытие и есть истинный материализм».

[19] Черкезов приводит на указанных страницах длинную цитату из Эрнста *Геккеля* (1834—1919) — знаменитого немецкого естествоиспытателя, блестящего защитника и популяризатора Дарвина. Цитата взята из доклада Геккеля «Monisme» («Монизм»), и в ней развиваются чисто материалистические мысли.

Вульгарными материалистами Энгельс называет метафизических материалистов — естествоиспытателей XIX в. — Фохта, Бюхнера, Молешотта и др.

[20] У Черкезова сказано: «Человек-животное, человек-продукт органической эволюции с точки зрения физиологической и моральной — вот база науки нашего времени».

Замечание Плеханова подчеркивает биологизм Черкезова, игнорирование им определяющей роли социальных отношений в развитии человеческой нравственности.

[21] Плеханов имеет в виду рассуждения Черкезова о значении рабства в древней Греции. Черкезов весьма неуклюже пытается «иронизировать» над Энгельсом, утверждавшим, что без рабства искусства и науки в древней Греции не могли бы развиться, и пытается «опровергнуть» Энгельса следующим доводом: «...если рабство, — говорит он, — было прогрессивным фактором в истории, почему та же Греция впала в варварство при турецком владычестве? Ведь рабство процветало там до начала нашего столетия».

[22] Черкезов «негодует» против исторических исследований Энгельса, в которых Энгельс якобы рассказывает рабочим, что «их отцы добровольно подчинились богатым, что сила вовсе не была необходима, чтобы привести их к самопродаже и к продаже своих детей, и что они дошли в своей трусости даже до того, что уступали богатым добровольно право первой ночи».

[23] На указанной странице речь идет о принципе федерализма, непризнаваемом социал-демократами. Черкезов жалуется на то, что даже французские рабочие, среди которых так сильны традиции Парижской Коммуны, не признают федерализма. «Они даже не решаются, — говорит Черкезов, — проповедывать организацию армии труда, предназначенной специально для земледелия».

ДИСКУССИЯ С ЧЕРКЕЗОВЫМ [1]

Запись дискуссии находится в черной клеенчатой записной книжке (№ 213). Она сделана рукой Плеханова, карандашом, и занимает в книжке 12 листов, исписанных с обеих сторон. Остальная часть книжки занята выписками и заметками, главным образом относящимися к работам о Белинском.

Ввиду того что записи делались Плехановым наспех, во время самого реферата, зафиксированные им мысли Черкезова часто сливаются с его собственными соображениями, которые он, по всей вероятности, собирался использовать, а может быть и использовал в своем выступлении во время прений. Для большей ясности эти мысли Плеханова заключены нами в угловые скобки.

Экономич[еские] цели Интернационала были указаны вопреки Марксу [2]. Анархисты не знают, не читали *Штирнера* [3]. ⟨Этому я верю⟩. Анархисты — сторонники индуктивного метода, а не диалектики [4]. Зенон сказал: Ахиллес никогда не догонит черепахи. ⟨Где же тут диалектика [5]. Черкезов плохо понял закон сохранения силы[6].⟩ Гегель, в шестой главе логики, признает, что диалектика есть софистика [7]. Маркс и Энгельс предполагали бюрократию. *Организация труда*, армия труда [8]. Надо, чтобы никто не мог заставить другого делать то, чего тот не хочет. Создать такой общественный строй, при котором никакое самолюбие не может нарушать *волю других*. Мы коммунисты, говорит Черкезов [9]. Формула Тюрго: на содержание работника нельзя издерживать более, чем необходимо [10]. Нация не может издержать более, чем этот минимум. Идеал анархистов — личность свободная *в обществе*. Коллективность обсуждает, что производить, как производить. Как можно меньше делегатов, депутатов и т. д. *Libre entente* * —

* Свободное соглашение. — *Ред.*

их девиз [11]. Предписание Маркса: Давайте нам отчет о том, что у вас происходит [12]. Никакая революция не создавала ничего, пока сам народ не совершил революции. ⟨Это так. Но ведь, сделав революцию, народ должен же что-нибудь поставить на место разрушенного.⟩

Как только совершится революция, должны возникнуть комитеты распределения и организации производства. Концентрация не такова, как Маркс говорил. Концентрация совершается потому, что усовершенствовались средства сообщения (весь мир вовлечен, «культура»). ⟨Примеры Черкезова показывают, что все дело именно *в развитии средств производства*. И это не то, что Маркс говорил?! В развитии средств производства капитализм не при чем [13]. *Общая тенденция*, которую указывает Черкезов, указана еще *Бастиа* [14].⟩ Французский историк Мишле указал современную тенденцию, тот самый французский историк, по запискам которого были восстановлены лекции Гегеля [15]. ⟨*Хорош пример!* Г. Черкезов говорит, как будто бы мы говорили противное, производ[ительные] силы монополизованы капиталистами⟩. Черкезов доказывает, что государство помогает буржуазии. Соц[иал]-демократич[еская] революция оставляет собственников на своих местах. Буржуазия составит заговор и низвергнет новый порядок. Анархисты убеждены, что государство — враг рабоч[его] класса. Анархисты начали разрушать государство. Каждый человек [имеет] право на возмущение. ⟨Это взято из якобинской конституции 1793 года [16].⟩Для рабоч[их] в Европе нет свободы.⟨Вот тут-то и является абстрактное мышление. Все относительно.⟩ Бомбы и взрывы вытекли из психологии голодающих людей. Мы должны одобрить анархические аттентаты *. ⟨Но что общего между русскими революционерами и анархистами? Напомним заявление «Народной воли» насчет убийства президента *Гарфильда* [17].⟩ Рабочие голодающие, полудикие люди. ⟨Ну, а покушения в кафе! Черкезов приветствует Равашоля во имя прав личности. Но ведь убитый тоже личность. *Барцелонский театр*. В театре бросили бомбу. В Барцелоне пытали людей; поэтому — *бомба* в публику [18]. Мы не думаем, что революция совершается по предписанию. Но в этих действиях нет смысла.⟩ Те, кого *пытают, имеют право мести*.

⟨Сначала о Марксе и Адаме Смите [19]. О концентрации капитала. Потом о диалектике. Выходит, даже Гегель объявил диалектику софистикой (в 6 главе логики — это пустяки. Зенон — черепаха пустяки. Диалектика охватывает и индукцию и дедукцию. Закон сохранения силы). Тюрго. Мишле.⟩ Анархия — мы коммунисты. ⟨Отсюда необходимость организации производства. Иначе невозможно производство.⟩ Государство и буржуазия. Оно помогает буржуазии. ⟨Потому-то и надо вырвать госуд[арство] из ее рук.⟩

Черкезов говорит: поймите, их пытают, потому они бросают взрывчатые снаряды. ⟨Мы отвечаем: допустим. Но мало пожалеть несчастных, надо указать правильный путь к освобождению. А анархисты его не указывают и указать не могут.⟩

* — покушения. — *Ред.*

⟨Речь, стало быть, о выражениях? Вы говорили о Томпсоне? Нет, вы говорили об Адаме Смите. Человек за 100...⟩ * [20]

«*Право*» Анри и Веры Засулич. ⟨Разница та, что в первом случае поступок был направлен против представителей госуд[арства], а там убивали частных людей **.⟩ Будьте людьми сами и действуйте не по приказу Энгельса. ⟨Да мы никогда и не советовали людям действовать по чьему-нибудь приказу. Диалектика в вопросе о правах личности и об организации производства. Вам говорят: без предписаний нельзя. Привести в пример поезд [21]. А если кто-нибудь меня бьет...⟩

Бейтнер [22]. Признаем ли мы эрудицию за анархистами? ⟨Реклю ученый географ [23]. Как я смотрю на Кроп[откина], *об этом я сказал в брошюре* [24].⟩

У вас выходит, можем ли мы их простить? [25] ⟨Я повторяю: безусловная свобода личности несовместима с организацией производства.⟩ Мы не в состоянии возвыситься до анархистов. ⟨Их организовать, нет, *не их*, я говорил сами себя организуем.⟩

Черкезов. Люди сумеют выработать необходимые формы. ⟨Сумеют — да. Но, стало быть, рано говорить об этом?⟩ Гениальным человеком явился Галилей: сделайте одолжение. ⟨Конгрессы специалистов ничего не доказывают. Конгрессы специалистов *предполагают* организацию производства [26]. Черкезов обещал бороться с...***. Ну, хорошо, *а кто не захочет*? Пример Бакунина и Гильома [27].⟩ Заявление Либкнехта: я враг федерализма [28]. У меня в огороде как землю обрабатывать? Маркс издал Zur *Kritik*. Говорит экономич[еский] фактор господствует в обществе [29]. Что говорит Энгельс насчет значения экономич[еского] фактора [30]. Привилегия гг. депутатов. Наша доктрина создать новую привилегию. Брошюрки Энгельса и проч. Бездарные писаки и проч.. ⟨Прав г-н, который говорил: возвратиться к анархизму было бы регрессом. О, это верно. Г. Черкезов хорош тем, что обращает всех в анти-анархистов.⟩

⟨Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, parle non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet ****. Что я говорил о казни [31].⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мысли, высказанные Черкезовым в настоящей дискуссии, в значительной степени совпадают с положениями, развитыми в его брошюрах «Доктрины марксизма» и «Pages d'histoire socialiste», которые и использованы нами в настоящем комментарии.

[2] В главе V брошюры «Доктрины марксизма. Вып. I. Наука ли это?», Женева, 1903, озаглавленной «Их манифест и «Принципы социализма», Черкезов пытается утверждать, что в «Манифесте коммунистической партии» нет ни одной оригинальной мысли и что он якобы списан с манифеста французского коммуниста-утописта Виктора *Консидерана* (1805—1893), вышедшем в 1843 г. под заглавием

* Слово не поддается расшифровке. — *Ред.*

** Очевидно, слова «в первом случае» относятся не к Анри, а к Засулич. — *Ред.*

*** Слово не поддается расшифровке. — *Ред.*

**** Профессор должен говорить, говорить, говорить, говорить не для того, чтобы сказать что-нибудь, а для того, чтобы не молчать. — *Ред.*

«Principes du socialisme. Manifeste de la democratie au XIX siècle». Противопоставляя Марксу и Энгельсу Консидерана и других социалистов-утопистов 40-х годов, Черкезов приписывает последним идею социальной революции, на место которой марксисты, по его словам, подставили борьбу классов, т. е. «борьбу не за равенство, а за власть, не за социализм, а за политику» (стр. 81).

[3] *Штирнер*, Макс (1806—1856) — немецкий философ, теоретик индивидуалистического анархизма. По Штирнеру, личность — единственная и абсолютная реальность. Отсюда взгляд на эгоизм, как на единственную движущую силу человеческого поведения, отсюда отрицание государства и нравственности. В учении Штирнера проявилось стремление немецкой буржуазии к неограниченной свободе капиталистической конкуренции, стесненной еще в то время феодальными путами.

[4] См. примечание 3 к предыдущей публикации.

[5] *Зенон* (V в. до н. эры) — греческий философ элейской школы, «изобретатель» диалектики, по выражению Аристотеля. Основной задачей Зенон ставил постижение природы действительного бытия при помощи одних рассуждений разума и вопреки свидетельству чувств. С этой целью Зенон занимался «опровержением мира», каким он воспринимается через посредство человеческих чувств, показывая несовершенство чувственного познания. Такого рода опровержением являются и три знаменитые «апории» Зенона о движении. Согласно одной из них, «быстроногий Ахилл никогда не догонит черепаху», ибо каждый раз, как он достигнет того места, где перед тем находилась черепаха, она окажется на некотором — пусть самом небольшом — расстоянии впереди него. Такими рассуждениями Зенон, не отрицая движения с точки зрения его чувственной достоверности, хотел доказать, что с точки зрения разума чувственная действительность далеко уступает «единому истинному бытию» элейской школы.

Касаясь вопроса о диалектическом понимании движения в предисловии к «Людвигу Фейербаху» Энгельса, Плеханов говорит: «Движущееся тело *находится* в данном месте и *в то же время не находится в нем*. О нем нельзя судить иначе, как по формуле: *«да — нет* и *нет — да»*. Оно является, стало быть, непререкаемым свидетельством в пользу *«логики противоречия»*, и кто не хочет помириться с этой логикой, тот должен объявить вместе со старым Зеноном, что движение есть не более, как обман чувств» (Соч., т. XVIII, стр. 263).

[6] Черкезов излагает свой взгляд на этот закон в гл. IV второго выпуска брошюры «Доктрины марксизма».

[7] Черкезов цитирует Гегеля, который говорит, что диалектика «зачастую является только перепалкою аргументами за и против, причем отсутствие ясности мысли прикрывается ловкостью и изворотливостью» («Доктрины марксизма», вып. I, стр. 23).

[8] Черкезов цитирует здесь «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Перечисляя те мероприятия, которые будут проведены в разных странах после установления диктатуры пролетариата, авторы «Манифеста» так формулируют пункт об организации производства: «8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. V, стр. 502).

[9] Черкезов, подобно другим анархистам, противопоставляет свой «коммунизм» научному социализму, приписывая последнему извращенное понимание индивидуальной свободы. По его словам, Маркс и Энгельс, а вслед за ними и остальные социал-демократы, проповедуют рабочим, что личность не имеет никакого значения в истории и в обществе и что все те, кто рассчитывает на полное удовлетворение нравственных и физических потребностей личности в будущем обществе, являются утопистами. Свободе человека, ограниченной волей других людей и в особенности властью государства, Черкезов противопоставляет абсолютную, ничем не ограниченную свободу личности.

[10] *Тюрго*, Анн Робер Жак (1727—1781) — французский государственный деятель и экономист, один из виднейших представителей школы физиократов, стремившийся к устранению всех преград на пути развития промышленности. Он глубже других современников проник в сущность капиталистических отношений, различая, как в земледелии, так и в промышленности, класс рабочих от непроизводительных классов и введя, помимо ренты и заработной платы, третью категорию дохода — прибыль на капитал.

Черкезов приводит следующую формулу Тюрго, которую имеет здесь в виду Плеханов: «во всех родах наемного труда заработная плата неизбежно ограничивается самым необходимым для существования работника» («Доктрины марксизма», вып. I, стр. 45—46).

[11] Девиз анархистов «libre entente» (свободное согласие) предполагает, что социалистическое общество образуется на основе свободного соглашения людей и исключает всякую необходимость государственного руководства обществом со стороны пролетарского государства. Самопроизвольно возникшие коммуны коллективно организуют производство. Черкезов сам приводит возражения против этого девиза со стороны социал-демократов, полагающих, что никакое производство невозможно без правил и дисциплины, и жалуется на то, что анархистские «принципы солидарности» подвергаются насмешкам.

[12] Черкезов упрекает Генеральный совет Интернационала, во главе которого стоял Маркс, в том, что во время Парижской Коммуны он принял на себя «чисто административные функции». Он цитирует следующее обращение Совета от 3 апреля 1871 г: «Граждане, членам Парижского бюро предлагается, принимая во внимание настоящее положение вещей, посылать центральному бюро в Лондоне ежедневные отчеты».

[13] Пытаясь опровергнуть закон Маркса о концентрации капиталов, Черкезов приводит ряд статистических данных о росте национальных богатств в Англии и во Франции с первой четверти до конца 80-х годов XIX в. Эти данные совершенно неопровержимо доказывают, что максимальный процент роста национальных богатств падает на железные дороги (в Англии от нуля в 1812 г. до 21 625 миллионов франков — в 1888 г.). Таким образом, Черкезов сам побивает себя своими цифрами.

[14] *Бастиа*, Фредерик (1801—1850) — французский экономист. До революции 1848 г. боролся с протекционистами за свободу торговли. После революции в своем труде «Экономические гармонии», направленном против социалистов, провозгласил гармонию интересов всех классов в капиталистическом обществе. Работы Бастиа являются классическим образцом вульгарной политической экономии.

Сопоставляя Черкезова с Бастиа, Плеханов хотел подчеркнуть, к чему приводят рассуждения анархистов. Черкезов отрицает учение Маркса о концентрации капиталов и *видит в увеличении числа собственников*, которое пытается доказать цифрами, революционизирующий момент: раз число эксплоататоров увеличивается, значит растет и эксплоатация, значит классовые противоречия обостряются. Эта глубоко ошибочная мысль сближает его с вульгарным экономистом Бастиа и его последователями, которые пытались доказать увеличение числа собственников и вывести отсюда столь желанное для них притупление классовых противоречий и растущую гармонию интересов всех классов капиталистического общества.

[15] *Мишле*, Жюль (1798—1874) — французский историк, который выдвигал на первый план народ как главную движущую силу революции, не учитывая, однако, его классовой дифференциации.

Пытаясь иллюстрировать свою мысль об отсутствии какой-либо связи между философским материализмом и материалистическим пониманием истории, Черкезов приводит ряд имен известных историков, в том числе и Мишле, о котором он говорит, что «в своих исследованиях о происхождении французского права он подчеркивал значение экономического состояния нации» («Pages d'histoire socialiste», стр. 39).

[16] Якобинская конституция, принятая Конвентом 24 июня 1793 г. и ставшая символом веры для революционной буржуазной демократии, была торжественно провозглашена в Париже 10 августа 1793 г. Приводим статьи этой конституции, о которых говорит Плеханов (в переводе):

«33. Сопротивление угнетению есть следствие остальных прав человека.

34. Угнетение всего социального организма существует, когда угнетен один из его членов; угнетение каждого члена существует, когда угнетен социальный организм.

35. Когда правительство нарушает права народа, восстание есть для каждой группы народа самое священное из его прав и самая насущная из его обязанностей» (*A. Aulard*, Histoire politique de la révolution française, Paris, 1901, p. 305).

[17] *Гарфильд*, Джемс (1831—1881) — политический деятель и президент Соединенных штатов Северной Америки. С конца 50-х годов стал пользоваться известностью как политический оратор, в особенности прославившийся своими речами против рабства. Был одним из лидеров республиканской партии, выставившей его в 1880 г. на пост президента. В июле 1881 г. был тяжело ранен Гито и в сентябре умер.

Извещая о его смерти, «Народная воля» поместила следующее обращение от Исполнительного комитета: «Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — в такой стране политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия.

Исполнительный комитет, 10 сентября 1881 г.»

(«Народная воля», № 6, 23 октября 1881 г.).

[18] Имеется в виду покушение анархиста Анри, бросившего бомбу в кафе Терминус в Париже. Взрывом был убит один и ранено несколько человек.

Равашоль, Леон (1859—1892) — французский рабочий, анархист, совершивший покушение на членов суда, вынесшего суровые приговоры участникам первомайской демонстрации 1891 г. в Париже.

В Барселоне, бывшей центром торговой и промышленной буржуазии Испании, проявились сильные оппозиционные настроения. После многочисленных восстаний, прошедших под либерально-республиканскими лозунгами, анархисты пытались в 80-х годах избрать барселонский пролетариат ареной своей деятельности. С этих пор город стал свидетелем целого ряда анархических покушений, принявших в 1892 и 1896 гг. массовый характер.

[19] Возможно, что Черкезов высказал в своем реферате ту же мысль, которая имеется в его французской брошюре (стр. 39), где он, перечисляя историков, выдвигавших значение экономического фактора, указывает, что они никогда не упоминали о материализме. Свое перечисление он заканчивает «еще одним гениальным человеком, основателем политической экономии, Адамом Смитом», «скромным философом, который тоже никогда не претендовал на звание материалиста». Такое странное сопоставление вызвало замечание Плеханова к приведенному месту брошюры: «Причем тут Адам Смит?» (см. предыдущую публикацию).

[20] Заслуга Томпсона, как и всей школы английских утопических социалистов, заключалась, по словам Маркса и Энгельса, в том, что они, развивая буржуазное учение Рикардо о прибавочной стоимости, приглашали буржуазное общество осуществить на деле конечные выводы из его теоретических положений.

Черкезов в обеих своих брошюрах говорит о Томпсоне, как об одном из экономистов, у которых Маркс якобы «позаимствовал» свое «открытие» прибавочной стоимости. При этом он отмечает, что книга Томпсона «Social science, inquiry...», вышедшая в 1824 г., представляет собой большой труд и была знакома Марксу, цитировавшему ее в «Капитале» и в «Нищете философии» («Доктрины марксизма», вып. 1, стр. 44).

О Томпсоне в связи с Адамом Смитом Черкезов упоминает там же, говоря, что Томпсон «согласно с Адамом Смитом» установил, что «только *труд есть мерило ценности*».

Незаконченная фраза, вероятно, означает, что Адам Смит якобы сделал это открытие за 100 лет до Маркса.

Все эти утверждения доказывают, что Черкезов не желал признаваться, что Маркс, в отличие от своих предшественников — буржуазных экономистов и социалистов-утопистов, — создал новую политическую экономию.

[21] Повидимому, Плеханов хочет здесь провести параллель между производством, которое не может существовать без организации, и поездом, который не может функционировать без организованного управления.

[22] *Бейтнер* — бывший барон, эмигрант, живший в Женеве во второй половине 90-х годов и сильно тяготевший к анархизму.

[23] *Реклю*, Жан Элизе (1830—1905) — географ и теоретик анархизма.

Плеханов, считая Реклю выдающимся ученым-географом, в то же время очень невысоко ценил его как теоретика-социолога. Социальная наука Элизе Реклю была, по его словам, наукой «нравственно-политической», не так старавшейся понять закономерность общественных явлений, как преподать человеческому роду ряд хороших советов.

Заканчивая статью, посвященную Реклю, как теоретику анархизма, написанную в 1906 г., Плеханов говорит: «Реклю был прекрасным географом и очень плохим социологом. Правда и то, что если бы он был *хорошим* социологом, то он подошел бы к своему предмету совсем с другой стороны и тогда... тогда он не выступил бы в качестве теоретика анархии» (Соч., т. XVI, стр. 180—181).

[24] Плеханов посвятил *П. А. Кропоткину* (1842—1921) — русскому революционному народнику, а затем известному теоретику западноевропейского анархизма — главу «Эпигоны» своей брошюры «Анархизм и социализм» (Соч., т. IV, стр. 221—236). В этой главе он говорит, приведя цитату из речи Кропоткина на собрании Юрской федерации: «Разве *эта погоня за наилучшим идеалом будущего общества* не представляет собой утопический метод чистейшей воды? Правда, Кропоткин пытается «доказать», что этот идеал не продукт кабинетных измышлений, а вытекает из народных стремлений и согласуется с историческим развитием культуры и идей. Какой утопист не пытается утверждать то же самое? Все зависит от *ценности* доказательств, и в этом отношении наш любезный соотечественник неизмеримо слабее великих утопистов, которых он трактует, как метафизиков, не имея при этом ни малейшего понятия о методе современной социальной науки» (стр. 226).

[25] Смысл фразы не совсем ясен. Возможно, что речь идет о тех представителях правящих классов, «мстить» которым анархисты считают своей обязанностью.

[26] Отрицая государственную организацию производства, осуществляемую пролетариатом, овладевшим государственной машиной, и понимая в то же время, что самопроизвольная организация производства, проповедуемая анархистами, невозможна, Черкезов говорит о выполнении этой функции конгрессами специалистов, другими словами, возвращается к утопической теории, выдвигающей личность как основной фактор исторической эволюции.

[27] *Гильом*, Джемс (1844—1917) — швейцарский и французский политический деятель, анархист. Вместе с Бакуниным вел борьбу с марксистским первым Интернационалом, в 1870 г. стал во главе Юрской федерации, объединившей анархистов горных секций Швейцарской Юры, в 1872 г., на Гаагском конгрессе, был вместе с Бакуниным исключен из Интернационала и сейчас же вступил в руководство основанным вскоре после этого анархическим Интернационалом, просуществовавшим до 1877 г. После нескольких лет бездействия, с 1903 г., стал принимать участие в анархо-синдикалистском движении.

[28] Либкнехт писал это в марте 1872 г. в «Volksstaat».

[29] Имеется в виду предисловие Маркса к его брошюре «Zur Kritik der politischen Oekonomie», написанное в январе 1859 г. В этом предисловии впервые была изложена в сжатой, но исчерпывающей форме сущность теории исторического материализма (см. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 5—9).

[30] Вероятно, Черкезов хочет сказать, что Энгельс в конце своей жизни особенно подчеркивал обратное воздействие идеологий на общественную эволюцию. В связи с этим, ссылаясь на письма Энгельса к Шмидту середины 90-х годов, бернштейнианцы и анархисты клеветнически утверждали, что Энгельс поправел к концу своей жизни и отказался от теории исторического материализма в том виде, как она была установлена Марксом.

Все эти обвинения не имеют под собой никакой почвы и свидетельствуют о вульгарном понимании теории исторического материализма, свойственном всем мелкобуржуазным социологам, в том числе и анархистам.

[31] Слова Прудона.

ПЕРЕПИСКА

Печатаемые письма составляют лишь часть эпистолярного наследства членов группы «Освобождение труда» и их корреспондентов за 80-е и первую половину 90-х годов. Из всей массы опубликованных и неопубликованных писем, относящихся к этому периоду, в настоящий сборник включены лишь те, которые наиболее ярко освещают главные этапы жизни и деятельности группы. Часть этих писем относится к ее предистории. Письма Плеханова к Лаврову и некоторые другие из писем, относящихся к 1881—1883 гг., особенно ярко рисуют картину взаимоотношений между Плехановым и его единомышленниками, бывшими чернопередельцами, с одной стороны, и народовольцами — с другой. Письма первых лет существования группы «Освобождение труда» очень конкретно и живо рисуют ту атмосферу, в которой ей приходилось пробивать себе дорогу в будущее: засилье народнической идеологии, отсутствие материальной базы для широкой пропаганды марксистских идей и отсутствие всяких связей в России. На фоне этих препятствий особое значение приобретает переписка группы с первой русской социал-демократической организацией и ее основателем Д. Н. Благоевым, представленная в сборнике двумя письмами. Дальнейшая переписка касается издательской деятельности группы, ее участия в международном движении, первых попыток создания «Союза русских социал-демократов за границей», возникновения первой оппозиции против группы и других вопросов, связанных с ее многосторонней деятельностью в этот наиболее трудный период ее существования.

Наряду с этими письмами, характеризующими историю группы «Освобождение труда», в сборнике помещена переписка Энгельса с Плехановым и Засулич, затрагивающая разные теоретические темы, но преимущественно касающаяся вопроса о русской революции и о путях исторического развития России. Последней теме посвящено и письмо Маркса к Засулич, публикуемое здесь наряду с запросом Засулич и письмом Дейча и Засулич Г. В. и Р. М. Плехановым с извещением о полученном от Маркса ответе.

Из помещенных в сборнике писем половина принадлежит самому Плеханову, остальные — его корреспондентам.

Большинство публикуемых писем заимствовано из печатных источников, мало доступных читателю, — «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М., 1925, сборников «Группа Освобождение труда», I—VI, журналов «Дела и дни», № 2, 1921, «Литературное наследство», № 19—21, «Воинствующий материалист», № 3, 1925. Семь писем печатаются впервые, с рукописей или с копий, хранящихся в Доме Плеханова. Некоторые из опубликованных ранее писем воспроизводятся по рукописным оригиналам с исправлением вкравшихся в первые публикации ошибок.

№ 1. В. И. ЗАСУЛИЧ — К. МАРКСУ [1]

(Перевод с французского)

Женева, 16 февраля 1881

Уважаемый гражданин!

Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, небольшое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается массой более или менее образованных людей нашей страны; есть и серьезные люди, изучающие его. Но чего Вы, вероятно, не знаете — это того, какую роль играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине [2]. Вы знаете лучше кого бы то ни было, какое громадное значение имеет этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский. Наша передовая литература, как, например, «Отечественные записки», продолжает развивать его идеи [3]. Но этот вопрос есть, по моему мнению, вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших социалистов-революционеров.

Одно из двух: либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных требований фиска, выплат помещикам и полицейского произвола, способна развиваться в социалистическом направлении, т. е. постепенно организовать свое производство и свое распределение продуктов на коллективистических началах. В этом случае социалист-революционер обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию.

Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее мало обоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе. Тогда ему придется вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно будут затопляться массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка.

В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм, словом, все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excellence: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России, — возражают им.

— Он бы сказал это, если бы говорил в нем о нашей стране, — отвечают Ваши ученики, — быть может, несколько слишком смело.

Вы поймете, поэтому, Гражданин, в какой мере нас интересует Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши мысли о возможных судьбах нашей сельской

общины и о теории исторической необходимости для всех стран света пройти все фазы капиталистического производства [4].

Позволяю себе просить Вас, Гражданин, от имени моих товарищей, соблаговолить оказать нам эту услугу.

Если время не позволяет Вам изложить свои мысли по этим вопросам более или менее подробно, благоволите сделать это, по крайней мере, в форме письма, которое разрешите мне перевести и опубликовать в России.

Примите, Гражданин, мой почтительный привет.

Вера Засулич.

Мой адрес: Польская типография
Rue de Lausanne, № 49, Женева.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 220—223 и в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, М., 1928, стр. 269—270. В Доме Плеханова имеется фото начала этого письма. Перепечатка производится из «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

[2] Первый том «Капитала» вышел в России в 1872 г. в переводе Германа Лопатина и Николая — она. Здесь речь может итти только об этом первом томе, так как второй появился только в 1885 г.

[3] В «Отечественных записках» в конце 70-х — начале 80-х годов сотрудничали либеральные народники Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко; последний вел там внутреннее обозрение. В частности именно к этому времени в «Отечественных записках» начался печатанием основной труд главного идеолога народничества В. П. Воронцова (В. В.) «Судьбы капитализма в России».

[4] Ответ на последний вопрос был дан Марксом уже в 1877 г. в его «Письме в редакцию «Отечественных записок», известном под названием «Письма к Михайловскому» и вызванном статьей последнего «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». В этом письме Маркс протестует против стремления Михайловского превратить его «...исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы...», и заканчивает предостережением никогда не пользоваться «...универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, ⟨объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего⟩, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 377—378).

«Письмо» Маркса осталось неотправленным и было найдено в его бумагах уже после его смерти. Оно было напечатано в «Вестнике Народной воли», № 5, 1886 г. и в «Юридическом вестнике», № 10, 1888 г.

№ 2. К. МАРКС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

В Петербург Лондон, 41, Maitland Park Road, N. W. 8 марта 1881.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету работу на ту же тему [2]. Надеюсь, однако, что достаточно

будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев*. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы идут* по тому же пути» («Le Capital», франц. изд., стр. 315).

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена странами *Западной Европы*. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... будет замещена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплоатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их *общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России. Но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития [3].

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 223—224, в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, стр. 286 и в Соч. *Маркса* и *Энгельса*, т. XXVII, 1935, стр. 117—118, откуда и производится перепечатка. В последних двух источниках помещены также найденные в бумагах Маркса четыре черновика этого письма, из которых три значительно превышают по объему публикуемое (см. в «Архиве...» стр. 269—286, в Соч. стр. 677—697).

[2] Маркс имеет в виду Петербургский Исполнительный комитет «Народной воли», который за несколько месяцев до того обратился к нему с аналогичной просьбой. Однако он не успел выполнить свое намерение. В «Календаре Народной воли», в некрологе, посвященном Марксу, говорится о том, «как отзывчиво решился он в последний год своей жизни по поручению С.-Петербургского комитета написать специально для России брошюру по вопросу о возможном развитии нашей общины — вопросу, имеющему такой жгучий интерес для русского социалиста».

[3] Вопрос о судьбах русской общины сильно интересовал Маркса и Энгельса, и они не раз высказывались по этому вопросу и до и после настоящего письма. Наиболее раннее из этих высказываний, принадлежащее Энгельсу, относится к 1875 г. Полемизируя с Ткачевым в статье «Социальные отношения в России», Энгельс го-

ворит: «Таким образом, общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и, по всей видимости, идет к своему разложению. Тем не менее, неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного распада этой общинной собственности произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия... Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 261—262).

Следующее высказывание принадлежит Марксу и относится к 1877 г., когда он написал свое известное «Письмо в редакцию «Отечественных записок» в ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». В этом письме Маркс, в согласии с приведенными высказываниями Энгельса, говорит, что при известных условиях русская земельная община может непосредственно перейти к социализму, минуя фазу капиталистического развития. «Я пришел к такому выводу, — пишет он. — Если Россия будет продолжать ⟨еще лет двадцать⟩ итти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 376). И дальше: «...если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние ⟨пятнадцать лет⟩ годы она не мало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев...» (там же, стр. 377).

В 1882 г., в предисловии к русскому изданию «Манифеста», Маркс и Энгельс снова ставят тот же вопрос о возможности непосредственного перехода русской общины в высшую, коммунистическую форму землевладения. Они отвечают на него совершенно определенно в последнем абзаце предисловия. «Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 601).

Однако позднее, по прошествии десяти лет, в написанном в 1894 г. послесловии к своей брошюре «Ответ Ткачеву» Энгельс констатирует идущее все более и более ускоряющимся темпом превращение России в капиталистическую страну и сопутствующие ему явления — расслоение крестьянства и разложение крестьянской общины. «Уцелела ли ныне эта община, — пишет он дальше, — в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития, — судить об этом я не берусь. Но одно не подлежит сомнению: для того, чтобы от этой общины хоть что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России». (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 400—401).

№ 3. Л. Г. ДЕЙЧ и В. И. ЗАСУЛИЧ — Г. В. и Р. М. ПЛЕХАНОВЫМ [1]

[Женева], 10 марта 1881

Любезные друзья! Хотя вы, по обыкновению, не отвечаете на мое письмо, но я «великодушен», как вы, Жорж, выражаетесь, и пишу, не

дожидаясь вашего ответа, не за тем, чтобы «пристыдить вас», а вот по какому поводу.

Недели три тому назад мы задумали, чтобы Вера обратилась к Марксу с письмом, в котором бы спросила его: какова судьба русской общины, должна ли она распасться и проч., и просила бы его написать специальную брошюру по этому поводу, которую мы издадим. Сегодня получился его ответ; брошюру он уже пишет для «Петербургского Исполнительного комитета», так как его уже просили об этом же несколько месяцев тому назад. Чтобы вы не усомнились в верности слов Маркса в ответ на вопрос Веры, списываю вам [письмо] слово в слово:

En analysant la genèse de la production capitaliste, je dis:

«Au fond du système capitaliste il y a donc la séparation radicale du producteur d'avec les moyens de production... la base de toute cette évolution c'est *l'expropriation des cultivateurs*. Elle ne s'est encore accomplie d'une manière radicale qu'en Angleterre... Mais *tous les autres pays de l'Europe* occidentale parcourent le même mouvement (Cap., édit. fran., p. 315). La «fatalité historique» de ce mouvement est donc *expressement* restreinte aux *pays de l'Europe occidentale*. Le pourquoi de cette restriction est indiqué dans ce passage du ch. XXXII:

«La *propriété privée*, fondée sur le travail personnel... va être supplantée par *la propriété privée capitaliste*, fondée sur l'exploitation du travail d'autrui sur le salariat» (l. c., p. 340).

Dans ce mouvement occidental il s'agit donc de la *transformation d'une forme de propriété privée en une autre forme de propriété privée*. Chez les paysans russes on aurait au contraire à *transformer leur propriété commune en propriété privée*.

L'analyse donnée dans le «Capital» n'offre donc de raisons ni pour ni contre la vitalité de la commune rurale, mais l'étude spéciale que j'en ai faite, et dont j'ai cherché les matériaux dans les sources originales, m'a convaincu que cette commune est le point d'appui de la régénération sociale en Russie, mais afin qu'elle puisse fonctionner comme tel, il faudrait d'abord éliminer les influences délétères (тлетворные) qui l'assaillent de tous les côtés et ensuite lui assurer les conditions normales d'un développement spontané» *.

Вот и все. Теперь насчет «Ирландии» [2]; если думаете, что возможно, чтобы ее поместили, то ответьте мне тотчас же. Коли нет марки, нефранкированным письмом. Неполучение же мной письма через 4 дня от сегодняшнего 11-го числа пусть считается отрицательным ответом. Не слыхали ли, что произошло дальше с этим «Appel» Rev[ue] soc[ialiste]? [3] Выпустили ли они его? Хорошо кабы нет **. Получено Ваше письмо. Про сочувствие Rev[ue] soc[ialiste] я и сама чувствую, что ошибка. Очень поспешно это было, и я не сообразила, что тут пика Цюриху. Ну, а само по себе казалось, отчего и не сочувствовать.

---

* Перевод письма помещен выше (см. предыд. письмо.). — *Ред.*

** До этого места письмо написано рукой Л. Г. Дейча, дальше—рукой В. И. Засулич. — *Ред.*

Ирландию я не брошу, но жаль. Еще не знаю, какую другую работу придумать. Как здоровье Полляк? [4] Всех целую.

Ваша *Вера*.

Женька [5] говорит, неужели я ничего не чувствую насчет вашего письма, что оно нежное. Я чувствую, но отвечать предоставляю ему, ибо он известен уже своей «душой».

[1] Письмо опубликовано с пропусками в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 218—219. Печатание производится с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова. Конец письма, датированный 17 марта, опущен.

[2] Работу об Ирландии Засулич не закончила, но следы ее сохранились в архиве.

[3] «Revue socialiste» («Социалистическое обозрение») — ежемесячный социалистический журнал, выходивший в Париже с января по сентябрь 1880 г. Журнал издавался будущим реформистом Бенуа Малоном при участии Лафарга и Геда. В 1885 г. Малон возобновил его издание уже в качестве теоретического органа реформистов. О каком воззвании (appel'e) идет речь, установить не удалось.

[4] *Полляк*, Теофилия (ум. 1882) — близкая приятельница Р. М. Плехановой.

[5] *Женька, Евгений* — конспиративное имя Л. Г. Дейча.

№ 4. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

[Божи], 31 октября 1881

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вчера вечером возвратился я из Женевы в Кларан, где меня застало Ваше письмо. Лишним было бы говорить о том, до какой степени меня обрадовало сообщенное Вами известие. Вы поздравляете меня с успехом; от всей души благодарю Вас, милый Петр Лаврович, тем более, что помещением моей статьи, «успехом», я обязан Вам [2]. С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях. Затем, когда взявшись за литературную работу, я искал поддержки и указания, Вы снабжали меня материалами, советами, указаниями и рекомендациями. Благодаря Вашей поддержке, я, быть может, получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти или задолжания без надежды уплаты. Еще раз благодарю Вас, Петр Лаврович, и перехожу к Женевским впечатлениям. Подробностей из России пока немного. Но сегодня или завтра ждем целого короба новостей, которыми, разумеется, поспешим поделиться с Вами. Как Вам понравилось известие об успехах организации и пропаганды в среде городских рабочих, главным образом, в Питере? Настроение моих Женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть формулировано словами — «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся, сколько возможно» [3]. История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней. Сегодня или завтра жду к себе Женьку, которому пришлось уехать на время в Базель [4]; он-то и привезет известия из отечества. Что касается моего гонорара, то дело в том, что ведь его обещали выслать по первому «Вашему» требованию, а не моему. Не придется ли Вам написать туда, что, дескать, Валентинов [5] послал Вам свой адрес и просил денег — тому верьте? Словом, не придется ли Вам засвидетельствовать подлинность моей личности? Для продолжения же моей работы мне понадобятся некоторые книги. Не обеспокою ли я Вас просьбой прислать мне *Блунчли* (о государстве и историю правовых теорий или как она там). Что нового в литературе? Здесь об этом узнать очень трудно. Пока до свидания дня на два — на три.

Крепко жму руку.

Г. Плеханов.

P. S. Представьте, я вояжировал из Парижа в Кларан ровно двое суток: проспал Дижон, где меняются вагоны, и был разбужен только в Шалоне. Пришлось ночевать в Pontarlier.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 86—87, под № 8.

[2] Речь идет о статье Плеханова «Новое направление в области политической экономии», напечатанной в № 11 «Отечественных записок» за 1881 г.

[3] Плеханов говорит здесь о настроении Л. Г. Дейча, В. И. Засулич и других женевских чернопередельцев, которые вскоре по приезде за границу в значительной мере отказались от своей догмы и стали признавать необходимость борьбы за политическую свободу. Это сближало их с народовольцами, которые в это время представляли единственную действующую в России революционную организацию. Чернопередельцы вступили с ними в переговоры о своем присоединении и с этой же целью откомандировали в Россию Стефановича. Плеханов же в этот период жил в Париже, занимался изучением марксизма и был не в курсе всех этих переговоров (см. по этому поводу приложение Л. Г. Дейча к его письмам, опубликованным в журнале «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 100).

[4] В Базель Дейч ездил на свидание с приехавшим из России А. Тилло, который должен был передать ему от Исполнительного комитета «Народной воли» документы, письма и другие материалы.

[5] Псевдоним Плеханова в «Отечественных записках».

№ 5. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

Божи, 10 (?) ноября 1881

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вчера я получил Вашу записочку, в которой Вы предлагаете мне прислать мою статейку, приготовленную мною для Herald [2]. Перечитавши теперь эту статейку, я, признаться, остался очень недоволен ею. Придется многое переделать и добавить. Так что, если по Вашему мнению стоит отложить на время работу для «Отечественных записок» [3], то я сяду за эту статейку, если же Вы находите, что помещение ее — дело более или менее гадательное, то лучше уж ее и не касаться. Напишите мне пожалуйста об этом. Блунчли я получил и очень благодарен Вам за него. Он даст мне много материалу. Вы конечно уже получили от Евгения «Зерно» [4] и «Черный передел» (4-й №). Это все новости, которые он вывез из Базеля и которых мы ожидали с таким нетерпением. Оказалось, что гора родила мышь. Как находите Вы «Зерно»?

По-моему, неумная газетка, написанная отвратительным языком. Но представьте себе, что эта газетка расходится, по словам Дм[итро], в количестве 1 000 экземпляров и «очень нравится рабочим». Дм[итро] человек серьезный и осторожный [5]. Он скорее пессимист, чем оптимист. Поэтому его слова всегда заслуживают в моих глазах доверия. Но теперь результаты издания «Зерна» так неожиданны, что мне все кажется — нет ли в его словах какого-нибудь недоразумения, нет ли в его письме описки. Но если бы ничего этого не было! Если бы действительно «Зерно» расходилось в 1 000 экземплярах в *среде рабочих!* Тогда можно было бы сказать, что пролог кончен и драма начинается. Тогда можно было бы сказать, что мы имеем уже наше *рабочее* движение. Тогда поскорее запасаться нужными сведениями и dahin, dahin *, где рабочие нуждаются уже в *своей рабочей* газете. Мне ведь и раньше казалось, что от рабочих только и можно ждать сколько-нибудь важного и серьезного участия в революционном движении.

Могу сообщить Вам еще некоторые приятные перспективы насчет Русской социально-революционной библиотеки. За книги, отправленные недавно в Россию в количестве 100 экземпляров, нам обещают в скором времени 150 frs [6]. Кроме того обещают содействие: 1) одного московского кружка, составленного в среде очень зеленой молодежи с целью поддержки издания книг за границей, 2) поддержку одного кружка в Одессе. Одного из членов этого кружка я видел здесь и говорил с ним. Он относится к Библиотеке с самым искренним сочувствием и обещает прислать зимой около 200 рублей. Тотчас по получении Вашего последнего письма я спрашивал Евгения — не знает ли он чего насчет поведения на суде чернопередельцев, которые будто бы очень нападали на «*Народную волю*»? [7] Он отвечал мне, что об этом Дм[итро] не писал ему ничего. Но соединению-то, по его словам, выходки того или другого из подсудимых, если бы таковые и действительно имели место, — соединению они нисколько не повредили. Дм[итро] скоро обещается прислать формулу соединения, под которой он предлагает нам подписаться. Посмотрим, что там такое. Ну, пока кажется все

Пишите, Петр Лаврович, пожалуйста о новых книгах. Все нет, нет — да и куплю какую-нибудь из них. Что Гартман? [8] Вы писали Евгению, что Marx сильно болеет. Выздоровел ли он? Скоро кажется буду иметь его «Zur Kritik», конечно не в собственность, а для прочтения. Затем, пока прощайте, крепко жму Вам руку.

Г. Плеханов.

P. S. Так как я устроился вместе с женою, то письма можно адресовать и прямо на мое имя.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Литературное наследство», № 19—21 стр. 289—290.

[2] Повидимому, для «New York Herald», американской газеты с демократическим уклоном, интересовавшейся русским революционным движением; в этой газете сотрудничал П. Л. Лавров.

[3] Плеханов работал в это время над статьей о Родбертусе.

*— туда, туда. — *Ред.*

[4] «Зерно» — нелегальная рабочая газета, издававшаяся в 1880—1881 гг. в России группой чернопередельцев. Всего было выпущено шесть номеров. В газете отразилась эволюция чернопередельцев к признанию политической борьбы и интерес к пропаганде среди рабочих.

[5] *Стефанович*, Яков Васильевич, подпольная кличка *Дмитро* (1853—1915) — революционный народник 70-х годов, один из организаторов крестьянского бунта в Чигиринском уезде. В 1879 г. стал членом «Черного передела», уехал за границу и осенью 1881 г. вернулся в Россию для установления связей с русскими чернопередельческими и народовольческими организациями и для выяснения на месте вопроса об их объединении. Вскоре примкнул к народовольцам. В феврале 1882 г. был арестован и в 1883 г. осужден на каторгу.

[6] До конца 1881 г. в издательстве «Русской социально-революционной библиотеки» вышло только две брошюры: П. Л. Лаврова «18 марта 1871 г.» и А. Шефлэ «Сущность социализма».

[7] Вероятно, речь идет о процессе лиц, арестованных при типографии «Черного передела» — М. К. Крыловой, И. П. Пьянкова, П. В. Тисленко-Приходько и др. Дело рассматривалось в особом присутствии петербургской судебной палаты 29 сентября 1881 г.

[8] *Гартман*, Лев Николаевич (1850—1913) — один из организаторов взрыва царского поезда в 1879 г. Эмигрировал в Париж, где был арестован в 1880 г. по требованию русского правительства. Энергичная агитация русских эмигрантов и французской радикальной печати помешала его выдаче. Гартман уехал в Англию, где был заграничным представителем «Народной воли».

№ 6. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

Кларан, [конец 1881]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Прежде всего о деле финансовом.

Геринг [2] я вышлю деньги на днях. Теперь полученные мною из редакции разошлись буквально до последнего сантима. Роза не получает из дому вот уже второй месяц, понятно, что пришлось сделать здесь, в Кларане, значительные уплаты. Но на днях она получит деньги, и я первым делом постараюсь выслать Геринг и Вам, хотя Вы и писали мне, что обойдетесь до следующей получки. Теперь к другим вопросам.

«Манифест» я уже переводил, когда ко мне пришел Голдовский [3] и начал меня упрашивать дать ему Манифест на два дня. Через два дня он будто бы должен получить свой экземпляр из Цюриха и тогда он мне отдаст свой, мой же — отправит сейчас же в Россию. Я поверил ему и отдал ему свой экземпляр. Теперь прошло уже полторы недели, а Голдовский все продолжает удивляться, — почему не высылают ему его экземпляр из Цюриха. Господь его знает — есть ли он у него! С одной стороны, я, конечно, глупо поступил, выпустивши Манифест из рук; а с другой — как было не дать, когда человек заверяет честным словом, что отдаст через два дня? Ох, уж эти нигилисты! Сам я человек чрезвычайно неаккуратный, но насчет книг я держусь несколько иных правил. Для занимающегося человека — книга вещь неприкосновенная, и редкие сочинения положительно не нужно выпускать из дому. Если через несколько дней не получу экземпляр от Голдовского — придется писать самому в Цюрих или просить Вас о высылке мне Вашего экземпляра [4]. Как только последствия вторжения в мою работу нигилистического вандализма будут исправлены, — я очень

скоро окончу перевод и примусь за предисловие. Одно нужно сказать — неудобно здесь работать. Полное отсутствие какой-нибудь порядочной библиотеки. А я, живши в Париже вблизи Bibliothèque Nationale * и Ваших книг, ужасно в этом отношении избаловался. Написал ко всем своим знакомым, просил выслать, что могут. На днях жду Рикардо. Собственно говоря, и к Вам у меня есть маленькая просьба, но я заранее прошу Вас не исполнять ее, если она хоть немного Вас стеснит. Мне нужно было бы книгу *Lange*, «Mill's Ansichten über die soziale Frage» **. Она у Вас есть, и, насколько мне известен ход Ваших работ, она Вам теперь не нужна. Так вот, если это Вас не стеснит, — одолжите мне ее на время. Одно меня смущает, — это что Вам приходится довольно дорого платить за пересылку, но я повторяю Вам свою вторую просьбу, — не исполнять первой, если это исполнение Вас затруднит хоть немного. Книга Lange мне нужна вот зачем. Вы знаете, что Родбертус является противником Рикардо по вопросу о ренте. Его возражения против последнего, однако, хотя и не имеют решительного характера, но все-таки довольно вески. В 1870 (если не ошибаюсь) году Родбертус задал несколько вопросов «сторонникам теории Рикардо», — на которые он не получил ответа. Эти вопросы до такой степени ехидны, что невольно становишься втупик. Я чувствую, что Родбертус не прав. Сам мог бы предложить ему несколько вопросов, не менее, как мне кажется, ехидных, чем его вопросы «сторонникам Рикардо». Но открыть логическую ошибку в его доводах, когда он развивает свою теорию ренты, мне пока не удается. Lange был тоже противником Рикардо, так вот, быть может, сопоставляя их обоих, т. е. Родбертуса и Ланге, я открою их ошибки или окончательно соглашусь с одним из них. Но это последнее могло бы быть лишь с большим трудом. Маркс называет теорию Родбертуса ошибочной [5], а его авторитет для меня очень важен. Я 100 раз подумаю, прежде чем соглашусь с неодобряемым им взглядом. Кстати, вышло или только что выйдет 3-е немецкое издание «Капитала»? [6]

Как жаль, что мне не пришлось послушать Вашей лекции о «Капитализме в России». Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное, Россия «уже вступила на путь естественного закона своего развития», и все другие пути, — мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран, — для нее закрыты.

Вы писали мне, что Вам пришлось делать много выписок. Откуда Вы делали их? Какие источники были в Вашем распоряжении? Напишите пожалуйста об этом в следующем письме. В. В. человек в высшей степени сомнительный, его данные едва ли достоверны, я убежден, что не успеет он дописать своей последней статьи о невозможности в России капитализма, как этот капитализм будет, как говорится, «ни для кого не тайной». Евгению я написал. Павлу напишу.

Пока до свиданья, крепко жму руку, Роза и Полляк просят передать Вам их привет.

Г. Плеханов.

* — Национальной библиотеки. — *Ред.*

** *Ланге*, Взгляды Милля на социальный вопрос. — *Ред.*

Теперь между прочим изучаю английский язык. Купил себе *Byron'a, The prisoner of Chillon* *, но пока разбираю с большим трудом. Как дороги вообще английские книги? Мне придется купить Рикардо на английском языке, а я и понятия не имею об английских ценах.

Был у меня на днях Гинзбург [7], спрашивал — как Вы поживаете и между прочим задал мне вопрос, на который я не знал, что отвечать. Он откуда-то знает, что Вы вели переговоры насчет издания *«Очерков истории мысли»* [8]. Он и спросил меня, окончились ли, и в каком смысле, эти переговоры. Я отвечал, что переговоры Вы точно вели, но они еще не окончились, и дело, кажется, откладывается в долгий ящик.

Г. П.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Литературное наследство», № 19—21, стр. 292—293.

[2] *Геринг*, Р. П. — приятельница П. Л. Лаврова, проживавшая в Париже в 80-х годах, сочувственно относившаяся к политической эмиграции и часто приходившая ей на помощь материальными средствами.

[3] *Голдовский* (*Иохельсон*), Владимир Ильич (род 1855) — народоволец, участвовавший в работе в динамитной мастерской. В 1885 г., по возвращении из-за границы, был арестован и сослан. Впоследствии стал видным этнографом.

[4] Плеханов в это время был занят переводом «Манифеста коммунистической партии», который и вышел с его предисловием в 1882 г. в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Из письма Плеханова, опубликованного в журнале «Дела и дни» под № 10, видно, что Плеханов получил одновременно два экземпляра «Манифеста»: от Голдовского — свой и от Лаврова — новое издание, которое и было им использовано.

[5] Вероятно, Плеханов имеет в виду следующее высказывание Маркса о Родбертусе в примечании к первому тому «Капитала». Отослав читателя к работе Родбертуса «Экономические сочинения. Социальные письма к фон Кирхману», Маркс говорит: «Я впоследствии вернусь к этой работе, которая, несмотря на ложную теорию земельной ренты, правильно улавливает сущность капиталистического производства» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVII, стр. 581).

[6] Третье немецкое издание «Капитала» вышло только в 1883 г.

[7] *Гинзбург*, Лев Савельевич (1851—1916) — ученик П. Л. Лаврова, сотрудник журнала «Вперед», один из популяризаторов лавровских идей.

[8] Имеется в виду работа Лаврова «Опыт истории мысли нового времени», которая выходила отдельными выпусками — первое издание с 1875 г., второе — с 1878 г. Плеханов написал рецензию на 1—3 выпуск второго издания (Соч., т. IV, стр. 278—279).

№ 7. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

[Начало 1882]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

...Сер[гей] Мих[айлович] [2] прислал мне Вашу программу, так как, говорит он, меня «наверное выберут редактором» [3]. Нечего и говорить, что я сочту за большую честь работать в одном журнале с Вами, но редактором его я не могу быть по многим причинам. Во-первых, я не «самобытник» и не вижу в русской истории никаких *существенных* отличий от истории Запада. Тем менее вижу я в ней чего-либо *диа-*

* — Байрона, Шильонский узник. — *Ред.*

метрально-противоположного с историей Запада. А между тем «*Народная воля*» в каждой передовой статье силится доказать какую-то «Gewaltstheorie» *, по которой в России не политика родилась из экономии, а наоборот. Это стремление ее всю русскую историю «auf den Kopf zu stellen» ** заставляет меня относиться к своему литературному сотрудничеству в изданиях народовольцев с большою осмотрительностью. Во-вторых, Сер[гей] Михайлов[ич] анархист, или вернее, федералист, по его собственным словам. Я — не то, не другое. Стоя на той дороге, на которую поставили события народовольцев, нельзя быть ни анархистом, ни федералистом, нужно быть строго последовательным *централистом*. *Третье и самое важное*. Народовольцы хотят *государственного переворота*, coup d'État, я хотел бы, чтобы они от таких невозможных планов совершенно отказались. Знаете ли, Петр Лаврович, меня удивляет, что Вы не только не протестуете против этого, но, напротив, предпочитаете такой оборот программы требованию политической свободы и всеобщего избирательного права. Тут что-нибудь да не так, какое-нибудь тут есть недоразумение. Объясните это пожалуйста, меня очень это интересует. Согласитесь, что это вопрос принципиальной важности. Что касается сотрудничества моего в органе, то я употреблю для этого *все усилия*. Вера Ивановна благодарит Вас за присылку списка книг. Она еще не сделала выбора. Когда остановится на чем-нибудь — напишу. Будьте здоровы, жму руку.

Г. Плеханов.

P. S. Посылаю Вам Вашу программу, в которой меня испугал *переворот*, и письмо Сер[гея] Мих[айловича] к народовольцам [4]. Прочитавши, Вы перешлите его Сергею обратно.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Литературное наследство», № 19—21, стр. 294—295. Печатается с сокращениями.

[2] *Степняк-Кравчинский* (1851—1895) — революционер 70-х годов и писатель. Участвовал в создании бакунинского органа «Община» и в издании «Земли и воли», близкий друг Засулич, Плеханова и Аксельрода.

[3] Плеханов, Лавров и Кравчинский намечались Исполнительным комитетом «Народной воли» в качестве редакторов проектировавшегося тогда журнала «Вестник Народной воли». Однако этот план не осуществился, так как Плеханов в конце концов не согласился на это предложение, а кандидатура Кравчинского была устранена из-за его терпимого отношения к Драгоманову.

[4] Речь идет о письме Степняка-Кравчинского по поводу выступления Аксельрода на Хурском международном социалистическом конгрессе (в октябре 1881 г.), где Аксельрод присутствовал в качестве «русского гостя». В этом письме Степняк резко протестовал против полемического выпада Тихомирова, который несправедливо обвинял Аксельрода (в № 7 «Народной воли») в недостаточно лестной оценке деятельности «Народной воли» в его речи на конгрессе. Письмо Степняка напечатано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 152—153.

* — теорию насилия. — *Ред.*

** — поставить вверх ногами. — *Ред.*

№ 8. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

[После 17 марта 1882]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Долго я не писал Вам. С одной стороны, было некогда, с другой — хотелось обдумать свое решение. Теперь я решился. Я думаю, что партия имеет полное право указать своему члену тот образ деятельности, который она находит наиболее для него подходящим. Человек, имеющий понятие о дисциплине, не может поступить по своему личному усмотрению в том случае, когда усмотрение это идет в разрез с мнением его товарищей. Это — большая посылка. Я человек, причисляющий себя к социально-революционной партии [2], желающий подчиняться всем требованиям дисциплины — посылка меньшая. Вывод отсюда ясен. Я отдаю вопрос о соредакторстве в «Вестн[ике] Народной воли» на решение своих товарищей.

Вы, Евгений, Вера и др. должны произнести окончательный приговор по этому делу. *Я подчиняюсь ему во всяком случае*. Со своей стороны я ограничусь указанием тех мотивов, которые делают для меня нежелательным звание редактора «Вестника Народной воли»; выслушайте же и затем решайте, как найдете нужным. Прежде всего — *вещь, которую я говорил Вам конфиденциально*, — несогласия наши с народовольцами вовсе уже не так незначительны, как это может показаться из письма к ним [3]. Письмо это написано по разным соображениям, более или менее дипломатического свойства. Вы знаете мой образ мыслей, могу Вас уверить, что он не переменился с того времени, как я оставил Париж. Если мы не оттеняем, не указываем на свои разногласия в письме, то это объясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народовольчество» на надлежащую дорогу (повторяю, я говорю это только Вам). Но всякая надежда неразрывно связана с бо́льшим или меньшим количеством шансов неудачи. В случае неудачи с нашей стороны, нам придется снова стать в оппозицию: удобно ли это будет для меня, как редактора «Вестника Народной воли»? Затем, между мной и Сергеем Михайловичем существует, как мне кажется, немаловажная разница в воззрениях: он что-то вроде прудониста, я — *не понимаю* Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной воли».

Говоря вообще, это очень нехорошо с моей стороны, но, воля Ваша, орган только выиграл бы от такой определенности в программе. Я очень жалею теперь, что я согласился участвовать в «Черном переделе», как «органе социалистов-федералистов» [4]. Я связан теперь в своей полемике с Драгомановым, с которым рано или поздно нам придется воевать не на жизнь, а на смерть [5].

Боюсь, чтобы «Вестник Народной воли» не связал меня еще больше, если он будет проповедывать федерализм. Я теперь решительный противник федерализма: по-моему, лучше якобинство, чем эта мелко-

буржуазная реакция. Вот все, что я хотел сказать, решайте теперь *Вы*. Повторяю, я подчиняюсь Вашему решению. Статьи о Родбертусе будут в майской и июньской книжках. Манифест печатается (не по моей вине долго).

Уважающий Вас *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 90—91, под № 12, с датой: [ранней весной 1882 г.].

[2] К социально-революционной партии в то время причисляли себя социалисты всех оттенков.

[3] Речь идет о коллективном письме, написанном сообща Плехановым, Засулич и Дейчем в ответ на письмо Исполнительного комитета «Народной воли», полученное ими в начале февраля 1882 г. Письмо это, в котором «Народная воля» излагала свое кредо и раскрывала свои замыслы о захвате власти, было адресовано Дейчу с просьбой дать его на прочтение Плеханову, Засулич, Аксельроду, Степняку, Лаврову, Кропоткину, Гартману, Хотинскому, Игнатову и Боховановскому. Оригинал письма Исполнительного комитета хранится в ИМЭЛ. Л. Г. Дейч опубликовал копию этого письма в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 143—151.

[4] «Орган социалистов-федералистов» — подзаголовок журнала «Черный передел».

[5] Украинофильство и федерализм Драгоманова, а также его нападки на русских революционеров вызвали в начале 80-х годов ряд протестов со стороны Плеханова и его товарищей и привели к полному с ним разрыву.

№ 9. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

[Около 15 июня 1883]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Прежде всего буду писать о деле, которое обещает придать новую жизнь нашей эмиграции и нашим русским делам. Объявление об издании журнала [2] и статьи — Вашу и присланную из России (названную нами «Неблагонамеренными речами») — мы прочитали вместе с Василием Игнатьевичем [3] и, что касается статей, то сдали уже в типографию. Мы предложили бы только назвать статью прежним ее названием: *Смысл социализма;* предлагаем это ввиду того, что статья трактует, главным образом, о *смысле революционных движений последнего времени*, а не о задачах социализма, как будущей организации общества. Мы не настаиваем и не предлагаем наши названия, а обращаем лишь Ваше внимание на уместность изменения заголовка [4]. Впрочем, все это не особенно существенно. Важнее вопрос об объявлении; здесь мы находим *необходимыми* некоторые дополнения: 1) Прежде всего нужно высказаться определеннее по поводу нашего взгляда на социалистическую организацию общества и на «изменение политического строя России». В объявлении сказано, что мы понимаем социализм как общественную организацию, в которой источники богатства будут принадлежать рабочему классу и личность получит возможность всестороннего развития. Почему не высказать точнее, что не только «источники богатства», но орудия и продукты труда должны принадлежать всем производителям, как организованному целому? [5] 2) Затем можно было бы сказать определеннее, что под политической организацией, «делающей прочным такое экономическое устройство», мы понимаем народное государство с прямым народным законодательством [6]. Тогда физиономия нашего журнала приняла бы совершенно определенный вид. 3) Что касается политической задачи *настоящего времени*, то мы должны высказать, в каком смысле понимаем мы «изменение политического строя России». Полагаем, что ни между членами редакции, ни между редакцией и центром народовольческой организации не может возникнуть разногласия, если в программе журнала будет заявлено требование, если не республики, то по крайней мере широко-демократической конституции, обнимающей всеобщее избирательное право и полную политическую свободу. При этом мы могли бы сослаться на программу Исполнительного комитета [7]. 4) Мы думаем, что сказанное в объявлении о том, что «программа охватывает взгляды не тождественные» (стр. 6—7), может подать читателям повод к «превратным толкованиям». Зачем давать им повод предполагать существование у нас бóльших разногласий, чем какие существуют в действительности? Самое лучшее было бы совершенно выпустить это место [8]. 5) Далее, нам кажется, что между видными социалистическими фракциями не существует разногласия во взгляде на социализм, как общественное явление, взятое в его целом. Эти фракции не противопоставляют одна другой таких точек зрения, с которых социализм представляется *или* борьбой труда с капиталом, *или* стремлением к справедливости, *или* необходимым историческим процессом. Так, например, *марксисты* смотрят на социализм и как на борьбу труда с капиталом, и как на стремление к справедливости, и как на необходимый исторический процесс. Нам нужно было бы стараться доказать, что если бы где и возможно вышеуказанное противопоставление, то оно было бы неуместно даже с общей теоретической точки зрения [9]. 6) На стр. 2 объявления у Вас сказано, что «рабочие могли бы приступить к реформам лишь тогда, когда они сами сделались господствующим классом, т. е. когда *они совершили бы уже социальную революцию*». Не позволите ли Вы сказать так: «т. е. когда они *совершили бы уже первый опыт социальной революции?*» [10] 7) На стр. 3—4 у Вас сказано, что «эти общие цели (социализма) могут быть достигнуты сперва организацией рабочего класса, потом низвержением существующего экономического и политического порядка помощью этой силы». Представим себе, что дело происходит в Цюрихском кантоне. Если бы рабочие сорганизовались в политическую партию, то при прямом народном законодательстве им не нужно было бы «низвергать существующий политический строй». Им просто пришлось бы воспользоваться им для своей цели, распространивши, пожалуй, право голосования немедленно и на женщин. Не лучше ли сказать, что «эта сила (сама, а не *с помощью ее*) должна устранить те стороны политической и экономической организации общества, которые стоят в противоречии с ее целями?» [11]

Вот все, относящееся к объявлению. Если у Вас цела выработанная в Женеве программа журнала (ее передал Вам Василий Игнатьевич), то оттуда хорошо было бы взять пункты о будущей организации социалистического общества и об изменении политического строя России.

Кроме всего сказанного, мы предлагаем некоторые поправки к «*правилам для руководства* редакции». Мы посылаем проектируемые изменения в приложении к правилам. Посылаем также проект «*Устава редакции*» и списка постоянных сотрудников.

Ожидая скорого ответа, остаюсь уважающий Вас *Г. Плеханов.*
В. Долинский.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 93—95, под № 15, с датой: [лето 1883 г.].

[2] Имеется в виду объявление об издании «Вестника Народной воли», посланное Лавровым Плеханову и Тихомирову, как предполагавшимся редакторам журнала, для внесения поправок.

[3] *Василий Игнатьевич* — Долинский (Лев Тихомиров).

[4] Лавров не согласился на изменение заглавия своей статьи, и она была напечатана в № 1 «Вестника» под заглавием «Задачи социализма».

[5] В напечатанном в № 1 «Вестника Народной воли» объявлении этот пункт сформулирован с учетом данного возражения. «Экономический переворот, — говорится там, — который сделал бы все орудия и продукты труда собственностью рабочего класса и т. д.» (стр. IV).

[6] Пункт о прямом народном законодательстве в объявление внесен не был.

Прямое народное законодательство, или референдум, — право избирателей подвергать голосованию законы, принятые народными представителями, и утверждать либо отвергать их. Применение референдума, в свое время считавшегося в странах буржуазной демократии одной из самых существенных гарантий осуществления народом своих прав, показало на практике, что введение его в конституцию не только не означает усиления влияния трудящихся масс, но, напротив, способствует часто укреплению позиций буржуазных партий.

В своих материалах к статье «Государство и революция» Ленин приводит точку зрения Маркса на отличие пролетарской демократии от буржуазной, изложенную им в брошюре «Гражданская война во Франции» (о Парижской Коммуне). Один из пунктов того отличия, которое проводит Маркс, следующий: «Соединение законодательных и исполнительных функций = *переход к уничтожению государства* в том смысле, что *не* особый орган, не особые органы будут ведать дела государства, а *все* его члены. Как? Своего рода, *нового* рода «прямое народное законодательство», которое отвергал Энгельс при капитализме. Необходимо теперь *соединение* «управления» с *физической* работой...» Против этого места на полях Ленин сделал заметку: «Примитивная» демократия на иной, высшей базе» (*Ленин*, Марксизм о государстве, Соцэкгиз, 1931, стр. 77—78).

[7] Ни о республике, ни о демократической конституции в объявлении нет ни слова. Там только сказано, что ближайшая задача русской социалистической партии «подготовить и ускорить изменение политического строя в России» (стр. VI); повидимому та же формулировка была и в проекте. В программе Исполнительного комитета, напротив, говорится о постоянном народном представительстве, имеющем «полную власть во всех государственных вопросах» (Народная воля», № 3, стр. 6).

[8] Эта формулировка сохранилась в объявлении, но в смягченном виде. Там сказано: «мы знаем, что программа, поставленная «Вестником Народной воли», охватывает взгляды, в некоторой мере не тождественные между собою» (стр. VII).

[9] То место проекта, где были указанные Плехановым противопоставления, в окончательной редакции отсутствует.

[10] Этот пункт сформулирован так: «Рабочие же могли бы приступить к реформам лишь тогда, когда они сами сделались бы господствующим — или, вернее, единственным общественным классом, т. е. когда совершился бы уже первый опыт социальной реорганизации» (стр. IV).

[11] Этот пункт в окончательной редакции принял следующий вид: «Эта сила, в процессе сплочения, должна постепенно подрывать существующий экономический и политический порядок, скрепляя вследствие самой борьбы свою организацию и вырастая в могущество, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующий порядок» (стр. V).

№ 10. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ [1]

[Август 1883]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Мне очень жаль, что я, по зрелом размышлении, должен ответить *нет* на Вашу любезную просьбу [2]. Выслушайте мотивы, заставляющие меня произнести это *нет*, — и Вы, я уверен, согласитесь, что иначе поступить я не могу и не должен. Прежде всего имейте в виду, что не мне и не моим товарищам принадлежит активная роль в том неприятном для нас усложнении, которое препятствует нам назвать себя товарищами народовольцев. С самого начала наших переговоров мы не представляли себе, что соединение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп, сближенных временем и ходом событий. В этом духе мы вели переговоры с Мариной Никаноровной [3] в Кларане, в этом духе говорил я с Василием Игнатьевичем.

Теперь оказывается, что они нас не поняли. Это, разумеется, очень печально, но не от нас зависит придать нашим переговорам более отрадный оборот. Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией «Народной воли», мы не считали и не считаем возможным. Вы видите отсюда, что не накануне издания журнала предъявили мы свои требования народовольцам. И если эти требования остались до сих пор неудовлетворенными, если они не были даже поняты представителями народовольческой организации, то невозможно винить нас в этом обстоятельстве. Как бы ни пострадало начатое ими предприятие, они могут жаловаться только на себя и на независящую от нас путаницу в переговорах. Назваться же редактором народовольческого журнала, не будучи народовольцем на самом деле, значило бы ставить себя в крайне двусмысленное и неудобное положение. Предположим, что переговоры не привели ни к чему. Как должен был бы я поступить, если бы моя фамилия уже была подписана под объявлением? Выходить из редакции, печатно заявляя об этом? Но это был бы скандал, могущий вызвать очень много толков, вредящих успеху нашего общего предприятия. Не лучше ли подождать с моим вступлением в редакцию? Это тем более необходимо, что я еще не знаю, буду ли я в состоянии участвовать в редакции, даже в том случае, если бы переговоры наши и увенчались успехом. Это дело отнимает страшно много времени, а между тем Вы знаете, что я человек, совершенно не обеспеченный, который должен искать заработка или умирать голодной смертью. Роковая необходимость может заставить меня отказаться от дела, которому я сочувствую и желаю всякого успеха. Об этом я уже говорил Василию Игнатьевичу и просил не претендовать на меня, если нужда заставит отказаться от редакционной работы. Прошу о том же и Вас.

Статья Русанова кажется мне слабоватой: Иванюкова и катедер-социалистов он не только не поразил, но даже не разбирал, а между тем нам не следовало бы вступать в полемику с представителями официальной науки иначе, как нанося им тяжелый удар в общественном мнении. Впрочем, Вы и Василий Игнатьевич приняли ее и поправлять дело уже поздно [4].

Пока прощайте, многоуважаемый Петр Лаврович, и поверьте, что не недостаток уважения к Вам мешает мне подписать свое имя рядом с Вашим под объявлением об издании журнала.

Г. Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 95—97, под № 17.

[2] Речь идет о несогласии Плеханова войти в редакционную коллегию «Вестника Народной воли» (см. об этом подробно в статье Плеханова «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли», напечатанной в «Искре», № 54 от 1 декабря 1903 г. — Соч., т. XIII, стр. 23—33. См. также выше предисловие к публикации «Об издании библиотеки современного социализма»).

[3] *Ошанина*, Мария Николаевна (конспиративное имя Марина Никаноровна), урожд. *Оловенникова* (1853—1898) — революционерка-народница 70—80-х годов, ткачевского направления. В 1878 г. примкнула к «Земле и воле», в 1879 г. вошла в Исполнительный комитет «Народной воли». Эмигрировала в 1882 г. за границу, где и представляла вместе с Тихомировым «Народную волю».

[4] В своей статье «Банкротство буржуазной науки», начало которой напечатано в № 1 «Вестника», Тарасов (псевдоним Русанова), анализируя взгляды западных катедер-социалистов, разбирает также и книгу «русского катедер-социалиста» Иванюкова «Основные положения теории экономической политики с Ад. Смита до настоящего времени».

№ 11. Ф. ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

Лондон, 13 ноября 1883

Дорогая гражданка!

Я совершенно не в состоянии ответить на те вопросы, с которыми Вы обратились ко мне. Издание второго тома «Капитала» на языке оригинала сильно запаздывает [2]. Я должен был до сих пор заниматься, главным образом, 3-м изданием первого тома.

До сих пор я не получал из Санкт-Петербурга сведений относительно издания русского перевода II тома. Не думаю, чтобы в настоящее время в русской столице помышляли о подобном издании. Наверно сначала пожелали бы ознакомиться с немецким текстом [3].

С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что кризис может наступить со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свобода печати будет достигнута прежде, чем в Германии. В этом случае переводчик первого тома, г. Лопатин, мог бы претендовать на право перевода второго тома [4].

Мне кажется, было бы несколько преждевременным в настоящий момент притти к какому-нибудь окончательному решению. Я принимаю к сведению Ваше любезное предложение и сердечно за него благодарю. Может быть, через несколько месяцев все это станет яснее, и тогда мы снова сможем об этом побеседовать.

Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что Вы взяли на себя перевод моего «Развития [социализма] и т. д.» [5]. Жду с нетерпением появления Вашего произведения и вполне оцениваю честь, которую Вы мне оказываете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, уверения в моей глубокой преданности.

Ф. Энгельс.

[1] Настоящее письмо является вторым письмом Энгельса к Засулич. Первое, не сохранившееся письмо было ответом на просьбу, обращенную к Марксу, написать предисловие к русскому изданию «Манифеста». Засулич обратилась к нему с этой просьбой по инициативе Плеханова. Ввиду болезни Маркса, на письмо ответил Энгельс, прислав просимое предисловие, подписанное ими обоими. Настоящее письмо является ответом на предложение Засулич предоставить группе «Освобождение труда» право перевода второго тома «Капитала».

Засулич в это время еще не была лично знакома с Энгельсом; знакомство это состоялось лишь через 10 лет, незадолго до смерти Энгельса, на Цюрихском международном социалистическом конгрессе, в 1893 г.

Письмо опубликовано впервые в сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 137. Оригинал хранится в Доме Плеханова. Перепечатка производится из Собрания сочинений *Маркса и Энгельса*, т. XXVII, стр. 335—336.

[2] Второй том «Капитала» вышел на немецком языке только в 1885 г., в издании Отто Мейснера в Гамбурге.

[3] В действительности русский перевод второго тома «Капитала» вышел одновременно с немецким. Перевод делал Николай — он (Даниельсон) под редакцией Энгельса, по корректурным листам, которые Энгельс посылал в Россию по мере их поступления (см. об этом письма Энгельса к Даниельсону от 11 февраля, 23 апреля и 3 июня 1885 г. — *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 452, 459 и 469).

[4] Первый том «Капитала», вышедший в 1872 г., был переведен Германом Лопатиным совместно с Николаем — оном. О предложении Засулич Энгельс писал Лаврову 5 февраля 1884 г.: «...около двух месяцев назад Вера Засулич писала мне, чтобы я предоставил ей перевод. Я ответил, что преимущественное право на перевод остается за Лопатиным и что говорить об этом пока преждевременно. Но обсудить возможность напечатания перевода *в России* можно было бы уже и сейчас» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 352).

[5] Засулич перевела брошюру Энгельса «Развитие научного социализма» (три главы из «Анти-Дюринга»), вышедшую по-немецки в Цюрихе в 1883 г.

№ 12. Л. Г. ДЕЙЧ — ТОВАРИЩАМ [1]

[Конец 1883]

Товарищи-социалисты! Вы знаете уже, что мы, бывш[ие] «чернопередельцы», составляем теперь новую группу «Освобожден[ие] труда». Из брошюры Плеханова — «Социализм и полит[ическая] борьба», из объявления об издании «Библиот[еки] соврем[енного] социал[изма]» и из прилагаемой нашей программы Вы можете узнать, какие изменения произошли в наших воззрениях, какими целями задается теперь наша группа, а также, в чем заключаются наши разногласия с группой «Народ[ная] воля». Хотя все это в указанных произведениях изложено довольно обстоятельно, но я (как и другие мои товарищи) допускаю, что наше выступление, в качестве новой группы, все же может быть неверно истолковано и вызвать некоторые недоразумения среди лиц, близко к нам стоящих по своим воззрениям и стремлениям *.

* Этого легко было бы избегнуть, если бы раньше нашего выступления сюда приехал кто-нибудь от сочувствующих нам лиц и кружков, чтобы принять участие в наших обсуждениях дальнейших действий, как мы о том просили в письме, посланном нами еще летом. Это лицо, возвратившись в Россию, могло бы изложить мотивы, по которым мы сообща с ним нашли нужным выступить так, а не иначе, он разъяснил бы все то, чего нельзя печатно изложить. Но, к сожалению, на наше письмо не последовало не только приезда уполномоченного из России, но даже коллективного ответа, которого мы тщетно дожидались многие месяцы. (Может быть причиной тому была простая случайность или неудачный момент получения нашего письма: как бы то ни было, не видя никакого отклика с родины, мы принуждены

Поэтому, быть может, небесполезно будет изложить, насколько это возможно сделать письменно, обстоятельства и мотивы, побудившие нас выступить самостоятельной группой.

* * *

〈Когда осенью 1879 г. произошло распадение общества «Земля и воля» на группы «Нар[одная] в[оля]» и «Черн[ый] пер[едел]», мы, приставшие к последней, верили в возможность * сосредоточения всех революционных сил на деятельности преимущественно среди крестьянства и лишь между прочим среди городских рабочих, причем вполне игнорировали вопрос о политической свободе. Народовольцы, [как] вам известно, задавались обратной целью. Мы тогда думали, что существующая у большинства русского крестьянства общинная форма землевладения, его воззрения на предметы, не составляющие продуктов труда, как на объекты, не могущие составлять ничьей частной собственности (земля, леса, реки и пр.), его привычка к совместному труду (артели, помочи), — все это, думали мы, при благоприятных условиях, может служить социалисту-народнику исходным пунктом для его практической деятельности в народе, — базисом, на котором он может создавать в крестьянстве такие организации, которые, пользуясь существующими в народе требованиями и желаниями, стремились бы сплотить, если не весь народ, то значительную часть его〉. Такие организации, если бы даже не привели к скорой революции, то все же они развивали бы протестующий дух народа, приучали бы его к совместному отстаиванию общих интересов и пр. Но многие, признаться, верили, что, при благоприятных условиях, созданная социалистами-народниками широкая крестьянская организация может, в конце концов, привести к крестьянской революции, более даже успешной, чем были движения Стеньки Разина и Пугачева. 〈Многие допускали, что наш крестьянский мир, освобожденный от внешних стеснений, мог бы, после успешной революции, развиться в наиболее совершенный социалистический строй, под влиянием пропаганды интеллигенции, образцовых примеров и пр.〉. Но вследствие неспособности народа [к] насильственному достижению своих стремлений, при отсутствии в нем всякой способности активного протеста, крестьянские движения, думали мы, мыслимы в том лишь случае, когда революционная интеллигенция возьмет на себя инициативу в их подготовке**, когда она ***, живя в народ[е] и пользуясь всякими поводами повседневной жизни, создаст там организации, внесет в них революционный дух и сплотит их в одну «сильную армию». Естественно поэтому, что предварительной целью группы «Чер[ный] перед[ел]» должны были стать — агитация среди молодежи и вербовка элементов для этого рода деятельности и затем расселение возможно большего числа

были начать так, как нам самим казалось наилучшим и как требовали обстоятельства〉. — *Прим. Л. Г. Дейча.*

* Дальше вычеркнуто: «стояли за необходимость». — *Ред.*

** Дальше вычеркнуто: «этой революции». — *Ред.*

*** Дальше вычеркнуто: «отправится». — *Ред.*

людей в деревнях и выработка общего плана 〈действий〉, необходимого для * сплочения разрозненных крестьянских организаций. 〈Надо откровенно〉 признаться, 〈что〉 ко второй части этих задач «Черн[ый] пер[едел]» почти не приступил. Немногие народники, пребывавшие тогда в деревнях, приходили к заключению, что, вследствие всевозможных стеснений, немыслимо не только создание там [какой бы то ни было] организации, но даже какая бы то ни была деятельность 〈и что жизнь〉 в народе сводится лишь к прозябанию, 〈кое-какому ознакомлению с крестьянской средой, но что, при этом, среда эта с ее воззрениями и интересами крайне тягостна интеллигентному человеку, короче, что жизнь в народе, раз невозможны революционные организации, это не деятельность, а прозябание〉.

К такому выводу начали приходить все сколько-нибудь дельные народники в конце 70-х годов. Вот почему, отчасти по этой причине, 〈под влиянием неудовлетворенности простым сидением в деревне〉, отчасти — вследствие внешних препятствий (розысков правительства), в 80-м году, насколько мне известно, осталось всего каких-нибудь 3—4 человека из так называемых «стариков». С другой стороны, террористическая борьба, начавшая тогда же заявлять о себе, привлекала к себе все больше и больше революционных сил и средств, угрожая поглотить все лучшие, 〈сколько-нибудь деятельные〉 элементы передовой интеллигенции. Видя это, нетрудно было понять, что, будь программа народничества даже верна в основании, то сложившиеся в то время обстоятельства являлись вполне неблагоприятными для ** народничества, что и в этом случае нужно было бы выждать, пока сколько-нибудь улягутся напряженные преследования и ослабеет террористическая горячка революционной молодежи. Но, 〈как вы могли убедиться из брошюры Плеханова〉, при более серьезном ознакомлении с социалистическим учением, само народничество, с его надеждами на крестьянскую революцию, с его отрицательным отношением к политической *** свободе и [при] полном почти игнорировании городского населения,—предстало пред нами—в чем вы могли убедиться из брошюры Соц[иализм] и пол[итическая] борьба — как направление, задающееся, с одной стороны, несбыточными планами, с другой — несоответствующее современным русским условиям. Что крестьянская революция — в наши времена явление 〈вообще〉 немыслимое, в этом, надеюсь, никто более не сомневается ****[2]. А раз эта цель утопична, то какой смысл в крестьянских организациях и что может дать социалист-революционер в деревне? 〈Что выйдет из его пребывания там〉, если допустить, [что] самое пребывание его там мыслимо и если такое стремление существует еще у русской революционной молодежи? *При самых благоприятных условиях* наш «народник» должен был бы ограничиваться микроскопической культурной деятельностью, он должен был бы радоваться крохотным палиативным

* Дальше вычеркнуто: «создания». — *Ред.*

** Дальше вычеркнуто: «этого рода деятельности». — *Ред.*

*** Дальше вычеркнуто: «борьбе». — *Ред.*

**** Дальше вычеркнуто: «теперь очевидно всякому». — *Ред.*

мерам. Но вся суть в том, что серьезного стремления итти в деревню — надо сознаться — давно уже не существует у русских революционеров. Уже с 75—76 гг. они сперва инстинктивно, потом — сознательно находили невозможным «народничество» как практическое направление, и вся их защита и дебаты о нем объясняются, с одной стороны, неясностью для них современного социалистического учения, с другой — платонической лишь любовью, которую они питали к деревне. «Крестьян в России так много, положение их так плачевно!» — рассуждали народники, — и теперь, вероятно, еще продолжают — и, в ожидании того счастливого дня, когда им удастся, наконец, отправиться «в народ», сидели, конечно, в городах, где попали в тюрьмы, ссылки и на каторгу, не успевши окончить своих сборов.

А между тем тут же, под рукой у народника, было чуждое многих предрассудков крестьянина — рабочее население, умственный уровень которого настолько высок, что социалисту незачем ни переряжаться, ни прикидываться верующим в бога, почитающим царя и пр., почему деятельность в этой среде не может влиять тяжелым отупляющим образом на интеллигентного человека и не мешает ему продолжать заниматься своим собственным дальнейшим развитием. Но, несмотря на более легкий доступ в рабочую среду и на отзывчивость ее к социалистической пропаганде, эта среда почти совсем игнорировалась нашими народниками, ввиду преобладающего контингента крестьян и сборов в деревню. Они упускали из виду, что если бы даже все народники, разбросанные в разных концах России, собрались в одном-двух крупных промышленных центрах, то всех их едва ли оказалось бы достаточно для серьезной деятельности среди уже существующего контингента городских рабочих, число которых изо дня в день увеличивается, вследствие увеличивающейся промышленности и всеми признаваемого уже разложения крестьянской общины.

Если бы все эти годы велась сколько-нибудь серьезная пропаганда среди рабочих, если бы создавались там организации, — деятельность революционеров была бы несравненно плодотворнее, чем теперь, результатом ее была бы не одна сотня сознательных социалистов-рабочих.

Насколько ошибочны были наше отрицательное отношение к политической борьбе и наша уверенность в несовместимости ее с социалистическим учением, — в этом вы также, надеюсь, уже убедились. В брошюре «Социализм и политическая борьба» подробно объяснено происхождение этого ошибочного взгляда и доказано, что современный научный социализм (школа Маркса и Энгельса) не только не исключает политической борьбы, но, наоборот, он прямо ее предполагает. Поэтому скажу только, что под политич[еской] борьбой мы вовсе не понимаем одно совершение террористических фактов, которые могут занимать некоторое место в *практической деятельности* русских революционеров, что зависит от данных современных условий, но в *программу* партии, как неизменный прием борьбы, не должны быть внесены, так как с получением какой бы то ни было политической свободы — эти факты не могут и не должны уже совершаться, хотя политическая

борьба может и должна впредь вестись, как это [происходит] в Германии, Франции и др. [3]. Политическая борьба нам представляется более широкой задачей. Она должна состоять в развитии политического сознания в рабочей среде, в соединении всех оппозиционных элементов страны на ближайших минимальных требованиях и в * всесторонней агитации, начиная от адресов и петиций и кончая демонстрациями и прямым выступлением с оружием в руках на улице. При этом не надо лишь упускать из виду, что такой союз всех недовольных будет временный и что на обязанности социалистов [лежит] разъяснять рабочему населению, какие действительные улучшения может принести политическая свобода, нисколько не стараясь идеализировать ее.

Почему же, в таком случае, ⟨быть может, спросят некоторые⟩, не могло состояться наше соединение с «Нар[одной] в[олей]»? Чтобы вполне ответить на этот вопрос, я попробую насколько возможно подробнее рассказать Вам о наших переговорах с ними по этому поводу. Еще в [18]81 году, когда уже ** ясно сложились у нас вышеизложенные марксистские наши взгляды и когда, судя по некоторым данным, казалось, что и у народовольцев произошла перемена во взглядах, в смысле большего, чем прежде, напирания на рабочую среду (издание «Рабочей газеты», заведение там организаций и пр.), — у нас завязались с ними переговоры о соединении. Как и теперь, мы и тогда находили крайне вредным для общереволюционного дела дробление сил и средств, а потому готовы были мириться с некоторыми разногласиями. Мы соглашались, как группа, примкнуть к организации «Нар[одной] воли», признавая в то же время выгодным удержать ее название, приобревшее большую известность. Подробнее ознакомившись, при переговорах с народовольцами, с их практическими задачами — совершением политического переворота с целью захвата власти, для чего было им необходимо, как они выражались, «собирание сил, где только они представляются» (их слова), — мы указывали им как на утопичность этой цели, так и на могущий произойти от нее сильнейший вред для социалистического дела. Тогда, в начале наших с ними переговоров, т. е. весной прошлого года, они находили наши разногласия несущественными. Затем весною и летом прошлого года произошли обширные аресты в Москве, Питере и др[угих] гор[одах]. Почти все старики были арестованы, и вопрос о нашем соединении, как нами, так и немногими уцелевшими из них, был как-то забыт. Но мы, конечно, продолжали помогать «Нар[одной] воле» во всем, в чем только они нуждались и чем мы могли [им] помочь. Наконец, летом настоящего года, ввиду предпринятого ими издания здесь «В[естника] Н[ародной] в[оли]», раньше чем принять в нем то или другое участие, мы сочли нужным определить наши отношения к организации «Н[ародной] в[оли]» и тем покончить с вопросом о [нашем] присоединении. Но на наше об этом заявление народовольцы отве-

* Дальше вычеркнуто: «самой». — *Ред.*
** Дальше вычеркнуто: «окончательно». — *Ред.*

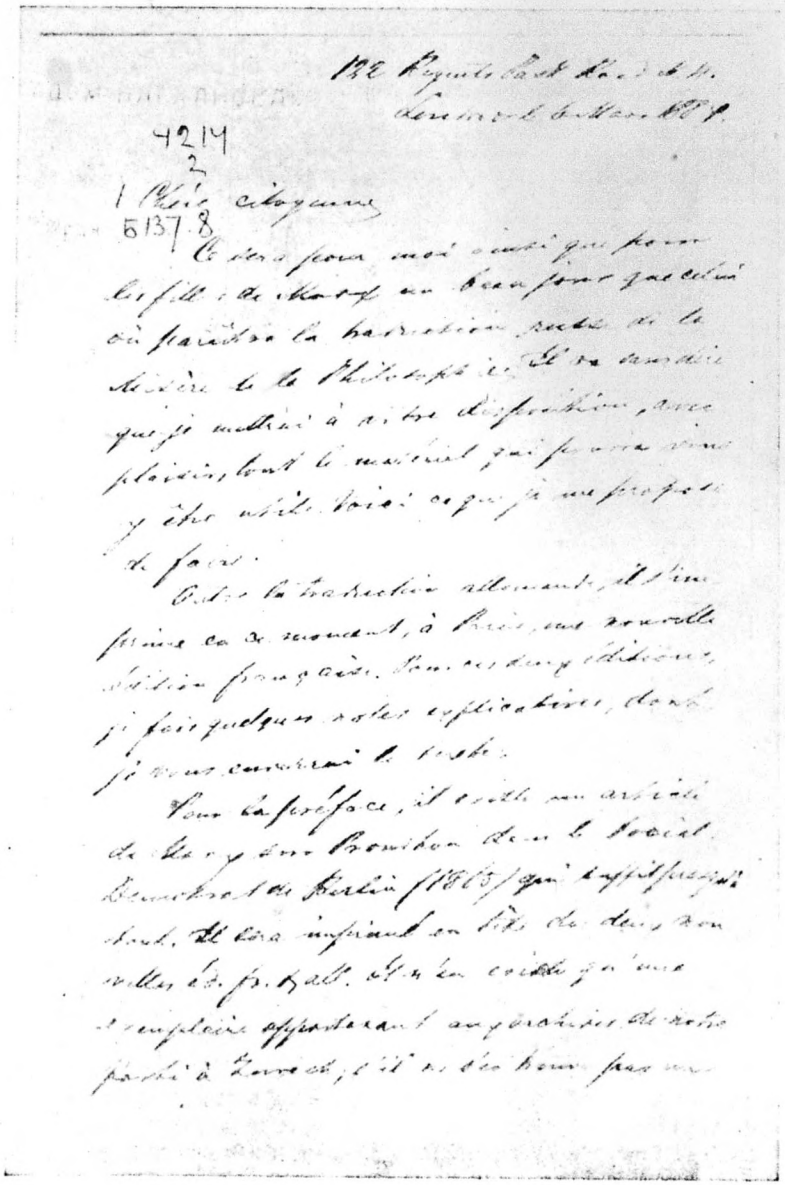
тили, что присоединение целой группой к организации «Н[ародной] в[оли]» не может состояться, так как этого не допускает их устав, — мы можем присоединиться к партии «Нар[одной] воли» только каждый в отдельности. К тому же, говорили они, ввиду имеющихся у нас с ними разногласий, мы, присоединившись к организации, своим большинством гнули бы в нашу сторону. Для нас, конечно, важно было бы участие в «Н[ародной] воле» в том случае, когда мы так или иначе могли бы влиять на внесение тех или других поправок, изменений как в их теоретической программе, так и в практических их задачах. Но, раз это оказывалось невозможным, для нас пропадал всякий смысл присоединяться к ним в одиночку: считаться в партии «Н[ародной] в[оли]», брать на себя, хотя бы косвенно, ответственность за совершаемые ею промахи и ошибки, не будучи в состоянии влиять на дела организации, — конечно, не имеет никакого смысла.

Как видите, нам нельзя было присоединиться к «Н[ародной] в[оле]». С другой стороны, и народовольцы правы, с своей точки зрения, не желая присоединения к их организации людей, во-первых, не разделяющих целиком их воззрений, а во-вторых, не имеющих за собою ни сил, ни средств, ради которых им стоило бы делать уступки и отступления от пунктов их устава. Если бы народнические кружки чем-либо заявляли о своем существовании, если бы у нас имелись серьезные связи с Россией, я думаю, могло бы состояться соединение на разумных и не обидных для обеих сторон основаниях. Но теперь это соединение невозможно; из этого, конечно, не следует, чтобы между нами и ими существовали враждебные отношения: наоборот, мы, по крайней мере, будем употреблять все усилия, чтобы не допустить до каких-нибудь неприятных столкновений, как бы нам ни были несимпатичны те или другие поступки народовольцев. Вражда революционных кружков, ослабляя их собственные силы, может принести пользу лишь нашим врагам.

Товарищи! Вы знаете теперь наши взгляды и стремления, вы знаете, что́ побудило нас выступить в качестве новой группы. От вас теперь зависит наш успех или поражение. Мы, что можем, то готовы и будем делать. Если вы не окажете поддержки нашим литературн[ым] предприятиям, в необходимости которых мне незачем вас убеждать, — нам придется прекратить свое существование как группы. Поэтому, если вы разделяете наши воззрения и стремления, то постарайтесь войти в более тесные сношения с нами, организуйте правильные сборы на литературные наши издания, присылайте всякого рода материалы и пр. Обо всем этом, конечно, лучше всего было бы условиться и сговориться с уполномоченным от вас, которому вы могли бы дать указания, какие поправки и изменения вы находите нужным сделать в нашей программе, какие произведения вы считаете более необходимыми и пр. Мы, конечно, охотно согласились бы со всеми вашими указаниями, раз бы только они клонились к успеху общего дела.

Шлем товарищам привет и всевозм[ожные] пожелания.

Евг[ений].



Письмо Ф. Энгельса к В. И. Засулич от 6 марта 1884 г.

[1] Настоящее письмо Л. Г. Дейча, адресованное «товарищам» и написанное по поручению группы «Освобождение труда», имело целью разъяснить как народовольцам, так и чернопередельцам, работающим в России, почему не состоялось объединение, которого все ожидали и переговоры о котором в русских революционных организациях в то время еще не прекратились. Вместе с тем в этом письме русские товарищи, близкие по идеям к группе «Освобождение труда», были призваны к ее поддержке.

Письмо было опубликовано целиком впервые в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 225—231 (до того в печати был известен только его конец, опубликованный в сб. «Гр. Осв. тр.», III; первая часть письма была найдена позднее). Дата письма — бесспорно конец 1883 г., после выхода брошюры «Социализм и политическая борьба», т. е. после октября 1883 г. Согласно указанию Л. Г. Дейча в примечании к последней публикации письма, оно было отвезено в Россию вдовой Александра Хотинского — Верой Григорьевной Личкус.

При перепечатке письма из «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, зачеркнутые в оригинале и заключенные в угловые скобки места оставлялись в тексте лишь в тех случаях, когда они не нарушали его цельности; в остальных случаях они выносились в подстрочные примечания.

[2] Л. Г. Дейч по вопросу о возможности революционного движения среди крестьянства, как и другие члены группы «Освобождение труда», держался иной точки зрения, чем Маркс и Энгельс. В предисловии к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1882 г. они пишут, что русская революция может послужить сигналом рабочей революции на Западе (см. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 601). Что под русской революцией они подразумевали в то время именно крестьянскую революцию, ясно из публикуемого ниже письма Энгельса к Засулич от 23 апреля 1885 г.

[3] Пункт о применении тактики индивидуального террора, отразивший ошибочные взгляды группы «Освобождение труда» по этому вопросу, тем не менее был внесен в первый проект программы группы, составленный в 1884 г. Во втором проекте, написанном в 1887 г., он уже отсутствует (см. выше публикацию обеих программ).

№ 13. Ф. ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

Лондон, 6 марта 1884

Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе [2]. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может Вам быть полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого издания, в настоящее время в Париже печатается новое французское издание. Я пишу кое-какие примечания к этим двум изданиям и текст их пришлю Вам [3].

В качестве предисловия можно взять статью Маркса о Прудоне из берлинского «Sozialdemokrat» (1865 г.). Там сказано почти все, что нужно. Она будет напечатана в качестве введения в обоих новых изданиях, французском и немецком [4]. Статья эта сохранилась только в одном экземпляре, принадлежащем архиву нашей партии в Цюрихе. Если не найдется другого среди бумаг Маркса или моих (я узнаю это в ближайшие недели), Вы легко можете получить копию этой статьи через Бернштейна.

Для немецкого издания мне придется написать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов о том, что в «Капитале» Маркс совершил плагиат у Родбертуса, и доказать, что, наоборот, Маркс подверг Родбертуса критике уже в «Нищете [философии]» до того еще, как Родбертус успел написать свои «Социальные письма». Мне кажется, что для русской публики, куда еще не проникли наши псевдо-социалисты, это не представляет интереса. Впрочем, судите сами. Материал, если угодно, в Вашем распоряжении [5].

То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России. Вы просите меня указать Вам книги для перевода. Но ведь Вы уже перевели или обещали перевести почти все произведения Маркса. Из моих Вы уже взяли лучшие. Остальные наши немецкие книги либо слабы в теоретическом отношении, либо ограничиваются вопросами, представляющими интерес главным образом для Германии. В последнее время французы написали довольно много хороших вещей, но все это пока лишь первые ростки. Изложение «Капитала», написанное Девилем, удачно в своей теоретической части, но описательная часть написана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знаком с оригиналом [6]. К тому же, это слишком велико для популярного изложения. Тем не менее, мне кажется, что, если его переработать, из него можно было бы сделать хорошую вещь. Популярное изложение «Капитала» было бы очень полезно в стране, где самую книгу можно достать лишь с трудом.

Говоря о положении в России, я, конечно, имел в виду в частности также и финансы, но не исключительно их. Положение правительства, которое, как петербургское, находится у последней черты, и царя-пленника, каким является гатчинский отшельник, не может не становиться все более и более напряженным. Разорены как дворяне, так и крестьяне, армия оскорблена в своих шовинистических чувствах и возмущена комедией, которую она видит ежедневно, — государем *, который прячется; необходимость войны для того, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству, и в то же время невозможность предпринять ее из-за отсутствия денег и неблагоприятной политической конъюнктуры; могучий разум нации горит желанием разбить сковывающие его цепи; ко всему этому полнейшее отсутствие денег и нож деятелей **, приставленный к горлу правительства, — мне кажется, каждый месяц должен обострять трудности положения, и если бы нашелся конституционно настроенный и смелый великий князь, само русское «общество» должно было бы видеть в дворцовой революции наилучший выход из этого тупика. Спасут ли Бисмарк и Блейхредер [7] своих новых друзей? Сомневаюсь. Я скорее склонен задать себе вопрос о том, который из двух союзников обворует другого.

* Слово написано по-русски. — *Ред.*
** Слово написано по-русски. — *Ред.*

Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли или в «Отечественных записках» он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал ответ, который, повидимому, был предназначен для опубликования в России, но никогда не посылал его в Петербург, боясь, что одно его имя скомпрометирует журнал, где будет напечатан его ответ [8].

Преданный Вам
Ф. Энгельс.

Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным [9]. Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 139—141. Оригинал хранится в Доме Плеханова. Перепечатка производится из Собрания сочинений *Маркса* и *Энгельса*, т. XXVII, стр. 360—362.

[2] «Нищета философии» Маркса вышла в переводе В. И. Засулич, под ред. Плеханова, в 1886 г. в изд. «Библиотеки современного социализма».

[3] «Нищета философии» вышла впервые на французском языке в 1847 г. одновременно в Париже и в Брюсселе. С этого издания был сделан немецкий перевод Каутским и Бернштейном, который появился только в 1884 г. Объяснительные примечания, о которых говорит Энгельс, были использованы Засулич и вошли в виде подстрочных примечаний в сделанный ею русский перевод брошюры.

[4] Энгельс имеет в виду «Письмо Маркса к редактору «Sozial-Demokrat», напечатанное в № 16, 17 и 18 этого органа за 1865 г. Это письмо опубликовано в ряде изданий «Нищеты философии», в том числе в большинстве русских изданий, начиная с первого издания 1886 г., под заглавием: «Карл Маркс о Прудоне».

[5] Энгельс говорит здесь о своем предисловии, датированном 23 октября 1884 г. и вошедшем почти во все русские издания «Нищеты философии», в том числе и в издание 1886 г.

[6] Имеется в виду книга Габриэля Девилля «Le „Capital" de Karl Marx résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique» («Капитал» Карла Маркса, резюме, с приложением очерка научного социализма»). Теоретическая часть этого труда была просмотрена Энгельсом (см. его письмо Лаврову от 5 февраля 1884 г. — *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 352).

[7] *Блейхредер*, Герсон (1822—1893) — немецкий банкир, глава банковой фирмы в Берлине.

[8] Речь идет о так называемом «Письме Маркса к Михайловскому», в действительности адресованном им в редакцию «Отечественных записок», где была напечатана статья Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Письмо Маркса было опубликовано в 1886 г. в «Вестнике Народной воли», № 5, и в 1888 г. легально в «Юридическом вестнике», № 10 (см. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 375—378).

[9] Энгельс имеет в виду переведенную Засулич брошюру «Развитие научного социализма».

№ 14. Ф. ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

В Женеву.

Лондон, 23 апреля 1885

Дорогая гражданка!

Я еще не ответил Вам на письмо от 14 февраля. Вот причины задержки, которая произошла, конечно, не из-за лени.

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия», — для этого мне нужно было ее прочесть, и я читаю на русском языке довольно свободно, когда позаймусь им в течение недели, но бывает, что я по полгода не имею возможности этого сделать; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его, так сказать, заново. Так именно и произошло с «Разногласиями». Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых, в конце концов, тоже не выставишь за дверь; приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют еще переводы (итальянские, датские и т. д.) моего «Происхождения [семьи]» [2], которые меня просят просматривать, а их проверка иной раз является далеко не лишней и вовсе не легкой работой. Все эти помехи не позволили мне подвинуться дальше 60-й страницы «Разногласий». Если бы у меня нашлось три свободных дня, я покончил бы с ними, да к тому же освежил бы свои знания русского языка.

Но и того немногого, что я прочел из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны.

Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили [3]. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение.

То, что я знаю или думаю что знаю о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что русские приближаются к своему 1789 г.: революция *должна* разразиться в течение определенного времени; но она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта [4]. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, — другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и освободить актом, самим по себе незначительным, такие

взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), — люди, которые подожгли фитиль, будут сметены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и сопротивлений.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но, если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избегли не многие исторические деятели *. Посмотрите на Бисмарка — революционера поневоле — и Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем [5].

По-моему, важно, чтобы в России был дан толчок для того, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, это для меня не так важно. Если это дворцовый заговор, он будет сметен на другой же день. Там, где положение так напряжено, в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нетерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовыми воротилами и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начаться 1789 г., как за ним не замедлит последовать 1793.

Я прощаюсь с Вами, дорогая гражданка. Уже половина третьего ночи, а завтра перед отправкой почты я не успею ничего к этому добавить. Если Вам удобнее, пишите мне по-русски, но будьте добры не забывать, что *писанные* русские буквы мне приходится читать не каждый день.

Преданный Вам
Ф. Энгельс.

[1] Письмо опубликовано впервые в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 24—27. Оригинал хранится в Доме Плеханова. Перепечатка производится из Собрания сочинений *Маркса* и *Энгельса*, т. XXVII, стр. 461—463.

[2] Речь идет о брошюре Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

* Слово написано по-русски. — *Ред.*

[3] Друзья из народовольцев — Герман Лопатин и Лев Гартман.

[4] 13 марта по новому стилю, т. е. 1 марта по старому, — день убийства Александра II.

[5] Ярый враг социал-демократии, автор исключительного закона против социалистов, «железный канцлер» Отто *Бисмарк* (1815—1898) вел тактику заигрывания с рабочими, выразившуюся в ряде уступок и поблажек им. Однако все его попытки отвлечь рабочих от революционных идей этим так называемым «социальным законодательством» не дали никаких результатов.

Выдающийся английский государственный деятель, вождь либеральной буржуазии Вильям *Гладстон* (1809—1898) проявлял симпатии к русскому царизму во время русско-турецкой войны 1877 г., а Александра III называл «божественной фигурой севера» («divin figure of the North»).

№ 15. В. И. ЗАСУЛИЧ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

[Весна 1885]

Уважаемый гражданин,

Посылаю Вам еще три наших издания (не для того, конечно, чтобы Вы читали их, а просто, чтобы Вам их показать) [2]. Первая часть «Нищеты» уже напечатана: издание задержалось, так как перевод второй части был плохо сделан и пришлось его переделать от первой до последней строки.

Теперь несколько слов, имеющих большее или меньшее отношение к теме Вашего последнего письма. Близка или не близка революция в России, все равно мы можем воздействовать только на подлинно революционные элементы, из которых рекрутируются наши заговорщики, наши подпольные организации. Так вот, для этих элементов настоящий момент не есть момент прямого действия, охоты за царем. Может быть, этот момент продлится всего 2—3 года, но сейчас самый ярый бланкист не может делать ничего другого, как только заниматься пропагандой. Это потому, что, с одной стороны, весь контингент наших подпольных организаций состоит в настоящий момент из совсем зеленых студентов — ибо все сколько-нибудь зрелые элементы были выметены с поля действия, — и непременно должно пройти некоторое время, пока эти студенты успеют немного вырасти, чтобы стать заговорщиками, способными организовать систематический террор наподобие террора 1880—1881 годов. А с другой стороны, кредо Народной воли уже не удовлетворяет этих студентов, за исключением нескольких небольших групп ортодоксов. У большинства все поставлено под сомнение, не исключая всемогущества динамита, захвата власти и даже самой сельской общины.

И не наша вина или заслуга в этом возрождении интереса к вопросам, которые считались навеки решенными, с тех пор как началась террористическая борьба. Гораздо раньше, чем наши брошюры проникли в Россию, это смятение умов уже давало себя чувствовать очень сильно...

[1] Настоящее письмо, представляющее собой незаконченный черновик, является ответом на предыдущее письмо Энгельса, от 23 апреля 1885 г. Печатается впервые, с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] По всей вероятности, это были брошюры П. Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия», С. Дикштейна «Кто чем живет» и К. Маркса «Речь о свободе торговли». Следующим изданием была «Нищета философии», которая в это время, как видно из письма, еще не вышла.

№ 16. ГРУППА БЛАГОЕВА — ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»[1]

[Спб., март — апрель 1885]

...Теперь несколько слов по поводу брошюры «*Наши разногласия*».

Современный радикализм в России болен отсутствием критики к установленным программам, инертностью и рабским отношением ко всякому слову, выпущенному генералом от революции [2]. В значительной доле это зависит от теоретической неподготовленности большинства радикалов [3]: время здесь идет страшно быстро, много уходит на разные собрания, свидания, конспирации и т. п.; прибавьте к этому постоянное напряжение нервов, необеспеченность насчет завтрашнего дня, — и вы поймете, что работа самообразования должна подвигаться чрезвычайно туго.

И при всем этом мысль все-таки искала выхода, отдельные личности не могли да и не хотели помириться с постановкой дела, ожидали переработки программы, во мнениях и взглядах «народовольцев» замечалось полнейшее «смешение языков».

Период 1883—1884 гг., когда не появлялось никакого руководящего органа (ибо нельзя считать за принципиальные «Листки Н[ародной] в[оли]», «Календарь» и первый № «Вестника [Народной воли]», притом количество разошедшихся в Рос[сии] «Вестников» приходится считать единицами), был периодом полнейшей анархии мысли в среде господствующей *партии* народовольцев. Большинство ждало разрешения сомнений от 10-го № [4] или из-за границы. А ответа на мучившие вопросы все не было... Наконец, это невозможное положение разрешилось разрывом, отделением «Молодой партии» [5]. Это был крик отчаяния, протест против сдавливающих, удушающих условий старого народовольства, выродившегося более чем в «бланкизм», выродившегося в русское генеральство.

В начале 1884 г. вышло «Воззвание от союза молодежи», и разрыв выразился до того сильно, что члены противных лагерей *старались не встречаться* у общих знакомых. Дело доходило до инсинуаций (последнее, впрочем, относится больше к «старикам») [6]. Так дело шло до лета. Возобновившиеся переговоры привели, наконец, к соглашению, и программа «Молодой партии» была сожжена до выпуска в свет. Соглашение это будет понятно, если принять во внимание, что «молодяки» хотели «влить новое вино в мехи старые»: они всегда объявляли, что ни в каком случае не хотят отказываться от принципов старого народовольства и хотя бы на иоту изменять «прогр[амму] И[сполнительного] к[омитета]» [7].

Таким образом кончился тогда раскол в партии, кончился по крайней мере формально. Вы, однако, понимаете, что это соглашение совсем не гарантировало внутреннего единообразия в мыслях согласившихся.

Диссонансы не уменьшались и после этого «единения». Главное, все ожидали нового слова, пересмотра программы от главарей.

И вот, наконец, четыре года ожидаемый принципиальный № «Н[ародной] воли» вышел. Однако вместо ожидаемого пересмотра он принес одно только слово: «во фронт!» Как бы то ни было, а это было все-таки разрешение сомнений. Статья г. Тихомирова, на которую здесь указывали все «старые» как тоже на принципиальную, повторяла этот выкрик с припевом «Гром победы, раздавайся [8]...»

Совершенная определенность воззрений, высказанная в 10 №, с одной стороны, непрочность тезисов, на которые опирались «молодяки», с другой, все это, сопутствуемое «репутацией», «престижем», «традициями» и другими не менее доказательными вещами, сделало то, что «шатание мысли» было опять урегулировано, приведено к одному знаменателю. Насколько это жестоко и нерасчетливо, понятно само собой. Ведь это значит — создавать культ народовольства с догматами веры, с фанатизмом и с освящением слепого повиновения. В этом случае нужно радикальное средство, которое бы поспособствовало прочищению тумана в головах «молодяков», которое бы — хочешь не хочешь — заставило оглянуться на те идолы, которым, не рассуждая, поклонялся...

Таким сильным средством является брошюра «Наши разногласия». Если эта книга и не заставит вполне примкнуть к мнениям нашей группы (хотя наблюдалось уж и такое явление), то несомненно, что она даст массу материала для критики народовольской программы, а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы. Если возможно будет, присылайте этой брошюры побольше, норовите прислать до каникул (каникулы с 1 июня), чтобы можно было разослать по России. Присылайте также и все другие брошюры ваши. Подбор их у вас оч[ень] хорош. Поскорее отвечайте насчет транспорта, получили ли деньги? Известите, тогда мы тотчас же вышлем еще руб. 200... Только доставку-то обеспечьте, а то у нас дело пойдет в ход. Почему-то от вас давно нет ни посылок, ни писем, не знаем, получили ли вы адреса. Как можно аккуратней заделывайте, а то прошлый раз из Ц[юриха] прислали — просто безобразие, совсем влопать можно адресатов-то. Непременно материю нужно употреблять. Хорошо бы еще женевский один адрес прислали, а то у вас, очевидно, не особенно легко быстро обмениваться (это мы заключаем из того, что насчет негодности адреса не сообщили и насчет заделки). Если можно, так посолиднее транспорт-то ведите. Хватит денег и надежно устано́вите границу, так надо будет Герцена экз[емпляра] два — здесь просят, Черныш[евского] — один экз[емпляр], отдельно 5-й том, затем непременно «В[естник] Н[ародной] в[оли]» [номеров] 3-х и 4-х [9], хоть экз[емпляров] по 5 — minimum, как можно больше и скорее присылайте брошюры «Наши разногл[асия]» и «Соц[иализм] и пол[итическая] б[орьба]», а также изд[ания] «Раб[очей] библ[иотеки]» [10]. Пишите, что нужно для специалиста [11] по прив[атной] части, получили письмо, в котором вам написано, куда ему обратиться, все это надо поаккуратнее, чтобы не провалить все предприятие...

Насчет 2 №«Рабочего» — дела немножко запутались, собственно, вот нужно бы было небольшую передовицу еще... А просят непременно выпустить поскорее — рабочие ждут с нетерпением, а мы лишились двух деятельных сотрудников на время, хорошо бы, если [бы] кто из вас прислал, выпустить думаем в конце апр[еля] хоть, а сюда ее надо бы на Фоминой [12]. И материал по рабочему движению за посл[еднее] время тоже к тому времени присылайте. Напишите, в каком виде вы получаете книги? Интересно сравнить, что это за история, что всегда переплет попорчен[ный] сильно приходит. Посылаем опыт обоснования программы, это хотели выпустить для публики, теперь погодим, чтобы сообща действовать. До лета во всяком случае либо мы увидим кого-либо из ваших, либо к вам приедет... Одного нашего товарища выслали за границу, так по всем вероятиям он к вам проберется, пишем на всякий случай, чтобы вы не смутились; когда поедет, известим. А транспорт во что бы то ни стало доставляйте — это самое важное теперь.

Вам очень кстати будет познакомиться (в видах того, что вы собираетесь разбирать Успенского и К° [13]) с последним произведением Толстого — одного поля ягодка-то. Посылаем только что вышедшее литографиров[анное] изд[ание] 1-й части и гектогр[афированное] — 2-й. В последнем, по нашему мнению, заслуживает внимания часть о деньгах — сильно довольно написано [14]. Послали 2 №№ «Рабочего» в Цюрих. При разборе произведений Усп[енского] вы, конечно, не одну «Власть земли» возьмете, а особенно любопытны для выяснения идеалов этой компании ст[атьи] в «Р[усской] м[ысли]» за 84 и 85 гг.: «Трудами рук своих», «Через пень-колоду» и пр. [15]... Как интересное дополнение вообще о настроении здешних литературных кружков, поголовном унынии каком-то и вялости, по всем вероятиям, для сборника будет прислана статья публицистического характера на эту тему.

Что бы пораньше насчет адреса, теперь поздновато будет, постараемся все-таки на-днях изготовить. Не можете ли прислать сведений о «Сев[ерно]-русск[ом] раб[очем] союзе» — не знаю, где найти-то — нужно знать, а источников нет. Вообще из прежних русских изд[аний] — сто́ящих — нельзя ли чего-нибудь прислать? Малороссийских не забудьте, потому что для этого специально дана известная сумма. Хорошо бы было для рабочих издать нечто вроде рабочих катехизисов или календаря; за границей, кажется, они распространены. Пришлите один экземпляр, можно будет перевести и издать хотя литографированный.

Затем шлем привет вам от всех товарищей.

Адрес для бандер[олей] отправлен.

[1] Настоящее письмо является одним из писем, отправленных группой благоевцев из Петербурга за границу членам группы «Освобождение труда». Группа благоевцев возникла в 1884 г. и прекратила свое существование в 1887 г. По свидетельству ее организатора Д. Благоева (1855—1894), в 1885 г. эта группа, или как она себя называла «Партия русских социал-демократов», состояла из 15—16 студентов, одного архитектора, одного журналиста и двух старых чернопередельцев (см. статью Д. Кольцова «Конец Народной воли и начало социал-демократии» в книге А. Туна «История революционных движений в России», Женева, 1903, стр. 246). Группа вела пропаганду социал-демократических взглядов среди интеллигенции и среди рабочих, преимущественно на сталелитейном заводе на Васильевском острове. Она издавала свою подпольную газету «Рабочий», но успела выпустить только два номера.

Идейная и организационная близость группы Благоева и группы «Освобождение труда», несмотря на некоторые их расхождения, выразилась в переписке, завязавшейся в марте 1885 г., и в совместной организации транспорта в Россию изданий группы «Освобождение труда». Переписка носила частью теоретический характер, касаясь обсуждения программных вопросов, частью организационный, относящийся к вопросам транспорта. Несколько писем с одной и другой стороны, относящихся к марту и апрелю 1885 г., помещены в «Историко-революционном сборнике», т. II, Л., 1924, стр. 187—189, 190—191.

Настоящее письмо опубликовано впервые в сб. «Гр. Осв. тр.», VI, стр. 130—132. Печатается с автографа, хранящегося в Доме Плеханова. Начало письма не сохранилось.

[2] Автор письма имеет в виду Л. Тихомирова.

[3] Слово «радикал» в то время обозначало — социалист.

[4] № 10 «Народной воли» вышел в сентябре 1884 г.

[5] Фракция «Молодой Народной воли» возникла после разгрома Исполнительного комитета в середине 80-х годов. Во главе ее стоял известный революционный поэт Якубович (Мельшин).

[6] «Стариками» в то время считались Лопатин, Бах, Сухомлин, Салова.

[7] Молодые народовольцы считали нужным «внести некоторые серьезные поправки как в строй организации партии, так и в самую программу ее деятельности». Последнее относилось к вопросу о терроре. Они находили, что фабричный и аграрный террор более близок «к насущным нуждам и интересам рабочего люда», чем террор политический. Особенное значение они придавали фабричному террору, видя в нем «одно из орудий агитации» и способ сближения партии с народом.

После переговоров, удовлетворивших фракцию, она поместила в № 10 «Народной воли» свое заявление, где указывала, что разногласия эти не столь существенны, чтобы сделать необходимым «разрыв организации на две части» («Народная воля», № 10, стр. 11).

[8] Имеется в виду большая передовая статья № 10 «Народной воли», являющаяся единственной программной и тактической статьей этого номера, и статья Л. Тихомирова «Чего нам ждать от революции», напечатанная в № 2 «Вестника Народной воли», вышедшем в апреле 1884 г.

[9] № 3 «Вестника Народной воли» вышел в 1884 г., № 4 — в январе 1885 г.

[10] В издании «Рабочей библиотеки» к этому времени вышли брошюры П. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия» и С. Дикштейна «Кто чем живет».

[11] «Специалист» — кличка лица, которое ведало транспортом со стороны группы Благоева.

[12] № 2 «Рабочего» вышел в июле 1885 г. Плеханов дал для него статью «Современные задачи русских рабочих» и П. Аксельрод — «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия».

[13] Статья о Г. Успенском, вошедшая в серию «Наши беллетристы-народники», была написана Плехановым только в 1888 г. для сборника «Социал-демократ».

[14] Вероятно, имеется в виду относящаяся к этому времени работа Л. Толстого «Какова моя жизнь?», вторая часть которой носит название «Деньги». Книга вышла в Женеве в издании Элпидина — первая часть в 1886, вторая в 1887 г.

[15] Первый рассказ напечатан в № 11—12 «Русской мысли» за 1884 г., второй — в № 1—2 за 1885 г.

№ 17. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [1]

Дорогой Павел! [Весна 1885]

...Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает

нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть — не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно. Авось еще и нам улыбнется счастье! А что страдаем мы не напрасно, — это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева [2]. Если так, то наша беда — еще пол-беды. Пока до свиданья, мой горячий привет всем Вашим вообще и *der* Верочке [3] в частности. Скажите этой последней, что я собираюсь привезти к ней в гости свою Лидку [4]. Если увидите Грэйлиха [5], спросите его, не нужна ли ему книга Риттингаузена [6] и могу ли я оставить ее у себя еще на некоторое время. Кланяйтесь ему. Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству [7]. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты [8]. Еще раз всем привет. Видитесь ли Вы с Ивановой? [9]

Г. Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода»; т. I, М., 1925, стр. 21, под № 1, с датой: «лето 1885 г.». Начало письма, носящее чисто личный характер, опущено. Перепечатка производится с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] Переписка Благоева с группой «Освобождение труда» началась после его приезда в Болгарию в середине марта 1885 г., когда он был арестован и выслан на родину как болгарский подданный. Благоев немедленно установил связь с группой, завязав с ней переписку по программным вопросам. Письмо, упоминаемое Плехановым, в архиве не сохранилось, но там нашлось другое, несколько более позднее письмо, которое мы печатаем ниже (см. письмо № 18).

[3] *Аксельрод*, Вера Павловна — дочь П. Б. Аксельрода.

[4] *Плеханова*, Лидия Георгиевна — старшая дочь Г. В. Плеханова.

[5] *Грэйлих*, Герман (1841—1925) — лидер швейцарской социал-демократической партии, основанной в 1889 г.

[6] *Риттингаузен*, М. (1814—1890) — германский социал-демократ, теоретик прямого народного законодательства. Возможно, что речь идет о его книге «Die direkte Gesetzgebung» («Прямое законодательство»), так как Плеханов интересовался этим вопросом в связи с выработкой программы (см. выше публикацию «Второй проект программы»).

[7] Плеханов имеет в виду поездку к Ф. Энгельсу, жившему в Лондоне. Его же он называет ниже Фридрихом Карловичем. Поездка эта состоялась, однако, лишь в 1889 г., после Парижского международного социалистического конгресса.

[8] Шутка Плеханова имеет в виду известную фразу Руссо, повторенную Прудоном: «La propriété c'est le vol» («Собственность это кража») и ее критику, данную Марксом в письме в редакцию «Sozial-Democrat», известном под заглавием «Карл Маркс о Прудоне».

[9] *Иванова*, Вера Семеновна — бернская студентка, близко стоявшая к группе «Освобождение труда».

№ 18. Д. Н. БЛАГОЕВ — ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» [1]

София, 28 мая 1885

Ваши соображения, господа, совершенно справедливы, и мне остается примириться с своим положением в Болгарии, по крайней мере на время. Приехать к вам я страстно желаю, но средств пока нет. Подожду и увижу.

Не отвечал вам так долго, потому что поджидал из Добруджи одного человека — доктора, чтобы переговорить с ним обо всем, что относится до наших здесь обязанностей. Хотя он неделю как написал, что отправился уже к нам, но еще не приехал, и ждать его пока не стану. Мне, собственно, хотелось с вами потолковать о некоторых теор[етических] вещах, относящихся до программы с[оциал]-д[емократов] и вашей [2]. При этом очень сожалею, что вы не написали хотя вкратце сущность ваших возражений против программы с[оциал]-д[емократов]. Потому я положительно не знаю, против чего приходится спорить. Из ваших брошюр я читал две только: «Соц[иализм] и пол[итическая] борьба», «Научный социализм» Энгельса. Третью, о которой я узнал здесь, не читал и не мог достать ее [3]. Таким образом я знаком с вашими теор[етическими] взглядами по первой брошюре. Относительно ваших практических воззрений познакомился по программе «Осв[обождения] тр[уда]». Во избежание недоразумений и повторений выскажу вкратце наши теор[етические] и практич[еские] соображения, результатом которых явилась пр[ограмма] соц[иал]-д[емократов].

Теоретические обоснования прогр[аммы] соц[иал]-д[емократов] в существ[енных] своих чертах следующие.

Для осуществления социализма нужны коллективные формы, обобществление труда и производства. *Без этого условия положительно невозможно* осуществить социализм. Научный социал[изм] говорит: все, что способствует обществ[лению] труда и производства, все, что ведет к коллективизму, революционно, а стало быть, и прогрессивно. Напротив того, все, что препятствует ему, — реакционно, регрессивно. Современное кап[италистическое] производство в этом отношении вполне революционно. Движение всех прочих сословий, — мелких самостоят[ельных] хозяев, ремесленников, крестьян и т. п., стремящихся к сохранению своего частного владения, — реакционно. Это совершенно справедливо. Это последнее движение не носит и не приготовляет почву для народного счастья. Мы вполне соглашаемся с этим. По нашему мнению, задача социалистов революц[ионеров] не бороться с этим процессом, а способствовать [ему]. Но как способствовать — этого прямо никто не объясняет. Правда, Лассаль рекомендует способствовать такому процессу совершенно сознательно в смысле организации труда и производ[ства] на началах производ[ительных] ассоциаций. Но он, во-первых, не говорит прямо, что это именно и есть единственный разумный путь и единственно возможный в настоящее время, и притом не показал, на каких основаниях это он рекомендует. Точно таким же образом Маркс говорит не раз о вмешательстве государства в эконом[ическую] деятельность, но в каком смысле вмешаться и какова должна быть деятельность государства по отношению к коллективизму, то этого не объясняет. Но мне кажется из всех их практических стремлени[й] [мы] можем решить эти вопросы. Так, напр., как вы видите из программы, мы признаем, что вмешательство государства в экон[омическую] деят[ельность] и в организ[ацию] труда — единств[енное] средство притти к социализму и обобществить труд. Почему? Дело в том, что в настоящее время обобществление труда и производства в некоторых государствах достигает такого высокого состояния,

что оно уже является тормозом дальнейшего прогресса. Это мы можем видеть особенно в таких государствах, как в России. Это обстоят[ельство], по *моему* мнению, и привело Лассаля, а также и Маркса, к вмешательству государства, именно с целью обобществления труда. Конечно, обобществление труда может совершаться и естественным путем, как в Англии напр., но это в настоящее время невозможно почти и чем дальше, тем еще меньше будет возможным. Нет сомнения, что это самое может приго[то]вить неизбежность революции, но уж это не совсем бы то было. А без обобществления труда невозможно притти к социализму. Для России, напр., это еще меньше возможно. Кроме того. Там, где нет обществ[ления] труда, там еще ужасно много элементов, которые будут против революции. Что же в данном случае делать? Ведь Россия именно в таком положении находится. Классовая борьба в России не сконцентрирована еще, не определилась, да и нет положительно возможности скоро определиться ей. То же самое явление в Германии: там тоже классовая борьба представляет перевес, невыгодный для революции. Вот почему, я думаю, так настоятельно Лассаль указывал на всеобщ[ую] прямую подачу голосов и на производительные ассоциации. Вот в общих чертах наши соображения, и жду ваш ответ по всему этому. Притом напишите мне ваше мнение относительно содержания самого газеты «Рабочий», ее недостатки и т. д. С петербург[скими] товарищами я часто переписываюсь; недавно получил письмо, и все благополучно обстоит. Жду от них на-днях письмо, которое находится у одного... [4]

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», VI, стр. 227—230. Печатается с автографа, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] Программа благоевцев была первой в России социал-демократической программой и во многом была сходна с первым проектом программы группы «Освобождение труда». В программе благоевцев сохранились еще некоторые народнические взгляды, но по сравнению с народническими кружками благоевская группа сделала значительный шаг вперед. Сам Благоев позднее так писал об этом Д. Кольцову: «Не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом...» В результате письменных переговоров с группой «Освобождение труда», которые Благоев вел из Софии по поручению своих петербургских товарищей, благоевцы «приняли программу и взгляды группы «Освобождение труда». См. об этом подробней в статье Д. Кольцова — приложение к книге А. Туна «История революционных движений в России», Женева, 1903, стр. 246—249. Там же приведена программа, напечатанная Благоевым в одном болгарском журнале в 1885 г., близкая к программе петербургской группы. Подлинная программа петербургской группы опубликована в журнале «Былое» за 1918 г., № 13.

[3] Третья брошюра — «Наши разногласия».

[4] Конец письма не сохранился.

№ 19. Ф. ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

В Париж.

Дорогая гражданка! Лондон, 31 марта 1886

Очень благодарен за присланный Вами перевод «Нищеты философии», который я получил своевременно. Вскрывая пакет, я разорвал

написанный на нем адрес отправителя. С большим трудом мне удалось, наконец, сложить клочки бумаги так, чтобы разобрать адрес, которым я сейчас пользуюсь. Но не будучи уверен в том, что прочел его правильно, я прошу снова прислать мне Ваш адрес, так как хотел бы послать Вам экземпляр русского перевода II тома «Капитала», полученный мною из Санкт-Петербурга.

Простите за беспокойство, которое я Вам причиняю своей неловкостью, и примите выражение моей искренней преданности.

Ф. Энгельс.

[1] Письмо опубликовано впервые в сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 141. Оригинал хранится в Доме Плеханова. Перепечатка производится из Собрания сочинений *Маркса* и *Энгельса*, т. XXVII, стр. 548.

№ 20. Г. В. ПЛЕХАНОВ — РЕДАКЦИИ «ОБЩЕГО ДЕЛА» [1]

М. Г. Женева, 1 июня 1886

В № 85 Вашей газеты была напечатана корреспонденция из Болгарии, в которой сообщается между прочим, что доктор Россель [2] был арестован за участие в заговоре, имевшем целью убить князя и Каравелова [3]. Со своей стороны я позволю себе сделать к этой корреспонденции следующую поправку.

Доктор Россель не был арестован, потому что не принимал никакого участия в заговоре; и не принимал его по многим причинам.

Во-первых, потому что такого заговора не было, как это известно теперь и Вам самим. Во-вторых... Но первой причины достаточно для того, чтобы сделать излишними все дальнейшие объяснения.

Для чего понадобилась вся эта не совсем чистоплотная выдумка о заговоре вообще и о докторе Росселе в частности — это, я полагаю, гораздо лучше меня объяснит Вам Ваш анонимный корреспондент, если Вы потрудитесь сделать ему запрос по этому поводу.

Примите уверение в совершенном моем уважении [4].

Г. Плеханов, один из «выкидышей» того «*русского анархизма*», который болгарский корреспондент считает «исчезнувшим» [5].

[1] «Общее дело» — ежемесячный журнал, основанный в Женеве в 1877 г., орган русских конституционалистов. В издании его принимали участие старые эмигранты Христофоров, Элпидин, соратник Писарева в «Русском слове» Зайцев и др. Журнал просуществовал до 1891 г. Всего вышло 112 номеров.

Настоящее открытое письмо было опубликовано в № 86 «Общего дела» за 1886 г., откуда и производится перепечатка.

[2] *Россель*, доктор, псевдоним Николая Константиновича *Судзиловского* — старый народник, участник процесса 193-х, затем эмигрант. В 70-х и начале 80-х годов участвовал в румынском социалистическом движении. В 1892 г. переселился на Гавайские острова, где был избран в 1904 г. сенатором. В 1905—1906 гг. вел революционную пропаганду среди русских пленных в Японии. За свою долголетнюю деятельность подвергался неоднократно преследованиям русских, румынских и американских властей.

[3] *Каравелов* Петко (1840—1903) — болгарский политический деятель, либерал. С 1880 по 1901 г. неоднократно стоял во главе правительства и занимал пост министра финансов.

[4] Настоящее письмо было написано Плехановым в ответ на руссофобское выступление анонимного болгарского корреспондента журнала «Общее дело».

Письмо Плеханова было напечатано с следующим заявлением редакции:

«*От редакции*. В ответ на помещенное выше письмо г. Плеханова нам остается только искренне пожалеть о том, что неверные сведения о «заговоре в Болгарии», сопровожденные ложными известиями о докторе Росселе, проскользнули в «Общее дело». Правдивость всех вообще до сих пор полученных «Общим делом» корреспонденций из Болгарии усыпила внимание редакции, и в настоящем случае привела ее к просмотру между прочим и потому, что корреспонденция, о которой идет речь, была получена ею в момент, когда все уже было готово к выпуску номера «Общего дела», для которого она предназначалась, и когда, следовательно, не оставалось уже времени для проверки. Мы тем более сожалеем об этой нашей погрешности, что до сих пор не получили разъяснений от корреспондента, писавшего о «заговоре», и что из всех возможных и порою неизбежных журнальных погрешностей мы всегда считали самою важною ту, которая погрешает против правды».

[5] Эпитеты, направленные в корреспонденции из Болгарии по адресу русских революционеров.

№21. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»—РЕДАКЦИИ «LE SOCIALISTE» [1]

(Перевод с французского)

Граждане редакторы! Женева, 15 сентября 1887

Русские социал-демократы, находящиеся в Женеве, выражают Вам самую горячую симпатию в связи с второй годовщиной основания «Социалиста» [2]. Они видят в пропаганде тех идей, которые распространяет ваш журнал, самый надежный способ подготовить торжество французского пролетариата и положить конец тому буржуазному режиму, который истощает силы Франции внутри и проституирует ее честь во вне, вымаливая союз у царя.

Да здравствует «Социалист»!

Да здравствует международная социал-демократия!

От имени группы «Освобождение труда» [3]

Г. Плеханов.

[1] Приветствие было опубликовано в журнале «Le Socialiste», в номере от 1 октября 1887 г. На русском языке публикуется впервые.

[2] «Le Socialiste» — центральный орган левого крыла французской рабочей партии, издававшийся Гедом. Выходил еженедельно, начиная с 1885 г.

[3] Настоящее приветствие было послано группой «Освобождение труда» журналу «Le Socialiste» по случаю его двухлетней годовщины. Плеханов находился в тесном товарищеском контакте с этим журналом. Он поместил в нем статью «Забастовка в России» (о Морозовской стачке), опубликованную в № 44 от 26 июня 1886 г. А осенью того же года он получил от редакции журнала следующее письмо:

«Дорогой гражданин,

По случаю годовщины «Социалиста» мы шлем вам наши дружеские приветствия и пользуемся случаем сообщить вам, что будем счастливы, если нам удастся придать нашему празднику интернациональный характер и привлечь к нему симпатии всех наших друзей во Франции и за границей.

Уверенные в вашем согласии присоединиться к нашему празднику, который состоится 29 августа, заранее благодарим вас.

Сердечно жмем вам руку, дорогой гражданин.

Административная комиссия

П. Лавинь, Л. Дюбуа, Жюль Лепюи».

(«Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 231).

По словам Р. М. Плехановой, это письмо было получено Г. В., когда он был тяжело болен и находился в Давосе. Поэтому он не мог откликнуться на предложение редакции. Но в следующую годовщину журнала Плеханов и его соратники послали дружеское приветствие своему товарищу по оружию.

№ 22. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [1]

[Давос, начало декабря 1887]

Дорогой Павел! Вас, вероятно, удивил лаконизм моей карты, посланной мною вчера. Но дело в том, что я написал ее перед самым отходом почты, когда пассажиры садились уже в карету. Денег Вы прислали мне даже слишком много: я думал, что Вы пришлете франков 10—15. Ну, да все равно. Если Смирнов [2] пришлет деньги, удержите из них 50 fr. Здоровье мое недурно, лихорадок нет (я взял с собой термометр и измеряю температуру утром и вечером). Напрасно Вы думаете, что я целый день сижу за книгами. Напротив, я так много гуляю, что просто начинаю стыдиться этого, совсем стал бездельником. Грота я Вам вышлю на-днях, наверное. За Гегеля большое спасибо, но Эстетики Вы прислали только первый том и к тому же с надписью *Bibliotheca Bernensis* *, что сей сон значит, как она попала в Цюрих? О событиях во Франции я читал и еще больше проникся тем убеждением, что буржуазии во Франции пришел конец [3]. Читали ли Вы прокламацию поссибилистов? [4] Она недурно написана. Брусс [5] и комп. приглашают в ней рабочих положить конец царству буржуазии и объявляют, что у них уже готово 50 000 combattants **. Неужели повторится 18 марта? [6] Нельзя сказать, чтобы это было очень кстати. Относительно Клемансо [7] Вы жестоко ошибаетесь, думая, что [он] возьмется за составление министерства: pas si bête que ça***, сказал бы он, я теперь, взявши в руки власть, наверное, оскандалюсь не хуже Гамбетты [8] (оппортюнистская и монархическая оппозиция теперь очень сильны), подожду уж лучше, когда события увеличат число радикальных избирателей, а это время не за горами. Между Клемансо и нашими народовольцами разница та, что первый и может взять власть, да не хочет, а вторые совсем не могут, но очень хотят. Что касается Смирнова, то Вы прекрасно делаете, медля с письмом к нему. Нам нужно беречь его, как зеницу ока, в нем вся наша надежда. От Осипа [9] пока еще ничего не получил; не знаю, что огорчительного заключало мое прошлое письмо. Ведь

* — Бернская библиотека. — *Ред.*

** — бойцов. — *Ред.*

*** — не так я глуп. К этим словам сбоку приписка: «Не обидьтесь за это выражение, по-французски оно совсем не обидно».— *Ред.*

я сам же писал Вам, что я здоров, но лучше всегда гадать на худой конец, чем на хороший: этак дело будет вернее.

Ну, до свиданья, кланяюсь Надежде Исааковне, пишите, пожалуйста, почаще и побольше. Крепко жму руку.

Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 23—24, под № 2. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] *Смирнов* — Осип Ефимович *Слободской*, или «дрезденский юноша».

[3] Речь идет о волнениях, происходивших в Париже в декабре 1887 г. в связи со скандальными разоблачениями, вызвавшими отставку кабинета и уход президента республики Греви. Вокруг выборов нового президента завязалась борьба, в которой приняли горячее участие рабочие предместья, вставшие на защиту республики. На улицах происходили демонстрации и ходили слухи о скором провозглашении коммуны.

[4] Поссибилисты (от французского слова possible — возможно)— умеренное реформистское течение во французском социалистическом движении, оформившееся в начале 80-х годов. Поссибилисты предлагали рабочим добиваться только того, что «возможно».

Прокламация поссибилистов была напечатана в органе этой фракции «Le proletariat», № 191 от 26 ноября 1887 г. Несмотря на революционную фразеологию, по сути своей эта прокламация, как и другие статьи журнала, носила вполне умеренный характер.

[5] *Брусс*, Поль (1854—1912) — французский социалист, вождь поссибилистов, один из самых типичных представителей реформизма.

[6] 18 марта 1871 г. — день провозглашения Парижской Коммуны.

[7] *Клемансо*, Жорж (1841—1929) — в 1887—1888 гг. вождь левых радикалов, затем радикал-социалист. В 900-х годах эволюционировал вправо. Позднее — шовинист, вдохновитель мировой войны и ярый враг СССР.

[8] *Гамбетта*, Леон (1838—1882) — французский либерально-буржуазный политический деятель. Во время Парижской Коммуны был членом временного правительства и стоял за продолжение войны с немцами, разделяя в этом отношении позицию Коммуны. В 1881—1882 гг. был в течение трех месяцев премьер-министром, что и имеет здесь в виду Плеханов.

[9] *Аптекман*, Осип Васильевич (1849—1926) — видный деятель «Земли и воли» и «Черного передела», позднее примкнул к социал-демократии.

№ 23. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [1]

[Давос, конец декабря 1887]

Дорогой Павел, начну с Haupt'a [2]. Я познакомился с ним осенью 1886 г. В то время Haupt и еще один немец, фамилии которого не помню, хлопотали о том, чтобы начать пропаганду между рабочими французского языка в Женеве. Прежде всего они обратились к Ясинскому [3] (что работает в польской типографии) и через него хотели познакомиться с русскими. Он пригласил меня к себе и познакомил с ними. Решено было устроить группу из лиц различных национальностей для пропаганды между женевскими рабочими. Я обещал содействовать, насколько могу. Названная группа действительно была организована, и Haupt вошел в нее. Но потом мне пришлось уехать в Кларан ради уроков, так что я присутствовал лишь на одном заседании этой группы. Ясинский тоже уехал, и, насколько я знаю, группа ничем дальнейшим себя не заявила. Но, конечно, Haupt мог воспользоваться ею для донесений, если он действительно

шпион. Больше я его не встречал. Что касается моего приезда в Цюрих, то он несколько рискован: можно жестоко простудиться. Но я рискнул бы в том случае, если бы нужно очень было для каких-нибудь литературных дел. Затем уже я не вернулся бы в Давос, а поехал бы в Лезэн, все ближе к своим. Но, вероятно, адвокат [4] говорил о русском Новом годе (ст[арый] стиль). В карте я уже писал Вам: если не хотите продолжать обработку своего письма [5], пишите, что хотите, но пишите. По-моему вот две недурные темы: или бы Вы взяли на себя продолжение моего Лассаля, т. е. историю немецкого движения со смерти Лассаля до настоящего времени [6]; или бы Вы написали брошюру «*М. А. Бакунин*». Вера уже отделала свой Интернационал [7], и Ваш Бакунин был бы хорошим дополнением к нему. Этой работой Вы мне доставили бы большое удовольствие. Маркс и Энгельс должны быть отомщены наконец и на русском языке. Беритесь-ка! Грота Вы уже наверное получили...

Привет всем Вашим.

Г. Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 31, № 4. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова. Конец письма, носящий чисто личный характер, опущен.

[2] Haupt (по-немецки главное) — рабочий, состоявший в 1880—1887 гг. агентом немецкой политической полиции в Париже, потом в Женеве и Цюрихе. Был разоблачен как шпион, и его фамилия в числе других появилась на страницах цюрихского «Sozial-democrat'a» в номере от 12 декабря 1887 г. К допросам Haupt'a, производившимся немецкими социал-демократами, был привлечен и П. Б. Аксельрод. Отсюда запрос Плеханову об обстоятельствах его знакомства с Haupt'ом.

[3] *Ясинский* — конспиративная фамилия Александра *Дембского* (род. 1857), видного деятеля польского социалистического движения, в 80-х годах члена партии «Пролетариат», позднее — ППС; эмигрировал в 1884 г.

[4] *Кулябко-Корецкий*, Николай Иванович — либерал-конституционалист, фигурирующий в статье Плеханова «Как добиваться конституции», опубликованной в сб. «Социал-демократ» в 1888 г. В это время Кулябко-Корецкий жил за границей и вел споры с членами группы «Освобождение труда», которые Плеханов и зафиксировал в своей статье.

[5] Речь идет о письме, написанном Аксельродом в ответ на обращение одного одесского революционного кружка. Письмо разрослось в брошюру о задачах и тактике русских социал-демократов, отпечатанную в 1887 г. на гектографе в Цюрихе.

[6] Первая часть брошюры Плеханова «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность» вышла в Женеве в 1887 г. В ней жизнь Лассаля не доведена до конца, вторая же часть на русском языке при жизни Плеханова не появлялась. Слова Плеханова «от смерти Лассаля», свидетельствовавшие о том, что биография Лассаля была им закончена, нашли свое объяснение только тогда, когда в польском журнале «Przegląd Społeczny» за 1886 г., № 9—12, была обнаружена большая статья Плеханова о Лассале. Эта статья отличается от русской и значительно превосходит ее по объему, заканчиваясь смертью Лассаля (см. перевод этой статьи в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I).

[7] Первые главы работы В. И. Засулич «Очерк истории международного общества рабочих» были помещены в сб. «Социал-демократ» в 1888 г. В 1889 г. книга вышла отдельным изданием.

№ 24. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

Кларан, 28 февраля 1888

Дорогая Вера Ивановна! Завтра вышлю воззвание по поводу основания социал-демократического союза [2]. Написано оно не бог

знает как хорошо, ну да поправлять не наше дело. Нужно только, чтобы кто-нибудь под ним подписался, хоть Григорьев что ли, а то безымянные воззвания как-то нехороши. Пишу статью, уже половину написал и, право, не заметил, как прошло время [3]. Когда вы написали мне, что я молчу уже целую неделю, то это несказанно меня удивило: мне казалось, что я только что устроился в пансионе, только что отправил вам карту [4]. Теперь чувствую даже некоторую усталость, но вообще здоров.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 228, под № 2. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.
[2] Воззвание в печати не появлялось и в архиве Плеханова не сохранилось.
[3] Плеханов работал в это время над первой статьей из серии «Наши беллетристы-народники» — «Г. И. Успенский», вошедшей в сб. «Социал-демократ» 1888 г.
[4] Плеханов имеет в виду свою открытку от 16 февраля 1888 г.; опубликована там же, под № 1.

№ 25. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

[Морнэ, июнь 1888]

Дорогая Вера. Вы, может быть, и правы, ругая меня, но ей богу у меня есть смягчающие обстоятельства. Несколько последних дней я провел в возне с корректурами. Вчера и третьего дня был в городе, где не выходил из типографии, делая разные вставки и поправки к корректуре своей статьи. Приходилось стоять над душой у наборщиков, чтобы они не перепутали примечаний, не водворили вставок на неподходящих местах и т. под. Моя статья уже окончена набором. Два с половиной листа уже окончательно сверстаны и частью отпечатаны, а частью печатаются. Остальные два листа верстаются. Вы вероятно скажете, что на поправки и вставки не нужно много времени, но мне приходилось бегать собирать книги, нужные для выписок, у одного Элпидина [2] должен был выслушать длиннейшую историю о шпионах [3]. До сих пор Яблонский [4] сравнительно мало работал у нас, потому что занят был «Свободой» [5], теперь он набирает мою статью о грехопадении Тихомирова [6] и набирает быстро.

Гегеля вышлю вам через три дня, его долго не меняли по некоторым причинам, которые долго было бы излагать здесь, поэтому я еще не успел дочитать его.

Насчет письма моего в Цюрих Бринштейну [7] скажу вам вот что. Я написал это письмо [8] в ответ на его просьбу как-нибудь уладить ссоры, вечно продолжающиеся в фонде; клянусь вам Гегелем и Марксом, что в этом письме *ничего не было кроме вежливых фраз*, обязательных во всяком письме к незнакомому человеку. Что касается самого дела, то я сказал Бринштейну, чтобы он шел к Павлу: на чем вы с ним согласитесь, на том и я стану, писал я. И все-таки Павел увидел в моем письме нарушение «дисциплины» и порчу «дела». Я принужден был оправдываться и извиняться перед ним.

Ваш Интернационал должен быть напечатан во что бы то ни стало [9]. Единственный ваш довод насчет Лассаля (моего) не выдерживает

критики, потому что Лассаль еще не готов [10]; а между тем народовольцы истратят деньги на затеваемый ими *Календарь Народной воли*.

Интернационал написан хорошо, если не по внешности, то *по содержанию*: такой работы еще нет в социалистической литературе. Итак, смиритесь в этом отношении и готовьте его к печати...

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, под № 6. Начало письма находится на 232 странице, а конец на 230, так как два письма неправильно соединены в одно. В настоящем сборнике печатается с оригинала, с сокращениями.
[2] *Элпидин*, Михаил Константинович (1836—1908) — один из старейших русских эмигрантов, издатель и владелец русской библиотеки в Женеве.
[3] Речь идет о разоблаченных в Швейцарии агентах германской полиции, из которых один с провокационной целью редактировал анархическую газету, проповедывавшую террористические акты.
[4] *Яблонский* — заведующий типографией польских социалистов. Набирал статьи группы «Освобождение труда» либо в своей наборной, либо в типографии группы.
[5] «Свобода» — орган русской интеллигенции, выходивший в Женеве в 1888 г. Плеханов написал рецензию о первых семи номерах этого органа, опубликованную в сб. «Социал-демократ» (Соч., т. IV, стр. 269—271).
[6] Плеханов имеет в виду свою рецензию на книгу Л. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», опубликованную в сб. «Социал-демократ» (Соч., т. III, стр. 41—44).
[7] Под фамилией *Бринштейна* жил в Цюрихе в 1888—1889 гг. *Дембо*, Исаак Владимирович (1865—1889), представитель группы молодых народовольцев, один из руководителей «Союза социалистического литературного фонда». Умер от ран, полученных при взрыве бомбы во время опытов под Цюрихом.
[8] Письмо опубликовано в журнале «Литературное наследство», № 19—21, 1935, стр. 296.
[9] Речь идет о труде В. И. Засулич «Очерк истории международного общества рабочих», об издании которого велись переговоры с «Союзом социалистического литературного фонда», возникшим в 1887 г. в Цюрихе. Во главе этого издательства стояли народовольцы, но так как средства для него собирались со всей колонии, то группа «Освобождение труда» считала справедливым и свое участие в издании брошюр. Лавров высказался за издание брошюры, но она не вышла в издании «Фонда», а была издана в 1889 г. «Русским социал-демократическим союзом» в «Библиотеке современного социализма». Два листа этого очерка были даны в приложении к сб. «Социал-демократ».
[10] Речь идет о второй части брошюры Плеханова «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность». Первая часть вышла в 1887 г. в Женеве в издании «Библиотеки современного социализма». Вопрос о печатании второй части в «Фонде» трактуется, кроме настоящего письма, и в письме Гуковского от 7 февраля 1888 г., опубликованном в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 232—233. Однако вторая часть брошюры на русском языке не появилась (см. предисловие к публикации «Фердинанд Лассаль» в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I и выше прим. 6 к письму № 23).

№ 26. Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ [1]

Морнэ, [июль 1888]

Дорогой Павел, одновременно с письмом к Вам посылаю письмо в Женеву, с тем чтобы Вам выслали два экземпляра отпечатанных листов «Очерка истории Интернационала» — Веры Ивановны. Я придумал следующее.

Предложим цюрихскому фонду напечатать рукопись Веры (остается еще *листов 8*). Предмет ее ручается за то, что не будет в ней никакой «полемики». Имя автора придает большой интерес произведению, так что оно наверное сильно будет расходиться в продаже. Лаврову можно было бы послать для просмотра отпечатанные 2 листа или даже посылать рукопись по мере ее подготовки к печати (она, собственно, готова, но Вера сделает еще кое-какие поправки). Право, я не вижу причин, по которым цюрихшане могли бы отказать в выдаче денег на напечатание этой работы, деньги же у них есть, чуть не до тысячи франков. Теперь они, кажется, хотят переиздать «Календарь Народной воли». Но ведь это уже была бы чистая пропажа денег. Интернационал Веры написан так хорошо, что я не знаю другой подобной работы в европейской литературе. Переговорите-ка с Бринштейном и куйте железо, пока горячо. Интернационал можно было бы набирать сейчас же за выходом Сборника (которого у нас есть уже 8 листов). Отвечайте скорее. Напишите также, можете ли Вы приехать в Морнэ для поправки здоровья, право это стоило бы Вам не дороже, чем жизнь в Цюрихе.

Привет всем Вашим. *Г. П.*

P. S. Листы посылаются Вам для показа публике (власть имеющей) и отсылки Лаврову. Адрес Лаврова: 328, Rue St. Jacques.

[1] Письмо опубликовано в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 45—46, под № 11. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

№ 27. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

[Морнэ, после 23 июля 1888]

Дорогая Вера Ивановна, вчера получил Ваше письмо, сегодня утром отвечаю на него, но когда Вы получите мой ответ, не знаю; вероятно, не раньше понедельника. Приезжал сюда Ингерман [2], и я надеюсь у него достать некую сумму для Вашего выкупа. Но только надеюсь, уверенности у меня нет. Проклятый сборник [3] поглощает массу денег. Мне с ним немало возни, как Вы можете себе представить. То корректуры, то библиография, то хлопоты с павловской статьей [4]. *Она недурна*, но была бы еще лучше, если бы у нас в руках было *уже окончание*. К сожалению, у нас только *начало*. Почти уверен, что он опоздает с концом. Но что прикажете делать? Без летописи рабочего движения выпустить сборник обидно. Кажется, ведь было у Павла время написать свою статейку, ведь сколько тянулся набор, нет, он все-таки ухитрился опоздать! Ну, да зато недурно написал теперь. Чем меньше он сидит за статьями, тем лучше они у него выходят. Это странно, но выгодно для него.

Насчет Интернационала из Цюриха мне ничего не пишут. Ради всего святого, напишите Вы Павлу, чтобы он тормошил народовольцев и хотя бы силой взял у них деньги на издание, это необходимо.

Пора напечатать Интернационал, а то Вы не возьметесь за другое раньше его выхода.

Насчет своего выкупа не беспокойтесь, дайте только мне немножко оправиться, покончить со сборником, который, вопреки моей воле и моему ожиданию, поглощает теперь все мои помыслы. Сколько раз я из-за него пешком бегал в Женеву, не имея денег на конку из Анемаса! [5] И утомляет он меня, и время отнимает, ну да зато выйдет, я надеюсь, «приятная скотинка» [6]. Впрочем, скотинка эта подвергнется многим нареканиям. Это уже наша судьба. Некролог Мечникова получил [7].

Ваш *Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 229—230 и 232—233, под № 4, где два разных письма неправильно соединены в одно. Печатается по оригиналу.

[2] *Ингерман*, Сергей Михайлович (род. 1868) — народоволец, затем член группы «Освобождение труда». Весной 1891 г. переселился в Нью-Йорк, где живет и ныне, занимаясь врачебной практикой.

[3] Речь идет о сборнике «Социал-демократ», вышедшем в августе 1888 г.

[4] Плеханов говорит о статье П. Б. Аксельрода «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь», вошедшей в вышеупомянутый сборник.

[5] Анемас — небольшой городок во Франции, на границе Швейцарии, находившийся на расстоянии получаса езды конкой от Женевы. Плеханов жил вблизи Анемаса, в деревушке Морнэ.

[6] Любимое выражение В. И. Засулич о нравившихся ей людях, вещах, статьях и книгах.

[7] Плеханов имеет в виду биографические сведения о Л. И. Мечникове, которые он получил от падчерицы последнего Н. В. Кончевской-Шишко. В Доме Плеханова имеется письмо Плеханова к Засулич от 23 июля 1888 г., опубликованное в сб. «Гр. Осв. тр.», III, под № 5, стр. 231—232, в котором Плеханов просит Засулич зайти к Кончевской и поторопить ее с присылкой этих сведений, так как он боится, что из-за некролога заканчивающийся сборник остановится. Некролог был написан Плехановым и вошел в сборник «Социал-демократ».

№ 28. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

[Женева, 14 августа 1888]

Дорогая Вера Ивановна! Как Вам, вероятно, уже сообщил Николай Николаевич [2], я непременно напишу прибавление к статейке «Неизбежный поворот» [3]. Ко мне теперь некоторые народовольцы пристают, чтобы я разделал его под орех. Из Берна, может быть, даже денег пришлют для издания брошюры, в которой я должен был бы высадить Тихомирову днище (см. Успенского). Как Вы думаете, браться ли? [4] Вообще будьте покойны. Ну, чернила не пишут и уже час ночи. Весь вечер правил корректуру павловской статьи (он, шельма, ужасно невнимателен к опечаткам, даже самым грубым). Пишу, чтобы завтра утром Роза могла взять письмо с собой в Женеву. Это скорее. В четверг или пятницу кончаем набор и корректуру. Покойной ночи, милая Верочка, страшно устал. Крепко целую Вас.

Г. Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 233—234, под № 7. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] Речь идет о Лопатине, Николае Николаевиче — студенте-медике, землевольце, принимавшем в 1878 г. участие в руководстве стачками в Петербурге. Высланный в Восточную Сибирь в 1878 г., он бежал за границу и играл некоторую роль среди революционеров-эмигрантов. В 1888 г. получил разрешение вернуться в Россию.

[3] «Неизбежный поворот» — статья Плеханова против Тихомирова, опубликованная в сб. «Социал-демократ» (Соч., т. III, стр. 31—40).

[4] Плеханов написал третью статью против Тихомирова — «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова», которая вышла в 1889 г. в Женеве в изд. «Русского социал-демократического союза» (Соч., т. III, стр. 45—82).

№ 29. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

[Морнэ, конец августа 1888]

Дорогая Вера Ивановна! В субботу вечером у нас окончились работы в типографии по печатанию Сборника. [В] воскресенье утром я вернулся в Морнэ, усталый, как собака. В понедельник должны были прийти за шрифтом от Carey'я [2]. Я уже угостил наборщиков «article...» *[3]. Сборник вышел в 16 листов. Статья Павла страшно растянулась. Само собою разумеется, что сообразно с этим растянулись и расходы. Чистая беда, ей-богу. Сколько раз за это время я вспоминал Евгения, у которого мы жили, как у Христа за пазухой. Павел понятия не имеет о том, что значит издание при наших средствах. Дети перепортили у меня решительно все перья, так что писать письмо для меня чистая пытка. Возвращаюсь к делу. Павел ни корректуры своей статьи не правил, ни даже слога не исправил: это уже Жорж сделает, — рассуждает он, и мне приходилось немало возиться с его статьей. Кое-какие шероховатости и повторения все-таки остались. Это было неизбежно, так как он высылал свою статью клочками. Поправивши сегодня один клочок и отправивши его в типографию, я через неделю должен был править другой. Мог ли я помнить, в каких именно выражениях писал он в первом клочке?

Что касается до высаживания днища Тихомирову, то об этом меня просят и из Цюриха. Деньги будут, и потому я скоро (когда будут деньги) засяду опять за писание. Материал есть, так как Тихомиров дает богатый повод для всевозможных рассуждений о русских общественных вопросах. Думаю хорошенько заняться этой брошюрой. Надеюсь, что выйдет недурно. В библиографии я уже пробрал Тихомирова [4]. Крепко жму руку.

Г. Плеханов.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 234—235, под № 8. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] *Карей* — владелец французской типографии, в которой группа «Освобождение труда» печатала свои статьи, так как в собственной типографии они только набирались.

[3] Речь идет об угощении рабочих, обычном после окончания какой-нибудь определенной работы.

[4] Плеханов имеет в виду свою рецензию на книгу Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», вошедшую в отдел библиографии Сборника.

* Слово не разобрано. — *Ред.*

№ 30. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

[Морнэ, июнь 1889]

Дорогая Вера Ивановна, Павел еще раньше Вашего письма привез мне известие о том, что у Вас легкие не в порядке. По правде сказать, это меня не удивило, потому что я и раньше подозревал, что у Вас дело не ладно. Вам приходится последовать моему примеру, т. е. примириться с фактом и стараться только бороться с болезнью (помните пыль, покрывающую всю Вашу комнату? Объявите ей войну), не ходите «на пятках», потому что это не спасает от промачивания ног, и прочее и прочее и прочее. Скучная это материя, а делать нечего. Говорю Вам, последуйте моему примеру, я веду себя более или менее философом.

Насчет своей судьбы еще ничего не знаю, не мог добиться даже свидания с президентом полиции. Написал ему письмо, жду ответа [2]. Во всяком случае, в Кларан я еще приеду, т. е. лучше сказать вернусь. Павлу хочется послать меня на конгресс [3]. Если достанет денег, придется поехать. У меня есть некоторые финансовые расчеты для себя и для Вас (расчеты, которые могут оправдаться в Париже).

Пишите, ради бога, о себе побольше, не сердитесь на то, что я мало пишу и не смущайтесь этим. Ей богу мне и некогда иногда бывает и из колеи я выбился окончательно. Вот и теперь спешу как угорелый, нужно бежать вести переговоры с одной кредиторшей. Я страшно по Вас соскучился, и вообще мирное кларанское житье кажется мне теперь раем: здесь масса хлопот и забот. Крепко целую Вас и прошу пишите, пишите, пишите. В среду жду ответа.

Относительно «Социалиста» Вы, конечно, угадали: многим он нравится именно своею неопределенностью [4]. Очень мне хотелось бы повидаться с Вами. Но когда еще увидимся? Впрочем, может быть, даже скорее, чем Вы ждете. Все зависит от некоторых финансовых операций. Секретарь президента сказал мне на ухо, что меня высылают *за брошюры*, следовательно за *Тихомирова*. Правду говорят, судьбы божии неисповедимы. Кто мог даже во сне увидеть это 5 лет тому назад. Моя высылка «vient de Berne», хотя *пока* меня гонят только из Женевы.

Ваш *Плеханов.*

[1] Первая половина письма опубликована в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 238, под № 14. Печатается целиком с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] Речь идет о высылке Плеханова из Швейцарии в связи с гонениями на русских эмигрантов, начавшимися в Швейцарии после взрыва бомбы во время опытов народовольца Дембо (Бринштейна) и Ясинского под Цюрихом, в марте 1889 г. Плеханов хлопотал об отмене высылки, и эти хлопоты тянулись все лето. В итоге, после ряда отсрочек, Плеханов вынужден был покинуть Швейцарию. Чтобы быть ближе к Женеве, где осталась его семья, Плеханов поселился во французской пограничной деревушке Морнэ, где и прожил до 1894 г., когда его в связи с эксцессами анархистов во Франции и начавшимися там из-за этого гонениями на русских эмигрантов выселили и из Франции (см. ниже прим. 6 к письму Плеханова Энгельсу от 10 июля 1894 г., № 44).

[3] Речь идет о Парижском международном конгрессе, продолжавшемся от 14 до 21 июля 1889 г.

[4] Речь идет об органе молодых народовольцев «Социалист», единственный номер которого вышел в июне 1889 г. В этом номере имеются статьи Плеханова и Аксельрода, рассчитывавших повернуть газету изнутри на с.-д. рельсы.

№ 31. Г. В. ПЛЕХАНОВ — С. М. КРАВЧИНСКОМУ [1]

Дорогой Сергей Михайлович, [Париж, 21 июля 1889]

Я теперь в Париже, страшно устал, сегодня кончился Конгресс [2]. Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки. Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой, но я не думаю, что дело поездки удастся, потому что нет денег [3]. Если бы, паче чаяния, у вас оказалась сумма, способная покрыть расходы, высылайте ее, я скажу большое спасибо и приеду немедленно.

Адрес: 49, Boulevard Port Royal, Mademoiselle Koneff (Коневой, 49, Пор-Руайяль).

Крепко жму руку.

[Без подписи]

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 147, под № 2. Печатается с оригинала, хранящегося в Доме Плеханова.

[2] Речь идет о Парижском международном социалистическом конгрессе.

[3] После осмотра Парижской выставки Плеханов вместе с П. Б. Аксельродом поехал в Лондон, где он и познакомился с Энгельсом.

№ 32. РЕДАКЦИЯ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» — РЕДАКЦИИ «SOZIAL-DEMOCRAT» [1]

(Перевод с немецкого)

[Женева, начало марта 1890]

Русские социал-демократы поздравляют своих немецких товарищей с их крупной победой и шлют им братский привет. Да здравствует социал-демократия! [2]

Редакция «Социал-демократа» [3].

[1] Телеграмма была опубликована в центральном органе германской с.-д. партии «Sozial-Democrat», в № 10 от 8 марта 1890 г. В переводе на русский язык печатается впервые.

[2] Поводом к посылке телеграммы послужила блестящая победа германской социал-демократической партии на выборах в рейхстаг в феврале 1890 г., первых после отмены исключительного закона против социалистов.

[3] В тексте имеется пояснение: «Последняя состоит из П. Аксельрода, Г. Плеханова и В. Засулич».

№ 33. Ф. ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ [1]

(Перевод с французского)

Дорогая гражданка, Лондон, 3 апреля 1890

Тотчас по получении вашего письма я передал Степняку остаток статьи [корректуру], и, так как часть ее была немного испорчена, я прибавил соответствующую рукопись, которая послужит вам для контроля. Надеюсь, что в настоящую минуту вы уже ее получили [2].

Степняк мне также передал экземпляр журнала, за который вас благодарю; я предвкушаю большое удовольствие от чтения вашей статьи и статей Плеханова [3].

Вы совершенно правы: в подобных изданиях необходимо, чтобы каждый номер заключал только законченные статьи, независимо от всяких продолжений в следующем номере. Поэтому я так и поступил бы, если бы я не был стеснен временем.

Я вполне согласен с вами относительно необходимости бороться повсюду с народничеством * — немецким, французским, английским или русским. Тем не менее, по моему мнению, было бы более подходяще, чтобы то, что мне пришлось сказать, было сказано русским. К тому же я признаю, например, что раздел Польши выглядит совершенно иначе с русской точки зрения, чем с польской, которая стала общей на Западе. Но, в конце концов, я должен также считаться с поляками. Если поляки требуют территорий, которые русские обыкновенно рассматривают как приобретенные от них навсегда и русские по составу населения, то не мце это решать. Все, что я могу сказать, это — что, как мне кажется, решать свою участь надлежит самому населению, которого вопрос касается, подобно тому, как сами эльзасцы должны выбирать между Германией и Францией. К несчастью, говоря о русской дипломатии и ее воздействии на Европу, мне невозможно было не коснуться вещей, которые современное поколение в России рассматривает, как свои внутренние дела **; и неудобство, по крайней мере внешнее, заключается в том, что об этом говорит иностранец, а не русский. Но это было неизбежно.

Если вы находите полезным сделать от моего имени маленькое примечание в этом смысле, то я прошу вас сделать его в том месте, которое вы найдете наиболее подходящим [4].

Я надеюсь, что напечатание моей статьи по-английски произведет известное впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительное рвение царя сильно поколеблена известиями из Сибири [5], книгой Кенана [6] и последним университетским движением в России [7]. По этой причине я и торопился с печатанием, чтобы ковать железо, пока оно горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала для своей ближайшей кампании на востоке на восхождение царофила Гладстона, поклонника «божественной фигуры севера» («divin figure of the North»), как он называл Александра III. Были пущены в ход критяне и армяне, могла последовать диверсия на Македонию и, при раболепстве Франции перед царем, а также благорасположении Англии, можно было бы рискнуть сделать новый шаг вперед, — захватить Царьград, не опасаясь, чтобы Германия рискнула на войну при таких неблагоприятных условиях. А раз Царьград был бы завоеван, можно было бы надеяться на долгий период шовинистического опьянения, как мы это имели в Германии с 1866 г. по 1870 г. Поэтому

* Это слово написано по-русски. — *Ред.*

** Слова «внутренние дела» написаны по-русски. — *Ред.*

мне представляется чрезвычайно важным для нашего дела момент анти-царистского настроения, которое возобновляется среди английских либералов; очень благоприятно, что Ст[епняк] находится здесь и может его подогревать [8].

С тех пор, как имеется революционное движение в самой России, ничто больше не удается ее дипломатии, которая раньше была непобедимой. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия — самый опасный враг как ваш, так и наш. До сих пор это — единственная непоколебимая сила в России, где даже армия ускользает от царей; доказательство — многочисленные аресты офицеров, что свидетельствует о том, что русские офицеры и по общей своей интеллигентности и по характеру неизмеримо выше прусских. Итак, лишь только вы или просто конституционалисты будете иметь сторонников и верных агентов в рядах дипломатии, — ваше дело будет выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Преданный вам *Ф. Энгельс.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», I, стр. 142—143, под № 5. Перевод сверен и исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

[2] Речь идет о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», начало которой было опубликовано в первой книге трехмесячного литературно-политического обозрения «Социал-демократ», вышедшей в феврале 1890 г., а конец — в подготовлявшейся в то время к печати второй книге, вышедшей в августе 1890 г. В том же году статья была опубликована на немецком языке в журнале «Neue Zeit», 1890, Jg. VIII, H. 4 u. 5, и на английском — в журнале «Time», 1890, june. В Собрание сочинений Маркса и Энгельса эта статья вошла в т. XVI, ч.II, стр. 5—40.

[3] Речь идет о первой книге журнала «Социал-демократ», в которой было помещено несколько статей Плеханова и одна статья Засулич: «Революционеры из буржуазной среды».

[4] В «Социал-демократе» никаких примечаний к статье Энгельса нет. В Собрании сочинений Маркса и Энгельса имеется целый ряд примечаний к английскому тексту.

[5] Энгельс имеет в виду избиение в Якутске, в марте 1889 г., ссыльных, протестовавших против отсылки их в более отдаленные места при опасных для жизни условиях. Инцидент этот, вызванный провокационными действиями якутского начальства и повлекший за собой убийство шести ссыльных, завершился жесточайшим приговором. Описанию этой истории была посвящена статья Плеханова в первой книге «Социал-демократа»: «Избиение политических ссыльных в Якутске», перепечатанная в 1934 г. в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб.I.

[6] В начале 1890 г. в Париже вышел перевод английской книги американского журналиста Джорджа *Кенана* (1845—1924) «Сибирь и ссылка», в которой Кенан, совершивший поездку по Сибири, разоблачил перед читающей публикой всего мира тяжелые условия русской политической каторги и ссылки.

[7] В марте 1890 г. студенческие волнения имели место в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Варшаве и других городах России.

[8] Степняк-Кравчинский — основатель в Лондоне английского общества «Друзей свободной России» — пользовался большой симпатией и популярностью среди английских либералов. Писал на английском языке рассказы из жизни русских революционеров, знакомя с ней англичан.

№ 34. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ж. ГЕДУ [1]

(Перевод с французского)

Дорогой Гед! [2] [Конец 1890]

Благодарю вас за вашу превосходную статью о рабочем движении во Франции со времени Коммуны [3]. Я хотел получить конец ее как можно скорее, но в то же время она так интересна и так полезна для русских читателей, что чем длиннее будет конец, тем более я буду доволен. Итак, если вы располагаете необходимым временем, чтобы придать вашей статье, вернее — ее концу, более обширный размер, пожалуйста, сделайте это. Особенно интересно знать, какую позицию займет ваша партия по отношению к буржуазным. Также чрезвычайно интересно знать количество голосов, полученных при каждой избирательной кампании. Не забудьте также изобразить поссибилистов в их истинном свете: их плохо знают в России, хотя на последнем интернациональном конгрессе этой партии была даже русская делегация. Надо показать русским революционерам, из каких негодных людей состоит эта партия, по крайней мере, ее вожаки. Резюмируя сказанное, обращаюсь к вам с просьбой, которая, если хотите, сама себе противоречит: 1) нам нужна ваша помощь, как можно скорее и 2) в то же время, чем статья будет подробнее, тем больше удовольствия она нам доставит.

Что касается меня, я предпочитаю подождать 2—3 лишних дня, чем заставить вас сократить вашу прекрасную статью.

Как только статья будет напечатана, мы вышлем вам ваш гонорар.

Примите уверения в моем искреннем расположении.

Привет г-же Гед.

Г. Плеханов.

P. S. Вы мне не указали вашего адреса, вот почему я принужден передать это письмо через одного из моих друзей.

[1] Письмо опубликовано впервые в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 250—251, под № 6. Французский оригинал хранится в Доме Плеханова.

[2] *Гед,* Жюль (1845—1922) — основатель и в течение ряда лет руководитель левого крыла французской социалистической рабочей партии, один из первых пропагандистов марксизма во Франции. Личный друг Г. В. Плеханова. Во время империалистической войны занимал оборонческую позицию.

[3] Речь идет о статье Геда «Рабочее движение во Франции со времени Коммуны», опубликованной в третьей книге журнала «Социал-демократ», вышедшей в декабре 1890 г.

№ 35. К. ЦЕТКИН [1] — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [2]

(Перевод с французского)

Дорогой гражданин Плеханов! Нордрах, 13 июля 1891

Несмотря на то, что я признаю себя очень перед вами виноватой, все же решаюсь горячо рекомендовать вам вашего соотечественника, одного из моих лучших друзей г-на Загельмана [3], как и мы, социал-

демократа. Он едет на каникулы в Женеву и был бы счастлив найти там товарища в качестве спутника в экскурсиях. Так как я не знаю, кто из моих русских друзей в настоящее время в Женеве, я направляю его к вам, надеясь, что при вашем содействии он найдет желательного товарища. Будет ли представлена ваша партия на Брюссельском конгрессе? [4] Я больших надежд на него не возлагаю, что же касается до вопроса о рабочем законодательстве, то Брюссельский конгресс явится лишь повторением Парижского конгресса [5].

Относительно же весьма важного вопроса — о майских манифестациях — я считаю, что его решения не могут быть обязательны для немцев и англичан. Либо конгресс должен предоставить отдельным национальностям свободу манифестировать в намеченный ими самими день, либо найдутся такие, которые не станут считаться с его постановлениями [6]. Что вы думаете о статьях о России в Vorwärts'е? Я ими была совершенно удручена и считаю безусловно необходимым, чтобы вы на них возразили; это необходимо столько же в интересах русских социал-демократов, сколько и их немецких единомышленников, которые раз навсегда должны быть правильно осведомлены о русских социалистах [7].

Прошу вас передать мой дружеский привет гражданке Вере Засулич и верить в чувства моей искренней преданности.

Ваша *Клара Цеткин.*

[1] *Цеткин*, Клара (1857—1933) — видная деятельница германской коммунистической партии и одна из организаторов международного пролетарского женского движения. Вступила в ряды революционной социал-демократии в годы исключительного закона против социалистов, участвовала в борьбе против ревизионизма, централизма и социал-шовинизма. Была деятельной участницей революционной организации «Спартак». Со времени III конгресса Коминтерна была членом Исполкома Коминтерна и генеральным секретарем Международного женского секретариата.

[2] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», III, стр. 245—246, под № 1. Французский оригинал хранится в Доме Плеханова.

[3] *Загельман* — в то время парижский студент, впоследствии врач в Петербурге.

[4] На Брюссельском конгрессе, состоявшемся в августе 1891 г., представителей от России не было. Редакция «Социал-демократа» послала на этот конгресс доклад, который перепечатывается в настоящем сборнике.

[5] Парижский конгресс выставил ряд требований, имевших целью положить некоторый предел эксплоатации труда капиталом. Брюссельский конгресс в своей резолюции отметил, что эти требования остались невыполненными, и предложил рабочим всех стран энергично бороться за осуществление решений Парижского конгресса.

[6] По вопросу о Первом мая Брюссельский конгресс принял следующую резолюцию: «...Чтобы сохранить за первым мая его истинный экономический характер: требования восьмичасового дня и оттенения классовой борьбы, — конгресс решает, что должна быть одна общая демонстрация рабочих всех стран и что эта демонстрация будет иметь место первого мая. Он предлагает прекращать работу всюду, где это возможно».

[7] О каких статьях «Vorwärts» говорит К. Цеткин, установить не удалось. В литературе известны выступления против русских социал-демократов, но не в «Vorwärts», а в «Sozial-Democrat» в 1890 г. и в «Frei Russland» в 1892 г. В первом случае Плеханов выступил с ответом в «Sozial-Democrat'е» (см. статью «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов»), во втором — в «Vorwärts» (см. выше публикацию «Открытое письмо к В. Либкнехту»), и это было его первым выступлением в этом органе.

№ 36. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. ЛИБКНЕХТУ [1]

(Перевод с французского)

Анемас, Верхняя Савойя, 16 ноября 1892

Многоуважаемый гражданин,

Ваше письмо, которое Вы написали мне вскоре после Вашего возвращения из Швейцарии в Германию, доставило мне огромное удовольствие [2]. Я не отвечал Вам до сих пор, так как не думал, что у Вас имеется достаточно времени, чтобы переписываться со мной. С другой стороны, письмо от русского «нигилиста» не всегда приносит счастье, так как существуют черные кабинеты и нас всех смешивают в одну кучу: всех нас считают анархистами худшей марки, несмотря на то, что мы не имеем ничего общего с господами анархистами и с их нелепой партией, состоящей из сумасшедших и провокаторов. Как бы то ни было, Вы можете быть уверены, дорогой гражданин, в том, что Вы имеете во мне и в моих друзьях Ваших самых искренних почитателей. Я горжусь теми строками Вашего письма, где Вы говорите, что смотрите на положение дел в России так же, как и мы. Единомыслие с германскими социал-демократами является для нас наиболее желанной вещью. Мы первые начали борьбу с предрассудками, которые распространялись о Вашей партии Бакуниным и К° [3]. Многие сначала ненавидели нас именно за наши симпатии к германской социалистической партии. При таких условиях, что́ могло быть горше для нас, чем оставаться непризнанными нашими друзьями в Германии? Однажды Бернштейн [4] пропустил (в Лондонском «Социал-демократе») статью некоего Бека, русского анархиста, который из кожи лез, чтобы нас уничтожить [5]. Бернштейн не знал, что этот господин Бек, напавший на нас в органе германской социал-демократической партии, выступал против этой партии всюду, где он только мог. Но Бернштейн хотел быть беспристрастным и сделал это в ущерб нашему и Вашему делу. Однако довольно об этом.

Моя жена, находящаяся в Женеве, очень сожалела о том, что она не имела возможности познакомиться с Вами и с госпожей Либкнехт. Но, если Вы действительно приедете сюда на некоторое время в будущем году, она будет иметь это удовольствие [6].

Прошу Вас, дорогой гражданин, не откажите напечатать статью о тактике русских социал-демократов. Вы получите ее через несколько дней (она сейчас переводится в Цюрихе). Объяснение с редакцией «Свободной России» («Frei Russland») является только предлогом для того, чтобы выяснить наши взгляды немецким товарищам. Я очень хотел бы напечатать эту статью в виде открытого письма (Offener Brief) к Вам. Имеете ли Вы что-нибудь против этого? [7] Жду Вашего ответа, дорогой гражданин.

Очень хотел бы написать Вам еще кой-о-чем, но... *уверены ли Вы, что мое письмо будет прочитано только Вами?*

Мой привет г-же Либкнехт. Тысяча рукопожатий.

Преданный Вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 208—209, под № 1.

[2] Письмо, о котором говорит Плеханов, не сохранилось. Плеханов познакомился с В. Либкнехтом на Парижском международном социалистическом конгрессе в 1889 г. В 1892 г. Либкнехт посетил Плеханова в деревушке Морнэ (французская Савойя) и между ними завязалась переписка. В Доме Плеханова сохранилось много писем Либкнехта к Плеханову за период с 16 декабря 1893 г. по 17 августа 1900 г., отчасти опубликованных в сб. «Гр. Осв. тр.», III и в сборниках «Лит. насл. Г. В. Плеханова» I, II и IV.

[3] Плеханов, будучи сам в свой народнический период последователем Бакунина, как только перешел на социал-демократические позиции, подверг суровой критике взгляды этого родоначальника русского анархизма, долгие годы боровшегося с Марксом и дезорганизовывавшего действия I Интернационала. Став социал-демократом, Плеханов признал теории Бакунина одним из основных источников, питавших народническую идеологию. В первых брошюрах Плеханова этого периода, «Социализм и политическая борьба» и в особенности «Наши разногласия», уделено много места анализу взглядов Бакунина.

[4] *Бернштейн*, Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ с 70-х годов, виднейший представитель ревизионизма. С 1880 г. редактор нелегального центрального органа германской социал-демократической партии «Социал-демократ», выходившего сперва в Цюрихе, а затем в Лондоне. С открытой критикой марксизма впервые выступил в серии статей «Проблемы социализма», печатавшихся в «Neue Zeit» с 1896 г. Плеханов, ведший в 1894 г. дружественную и деловую переписку с Бернштейном, в конце 90-х годов выступил против него с рядом резких полемических статей (Соч., т. XI и «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. V).

[5] Плеханов имеет в виду возражения Григория Бека на свое «Предисловие к речи П. Алексеева», опубликованные в № 14 «Sozial-Democrat'a» за 1890 г. Ответом на эти возражения явилась статья Плеханова «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов», опубликованная там же, в № 19 за 1890 г. (Соч., т. III).

[6] В. Либкнехт с женой приехали к Плехановым в Женеву в 1893 г. и провели у них некоторое время.

[7] Статья Плеханова под заглавием «Zur russischen Bewegung. Offener Brief an W. Liebknecht» была опубликована в № 288 «Vorwärts» от 3 декабря 1892 г. В этой статье Плеханов разъясняет немецким товарищам тактику русских социал-демократов, отвечая на статьи в «Frei Russland», исказившие ее (см. выше публикацию «Открытое письмо к В. Либкнехту»).

№ 37. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Женева, 14 марта 1893

Социалисты различных национальностей, собравшиеся 14 марта [2] почтить память великого мыслителя и гения Карла Маркса, приветствуют в вас товарища по его грандиозной работе и выражают вам свои глубокие чувства благодарности.

Плеханов, Эритье [и др.]

[1] Письмо опубликовано в журнале «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 122.

[2] 14 марта 1893 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Маркса.

№ 38. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Женева, 25 марта 1893

Дорогой и глубокоуважаемый учитель,

Вот адрес, который вы у меня просите: M-me Bograde-Plékhanoff, 5, rue des Allemands, Genève. Я очень счастлив сообщить его и быть, следовательно, в праве ждать от вас письма. Не писал я вам первый только потому, что не хотел вас беспокоить и отнимать у вас время. Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с вами увидеться и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда осуществится эта мечта. Дни, проведенные в Лондоне в вашем обществе, будут счастливейшими в моей жизни [2]. Я теперь готовлю ряд статей (для «Neue Zeit») о Гольбахе, Гельвеции и Марксе [3]; и чем больше выясняются мои мысли о французском материализме XVIII века, тем более я восхищаюсь написанными вами страницами по этому вопросу в вашей работе «Людвиг Фейербах» и т. д. [4]. Эта брошюра может дать внимательному читателю больше, чем сотни томов, написанных официальными философами, философами ex professio *. Мне передавали, что вы написали несколько благожелательных слов обо мне по поводу моей статьи о Гегеле [5]. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, достойным таких учителей, как Маркс и вы. Мой привет гражданке Элеоноре Маркс-Эвелинг и ее мужу [6]. В[ера] З[асулич] шлет вам сердечный привет. Примите, дорогой учитель, уверение в моей искренней преданности.

Г. Плеханов.

P. S. Уже больше трех месяцев, как я вернулся в Женеву, благодаря молодой рабочей партии. Но дело еще не совсем решено [7]. Очень возможно, что я должен буду вернуться во Францию, где я жил (в департаменте Верхней Савойи) последние три года.

Г. П.

[1] Письмо опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 13—14, под № 1, и в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 313—314, под № 1. Перепечатывается из сборника.

[2] По поводу своего знакомства с Энгельсом, состоявшегося в июле 1889 г., сейчас же после Парижского международного социалистического конгресса, сам Плеханов рассказывает в статье «Бернштейн и материализм»: «В 1889 г. я, побывав на Международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие, в продолжение почти целой недели, вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы» (Соч., т. XI, стр. 21—22).

[3] Статьи Плеханова о Гольбахе, Гельвеции и Марксе в «Neue Zeit» не появлялись. Они вышли лишь в 1896 г. в Штутгарте отдельной брошюрой под заглавием «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» («Очерки по истории материализма»).

[4] См. стр. 647—649 статьи Энгельса «Людвиг Фейербах» в Собрании сочинений *Маркса и Энгельса*, т. XIV.

[5] Плеханов имеет в виду свою статью «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», опубликованную в «Neue Zeit», № 7 от 2 ноября 1891 г. (Jg. X, Bd. I).

[6] *Маркс-Эвелинг*, Элеонора (1856—1898) — младшая дочь К. Маркса и жена английского социалиста Эдуарда *Эвелинга* (1851—1898). Оба они занимались социалистической агитацией и пропагандой. Эвелингу принадлежит перевод на английский язык первого тома «Капитала» Маркса и книги Энгельса «Развитие научного социализма от утопии к науке».

[7] Имеются в виду молодые члены швейцарской социал-демократической партии, которым только в конце 1894 г. удалось добиться отмены запрета Плеханову проживать в Женеве.

* — по профессии. — *Ред.*

№ 39. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Дорогой учитель. Морнэ, 4 мая 1893

Гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг просила меня написать несколько слов для митинга 7-го числа [2]. Посылаю вам эти несколько слов, подписанных В[ерой] З[асулич] и мной [3]. Но у меня нет здесь, в Морнэ, адреса гражданки, так как я оставил в Женеве ее письмо. Поэтому я позволяю себе просить вас передать ей прилагаемый листок, с моими и В[еры] З[асулич] лучшими пожеланиями. Искреннейший привет также гражданину Эвелингу.

Один из наших русских друзей, Алексей Воден, поехал в Лондон приблизительно месяц тому назад. Я дал ему письмо к вам [4]. Зашел ли он к вам? Он нам ничего не пишет. Если вы его видаете, кланяйтесь от нас. Я послал вам самый верный мой адрес для Западной Европы: 5, rue des Allemands, Madame Bograde-Plékhanoff, доктор медицины. Пишу его еще раз, потому что мое письмо могло затеряться в дороге.

Простите, дорогой учитель, что беспокою вас.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

В[ера] З[асулич] сердечно вам кланяется.

Демонстрация первого мая в Женеве удалась великолепно. Второго Гед сделал доклад в огромной зале избирательного дворца. Он имел чрезвычайный успех. Этот доклад значительно подвинет женевское рабочее движение. Гед был восхитителен.

Г. П.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 315, под № 3 и в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. II, стр. 109, под № 5.

[2] Плеханов имеет в виду следующее письмо Э. Маркс-Эвелинг от 24 апреля 1893 г.: «Дорогой друг! 7 мая у нас будет в Гайд-Парке демонстрация по поводу восьмичасового рабочего дня. Мы хотели бы придать этой манифестации *интернациональный* характер и желали бы получить несколько слов от Вас. Не пришлете ли Вы их нам?» (сб. «Гр. Осв. тр.», III, и «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. II).

[3] Речь идет о небольшом обращении к лондонским рабочим, в котором русские социал-демократы поздравляют лондонских рабочих с их решением добиться законодательным путем восьмичасового рабочего дня. В Доме Плеханова сохранился черновик этой рукописи, написанный рукой Плеханова по-французски, без подписи. В переводе на русский язык это обращение опубликовано в 1934 г. в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. I, стр. 268, и сб. II, стр. 50.

[4] *Воден*, Алексей Михайлович — в то время молодой студент-марксист, интересовавшийся вопросами философии, которому Плеханов покровительствовал и которого он рекомендовал Энгельсу в письме от 2 апреля 1893 г., опубликованном в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 314.

№ 40. В. И. ЗАСУЛИЧ — Л. Г. ДЕЙЧУ [1]

Цюрих, [после августа 1893]

Прошлое письмо я писала больная и совсем не в духе и мало рассказывала о Цюрихе (о празднестве там) [2]. А видела я там массу интересного народа. Начать хоть с Фридриха Карловича [3]. Он был у нас, т. е. у Павла, раза три. Совсем простой, ласковый такой старик. Уж на что я трусиха на незнакомых людей, а и то с ним сразу освоилась. Впрочем, особенно интересных разговоров с ним не было: о том, как поступали голландцы (на конгрессе), как ведут себя французы, — а ведут они себя глупее глупого, — и т. п. текущие темы. Эти две делегации были систематическими противницами немцев, все остальные — друзьями [4]. Французы были страшно глупы, но не по одной природной глупости, а еще и потому, что в то время там были выборы, и все наши, вообще все путные люди, были заняты ими, а наехало человек 40 самого бездельного народа. Они, даже не слушая, не поняв, в чем дело, как потом сами признавались в частных разговорах, заглушали слова оратора криками: Vive la France, la Commune и даже l'anarchie, если только знали, что оратор в дружбе с немцами. Итальянцы, наоборот, вызывали удивление своей сдержанностью, тактом, единогласием и разумностью своих вотов. Все спрашивали себя, что с ними такое сделалось, так как вообще никогда они такими качествами не отличались. Только я с первого же дня знала, что своим примерным поведением они исключительно обязаны нашей Ане [5]. По целым вечерам она их экзаменовала и муштровала, и я не раз присутствовала при этих муштровках... И не одна Италия обязана своим хорошим поведением русскому. Ту же, и даже гораздо большую роль, как Аня в Италии, играет в Румынии Кац [Доброджану] [6].

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», IV, стр. 244—246, под № 3. Перепечатывается с сокращениями.

[2] Речь идет о Цюрихском международном социалистическом конгрессе, продолжавшемся с 6 по 12 августа 1893 г.

[3] Энгельса.

[4] См. выше публикацию «Выступления на Цюрихском международном социалистическом конгрессе».

[5] *Макаревич-Кулешова*, Анна Марковна — в 70-х годах была членом кружка «киевских бунтарей». В эмиграции проявила себя талантливым агитатором. Под влиянием группы «Освобождение труда» стала марксисткой. Вышла замуж за одного из основателей итальянской социалистической партии, Филиппо Турати, и сыграла немалую роль в итальянском социалистическом движении.

[6] *Доброджану-Гереа* (1855—1919) — фамилия, под которой натурализовался в Румынии русский политический эмигрант *Кац*, участник движения 70-х годов, один из основоположников социалистического движения в Румынии, публицист и критик.

№ 41. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

[Морнэ, апрель 1894]

...Мне нехватает почтовой бумаги, простите меня; единственная лавка в деревне, где я нахожусь (Морнэ), далека от меня, а идет ливень. Я продолжаю:

Вы видите, что, если во времена Маркса наши русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли, что Россия не пройдет капиталистического периода, то в наше время та же мысль

становится очень опасной утопией. Теперь крайне необходимо с ней бороться.

Кстати. Английские консулы печатают от времени до времени отчеты о положении промышленности в разных странах. Выходят ли эти отчеты отдельными книгами или их печатают в каких-нибудь официальных периодических изданиях? Вы чрезвычайно обяжете меня, если дадите мне сведения по этому вопросу.

Несколько лет тому назад много комментировали книгу одного англичанина о русской промышленности. Имя этого англичанина писали по-русски так: *Эджеворт*, — не знаю английской орфографии. Знаете ли вы такую книгу? Вообще, знаете ли вы английские книги, касающиеся этого вопроса? Что говорят английские газеты о русских товарах на выставке в Чикаго? [2] Сообщите мне об этом в нескольких словах.

Я говорил вам о полемике Михайловского против вас и против Маркса. Он цитирует то, что вы пишете в «Людвиге Фейербахе» об одной из ваших *рукописей*, писанных 50 лет тому назад: «Она мне показала, как неполны были наши экономические познания в то время» [3].

«Вы видите, — восклицает г-н Михайловский, — их познания были в то время недостаточны, а между тем, их исторический материализм ведет свое начало именно с того времени. Следовательно, это — тоже недостаточная теория».

Разве это не весьма остроумно? И этот господин — самый интеллигентный из всех господ, искателей верного экономического пути для святой Руси! Это тот самый Михайловский, против которого было направлено письмо Маркса. Мне кажется, что Маркс предполагал направить его издателю «*Вестника Европы*», а не Михайловскому? Этот господин до смешного гордится этим письмом. Он следующим образом излагает весь этот инцидент: до прочтения его статьи «Карл Маркс перед судом Жуковского» Маркс думал, что Россия должна пройти через капитализм; но, прочитав эту замечательную статью, он изменил мнение. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»,— как говорит наш Лермонтов.

Пишите мне, если вам захочется, по адресу моей жены: Bograde-Plékhanoff, 5, rue des Allemands, Genève. Меня опять выгнали из Женевы; возможно, что меня изгонят и из Франции.

Если вы увидите Бернштейна, спросите его, как обстоит дело с моей работой об *анархистах*; кончил ли он перевод? [4]

Привет от всех нас.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1924, стр. 14—15, под № 3, и в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 315—317, под № 4. Начало письма не сохранилось.

[2] В Чикаго в 1893 г. по случаю 400-летия открытия Америки была устроена всемирная выставка.

[3] Плеханов имеет в виду статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», опубликованную в журнале «Русское богатство», № 1, 1894 г. (см. стр. 106, 108, 116).

[4] Речь идет о брошюре Плеханова «Анархизм и социализм», которую должен был перевести на немецкий язык с французского оригинала Эдуард Бернштейн, а перевела его жена, Регина Бернштейн.

№ 42. Г. В. ПЛЕХАНОВ — В. ЛИБКНЕХТУ [1]

(Перевод с французского)

Дорогой гражданин, Женева, 21 апреля 1894

Бесконечно благодарен Вам за сведения, которые Вы мне сообщаете в Вашем письме об Америке. Я полагаю, однако, что дело, против моего ожидания, идет к лучшему, и возможно, что мне удастся остаться во Франции. Это все, что мне в настоящий момент нужно, Америка — это только на худой конец [2].

Беру на себя смелость предложить Вам статью, которую посылаю Вам одновременно с этим письмом [3]. Если статья Вам не понравится, не стесняйтесь, пожалуйста, сказать мне об этом без всяких церемоний. Я это говорю, так как знаю, что положение редактора, который вынужден отказывать в помещении статьи, не из самых приятных, и заранее прошу у Вас прощения, если, по моей вине, доставлю Вам неприятных четверть часа.

Самый искренний привет г-же Либкнехт и всей Вашей семье. Привет Вам.

Преданный Вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 213, под № 6.

[2] Переписка Плеханова с Либкнехтом об Америке началась с письма Плеханова от 2 марта 1894 г. В этом письме Плеханов, делясь с Либкнехтом своими опасениями, что его могут изгнать из Франции, просит дать сведения об Америке, куда, быть может, ему придется уехать (см. «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 211—213). Либкнехт ответил на это письмом от 13 марта 1894 г. («Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. IV, стр. 276).

[3] Речь идет, как видно, о статье Плеханова «Товарищ Пауль Эрнст и материалистическое понимание истории», которая, однако, была опубликована только посмертно в «Лит. насл. Г. В. Плеханова», сб. V (см. предисловие к этой публикации, стр. 1—2).

№ 43. Ф. ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

(Перевод с французского)

Мой дорогой Плеханов! Лондон, 21 мая 1894

Сначала — избавьте меня, пожалуйста, от maître [2] — я называюсь просто Энгельс.

Потом — спасибо за ваши сообщения. Я написал заказным письмом г. Кричевскому [3], что введение к «Наемному труду и кап[италу]»*, так же как и статьи о России в «Internationales aus dem Volksstaat», являются моей литературной собственностью на основании Бернской конвенции и что всякий перевод требует моего разрешения; что я вынужден в интересах дела требовать признания моих прав, чтобы

* Заглавие написано по-русски. — *Ред.*

воспрепятствовать переводам лиц неспособных или так или иначе некомпетентных (unbefugt); что, следовательно, его прямым долгом было спросить моего предварительного согласия, чего он не сделал; что поэтому я постарался бы заявить формальный протест и сохранить за собой все свои права; что по поводу статей о России я протестовал, тем более что был уже связан, предоставив право на русский перевод этих и других работ г-же Вере Засулич [4].

Теперь, если он будет настаивать на издании этой вещи, мы увидим; во всяком случае будьте добры известить меня, вышла ли она, и пришлите мне экземпляр. Так как он анонсирует также о переводе «Эрфуртской программы» * Каутского, я счел необходимым предупредить последнего о тех приемах, которые были употреблены относительно меня. Я ему ничего не сообщил о том, что вы мне писали, но сказал ему, что тут нечисто и что ему нужно обратиться к вам, чтобы узнать об этом больше.

Я надеялся повидать вчера вечером Мендельсона [5], но узнал, что его жена больна [6]. Если смогу, пойду к нему на этой неделе [7].

Заранее благодарю за посылку вашего Чернышевского [8], я его жду с нетерпением.

Здесь дело подвигается, хотя медленно и зигзагами. Возьмите, например, Мардслея, главу текстильных рабочих Ланкашира. Он — *тори*, консерватор в политике и набожно верующий в религии. Три года назад эти люди были ожесточены против 8 часов, теперь они их требуют очень решительно. Мардслей, который год тому назад был жестоким противником всякой независимой политики рабочего класса, теперь в своем недавнем манифесте заявляет, что текстильные рабочие должны заняться вопросом о том, чтобы получить прямое представительство в парламенте; одна манчестерская рабочая газета сообщает, что текстильные рабочие Ланкашира располагают двенадцатью местами в парламенте от одного этого графства. Вы видите: это тред-юнион войдет в парламент, это не класс, а отрасль производства, которая требует представительства. Но это во всяком случае шаг вперед. Сначала разобьем преданность рабочих двум большим буржуазным партиям; пусть у нас будут в парламенте текстильные рабочие, как у нас есть уже горняки. Как только там будет представлено с дюжину промышленных отраслей, классовое сознание прорвется само собой.

В довершение комизма, в этом самом манифесте Мардслей требует биметаллизма [9], чтобы поддержать господство английских бумажных тканей на индийском рынке.

Вот публика, которая поистине может привести в отчаяние, — эти английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их по существу буржуазными идеями и точками зрения, с узостью их «практических» взглядов, с их вождями, зараженными в сильной степени парламентской испорченностью. Но дело все-

* Заглавие написано по-русски. — *Ред.*

таки идет, только английские «практики» придут последними, но когда они придут, они положат на весы солидный груз.

Дружеский привет Аксельроду и его семье.

Ваш *Ф. Энгельс.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 323, под № 1. Перевод сверен и исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

[2] В письмах, предшествующих настоящему, Плеханов обращался к Энгельсу со словами: «Mon cher Maitre» (мой дорогой учитель). См. эти письма в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 313—322.

[3] *Кричевский*, Борис Наумович (1866—1919) — один из первых русских социал-демократов, публицист. В эмиграции сперва примкнул к группе «Освобождение труда», принимал участие в ее изданиях, переводил работы Плеханова для «Neue Zeit», потом стал в оппозицию к Плеханову и группе. Организовал вместе с Иогихесом (Тышка) свое издательство — «Социал-демократическая библиотека». С конца 90-х годов — активный член «Союза русских социал-демократов за границей», «экономист», один из редакторов «Рабочего дела». После второго съезда не играл в партийной жизни никакой роли.

[4] В письме от 16 мая 1894 г. (сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 317—322) Плеханов писал о том, что Кричевский задумал перевести и издать те произведения Маркса и Энгельса, которые собирается издавать в настоящий момент группа «Освобождение труда», еще десять лет тому назад получившая на это разрешение от Энгельса. На основании полученного разрешения группа смотрит на издание этих произведений, как на свое право, и считает нецелесообразным появление их одновременно в двух издательствах.

[5] *Мендельсон*, Станислав (род. в 1857 г.) — привлекался в 1879 г. по так называемому 1-му варшавскому делу, в 1881 г. эмигрировал в Швейцарию, редактировал социалистическую газету «Równość», затем в Париже издавал орган партии «Пролетариат» — «Walka Klas». Привлекался в 1890 г. в Париже по делу русских террористов, но за недостатком улик был освобожден. После этого переехал в Лондон, куда перевел и типографию редактируемой им «Przedświt». После 1893 г. Мендельсон отошел от польской социалистической партии, сблизился с польскими патриотами, вернулся в Россию и умер в Варшаве еврейским националистом.

[6] *Мендельсон-Янковская*, М. В. (род. в 1851 г.) — привлекалась в 1881 г. в Варшаве за участие в революционном кружке, скрылась за границу, где была, наряду с мужем, одним из видных деятелей польской социалистической эмиграции.

[7] Члены группы «Освобождение труда» встретились с Мендельсонами в Женеве в начале 80-х годов, во время общей борьбы революционной эмиграции с М. Драгомановым. После изгнания В. И. Засулич из Франции в 1894 г. и переезда в Лондон ей приходилось часто сталкиваться с Мендельсонами, вращавшимися в обществе Ф. Энгельса, Э. Бернштейна, Э. Маркс-Эвелинг и других социалистов.

[8] Речь идет о книге Плеханова о Чернышевском, вышедшей в 1894 г. в Штутгарте на немецком языке в отдельном издании под заглавием «N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie». В своем письме от 16 мая 1894 г. Плеханов писал Энгельсу: «...мой Чернышевский должен появиться на немецком. Я позволю себе послать Вам экземпляр» (сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 317—322).

[9] Биметаллизм — денежная система, при которой законным платежным средством и официальным мерилом стоимости служат одновременно два металла, в большинстве случаев золото и серебро.

№ 44. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Мой дорогой гражданин Энгельс! Морнэ, 10 июля 1894

Тороплюсь Вам ответить, но позвольте мне начать с самого интересного вопроса: *Н.—она* и его книги [2].

Вы говорите, что он боялся последствий нашествия капитализма в России, и это очень понятно [3]. Но, с другой стороны, в чем и как русская земельная община помогла бы нам избегнуть тех зол, которых он боялся? Каково настоящее положение этой общины?

Уже в 1879 г. знаменитый Орлов (основатель статистики русских земств) сказал в своей книге «*Формы землевладения в Московской губернии*», что для беднейших членов общины (а они многочисленны) община стала *вредным учреждением* («для беднейшей части крестьянства община стала *тормозом*, бичом». Бич — fléau). Не имея больше необходимых средств для возделывания их земель, эти члены общины платят, однако, подати, как если бы они извлекали выгоды из своих «*наделов*». Эти подати (а они очень значительны) правительство взимает с них из их заработной платы фабричных рабочих. При этих условиях распадение общины было бы очень чувствительным облегчением для этих людей. А для правительства одним предлогом меньше заставлять платить тех, кто имеет что-нибудь, за тех, кто ничего не имеет: с распадением общины пала бы *круговая порука*. Ослепление наших народников и даже наших либералов по отношению к общине заходит так далеко, что они сами говорят правительству: кто же будет платить подати, если община будет уничтожена? Согласитесь, что это значит позволять себе очень много наивности, если не глупости. Они повторяют здесь то, что уже сказал наш Торквемадо-Победоносцев [4], который в очень интересной статье в реакционном «*Русском вестнике*» провозгласил: «*Именно земельная община спасет нас от рабочего движения и социализма*». Действительно, старый общинник (член общины) был так мало революционен, что царизм мог бы существовать еще тысячелетия, если бы экономическое движение не изменило условий его существования, а затем — его образа мыслей. Без всякого преувеличения теперь можно сказать, что чем больше разрушается наш старый экономический строй, который так мил Н.—ону, тем больше мы приближаемся к революции.

Н.—он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы *уже* страдаем от капитализма и *еще* страдаем от того, что капитализм не достаточно развит. Страдание на страдание, это — учетверяет наши экономические бедствия, не говоря о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать скверного на его счет.

Но предположим, что община — наш якорь спасения. Кто произведет реформы, предполагаемые Н.—оном? Царское правительство? Лучше чума, чем реформы, исходящие от подобных реформаторов. Можно ли себе представить что-либо более химерическое, чем социализм, насажденный *исправниками?*

К тому же правительство делает все от него зависящее, чтобы разрушить общину.

После последних арестов в России попало в заключение около 2000 человек. Значительная часть арестованных уже освобождена...

Со дня на день я и Вера (которая остается здесь под псевдонимом) ждем, что нас изгонят: Казимир Перье [5] недолго нас будет щадить. Жандармы и шпионы непрерывно бродят вокруг нашей квартиры.

Следовательно, мы увидимся, вероятно, в скором времени [6]. Привет вам, Бернштейну, Эвелингам и m-me Луизе Каутской. В[ера] З[асулич] кланяется всем вам.

Очень преданный вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 20—22, под № 5, и в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 325—328, под № 6. Перепечатка производится из сборника.

[2] Речь идет о вышедшей в 1893 г. книге Николая—она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», в которой он доказывал, что Россия придет к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

[3] Это письмо не сохранилось.

[4] *Победоносцев*, Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, ярый представитель реакции. Вел ожесточенную борьбу с проявлениями революционной и даже либеральной мысли. Плеханов отождествляет его с великим испанским инквизитором Томасом *Торквемада* (1420—1498).

[5] *Перье*, Казимир (1847—1907) — французский государственный деятель. В 1893—1894 гг., будучи премьером, руководил политикой репрессий в отношении анархистов, внес проект исключительных законов против них. После убийства Карно был президентом республики с 1894 по 1895 г.

[6] Плеханов, высланный из Швейцарии в 1889 г., проживал до осени 1894 г. во Франции, в деревушке Морнэ, находящейся на швейцарской границе; там же проживала и В. И. Засулич. Осенью 1894 г. Плеханов и Засулич были высланы и из Франции. Плеханов по чужому паспорту выехал в Лондон, где и прожил до конца 1894 г., когда в Швейцарии был отменен указ об его высылке. После этого он вернулся в Женеву и там провел почти все годы своей эмиграции.

Вот что рассказывает Р. М. Плеханова по поводу высылки Г. В. Плеханова из Франции в 1894 г.: «Французское правительство не могло простить Плеханову его речи на Цюрихском конгрессе, состоявшемся в августе 1893 г., речи, в которой Плеханов резко выступил против союза Франции с царским деспотизмом. Плеханов сказал, что ему стыдно за потомков Великой французской революции, которые сейчас ползают на брюхе перед русским царем. Французские реакционные газеты того времени («Temps», «Journal de débats» и др.) подняли сильный шум по этому поводу. Выселяя Плеханова из Франции в 1894 г. в связи с гонениями на русских эмигрантов из-за эксцессов со стороны анархистов, французское правительство мстило ему за обиду на Цюрихском конгрессе».

№ 45. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

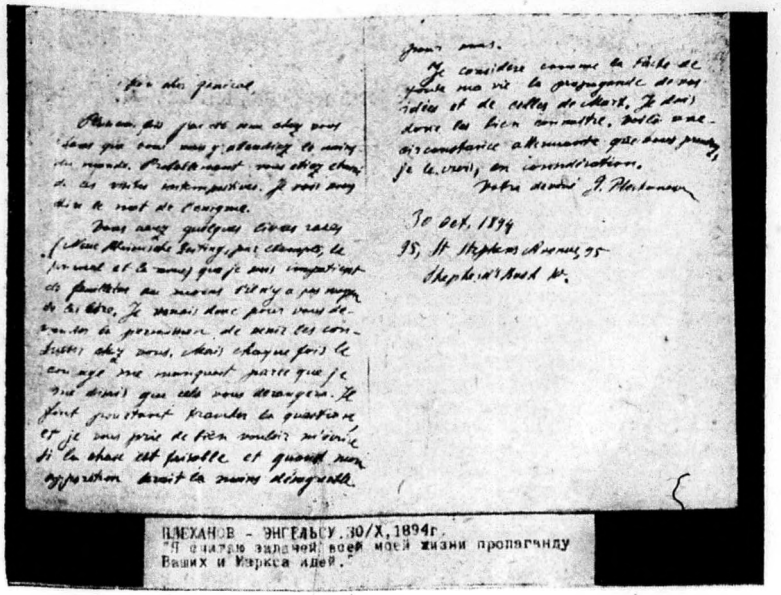
(Перевод с французского)

Лондон, 30 октября 1894
95, St. Stephens Avenue, 95,
Shepherd-s Buch, W.

Мой дорогой генерал [2].

Несколько раз я приходил к вам, когда вы меня меньше всего ожидали. Вы, вероятно, были удивлены этими несвоевременными визитами. Я вам разгадаю загадку.

Вы имеете несколько редких книг (например, «Neue Rheinische Zeitung», газету и журнал), которые мне не терпится хотя бы перелистать, если уж нет возможности их прочесть. Вот я и приходил к вам, чтобы попросить разрешения просмотреть их у вас. Но у меня каждый раз нехватало мужества, потому что я думал, что это вам помешает. Нужно, однако, разрешить этот вопрос, и я очень прошу вас написать



ПЛЕХАНОВ - ЭНГЕЛЬСУ. 30/X, 1894г.
"Я считаю задачей всей моей жизни пропаганду Ваших и Маркса идей."

мне, осуществимо ли это и когда мое появление будет вам менее всего неприятно.

Я считаю задачей всей моей жизни пропаганду ваших и Маркса идей. Мне нужно, значит, хорошо их знать. Вот смягчающее обстоятельство, которое вы, надеюсь, примете во внимание.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 23, под № 6, и в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 328—329, под № 7. Перепечатка производится из сборника. Перевод исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

[2] Шуточное прозвище Энгельса, связанное с его увлечением военной наукой.

№ 46. Ф. ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

(Перевод с французского)

[Лондон], 5 ноября 1894
41, Regent's Park Road N. W.

Мой дорогой Плеханов!

Само собой разумеется, что я, сколько возможно, облегчу вам просмотр «Neue Rh[einische] Zeitung», и я положительно не вижу, почему вам нужно было стесняться сказать мне об этом откровенно. В настоящий момент мои книги еще не приведены в порядок; эта работа была прервана множеством других дел, которые надо было урегулировать, — поездками в город, консультациями с адвокатами

и другими неприятностями, в связи с требуемыми законом формальностями и материальными затруднениями, без которых невозможно нанять дом в Англии и в особенности в Лондоне. Это еще не кончено...

Пока я не разложил моих книг, нет никакой возможности начать, и потому я попросил бы вас еще немного потерпеть. Но будьте уверены, что вы получите все книги, журналы и т. д., которые я смогу найти по интересующей вас специальной литературе. Мы об этом поговорим, как только я буду иметь удовольствие с вами увидеться.

Только что я узнал, что в нашей кухне собираются ставить новую плиту и что это помешает нам готовить до после воскресенья. Значит, в воскресенье вечером нам не удастся принять вас, так как мы не сможем дать вам ничего поесть. Тем не менее, если вы захотите зайти ко мне в любой вечер после восьми часов, мы поговорим с вами о книгах.

Ваш *Ф. Энгельс.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 329, под № 3. Перевод сверен и исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

№ 47. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Мой генерал! [Женева, январь 1895]

Неделю тому назад я послал вам через Веру русскую книгу, о которой мне очень интересно узнать ваше мнение [2]. Но очень возможно, что вы еще не получили книги, потому что Вера, повидимому, *очень больна* [3]. Именно о ее болезни я хочу с вами поговорить.

Еще со своего пребывания в Швейцарии Вера так мало заботилась о себе, что только по нашим настояниям соглашалась принять какое-нибудь лекарство. Теперь она далеко от нас, и я уверен, что она совершенно освободилась от медицины. Ее нужно заставить лечиться. Доктор Фрейбергер [4] окажет нам огромную услугу, если навестит и выслушает Веру.

Не пишу прямо ему, предполагая, что он, быть может, очень занят и что, следовательно, моя просьба была бы ему неприятна. Если это не так — а вам лучше всех известно, как обстоит дело, — поговорите с ним о Вере и попросите его написать мне несколько слов о нашей упрямой больной. Привет от меня ему и m-me Фрейбергер.

Вы, конечно, читали в газетах, что Николай II объявил, что он намерен следовать по стопам своего «незабвенного» папеньки [5]. Это придаст нашему «обществу» либерального духу, в котором оно очень нуждается. Не мы, конечно, на это пожалуемся.

Надеюсь, что вы здоровы, несмотря на русские холода, которые стоят в Лондоне.

Я, моя жена и Аксельрод, который сейчас в Женеве, шлем вам сердечный привет.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 330, под № 8.

[2] Плеханов имеет в виду свою книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

[3] В. И. Засулич в это время жила в Лондоне и бывала у Энгельса.

[4] Муж Луизы Каутской, бывшей жены К. Каутского.

[5] Это заявление было сделано Николаем II в манифесте, изданном по случаю его вступления на престол (опубликован в «Правительственном вестнике», № 229 от 21 октября /2 ноября 1894 г.).

№ 48. Ф. ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

(Перевод с французского)

Лондон, 8 февраля 1895

Мой дорогой Плеханов,

Ф[рейбергер] с удовольствием произведет аускультацию В[еры], но каким образом заставить ее согласиться на это? Разумеется, Ф[рейбергер] не может явиться к ней и сказать: Г. П[леханов] поручил мне выслушать вас. Вы сами должны поговорить с ней по этому поводу и убедить ее согласиться, и тогда лучше всего будет, чтобы она сказала об этом мне, а я уже позабочусь об остальном. Или, если она предпочитает, пусть поговорит с Луизой Ф[рейбергер], и Луиза устроит дело. Вот что я предложил бы вам, но, если вы думаете найти другой путь для достижения желанной цели, сообщите мне, и мы посмотрим.

Вера мне дала вашу книгу, за которую я вас благодарю; я начал ее читать, но это потребует много времени [2]. Во всяком случае большой успех уже то, что удалось издать ее *на родине (dans le pays même)*. Это одним этапом больше; и, если даже мы не сможем удержать новой позиции, которую мы выиграли, это все же прецедент, — лед разбит. Запрещение «Русской жизни» *[3], повидимому, уже знаменует начало реакции. Николай, очевидно, хочет *подготовить* своих мужиков к свободе насильственным воспитанием, так что только следующее поколение созреет для конституции; это новая формула все для того же старого — après nous le déluge [4]. Но потоп (déluge) подобно дьяволу Фауста:

den Teufel spürt das Völkchen nie,
und wenn er sie beim Kragen hätte...

Und wenn der Teufel der Revolution einen beim Kragen hätte, so hat es Nikolai II **.

Что касается моего здоровья, то оно давно уже не было так хорошо, как сейчас. Пищеварение хорошее, дыхательный аппарат в полном порядке, сплю мои семь часов в ночь и работаю с удовольствием — счастливый тем, что могу наконец снова взяться за мои работы после

* Слова «Русская жизнь» написаны по-русски. — *Ред.*

** — дьявола людишки никогда не чуют, хотя бы он и держал их за шиворот...

И если уж кого дьявол революции держит за шиворот, так это — Николая II. — *Ред.*

почти годового перерыва из-за корректур третьего тома [5], корреспонденции, переезда, болезни кишечника и т. д. и т. д.

Привет m-me Плехановой и Аксельроду от меня и также от Людвига и Луизы Фрейбергер.

Ваш *Ф. Энгельс.*

Вы не даете мне особого адреса, поэтому я пользуюсь старым.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 330—331, под № 4. Перевод сверен и исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

[2] Речь идет о книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшей легально в России в январе 1895 г.

[3] «Русская жизнь» — газета, выходившая в Петербурге с 9 ноября 1890 г. После ряда цензурных взысканий была закрыта распоряжением от 20 января 1895 г.

[4] «После нас хоть потоп» — выражение, приписываемое французскому королю Людовику XV (1710—1774) по поводу надвигавшегося государственного банкротства.

[5] Энгельс работал в это время над изданием третьего тома «Капитала» Маркса.

№ 49. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Мой генерал!

Женева, 20 февраля 1895

Если я не ответил вам сразу, то потому только, что понял, как трудно уладить дело, о котором идет речь. Очевидно, что Фрейбергеру неудобно явиться в качестве врача, не будучи приглашенным Верой. С другой стороны, если бы Вера решилась говорить о своей болезни Бернштейну или Элеоноре Маркс-Эвелинг, это было бы уже началом благоразумия, которое, при ее характере, представляется мне совершенно невозможным. Из этого положения есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Увидя, что вы на моей стороне, она сложит оружие без сопротивления.

Я послал Вере январский номер «Русского богатства»; там есть критика вашей книги «Происхождение семьи, собственности» и т. д. некоего Зака. Господин этот совсем неизвестен в нашей литературе, и, судя по его дебюту, он не обещает ничего хорошего. Его критика нелепа, как все нападки, направленные этим журналом против вас и Маркса [2]. Меня удивляет, что г-н Даниельсон продолжает сотрудничать в журнале, характер которого теперь уже вполне выявился. Впрочем, и сам Даниельсон в статье, направленной против Струве, говорит о правительстве Николая II, как о правительстве, которое может взять на себя заботу об «организации производства» в нашей стране [3]. Уже по одному этому он является реакционером и утопистом в одно и то же время.

Меня совсем не удивляет, когда подобные глупости идут со стороны Михайловского. Уже во времена Лорис-Меликова [4] он ясно изложил свою «программу», в которой царское правительство фигурирует как *миротворец и организатор* [5]. Но переводчик «Капитала» должен бы обладать бо́льшим политическим тактом. Даниельсон нанесет

большой вред нашему революционному движению. Не могли ли бы вы высказаться по этому вопросу, например, в «Neue Zeit»? Он так важен, что, конечно, заслуживает нескольких страниц. А ваш голос живо положит конец всем «превратным толкованиям» этого господина.

Если наши wahre Sozialisten [6] порядочные реакционеры, зато наши земства оживились. Вам, конечно, известна петиция Тверского земства. Петиция Черниговского земства еще более выразительна. Молодой идиот Зимнего дворца своей речью оказал большую услугу революционной партии [7].

Пожалуйста, поклонитесь хорошенько от меня Фрейбергерам и Эвелингам.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Читали ли вы доклад Жореса об идеализме и материализме? Странный «философ» этот господин Жорес. Мой адрес теперь: 6, rue Candolle, Genève.

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 332—333, под № 9.

[2] Речь идет о статье Л. Зака «Исторический материализм» («Русское богатство», № 1, 1895, отд. II, стр. 1—34), посвященной разбору книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая вышла в Петербурге в 1894 г.

[3] Плеханов имеет в виду статью Николая — она «Апология власти денег как признак времени», напечатанную в «Русском богатстве», №№ 1 и 2, 1895 г., отд. II, стр. 155—187 и 1—34.

[4] *Лорис-Меликов,* Михаил Тариелович, граф (1825—1888) — министр внутренних дел в последний год царствования Александра II, главный его советчик, открывший эпоху либеральной «диктатуры сердца». Лорис-Меликов был автором проекта конституции, имевшей целью привлечь либералов на сторону самодержавия и завоевать их поддержку в борьбе с революционерами. В мае 1881 г., после вступления на престол Александра III, Лорис-Меликов получил отставку.

[5] Плеханов имеет в виду обозрение Н. К. Михайловского «Литературные заметки», напечатанное в № 10 «Отечественных записок» за 1880 г. (Соч., т. IV, стр. 958—977). В этом обозрении Михайловский пишет: «Кто же возьмет на себя великий труд предотвращения исторических путей родины от повторения европейской борьбы? Очевидно, правительство. Оно обладает и нужными для этого средствами, и не менее нужным беспристрастием, незаинтересованностью в торжестве неправды...»

[6] Под «нашими истинными социалистами» Плеханов подразумевает либеральных народников — Михайловского, Воронцова, Николая — она и других.

[7] «Знаменитая» речь Николая II делегатам от земств и городов, в которой он назвал их конституционные стремления «бессмысленными мечтаниями», была произнесена им в Зимнем дворце 17/29 января 1895 г. (опубликована в «Правительственном вестнике», № 14 от 18/30 января 1895).

№ 50. Ф. ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [1]

(Перевод с французского)

Мой дорогой Плеханов! Лондон, 26 февраля 1895

Уже восемь дней, как все устроено, Вера мне написала, что будет очень охотно пользоваться лечением Фрейб[ергера]. Вчера была неделя, как он пошел к ней и с тех пор был еще два раза. Он нашел

у нее сильный бронхит и прописал ей необходимые лекарства. Но он говорит, что ей больше всего нужна другая система питания. Нужно, чтоб она ела мясо вместо всяких фруктовых варений и другой растительной пищи. Ф[рейбергер] только что ушел, и я вернусь к ее здоровью в конце этого письма.

Теперь, раз вы мне так или иначе поручили заботу о ее здоровье, вы должны мне сказать, нуждается ли она в деньгах? В таком случае я вас попрошу разрешить мне предложить вам для нее немного, по крайней мере на время ее болезни. Я вам пошлю, скажем, сначала пять фунтов, которые вы ей перешлете *от себя* так, чтобы я тут совершенно не фигурировал. Вы ей скажете, что посылаете эти деньги, чтобы она не имела никакого предлога отказаться от перемены режима, и что Фр[ейбергер] считает такую перемену ее режима необходимой, или что-нибудь другое.

У меня не будет времени прочесть критику «Русского богатства» * на мою книгу. Я уже достаточно видел по этому поводу в январском номере 1894 г.[2]. Что касается Даниельсона, то боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я ему послал в письме русские дела в «Internationales» из «Volksstaat'a» и особенно приложение 1894 г., которое было написано *частью* непосредственно по его адресу [3]. Он его получил, но, как видите, — это бесполезно. Нет возможности полемизировать с этим поколением русских, к которому он принадлежит, неизменно верящим в спонтанейно-коммунистическую миссию, отличающую Россию, настоящую святую Русь **, от других, неверных народов [4].

Впрочем, в такой стране, как ваша, где крупная современная промышленность привита к примитивной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные ступени цивилизации, — в стране, которая сверх того окружена более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, воздвигнутой деспотизмом, нечего удивляться, если происходят самые причудливые, самые невероятные сочетания идей. Возьмите хотя бы этого бедного малого Флеровского [5], который вообразил, что столы и кровати думают, но не имеют памяти. Это ступень, через которую страна должна пройти. Мало-помалу, с ростом городов, отрезанность талантливых людей исчезнет, а вместе с тем и эти заблуждения (aberrations mentales), вызванные одиночеством, беспорядочностью случайных знаний у этих чудаков-философов, а также отчасти — у народников *** — отчаянием при виде крушения их надежд. Действительно, народник ****, экс-террорист, мог бы, в сущности говоря, кончить царистом.

Чтобы мне впутаться в эту полемику, нужно было бы перечесть целую литературу и потом следить за ней и отвечать; но это поглотило бы все мое время в течение года, и единственным полезным результатом, вероятно, было бы то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем

* Слова «Русское богатство» написаны по-русски. — *Ред.*

** Слова «святая Русь» написаны по-русски. — *Ред.*

*** Слова «у народников» написаны по-русски. — *Ред.*

**** То же. — *Ред.*

теперь. Но от меня требуют того же самого для Италии, по поводу знаменитого Лориа [6]. А я уже и так завален работой.

Жорес на хорошем пути; он изучает *марксизм*, не нужно слишком торопить его. Но он уже сделал довольно большие успехи, гораздо большие, чем я смел надеяться. И потом не будем требовать чересчур много ортодоксии: партия слишком велика, и теория Маркса слишком распространена, чтобы путанники (confusionnaires), более или менее изолированные, могли принести много вреда на Западе. У вас — другое дело, подобно тому, как [было] у нас в 1845—59 гг.

Что касается Николая, я согласен с вашим мнением: Земский собор * явится вопреки этому маленькому человечку.

Вернувшийся Ф[рейбергер] говорит мне, что В[ере] гораздо лучше и что до сих пор при выслушивании он не обнаруживает решительно ничего, кроме застарелого и запущенного катарра бронхов.

Ваш *Ф. Э.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 333—335, под № 5. Перевод сверен и исправлен по французскому оригиналу, хранящемуся в Доме Плеханова.

[2] Речь идет об обозрении Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» в № 1 «Русского богатства» за 1894 г., где Михайловский касается целого ряда работ Маркса и Энгельса.

[3] Энгельс имеет в виду написанное им в 1894 г. послесловие к своему «Ответу Ткачеву» (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 388—401).

[4] См. выше примечание 3-е к письму Маркса к Засулич (№ 2).

[5] *Флеровский (Берви)*, Василий Васильевич (1829—1918) — народнический писатель, популярный среди молодежи 70-х годов, по своим взглядам — крайний идеалист и утопист.

[6] *Лориа*, Ахилл (род. в 1857 г.) — итальянский экономист, разделявший историко-философское учение Маркса, но не разделявший его экономического учения.

№ 51. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Мой генерал! 3 марта 1895.

Прежде всего напишу вам о Вере. Благодарю вас за ваше великодушное предложение, которое я считаю трогательным доказательством вашего к нам дружеского отношения, но даю вам честное слово, что Вера *совсем не нуждается в деньгах*. Я надеюсь, что она еще долго не будет в них нуждаться. К несчастью, по отношению к ней главное затруднение не в том, чтобы послать ей денег, а в том, чтобы *заставить ее их истратить*. У нее свои собственные принципы: она себе не позволяет «*роскоши*», а то, что она называет *роскошью*, другие считают *необходимым*. Когда мы жили вместе в Морнэ, я заставлял ее иметь здоровую и разнообразную пищу, заказывал ее хозяйке готовить ей обеды ежедневно. В Лондоне, будучи в одиночестве, она пользуется

* Слова «Земский собор» написаны по-русски. — *Ред.*

своей свободой, чтобы совсем не обедать. Кусок жареного мяса, иногда две чашки чаю или кофе с несколькими булочками — вот ее обыкновенные трапезы. Я ее браню за это во всех моих письмах, но она не обращает на это внимания. Ничего не могу сделать при этих условиях.

Это действительно непростительная растрата драгоценных для нашего движения сил. Побраните ее от себя, — вы нам этим окажете услугу.

Я хорошо понимаю, что чтение «Русского богатства» не является привлекательной работой, — мы-то вынуждены это делать. Мне кажется, что вы не имеете точного представления о политическом кретинизме этих господ. Вот пример. В конце царствования Александра II, во время диктатуры Лорис-Меликова, этот самый г. Михайловский, с которым мы теперь полемизируем, писал в одной из своих статей, что в России *миссия разрешения социального вопроса принадлежит именно правительству*. На Западе — другое дело, говорил он, но мы совсем не западники [2]. Эти слова писались в то время, когда революционеры вели ожесточенную войну с русским правительством, и когда правительство ставило вопрос, не должно ли оно уступить! Из этого вы видите, как реакционен и вреден для нас этот вид утопического социализма, проповедуемого Михайловским. А в данный момент, когда так называемое общество становится на дыбы против Николая II, — Даниельсон, «друг Маркса», переводчик «Капитала» (мимоходом замечу — переводчик, принадлежащий к категории traditтori *, «истинный марксист» и т. д., и т. д., и т. д., снова начинает, поразительно кстати, нести тот же вздор. Если бы я был на месте Николая, я бы наградил Даниельсона орденом.

Положение у нас так ясно, что не нужно долгого его изучения, чтобы осудить Staatssozialismus ** Даниельсона. Несколько неодобрительных слов с вашей стороны сделали бы много, и именно о таком подкреплении русской революции я говорил в предыдущем письме. Раз вы очень заняты, я больше не говорю об этом. Но, если дело касается выбора между *Даниельсоном* и *Лориа*, я скажу, генерал, выберите Даниельсона, — это более основательно.

Прилагаю при сем ответ русских либералов на знаменитую речь Николая [3]. Письмо было перепечатано в Лондоне, но оно подлинно; оно обошло Россию, раньше чем попасть в Лондон. Вы увидите из письма, что мы можем надеяться на лучшие времена.

По-моему, года через 4—5 в России возродится терроризм. Будут ли этого хотеть, но это — неизбежно [4].

Кланяйтесь и поблагодарите Фрейбергера от меня.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 335—337, под № 10.

[2] Речь идет о той же статье Михайловского (см. примечание 5 к письму № 49).

* Игра слов: «traduttore» по-итальянски — переводчик, «traditore» — предатель. — *Ред.*

** — государственный социализм. — *Ред.*

[3] Плеханов имеет в виду «Открытое письмо к Николаю II», автором которого, как обнаружилось позднее, был П. Б. Струве. Письмо было опубликовано им в собственном журнале «Освобождение», № 68, от 16 апреля 1905 г., и в сборнике В. Бурцева «За сто лет».

[4] Действительно, новая волна террористических покушений открылась выстрелом Карповича в министра народного просвещения Боголепова 21 февраля/5 марта 1901 г.

№ 52. Г. В. ПЛЕХАНОВ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ [1]

(Перевод с французского)

Дорогой генерал! [Женева, 1895]

Не писал вам уже целую вечность; мне мешали работа, усталость и постоянное нездоровье — последствие переутомления и сидячей жизни, которую я веду; между тем, мне нужно многое сказать вам.

Вы уже знаете, что господин Николай младший оказался крайним реакционером. После нескольких легких либеральных уклонений он решил итти по тому же направлению, по которому следовал его дорогой папа. Дурново [2] и другие актеры предыдущего царствования могут теперь себя поздравить. Чрезвычайно преследуют печать, не прекращаются аресты. В начале мая [старого стиля] была устроена в Москве облава, причем было арестовано до 80 человек обоего пола. Этот разгром постиг *либералов и социал-демократов*. Среди арестованных много рабочих. Аресты в рабочем классе были следствием первого мая, которое праздновалось в Москве собранием, где присутствовало 126 делегатов от рабочих кружков. Этот праздник был в то же время чем-то вроде местного съезда Москвы и ее окрестностей. Полиция, проведав о произошедшем, наносила удары наудачу, так как не знала ничего определенного. Однако она наложила руку на несколько лиц, действительно «виновных» с ее точки зрения. Что особенно подстрекало усердие полицейских, — это *ярославская стачка*, о которой вы, без сомнения, слышали. Как раз в начале мая (старого стиля) забастовало 8000 рабочих. Послали солдат. Была настоящая битва между войсками и стачечниками. Было убито *восемь* рабочих, 16 ранено. По дошедшим до меня известиям об этом деле — от 8 мая (т. е. от 20 мая н. ст.), — стачка продолжалась. Я еще не знаю, как обстоит дело теперь. Известия из Петербурга нисколько не лучше. Вернее говоря, они хороши, поскольку это касается общего недовольства: революционное движение становится сильнее, чем оно было за последние десять лет, но правительство принимает оборонительное положение. В России становится жарко. Co to będzie, co to będzie *!

Спасибо за «Klassenkampf». Кстати, позволите ли нам перевести книгу «Положение рабочего класса в Англии» и «Dühring's Umwälzung»? [3] *Это — для издания в России*. Только... там цензура, и она не особенно любезна в настоящий момент — наоборот.

Посылаю вам русскую брошюру [4]. Прочтите конец этой брошюры, и вы увидите, что борьба наших народников «*против капитализма*» все более и более вырождается в *союз с царизмом*. Лучшая критика, какую можно было сделать на эту великолепную «программу», заключается в «Коммунистическом манифесте» (об «истинном немецком социализме»). Sic transit gloria * народников. И подумать, что Даниельсон в этой милой компании! Как вы себя чувствуете, дорогой генерал? Часто ли вы видаете Веру?

Привет от меня Бернштейну, Эвелингам, Фрейбергеру, Мендельсону и всем вам, лондонским друзьям.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Вы меня очень обяжете присылкой новой книги Лориа [5].

* Что-то будет, что-то будет! (по-польски). — *Ред.*

[1] Письмо опубликовано в сб. «Гр. Осв. тр.», II, стр. 337—338, под № 11.

[2] *Дурново*, Петр Николаевич (1844—1915) — один из наиболее последовательных реакционных деятелей эпохи Николая II, в 80-х годах директор департамента полиции.

[3] Ни одна из перечисленных книг не вышла в переводе членов группы «Освобождение труда».

[4] О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

[5] Возможно, что речь идет о вышедшей в 1894 г. и имеющейся в библиотеке Плеханова книге Лориа «Problemi sociali contemporanei» («Современные социальные проблемы»).

* Так проходит слава. — *Ред.*

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Анархизм
— Кропоткина — **195, 199.**
— отношение к политике и государству — **15—16.**
— «пропаганда действием» — **148—150, 194—195, 198.**
— Прудона — **166—167, 175—186.**
— Реклю — **195, 199.**
— характеристика течения — **255.**
— Черкезова — **193—195.**
— Штирнера — **167—175.**
«Анархизм и социализм» Плеханова
— в оценке Ленина — **150.**
— история книги — **147—148, 150—152.**

Бакунин
— и Плеханов — **III, V—VI, 2, 255—256.**
— и русское бунтарство — **1—2, 15—16.**
— и Ткачев — **91.**
— о русском «народном идеале» — **112—113.**
— отношение к политике и государству — **2, 15—16.**
Благоевская группа — **XXVIII, 19, 54, 65—66, 72.**
— и «Наши разногласия» Плеханова — **30—31, 233.**
— и первый проект программы группы «Освобождение труда» — **237—238.**
— о разброде в народовольческой среде — **232—233.**
— программа — **XX, XXVIII, 65, 72, 237—238.**
— связь с группой «Освобождение труда» см. Группа «Освобождение труда» — и благоевцы.
Болгарское рабочее движение и Плеханов — **144—146.**
Брюссельский международный социалистический конгресс 1891 г. — **88—98, 254.**
— вопрос о милитаризме — **133—134, 137, 139.**
— участие русских с.-д. — **88—89, 254.**
Бунтари — **15—16, 119—122.**
— и индивидуальный террор — **121—122, 221.**
— и рабочие — **220, 222.**
— о крестьянской социалистической революции в России — **90—91, 220—222.**
— о России и Западе — **90—91.**
— разочарование в деятельности среди крестьянства — **221—222.**

Война и социалисты см. Брюссельский международный социалистический конгресс — вопрос о милитаризме; Цюрихский международный социалистический конгресс — вопрос о милитаризме.
«Впередовцы» см. Лавристы.
Второй проект программы группы «Освобождение труда» — **XXII—XXIII, 75—80.**
— аграрный вопрос — **78—79.**
— крестьянство — **XXIII—XXIV, 77—80.**
— Ленин о нем — **XXII—XXIII, XXXVIII, 53—54, 79—80.**
— отношение к индивидуальному террору — **XXIII, 78.**
— прямое народное законодательство — **XXIII, 76.**

Гегемония пролетариата в буржуазной революции
— История ВКП(б) о позиции Плеханова — **XXIV—XXV.**
См. также Пролетариат — как основная движущая сила революции.
Государство
— взгляд анархистов — **15—16.**
— взгляд Прудона — **176—181.**

— взгляд Штирнера — **169—170, 174—175.**
Группа «Освобождение труда»
— в оценке Энгельса — **229.**
— влияние в России в 80-х и 90-х гг. — **XXIX, 19, 54, 66, 233—234.**
— и благоевцы — **XXV—XXVI, XXVIII, 54—66, 232—238.**
— и германская социал-демократия — **91, 100—101, 250, 253—255.**
— и иностранное социалистическое движение — **XXVI, 146—147, 240—241, 258.** См. также Конгрессы социалистические международные; Плеханов—выступления перед иностранной аудиторией и в иностранной прессе.
— и «легальные марксисты» — **XXXIII—XXXV, 19—20.**
— и «молодые народовольцы» — **19, 21, 232—233, 235.**
— и русские рабочие в Америке — **XXVI, 71—73.**
— издательство «Библиотека современного социализма» — **VIII—IX, 26—30.**
— издательство «Рабочая библиотека» — **66—70.**
— искажение ее взглядов в иностранной прессе — **100—106, 253—256.**
— Лавров о группе «Освобождение труда» — **XV, 27—28, 32—42, 46.**
— Ленин о группе «Освобождение труда» — **XXXV—XXXIX.**
— литературно-издательская деятельность — **XXV — XXVII, XXIX, XXXIII—XXXIV, 243—248.**
— о борьбе с самодержавием — **81—83.**
— о государстве — **XVIII, XX.**
— о диктатуре пролетариата — **XII, XVIII.**
— о крестьянстве — **XII — XIII, XVIII—XX, XXIII—XXIV, 55, 58, 66—67, 69—70, 104—105, 124—127.**
— о русской общине в начале 80-х гг. — **XIX, 7, 124.**
— о терроре в начале 80-х гг. — **XIX, XXI, 7—9, 92, 97—98, 122—123, 127, 221, 231.**
— об аграрном вопросе — **XII—XIII.**
— отношение к либералам — **XI—XII, 81—83, 93—94, 96.**
— первые шаги в позднейшем освещении Плеханова — **4—9, 13—14, 17—19, 124—126.**
— полемика с либеральными народниками — **XXX — XXXIII, 17—18.**
— полемика с народовольцами — **VII—XIX, 4—9, 18, 98—100.**
— программа и задачи — **VIII—XXVI, 39—40, 44—46, 55—70, 102—105.** См. также Второй проект программы группы «Освобождение труда»; Первый проект программы группы «Освобождение труда».
— сборник «Социал-демократ» 1888 г. — **246—248.**
— создание группы и разрыв с народовольцами — **VII—IX, 26—29, 217—224.**
— сотрудничество иностранных социалистов в журнале «Социал-демократ» — **250—253.**

Диалектика и индукция — **190—191.**
— взгляд Черкезова — **189, 190—191, 193—194.**

Захват власти революционной партией
— позиция группы «Освобождение труда» — **231.**
— позиция «Народной воли» — **VIII, XV—XVI, 123.**
См. также Социальная революция в России; Энгельс — о захвате власти и крестьянской революции в России.
«Земля и воля»
— и Плеханов — **III.**
— отношение к пролетариату см. Пролетариат — и «Земля и воля».
— переход к террору и раскол — **III.**

Исторический материализм
— в истолковании Бакунина — **1—2.**
— в истолковании народовольцев — **3.**
— и субъективный метод в социологии — **XXXI—XXXIII.**
— понимание Плехановым в народнический период деятельности — **V—VI, 1—2, 5—6.**
— роль личности в истории — **XXXI—XXXIII.**

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — **XXX—XXXIII**
— История ВКП(б) о книге — **XXX—XXXI.**
— Ленин о книге — **XXX—XXXI.**
— Энгельс о книге — **269.**
Капитализм
— и пролетариат — **96—97.**
Капитализм в России
— и задачи социал-демократии — **96—98.**
— и народники 80-х и 90-х гг. — **269—272.**
— развитие — **94—96, 264.**
Классовая борьба
— взгляд научного социализма — **165—166.**

— взгляд славянофилов — **4—5.**
— у Прудона — **181.**
— у социалистов-утопистов—**165—181.**
— у Штирнера — **171, 173.**
Конгрессы социалистические международные см. Брюссельский...; Парижский...; Цюрихский...
Конгрессы социалистические национальные — **146—147, 212.**
Крестьянское движение в России — **110—111.**
Крестьянство
— в программе группы «Освобождение труда» см. Группа «Освобождение труда» — о крестьянстве.
— взгляд Маркса и Энгельса — **125—126.**
Крестьянство русское см. Русское крестьянство.

Лавристы
— и Лавров — **113—119.**
— социально-политические взгляды — **14—15, 118—119.**
Лавров
— его утопизм — **116—118.**
— и братья Бауэры — **114—115.**
— и Плеханов — **XV—XVI, 32—46, 206—218.**
— и субъективный метод в социологии — **114—118.**
— Плеханов о роли Лаврова в его развитии — **206.**
— роль журнала «Вперед» — **116—119.**
— характеристика и роль «Исторических писем» — **114—119.**
— Энгельс о Лаврове — **14, 20.**
Либералы
— в программе «Народной воли» — **XI.**
— и самодержавие — **274.**
— позиция Плеханова—**XI—XII, XXIV, XXXIV.**

«Манифест коммунистической партии»
— влияние на Плеханова в 1882 г. — **VII, 17—18, 22.**
— и задачи русских социалистов — **22—25.**
— русские издания — **22—25, 209, 211.**
Маркс
и Засулич — **201—205.**
— и Родбертус — **210—211.**
— Лавров о смерти Маркса — **26.**
— о судьбах русской общины — **202—205.**
— письмо к редактору «Отечественных записок» — **228, 260.**
— Плеханов о «Капитале» в 1882 г. — **213.**
— Плеханов о смерти Маркса — **26.**
— работа Энгельса над изданием «Капитала» — **218—219, 229, 268—269.**
— русские издания «Капитала» — **201, 218—219.**
Маркс и Энгельс
— «Манифест коммунистической партии» см. «Манифест коммунистической партии».
— Михайловский о них — **260.**
— труды, изданные группой «Освобождение труда» — **218—219, 226—228, 231—232, 238.**
— Черкезов о них — **188—199.**
Марксизм
— «критика» Черкезова — **189—190, 192—199.**
— марксистский метод исследования — **5—6.**
— применимость к странам с развитым капитализмом — **XVII—XVIII.**
«Молодые народовольцы» — **232 — 233, 235.**

«Народная воля»
— «Вестник Народной воли» — **211—217, 223.**
— и бакунизм — **42, 98—99.**
— и бланкизм — **XV—XVI, 3, 42.**
— и будущие члены группы «Освобождение труда» — **V—VII, 206—208, 211—226.** См. также Группа «Освобождение труда» — создание группы и разрыв с народовольцами.
— и Дюринг — **3, 10—11.**
— и индивидуальный террор — **VI, 16, 43, 45, 92, 122—123.**
— и марксизм — **44—46, 98—99.**
— и «молодые народовольцы» — **232—233, 235.**
— и «Русская социально-революционная библиотека» — **208—209.**
— и свобода критики ее программы и тактики — **35—42.**
— и теория русской «самобытности» — **42.**
— и Ткачев см. Народная воля — и бланкизм.
— о России и Западе — **42, 92.**
— отношение к политике и государству — **2—3.**
— отношение Маркса и Энгельса — **16, 20—21, 229—230.**
— Плеханов о разногласиях с ней в 1882 г. — **211—218.**
— программа и тактика — **III, VIII, XI, 42—46.**
См. также Группа «Освобождение труда» — полемика с народовольцами; «Молодые народовольцы».

Народничество 70-х годов.
— и революционная самодеятельность народных масс — **3—4, 16.**
— отношение к политике и государству — **2—3.**
— элементы западничества и славянофильства — **109, 111—113.**
См. также Бунтари; Лавристы.
Народничество 80-х и 90-х годов — **259—260, 264.**
— и самодержавие — **3, 270—273, 275.**
См. также группа «Освобождение труда» — борьба с либеральными народниками.
Народнический период деятельности Плеханова в его позднейшем освещении — **V—VI, 1—2, 16—17.**
Научный социализм — **161—166.**
— значение революционной теории — **X—XI, XV, 37—38.**
— применимость к России — **24—25.**
Национальный вопрос и социализм — **213—214.**
«Наши разногласия» Плеханова — **XIV—XIX.**
— в оценке «Краткого курса истории ВКП(б)» — **IX—X, XVII, 31.**
— в оценке Ленина — **VIII—IX, 31.**
— в оценке членов Благоевской группы — **30—31, 233.**
— в оценке Энгельса — **XVI, 30, 229.**
— впечатление в лагере народовольцев — **XIV—XV, 31.**
— Плеханов о своей книге — **5—9, 18.**
Неурожаи в России
— взгляд Энгельса — **141, 143.**
— причины — **141—142.**

Парижский международный социалистический конгресс (1889)
— Плеханов о роли пролетариата в русской революции — **85—87.**
— участие русской с.-д. — **83—84, 250.**
Первый проект программы группы «Освобождение труда» — **XIX—XXII, XXIV—XXV, 6—8, 44—45, 48—54, 73, 237—238.**
— аграрный вопрос — **XII — XIII, XXI—XXII, 52—53.**
— и группа Благоева — **237—238.**
— и индивидуальный террор — **XXI, 7—9, 52, 54.**
— крестьянство — **53—54.**
— Ленин о первом проекте программы — **XXI—XXII, 53.**
— производительные ассоциации — **XXI, 52—53.**
— прямое народное законодательство— **XXI, 50, 53.**
— социалистическая интеллигенция — **51, 53.**
Плеханов
— выступления перед иностранной аудиторией и в иностранной прессе — **XXVI, 13—20, 25—26, 100—105, 129—131, 140—147, 254—256, 261.** См. также Группа «Освобождение труда» — и иностранное социалистическое движение; Конгрессы социалистические международные.
— и иностранные социалисты — **253—275.**
— изгнание из Швейцарии и Франции— **249, 257, 261.**
— переход от народничества к марксизму — **III—VII, 5—10, 13—20, 22.**
Политическая борьба и социализм
— позиция бакунистов — **2—3, 120—122, 221.**
— позиция Дюринга — **3, 10—11.**
— позиция землевольцев — **57, 69, 97, 99—100.**
— позиция «истинных социалистов» Германии — **104, 106.**
— позиция лавристов — **118—119.**
— позиция марксизма — **97—98, 102—105, 124—127.**
— позиция народовольцев — **3, 42—43, 123.**
— позиция Прудона — **180—181.**
— позиция «Северно-русского рабочего союза» — **57, 69, 97, 99—100.**
— позиция Ткачева — **3.**
— позиция чернопередельцев — **IV, 220—223.**
Политическая экономия
— теория ренты Рикардо и Родбертуса — **210.**
Программа группы «Освобождение труда» см. Второй проект программы группы «Освобождение труда»; Группа «Освобождение труда» — программа и задачи; Первый проект программы группы «Освобождение труда».
Пролетариат
— и бакунисты — **V, 90—91, 97, 221—222.**
— и задачи социалистов в России — **50—53, 55—65, 76—79, 86—87.**
— и крестьянство — **XIII—XIV, XVIII.**
— и либеральная буржуазия — **93—94.**
— и «Народная воля» — **91—92, 98—99.**
— и Плеханов в чернопередельческий период — **208—209.**
— и Ткачев — **91.**
— как основная движущая сила революции — **XIII, XVII—XX, XXIII—**

XXV, 4, 17—20, 55—65, 85—87, 90—91, 96—98, 104—105.
— участие в русском революционном движении 70—80 гг. — **97.**
Прудон
— его утопизм — **179—180.**
— и Кант — **175—178, 182.**
— и классовая борьба — **181.**
— и народники — **184.**
— и Фейербах — **177—178.**
— как мелкобуржуазный социалист — **181—185.**
— о государстве см. Государство — взгляд Прудона.
— о коммунизме — **182—183.**
Прямое народное законодательство
— в программах группы «Освобождение труда» — **XXI, 50, 53, 76.**
— и социализм — **53.**
Пути развития России
— точка зрения либеральных народников — **264, 271, 275.**
Пути развития России и социализм
— точка зрения группы «Освобождение труда» — **XVI—XVII, 264.**
— точка зрения народников 70-х гг. — **XVI—XVII.**

Рабочее движение
— международные социалистические конгрессы см. Брюссельский...; Парижский...; Цюрихский...
— национальные социалистические конгрессы см. Национальные социалистические конгрессы.
— первое мая — **129—131, 144—146, 254, 258.**
— рабочие организации 80-х гг. — **XXVIII—XXIX.** См. также Благоевская группа.
— стачки 70-х годов — **58—59.**
— стачки 80-х годов — **XXVII.**
Русская община и социализм
— точка зрения либеральных народников — **264.**
— точка зрения Маркса и Энгельса — **202—205.**
— точка зрения социал-демократии — **264.**
Русский бланкизм — **42—44.**
См. также Захват власти революционной партией.
Русское крестьянство
— и неурожаи — **140—142.**
— и реформа 1861 г. — **141—142.**
— Плеханов о роли крестьянства в борьбе с самодержавием — **XIII—XIV, XVIII, XXIV—XXV, 55, 58, 69—70, 105, 124—125.**
Русское крестьянство и социализм
— взгляд западников и славянофилов — **109—113.**
— взгляд Ленина — **XXIV.**
— позиция группы «Освобождение труда» — **XIII, XXIV.**
— пролетариат как проводник социалистических идей в крестьянстве — **XIII, 68—70, 105.**

Самодержавие в России
— конституционные иллюзии при вступлении на престол Николая II — **268, 270—271, 274.**
Северно-русский рабочий союз и землевольцы — **57, 69, 97, 99—100.**
Славянофильство
— и бакунизм — **42, 90, 112—113, 121.**
— и «Народная воля» — **4—5, 42, 91—92, 123, 211—212.**
— и русская революционная молодежь 60-х и 70-х гг. — **90, 108—109, 111—113, 123, 127.**
— и русский «народный идеал» — **112—113.**
— и Ткачев — **123.**
«Социализм и политическая борьба» Плеханова — **IX—XIV.**
— в оценке Краткого курса ВКП(б) — **IX—X, XVII.**
— в оценке Ленина — **VIII—IX.**
— история книги — **VII—VIII, 4.**
— Плеханов о своей книге — **XIV, 4, 6—7, 14.**
Социальная революция в России
— взгляд бакунистов — **90—91.**
— взгляд Лаврова и лавристов — **116—118.**
— взгляд народовольцев — **4—5, 42—44, 123.**
— взгляд Ткачева — **42, 91.**
Союз русских с.-д. заграницей
— первая попытка организации — **XXXIII, 243—244.**
— раскол — **XXXV—XXXVI.**
Стачки см. Рабочее движение—стачки.
Студенчество и социализм — **143—144.**
— взгляд Энгельса — **143.**
Субъективный метод в социологии
— братьев Бауэров — **114—115.**
— Гете о субъективном методе — **115.**
— Лаврова — **114—118.**
— Маркс и Энгельс о субъективном методе — **115.**
— народников 80—90-х гг. и борьба с ним Плеханова — **XXXI—XXXII.**

Утопический социализм XIX в.
— философия истории — **153—161, 166, 171.**

Федерализм
— в программе «Черного передела» см. «Черный передел» — и федерализм.
— Плеханов о федерализме в 1882 г. — **212—214.**
Философия истории
— Гегеля — **161—162.**
— немецких идеалистов XIX в. — **161—162.**
— Прудона см. Анархизм — Прудона.
— Спенсера — **166.**
— французских просветителей XVIII в. и утопических социалистов XIX в. — **153—161, 166.**
— Штирнера см. Анархизм — Штирнера.
См. также Субъективный метод в социологии.
Французский материализм XVIII в.
— философия истории — **153—155, 157—161.**
— этическое учение — **170.**

Цюрихский международный социалистический конгресс 1893 г. — **132—140, 258—259.**
— вопрос о милитаризме — **133—139.**
— участие русских с.-д — **132.**

«Человеческая природа»
— взгляд научного социализма — **163.**
— взгляд Прудона — **179—180.**
— взгляд утопистов — **153—161, 166.**
«Черный передел»
— и Плеханов — **III.**
— и рабочие — **206—208, 220.**
— и русская община — **220.**
— и федерализм — **213.**
— Маркс о «Черном переделе» — **IV.**
— программа и задачи — **IV—V, 220—221.**

Штирнер
— и Ницше — **171.**
— и Фейербах — **167—168, 172.**
— о государстве — **169—170, 174—175.**
— о собственности — **173—175.**
— о социальном неравенстве — **171, 173—174.**
— этическое учение — **168—174.**

«Экономическое» направление в РСДРП
— борьба с ним Плеханова — **XXXIV—XXXVI, XXXVIII, 65—66.**
Энгельс
— и Засулич — **218—219, 226—231, 238—239, 250—252.**
— и «Капитал» Маркса — **218—219, 227, 268—269.**
— и Маркс см. Маркс и Энгельс.
— и «Нищета философии» Маркса — **226—227.**
— и Плеханов — **250, 256—275.**
— о борьбе с народничеством — **251.**
— о группе «Освобождение труда» — **XVI, 229.**
— о Жоресе — **272.**
— о захвате власти и о крестьянской революции в России — **229—230.**
— о книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — **269.**
— о «Народной воле» — **16, 20—21, 229—230.**
— о «Наших разногласиях» Плеханова — **XVI, 30, 229.**
— о политическом положении в России 80—90-х гг. — **218, 227, 251—252, 268, 272.**
— о русских народниках 80—90-х гг. — **271—272.**
— о судьбах русской общины и путях развития России — **203—204, 272.**
— об английском рабочем движении — **262—263.**
— об иностранной политике русского царизма — **251—252.**
— об убийстве Александра II — **229—230.**
— Плеханов о книге Энгельса «Людвиг Фейербах» — **257.**
— полемика с Ткачевым — **42, 48.**
— сотрудничество в русском журнале «Социал-демократ» — **250—252.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ УПОМЯНУТЫХ В СБОРНИКЕ *

А. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аксаков, И. С. «Идеалы «Дня» по «Современной летописи» — «День», 6 марта 1865; Полн. собр. соч., т. II, М., 1886, стр. 289—299. — **127, 129.**

Аксельрод, П. Б. Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия — «Рабочий», № 2, июль 1885. — **235.**

Аксельрод, П. Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, Союз русских соц.-дем., 1898. — **75, 243.**

Аксельрод, П. Б. Ответ товарищу. 1887 (Гектографировано и выпущено Цюрихской группой) — **XXIX.**

Аксельрод, П. Б. Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата — «Социалист», № 1, июнь 1889. — **XXIX, 250.**

Аксельрод, П. Б. Рабочее движение в начале 60-х гг. и теперь — «Социал-демократ», 1888, стр. 132—188. — **247—248.**

Аксельрод, П. Б. Рабочее движение и социальная демократия. С предисл. «Об издании «Рабочей библиотеки» редакторов П. Аксельрода и Г. Плеханова. Женева, 1885 (Рабочая библиотека. Вып. I). — **XXV, XXIX, 66, 231—233, 235.**

[*Аксельрод, П. Б.*]. Речь в Хуре — «Народная воля», № 7, 23 декабря 1881, стр. 4, в статье «Международный конгресс в Хуре». (От нашего корреспондента) — **212.**

Аксельрод, П. Б. Сведения о пребывании В. И. Ленина за границей в 1895 г. — Ленин, В. И. Соч., т. I, 1927, стр 488—491. Приложение. — **XXXIV.**

Антонович, М. А. Два типа современных философов (Три беседы о современном значении философии. Соч. Лаврова) — «Современник», № 4, 1861, стр. 349—418. — **113, 129.**

Бакалов, Г. Г. В. Плеханов в Болгарии — «Летописи марксизма», № 5, 1928, стр. 45—55. — **140.**

Бакунин, М. А. Государственность и анархия. [б. м.], 1873 (Изд. социально-революционной партии. Т. I). — **IV—V, 1, 112.**

Бакунин, М. А. Наука и насущное революционное дело. Вып. I. Женева, 1870 — **V, 1.**

Белинский, В. Г. Письмо Герцену от 26 октября 1845 г. — Письма. Т. III. Спб., 1914, стр. 87—104. — **108, 128.**

Белинский, В. Г. Письмо к Гоголю — Собр. соч. в 3-х т. Т. III. Спб., 1911, стр. 821—830. — **111.**

Благоев, Д. Н. Письмо членам группы «Освобождение труда». София, 28 мая 1885 — «Гр. Осв. тр.», VI, 1928, стр. 127—129. — **236—238.**

Благоев, Д. Н. [Программа благоевской группы] — в кн. Тун, А. История революционных движений в России. Женева, 1903, приложение 1: Д. Кольцов. Конец «Народной воли» и начало социал-демократии, стр. 248—249. — **XX, XXVIII, 65, 72, 237—238.**

«Борьба». Политическая и общественная газета. (Нач. вых. в 1889). — **73.**

Vademecum для редакции «Рабочего дела». Сборник материалов, изданных группой «Освобождение труда». С предисл. Г. Плеханова. Женева, тип. группы старых народовольцев, 1900. — **XXXV.**

«Вестник Народной воли». Революционное социально-политическое обозрение № 1—5. Женева—Париж (1883—1886). — **VII—VIII, 5, 27, 32—33, 36, 41, 45—46, 123, 211—218, 223, 232—233.**

[*Воронцов, В. П.*] *В. В.* Судьбы капитализма в России. Спб., 1882. — **202.**

«Вперед». Непериодическое обозрение. Т. I—V. Цюрих—Лондон (1873—1877). — **XV, 14, 20, 37, 114, 116—119, 190, 211.**

Гегель, В. Ф. Философия истории — Соч., т. VIII, М.—Л., Соцэкгиз, 1935 (Ком. Акад. при ЦИК СССР. Ин-т философии). — **161, 187.**

Гед, Ж. Рабочее движение во Франции со времени Коммуны — «Социал-демократ», III, декабрь 1890, отд. II, стр. 3—22. — **253.**

Гейне, Г. Германия. Зимняя сказка. Перев. Тынянова. М.—Л., Гос. изд-во худож. лит., 1933. — **139—140, 171—187.**

Гейне, Г. Людвиг Берне — Соч., под ред. П. Вейнберга. Т. II. Спб., 1898, стр. 329—520. — **130—132.**

Гете, И. В. Фауст. Перев. Валерия Брюсова. М.—Л., 1928 (Русские и мировые классики под общей ред. А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова). — **XXXII, 269.**

«Группа Освобождение труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Под ред. Л. Г. Дейча. Сб. I—VI. М.—Лг., Гос. изд-во, 1924—1928. — **200.**

Дейч, Л. Г. Первые шаги группы «Освобождение труда» — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 9—49. — **VII.**

Дейч, Л. Г. Письмо Аксельроду, П. Б. 6 октября 1883 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 185—190, письмо № 15. — **XX, 28, 46—48.**

Дейч, Л. Г. Письмо к товарищам в Россию [конец 1883] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 154—156; «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 225—231. — **48, 219—226.**

Дейч, Л. Г. и *В. И. Засулич.* Письмо Плехановым, Г. В. и Р. М. (Женева), 10 марта 1881 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 218—219. — **204—206.**

Дикштейн, С. Кто чем живет. Перев. с польского. С предисл. Г. Плеханова. Женева, 1885 (Рабочая б-ка. Вып. 2). — **XXV, XXIX, 66, 231—233, 235.**

Зак, Л. Исторический материализм — «Русское богатство», №1, 1895, отд. II, стр. 1—34. — **269—270.**

Засулич, В. И. Варлэн перед судом исправительной полиции. Женева, 1890. — **XXIX.**

Засулич, В. И. Очерк истории международного общества рабочих — «Социал-демократ», 1888, стр. I—XXXII, приложение. — **243, 245—247.**

Засулич, В. И. Письмо Дейчу, Л. Г. Цюрих, [после августа 1893] — «Гр. Осв. тр.», IV, 1926, стр. 244—246, письмо № 3. — **258—259.**

Засулич, В. И. Письмо Марксу, К. Женева, 16 февраля 1881 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 220—223; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», I, 1928, стр. 269—270. — **201—202, 205.**

Засулич, В. И. Письмо Степняку-Кравчинскому, С. М. Божи, [1889] — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 209—211. — **84.**

Засулич, В. И. Революционеры из буржуазной среды — «Социал-демократ». Кн. I. Женева, 1890, стр. 50—87. — **251—252.**

Засулич, В. И. и *Г. В. Плеханов* см. *Плеханов, Г. В.* и *В. И. Засулич.*

«Земля и воля». Социально-революционное обозрение. Спб., Петерб. вольная тип. (1878—1879). — **1—2, 100, 212.**

«Зерно». Рабочий листок (1880—1881). — **207—209.**

Иванюков, И. И. Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени. М., 1880. — **218.**

*) Настоящие указатели — библиографический и именной — составлены по следующему принципу: отсылки к страницам текста даны не только в тех случаях, когда на странице имеется прямое упоминание данного имени или данного произведения, но и в тех случаях, когда это имя или произведение подразумевается.

При составлении библиографического указателя преимущество отдавалось тому изданию упомянутой книги, которым пользовался или мог пользоваться Г. В. Плеханов, т. е. в первую очередь изданию, указанному им самим в тексте; во вторую — изданию, имеющемуся в его библиотеке. При невозможности привести указанные издания, давалось любое издание данной книги, найденное в ленинградских книгохранилищах или в библиографических справочниках.

Звездочки слева означают, что ни самой книги, ни ее точного библиографического описания найти не удалось. — *Ред.*

Ингерман, С. М. Письма Плеханову, Г. В., П. Б. Аксельроду и В. И. Засулич — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 244—250 и 258—260. — **71.**

Исаев, А. А. Пять вопросов обществоведения. I. Техника и хозяйство в основе культуры. II. Эгоизм, дружелюбие, классовые интересы. III. Борьба общественных групп. IV. Личность и среда. V. О сходствах и различиях в развитии народов. Берлин, 1901. — **188.**

«Искра». Центральный орган Рос. соц.-дем. раб. партии. (Мюнхен — Лондон — Женева, (1900 — 1905). — **XXXVI—XXXIX.**

Исполнительный комитет «Народной воли» заграничным товарищам — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 143—151. — **213—214.**

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под ред. Ц. К. ВКП(б). [М.—Л.] Гос. изд. полит. лит., 1938. — **IX—X, XVII, XXIV—XXV, XXIX—XXX, 31, 54, 99.**

Кант, И. Критика практического разума. Спб., 1897. — **177.**

Кант, И. Критика чистого разума. 2-е изд. Спб., 1902. — **177.**

Каутский, К. Основные положения социал-демократии (Эрфуртская программа). Перев. и предисл. Б. Кричевского. Женева, 1894. — **XXIX.**

Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Перёв. из «Century Magazines». Т. I. Лондон, Вольная типография, [б. г.]. — **251—252.**

Кольцов, Д. Конец «Народной воли» и начало социал-демократии (80-ые годы) — в кн. Тун, А. История революционных движений в России. Женева, 1903, стр. 223—250, приложение 1. — **XXVIII, 234, 238.**

Credo — в публикации: Ленин, В. И. Протест российских социал-демократов с послесловием от редакции «Рабочего дела» — Соч., т. II, 1927, стр. 477—480. — **XXXV.**

[*Кремер, А. И.*] Об агитации. С предисл. и с послесл. П. Б. Аксельрода. Женева, Союз русск. соц.-дем., 1896. — **60, 65—66.**

Лавров, П. Л. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма — «Календарь Народной воли на 1883 год». Женева, 1883, стр. 81—119. — **11.**

Лавров, П. Л. 18 марта 1871 г. Выпуск 1-й, Женева, тип. «Работника» и «Громады», 1880. — **209.**

[*Лавров, П. Л.*] Г. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Женева, 1883 — «Вестник Народной воли», № 2, апрель 1884, стр. 64—67. Заметки о новых книгах. — **27—28, 32—42, 46.**

Лавров, П. Л. За пределами России — «Вестник Народной воли», № 2, апрель 1884, отд. 2, стр. 1—48. — **44, 48.**

Лавров, П. Л. Задачи социализма — «Вестник Народной воли», № 1, 1883, стр. 1—19. — **214—216.**

[*Лавров, П. Л.*] *Миртов, П. Л.* Исторические письма. Спб, 1870. — **113—116.**

Лавров, П. Л. На могилу Карла Маркса от русских социалистов — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 654—655, в статье Ф. Энгельса, Похороны Карла Маркса. — **26.**

Лавров, П. Л. Опыт истории мысли нового времени. Т. I, ч. 1, вып. 1—3. Женева, Вольная русская типография, 1888. — **211.**

[*Лавров, П. Л.*] Передовая. Лондон, 27(15) мая — «Вперед!», № 34, 1 июня 1876, стр. 306—319. — **116—117.**

Лассаль, Ф. Готхольд Эфраим Лессинг — Соч. в трех томах. Т. III. Спб., изд. Глаголева, б. г., стр. 237, 260. — **9, 12.**

Ленин, В. И. Аграрная программа русской социал-демократии — Соч., т. V, 1928, стр. 87—122. — **XIII.**

Ленин, В. И. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции — Соч., т. XI, 1929, стр. 329—498. — **XXI—XXII, 53.**

Ленин, В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — Соч., т. XXI, 1928, стр. 365—455. — **150, 216.**

Ленин, В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого и Бухарина — Соч., т. XXVI, 1935, стр. 113—145. — **XXXI.**

Ленин, В. И. Из прошлого рабочей печати в России — Соч., т. XVII, 1929, стр. 341—347. — **XXXVIII.**

Ленин, В. И. К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты) — Соч., т. II, 1935, стр. 5—115. — **191.**

Ленин, В. И. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии? — Соч., т. IX, 1930, стр. 293—308. — **106.**

Ленин, В. И. Карикатура на большевизм — Соч., т. XIV, 1929, стр. 52—66. — **XXXV.**

Ленин, В. И. Критические заметки по национальному вопросу — Соч., т. XVII, 1929, стр. 129—159. — **XXXIX.**

Ленин, В. И. Марксизм о государстве. М.—Л., Соцэкгиз, 1931. — **216.**

Ленин, В. И. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм — Соч., т. VIII, 1929, стр. 360—366. — **31.**

Ленин, В. И. Письмо «Северному союзу» — Соч., т. V, 1928, стр. 123—130. — **XXXVIII.**

Ленин, В. И. По поводу «Profession de foi» — Соч., т. XXX, 1932, стр. 1—8. — **IX.**

Ленин, В. И. Попятное направление в русской социал-демократии — Соч., т. II, 1935, стр. 533—556. — **VIII—IX, 100.**

Ленин, В. И. Предисловие к книге: Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. Спб., 1907 — Соч., т. XI, стр. 165—179. — **IV.**

Ленин, В. И. Проект заявления редакции «Искры» и «Зари» — Соч., т. IV, 1927, стр. 5—13. — **XXXVII.**

Ленин, В. И. Проект программы нашей партии — Соч., т. II, 1935, стр. 505—528. — **XXI—XXIII, 53, 79—80.**

Ленин, В. И. Протест российских социал-демократов с послесловием от редакции «Рабочего дела» — Соч., т. II, 1935, стр. 475—486. — **XXXV.**

Ленин, В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения — Соч., т. IV, 1927, стр. 363—508. — **XXXVII—XXXVIII.**

Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)—Соч., т. I, 1927, стр. 51—222. — **XXX—XXXI, XXXVI, 31.**

Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии). Женева, 1904 — Соч., т. VI, 1929, стр. 159—336. — **XXXVI.**

«Летучие листки», изд. Фондом вольной русской прессы в Лондоне под ред. Ф. Волховского. Вых. непериодически. Лондон. — **147.**

Либкнехт, В. Письмо Плеханову, Г. В. Берлин, 16 декабря 1893— «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 279, письмо № 31. — **140.**

Либкнехт, В. Письмо Плеханову, Г. В. 13 марта 1894 — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», IV, 1937, стр. 276, письмо № 6. — **261.**

Маркс, К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта. С предисл. Ф. Энгельса. Женева, 1894 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1930, стр. 323—415. — **XXIX.**

Маркс, К. Гражданская война во Франции (1870—1871). 2-е изд. С предисл. Фр. Энгельса к 3-му немецк. изд. Женева, Кружок русских социалистов, 1893. — **23, 25, 216.**

Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, 1935, стр. 5—9. — **162—164, 199.**

Маркс, К. Капитал. [Общая ссылка].— **2, 108, 126, 198, 203, 205, 213, 227, 269.**

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Перев. с немецк. Спб., 1872; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, 1937. — **IV, 26, 201—202, 210—211, 218—219, 227, 257, 270, 273.**

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Изд. под ред. Ф. Энгельса. Перев. с немецк. Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Спб., 1885; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVIII, 1934. — **202, 218—219, 239.**

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Под ред. Ф. Энгельса. Перев. с нем. Т. III. Кн. III. Спб., 1896. — **269.**

Маркс, К. Карл Маркс о Прудоне (из «Sozial-Demokrat'a» 1865, № 16—18. Письмо к редактору). Лондон, 24 января 1865 — в кн. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. Женева, 1886, стр. XXI—XXXI; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, 1936, стр. 23—30, под заглавием «О Прудоне (письмо Швейцеру)». — **226, 228, 236.**

Маркс, К. Критика Готской программы. Заметки на полях программы германской рабочей партии — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 265—287. — **XXI, 8, 11—12, 53.**

Маркс, К. Критика некоторых положений политической экономии. Перев с немецк. М., 1896; Маркс, К. и

Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, 1935, стр. 171—204. — **184, 195, 199, 208.**

Маркс, К. Морализирующая критика и критизирующая мораль—Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 198—226. — **103, 106.**

Маркс, К. Наемный труд и капитал. Перев. с немецк. изд. 1870 г. [Л. Г. Дейча]. Женева, Вольная русск. тип., 1883 (Русск. соц.-рев. б-ка. Кн. 4); Женева, 1894; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 419—456. — **VII, XXIX, 22, 261.**

Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. С предисл. и примеч. Фр. Энгельса и двумя прилож. Женева, гр. «Осв. тр.», 1886; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 295—416. — **XXIX, 163, 184, 187, 198, 226—228, 231—232, 238.**

Маркс, К. Письмо Засулич, В. И. 8 марта 1881 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 223—224; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», I, 1928, стр. 286. — **202—203, 205.**

Маркс, К. Письмо [к редактору «Отечественных записок»] — «Юридический вестник», октябрь 1888, стр. 270—273; «Вестник Народной воли», № 5, 1886, стр. 215—218; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 375—378. — **202, 204, 228, 260.**

Маркс, К. Речь о свободе торговли. Перев. с немецк. Г. Плеханова. С прилож. «От переводчика» Г. Плеханова. Женева, гр. «Осв. тр.», 1885 (Б-ка соврем. соц. Серия I. Вып. 4); Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 447—461. — **XXIX, 28, 231—232.**

Маркс, К. Устав международного товарищества рабочих — в кн. Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Женева, 1882, стр. 48—50, приложение; Соч., т. XIII, ч. 1, 1936, стр. 13—16. — **2—3, 8, 10, 12, 23, 25.**

Маркс, К. Учредительный манифест I Интернационала — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, 1936, стр. 5—13. — **23.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. М. А. Бакунина. Лондон, 1870. — **VII, 22.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с немецк. изд. 1872. С предисл. авторов. Женева, Вольн. русск. тип., 1882 (Русск. соц.-рев. б-ка. Кн. 3); Соч., т. V, 1929, стр. 483—513. — **VII, IX, XXIX, 17—18, 21—25, 104, 106, 115, 118, 125—126, 146, 166, 195—196, 204, 209, 211, 219, 226, 275.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с немецк. С предисл. Г. В. Плеханова. Женева, Рев. орг. «Социал-демократ», 1900 (Б-ка совр. соц. Серия II. Вып. 1); Соч., т. V, 1929, стр. 483—513. — **165, 187.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Предисловие авторов к немецкому изд. 1872 — в кн. Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с немецк. изд. 1872 [Г. В. Плеханова]. С предисл. авторов. Женева, Вольн. русск. тип., 1882, стр. VIII—X (Русск. соц.-рев. б-ка. Кн. 3). — **22 — 23, 25.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Предисловие к первому русскому изданию «Манифеста коммунистической партии». Женева, 1882, стр. VI—VIII; Соч., т. XV, 1935, стр. 600—601. — **VII, 20, 22—23, 204, 219, 226.**

Маркс, К. и Ф. Энгельс. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К° — Соч., т. III, 1930, стр. 21—244. — **115, 128, 173.**

Маркс-Эвелинг, Э. Письмо Плеханову, Г. В. 24 апреля 1893 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 258, письмо № 14; «Лит. насл. Г. В. Плеханова», II, 1934, стр. 108—109, письмо № 4. — **258.**

Маркс-Эвелинг, Э. Письмо Плеханову, Г. В. Лондон, 8 августа 1894 — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», IV, 1937, стр. 282—283. — **151.**

Международный конгресс в Хуре. (От нашего корреспондента) — «Народная воля», № 7, 23 декабря 1881, стр. 3—4. — **212.**

Мендельсон, С. и М. Письмо Плеханову, Г. В. 31 декабря 1892 — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, стр. 267—**107.**

Михайловский, Н. К. Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского — «Отечественные записки», № 10, 1877, стр. 321—356; Соч., т. IV, Спб., 1897, стр. 165—206. — **202, 204, 228, 260.**

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь — «Русское богатство», № 1, 1894, отд. II, стр. 88—128; № 2, отд. II, стр. 148—168; Соч., т. VII, Спб., 1909, стр. 715—758. — **260, 271—272.**

Михайловский, Н. К. Литературные заметки — «Отечественные записки», № 10, 1880, стр. 197—313; Соч., т. IV, 1897, стр. 958—977. — **269—270, 273—274.**

«Набат». Орган русских революционеров. Женева (1875—1881). — **11, 42.**

«Народная воля». Социально-революционное обозрение (1879—1885). — **3, 11, 123, 211 — 212, 232 — 233.**

Некрасов, Н. А. Ночь. Успели мы всем насладиться — Полн. собр. стихотв. в 2 тт. (1842—1872). 6 изд., т. I, Спб., 1895, стр. 197. — **110.**

Некрасов, Н. А. Смолкли честные, доблестно павшие—Соч., т. I, М.—Л., Гиз, 1930, стр. 166. — **35, 46.**

Николай—он. Апология власти денег, как признак времени, — «Русское богатство», №№ 1 и 2, 1895, отд. II, стр. 155—187; и 1—34. — **270.**

Николай —он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства — «Слово», № 10, 1880, стр. 86—135; то же: Спб., 1893. — **263—265.**

«Общее дело». Газета политическая и литературная. Женева (1877—1891). — **73, 239—240.**

«Община». Социально-политическое обозрение. Женева. № 1—9 (1878). — **190, 212.**

Объявление об издании «Вестника Народной воли» — «Вестник Народной воли», № 1, ноябрь 1883, стр. III—X. — **36, 214—216.**

Ольминский, М. Давние связи — в кн. От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894). Донское отд. Гос. изд-ва, 1921, стр. 60—78. — **XXVIII.**

Орлов, В. И. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. IV, вып. 1. М., Моск. губ. земство, 1879. — **264.**

От Исполнительного комитета. 10 сентября 1881 г. — «Народная воля», № 6, 23 октября 1881. — **194, 198.**

Ответ на анкету. Письма эмигрантов—«Самоуправление», 1887. — **48.**

«Отечественные записки». Журнал литературный, политический и ученый. Спб. (1839—1884). — **201—202, 228.**

Первое мая 1891 г. С прилож. адреса Н. В. Шелгунову. С предисл. Г. Плеханова. Женева, 1892. — **XXIX.**

Первое мая 1892 г. Четыре речи, с предисл. (Б. Кричевского). Женева, 1893. — **XXIX.**

[*Передовая*]. Петербург, 1 января 1884—«Народная воля», № 10, сентябрь 1884, стр. 3—10. — **233, 235.**

Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. I—II. М., 1925. — **200.**

Письмо в редакцию — «Земля и воля», № 5, 8 апреля 1879. — **100.**

Плеханов, Г. В. Анархизм и социализм. Перев. с немецк. Спб., [1906]. — **147—148, 150—185, 195, 199, 260—261.**

Плеханов, Г. В. Афанасий Прокофьевич Щапов. Соч. проф. Н. А. Аристова (посмертное издание). Спб., 1883 — «Вестник Народной воли», № 1, ноябрь 1883, стр. 1—15; Соч., т. I, стр. 87—96. — **128.**

Плеханов, Г. В. Бернштейн и материализм — Соч., т. XI, стр. 9—22. — **257.**

Плеханов, Г. В. Библиографические заметки из сборника «Социал-демократ» — Соч., т. IV, стр. 261—280. — **74—75, 211, 244—245.**

Плеханов, Г. В. Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе. В редакцию журнала «L'ère nouvelle» — «Под знаменем марксизма», № 5—6, 1922, стр. 65—69; Соч., т. IV, стр. 161—165. — **132, 136—140.**

Плеханов, Г. В. Гром не из тучи — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», V, 1938, стр. 172—192. — **188, 191.**

Плеханов, Г. В. Доклад и заключительное слово на Цюрихском конгрессе. Из протоколов международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 6—12 августа 1893 г. — Соч., т. IV, стр. 329—332. — **132—136, 140, 259.**

Плеханов, Г. В. Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-демократ» Международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе, в августе 1891 см. *Плеханов Г. В.* и *В. И. Засулич.* Доклад и т. д.

Плеханов, Г. В. Ежегодный всемирный праздник рабочих. Женева, 1891; Соч., т. IV, стр. 145—160. — **XXIX.**

Плеханов, Г. В. Еще раз о принципах и тактике русских социалистов — Соч., т. III, стр. 117—120.—**XXIII—XXIV, 100, 254, 256.**

Плеханов, Г. В. Еще раз социализм и политическая борьба — Соч., т. XII, стр. 67—108. — **65.**

Плеханов, Г. В. Забастовка в России (Морозовская стачка) — в кн. Морозовская стачка 7—13 (19—25) января 1885 г. М., 1923, стр. 1—2; Соч., т. II, стр. 390—392. — **XXVI, 240.**

Плеханов, Г. В. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России — «Земля и воля», № 3 и 4, 15 января и 20 февраля 1879, стр. 1—5 и 1—5; Соч., т. I, Женева, 1905, стр. 28—38; Соч., т. I, стр. 56—74. — **V—VI, 2.**

[*Плеханов, Г. В.*] Избиение политических ссыльных в Якутске — «Социал-демократ», № 1, 1890, отд. II, стр.68—74; «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 182—188. — **252.**

[*Плеханов, Г. В.*] *Бельтов, Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареева и Комп. Спб., 1895; Соч., т. VII, стр. 61—288. — **X, XXX—XXXIV, 18, 31, 160, 187, 267—268.**

Плеханов, Г. В. К вопросу о русском движении. Открытое письмо к Либknехту — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, М., 1925, стр. 332—337; «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 116—121. — **100—105, 254—256.**

[*Плеханов, Г. В.*] К русскому обществу. Вольная русская типография, [1878]. — **82—83.**

Плеханов, Г. В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля — Соч., т. VII, стр. 29—55. — **257.**

Плеханов, Г. В. Как добиваться конституции. (Разговор конституционалиста с социал-демократом) — «Социал-демократ», 1888, стр. 3—27. — **243.**

Плеханов, Г. В. Cant против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна. (Э. Бернштейн. Исторический материализм. Пер. Л. Канцель. 2-е изд. Спб., 1901). — **XXXV.**

Плеханов, Г. В. Комментарий к проекту программы РСДРП — Соч., т. XII, стр. 205—239. — **80.**

Плеханов, Г. В. Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером. Paris, 1888 — «Социал-демократ», 1888, стр. 214—218; Соч., т. III, стр. 41—44. — **11, 244—245, 248.**

Плеханов, Г. В. Н. Г. Чернышевский. Спб., Шиповник, 1910. — **186.**

Плеханов, Г. В. Наши беллетристы народники. Статья I. Г. И. Успенский — «Социал-демократ», 1888, стр. 28—99. — **234—235, 244.**

Плеханов, Г. В. Наши разногласия. Женева, тип. гр. «Осв. тр.», 1884 [на обл. 1885] (Б-ка соврем. соц. Вып. III); Соч., т. II, стр. 91—356. — **IX—X, XIV—XX, XXIX, 5—8, 11, 18, 30—46, 66, 150, 229, 232—233, 237—238, 256.**

Плеханов, Г. В. Неизбежный поворот. («Революция или эволюция». Женева, 1888 — «По поводу одного предисловия», 1888) — «Социал-демократ», 1888, стр. 106—117; Соч., т. III, стр. 31—40. — **247.**

Плеханов, Г. В. Некролог Л. Мечникова — «Социал - демократ», 1888, стр. 219—222; Соч., т. VII, стр. 327—329. — **247.**

Плеханов, Г. В. Несколько слов от переводчика — в кн. Маркс, К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Женева. Вольн. русск. тип., 1882, стр. III—V; Соч., т. I, стр. 150—152. — **VII, 21—25, 211.**

[*Плеханов, Г. В.*] *Валентинов, Г.* Новое направление в области политической экономии. D-r Meyer. — Die neuere Nationaloekonomie in ihren Hauptrichtungen u. Em. de Laveley — Le socialisme contemporain — «Отечественные записки», № 11, 1881, стр. 113—162; Соч., т. I, стр. 168—215. — **207.**

Плеханов Г. В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Женева, Русск. соц.-дем. союз, 1889; Соч., т. III, стр. 45—82. — **XXIX, 11, 247—249.**

Плеханов, Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. Женева, 1892; Соч., т. III, стр. 335—420. — **XIII, XXIV.**

Плеханов Г. В. О книге Кроче — Соч., т. XI, стр. 329—344. — **186.**

Плеханов Г. В. О социальной демократии в России. (Письмо к польским издателям) — в кн. Тун, А. История революционных движений в России. Перев. с немецк. с предисл. Г. Плеханова и с 4-мя прилож. Женева, Лига р. р. с.-д., 1903, приложение II, стр. 251—275; Соч., т. IX, стр. 5—29. — **106—127.**

[*Плеханов Г. В.*] *Волгин, А.* Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.). Критический этюд. Спб., 1896; Соч., т. IX, стр. 55—286. — **31.**

Плеханов, Г. В. От издателей — в кн. Речь П. А. Алексеева. Женева, Русск. соц.-дем. союз, 1889, стр. 1—6, предисловие; Соч., т. III, стр. 112—116. — **256.**

Плеханов, Г. В. От редакции — «Черный передел», № 1, 15 января 1880; Соч. т. I, Женева, 1905, стр. 56—57; Соч., т. I, стр. 108—109. — **2.**

Плеханов, Г. В. Очерки по истории материализма. I. Гольбах. II. Гельвеций. III. Маркс — Соч., т. VIII, стр. 29—192. — **191, 257.**

Плеханов, Г. В. Первомайский привет немецким рабочим — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», II, 1934, стр. 51—52. — **129—131.**

Плеханов, Г. В. Первые шаги социал-демократического движения в России — «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 107—115; Соч., т. XXIV, стр. 174—182. — **13—20, 22.**

Плеханов, Г. В. Передовая — «Черный передел», № 1, 15 января 1880, стр. 5—6; Соч., т. I, Женева, 1905, стр. 68—73; Соч., т. I, стр. 117—122. — **2.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельрод, Л. И. [Женева, сентябрь—октябрь 1902] — «Лит. насл. Г. В. Плеханова» I, стр. 368, письмо № 149. — **32.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельроду, П. Б. [Весна 1885] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 21, письмо № 1. — **66, 235—236.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельроду, П. Б. [Давос, начало декабря 1887] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 23—24, письмо № 2. — **241—242.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельроду, П. Б. [Давос, конец декабря 1887] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 31, письмо № 4. — **242—243.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельроду, П. Б. Морнэ, [июль 1888] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 45—46, письмо № 11. — **245—246.**

Плеханов, Г. В. Письмо Аксельроду, П. Б. [Март 1889] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 58—60, письмо № 19. — **XXI, 73.**

Плеханов, Г. В. Письмо Бернштейну, Э. [Женева], 4 мая 1894 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 254—256. — **151.**

Плеханов, Г. В. Письмо Бринштейну, И. В. [Женева, 27—28 июня 1888] — «Литературное наследство», № 19—21, 1935, стр. 296, письмо № 5. — **244—245.**

Плеханов, Г. В. Письмо в редакцию «Общего дела». Женева, 1 июня 1886 — «Общее дело», № 86, июль 1886, стр. 12. — **239—240.**

Плеханов, Г. В. Письмо Геду, Ж. [Конец 1890] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 250—251, письмо № 6. — **253.**

Плеханов, Г. В. Письмо Геду, Ж. [Аннемас, 27 августа 1892] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 246—248, письмо № 2. — **89, 98—99.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. 16 февраля 1888 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 228, письмо № 1. — **244.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. Кларан, 28 февраля 1888 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 228, письмо № 2. — **243—244.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Морнэ, июнь 1888] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 232—233, письмо № 6. — **244—245.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Морнэ, после 23 июля 1888] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 229—230, письмо № 4 и стр. 232—233, письмо № 6 *). — **246—247.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Женева, 14 августа 1888] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 233—234, письмо № 7. — **247—248.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Морнэ, конец августа 1888] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 234—235, письмо № 8. — **248.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Морнэ, июнь 1889]. — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 238, письмо № 14. — **249.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Июль 1889] — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 238—239, письмо № 15. — **84.**

Плеханов, Г. В. Письмо Засулич, В. И. [Париж, начало 1892] — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, 1925, стр. 75—77, письмо № 25. — **89.**

Плеханов, Г. В. Письмо к П. Лаврову. (Вместо предисловия) — в кн. Плеханов, Г. В. Наши разногласия. Же-

*) В сб. «Гр. Осв. тр.» два письма неправильно соединены в одно. — *Ред.*

нева, 1884, стр. III—XXIV; Соч., т. II, стр. 91—107. — **XV—XVI, 6—7, 11, 30—46.**

Плеханов, Г. В. Письмо Кравчинскому-Степняку, С. М. [Париж, 21 июля 1889] — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 147, письмо № 2. — **250.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. [Божи], 31 октября 1881 — «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 86—87, письмо № 8. — **206—207.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. Божи, 10 [ноября] 1881 — «Литературное наследство», № 19—21, 1935, стр. 289—290. — **207—208.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. Кларан, [конец 1881] — «Литературное наследство», № 19—21, 1935, стр. 292—293. — **209—211.**

Плеханов Г. В. Письмо Лаврову П. Л. [Конец 1881 — начало 1882] — «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 88—89, письмо № 10. — **23, 211.**

Плеханов. Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. [Начало 1882] — «Литературное наследство», № 19—21, стр. 294—295. — **211—212.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. [После 17 марта 1882] — «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 90—91, письмо № 12. — **213—214.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. [Около 15 июня 1883] — «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 93—95, письмо № 15. — **214—216.**

Плеханов, Г. В. Письмо Лаврову, П. Л. [Август 1883] — «Дела и дни», № 2, 1921, стр. 95—97, письмо № 17. — **217—218.**

Плеханов, Г. В. Письмо Либкнехту, В. Аннемасс, 16 ноября 1892 — «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 208—209, письмо № 1. — **100—101, 255—256.**

Плеханов, Г. В. Письмо Либкнехту, В. 2 марта 1894 — «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 211—213, письмо № 5. — **256, 261.**

Плеханов, Г. В. Письмо Либкнехту, В. Женева, 21 апреля 1894 — «Воинствующий материалист», № 4, 1925, стр. 213, письмо № 6. — **256, 261.**

Плеханов, Г. В. Письмо Фишеру, Р. [После 23 января 1894] — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 28. — **151.**

Плеханов, Г. В. Письмо Фишеру, Р. Женева, 1 февраля 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 29. — **147—148.**

Плеханов, Г. В. Письмо Фишеру, Р. Женева, 16 марта 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 29. — **151.**

Плеханов, Г. В. Письмо Фишеру, Р. Женева, 5 апреля 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 29. — **148, 151.**

Плеханов, Г. В. Письмо Фишеру, Р. Женева, 9 апреля 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 30. — **151.**

Плеханов, Г. В. Письмо Франкелю, Л. [Август 1893] — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 271—273. — **132, 136—140.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Женева, 14 марта 1893 — «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 122. — **256.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Женева, 25 марта 1893 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 13—14, письмо № 1; «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 313—314, письмо № 1. — **256—257.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. 2 апреля 1893 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 314, письмо № 2. — **258.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Морнэ, 4 мая 1893 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 315, письмо № 3; «Лит. насл. Г. В. Плеханова», II, 1934, стр. 109, письмо № 5. — **258.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Морнэ, апрель 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 14—15, письмо № 3; «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 315—317, письмо № 4. — **259—260.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. 16 мая 1894 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 317—322, письмо № 5. — **263.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Морнэ, 10 июля 1894 — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 20—22, письмо № 5; «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 325—328, письмо № 6. — **249, 263—265.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. [Лондон, 30 октября 1894] — «Под знаменем марксизма», № 11—12, 1923, стр. 23, письмо № 6; «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 328—329, письмо № 7. — **265—266.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. [Женева, январь 1895] — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 330. — **267—268.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. Женева, 20 февраля 1895 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 332—333. — **269—270.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. 3 марта 1895 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 335—337. — **272—273.**

Плеханов, Г. В. Письмо Энгельсу, Ф. [Женева, 1895] — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 337—338. — **274—275.**

Плеханов, Г. В. Погодин и борьба классов. — Соч., т. XXIII, стр. 45—101. — **11.**

Плеханов, Г. В. Политические задачи русских социалистов — «Социалист», № 1, июнь 1889, стр. 7—11; Соч., т. III, стр. 83—95. — **XXIX, 250.**

Плеханов, Г. В. Политическое и социально-революционное обозрение — «Социалист», № 1, июнь 1889, стр. 33—37; Соч., т. III, стр. 96—111. — **74.**

Плеханов, Г. В. Послесловие к книге «Социализм и политическая борьба». Пг., Огни, 1917, стр. 100—101; Соч., т. I, 1920, стр. 155—156. — **XIV.**

Плеханов, Г. В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли» — Соч., т. XIII, стр. 28—33. — **11, 218.**

Плеханов, Г. В. Предисловие к брошюре «Ф. Энгельс о России» см. *Плеханов, Г. В.* От издателей.

Плеханов, Г. В. Предисловие к второму изданию — в кн. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Перев. с немецк. Г. Плеханова. Женева, 1905, стр. VII—XXXII; Соч. т. XVIII, стр. 253—273. — **196.**

Плеханов Г. В. Предисловие к второму немецкому изданию книги «Анархизм и социализм» (1904) — Соч., т. XVI, стр. 191—192. — **148.**

Плеханов, Г. В. Предисловие к второму русскому изданию — в кн. Маркс К. и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Перев. с немецк. С предисл. Г. Плеханова. Женева, Револ. орган. «Социал-демократ», 1900, стр. 14—78; Соч., т. XI, стр. 275—326, под загл. «Первые фазы учения о классовой борьбе». — **151, 165.**

Плеханов, Г. В. Предисловие к первому русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса см. *Плеханов, Г. В.* Несколько слов от переводчика.

Плеханов, Г. В. Предисловие к первому тому женевского издания собрания сочинений — Соч., т. I, Женева, 1905, стр. IX—XX; Соч., т. I, стр. 19—28. — **V—VI, 1—10.**

Плеханов Г. В. Предисловие к русскому изданию — в кн. Тун, А. История революционных движений в России. Женева, Лига р. р. с.-д. 1903, стр. VII—XVIII; Соч., т. XXIV, стр. 81—124. — **IV, 10, 107.**

Плеханов Г. В. Предисловие к третьему немецкому изданию книги «Анархизм и социализм» (1911) — Соч. т. XVI, стр. 193—196. — **148.**

Плеханов, Г. В. Привет болгарским рабочим — «Другарь». София, № 33—34, 15 апреля 1894; «Летописи марксизма», № 5, 1928, стр. 47, в статье: Бакалов, Г., Г. В. Плеханов в Болгарии. — **144—146.**

Плеханов, Г. В. Приветствие съезду немецкой социал-демократии в Копенгагене в 1883 г. — «Под знаменем марксизма», № 5—6, 1922, стр. 69—70; Соч., т. II, стр. 9. — **25—26.**

Плеханов, Г. В. Программа социал-демократической группы «Освобождение труда». Женева, 1884; «Самоуправление», 1887, в статье «Ответ на анкету»; Соч., т. II, стр. 357—363. — **XIII, XX—XXII, XXIV, XXIX, 7—8, 44, 48—54, 66, 73, 219, 226, 237—238.**

Плеханов, Г. В. Проект письма группы «Освобождение труда» в ред. журнала «Самоуправление» — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. I, стр. 224—225. — **73—75.**

Плеханов, Г. В. Проект программы русских социал-демократов — в кн. Чего хотят социал-демократы. Женева, 1888, стр. 34—39, приложение; в кн. Аксельрод, П. Б. К вопросу о задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898, стр. 29—34, приложение; в кн. Программа и объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда». Женева, 1903, стр. 3—8; Соч., т. II, стр. 400 — 404. — **XXII — XXIV, XXXVIII, 53—54, 75—80, 226, 236.**

Плеханов, Г. В. Пролетариат и крестьянство — «Искра», № 32, 15 января; № 38, 1 февраля; № 34, 15 февраля; № 35, 1 марта; № 39, 1 мая 1903; Соч., т. XII, стр. 278—315. — **31.**

Плеханов, Г. В. Рабочее движение в 1891 г. — «Социал-демократ», № 4, 1892, отд. 2, стр. 102—124; Соч., т. IV, стр. 99—124. — **89.**

Плеханов, Г. В. Реакционные жрецы искусства и г. А. В. Стерн — Соч., т. X, стр. 408—422. — **XXIX.**

Плеханов, Г. В. Рецензия на книгу: Doverine, A. (Tschernoff) L'esprit national russe sous Alexandre III. Paris, 1890 — «Социал-демократ», 1890, № 3, отд. II, стр 101—107; Соч., т. IV, стр. 296—303. — **99.**

Плеханов, Г. В. Речь на международном социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889) — «Социал-демократ», № 1, февраль 1890, отд. 2, стр. 28—29; «Под знаменем марксизма», № 5—6, 1922, стр. 62—64; «Летописи марксизма», № 1, 1926, стр. 78—79; Соч., т. IV, стр. 53—54 и т. XXIV, стр. 319—320 (два перевода). — **20, 83—87.**

Плеханов, Г. В. Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям) — «Социал-демократ», № 3, 1890, стр. 5—39 и № 4, 1892, стр. 30—80, 2-е изд. испр. и доп. (Лондон), Искра, 1902; Соч., т. III, стр. 127—205. — **99—100.**

Плеханов, Г. В. Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам) — «Рабочий», № 2, июль 1885; Соч., т. II, стр. 363—372. — **XXV, 54—62.**

Плеханов, Г. В. Современные задачи русских рабочих. (Письмо второе) — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 161—163. — **54, 62—65, 235.**

Плеханов, Г. В. Социализм и политическая борьба. Женева, 1883 (Б-ка соврем. соц. Вып. I); Соч., т. I, Женева, 1905, стр. 141—236; Плеханов, Г. В. На два фронта. Спб., 1905, стр. XI—XII и 1—83; Соч., т. II, стр. 27—88. — **VI — XIV, XXIX, 3—4, 7, 11, 14, 18, 27—42, 44—48, 66, 219, 221—222, 233, 237, 256.**

Плеханов, Г. В. Товарищ Пауль Эрнст и материалистическое понимание истории — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», V, 1938, стр. 1—8. — **261.**

Плеханов, Г. В. Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность. Ч. I. Женева, тип. гр. «Осв. тр.», 1887 (Б-ка соврем. соц. Вып. VI).—**XXIX, 243—245.**

Плеханов, Г. В. Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 15—71. — **243—245.**

Плеханов, Г. В. Французский утопический социализм XIX века — Соч., т. XVIII, стр. 86—132. — **186.**

Плеханов, Г. В. Хороший урожай в России — «Воинствующий материалист», № 3, 1925, стр. 94—97. — **140—142.**

Плеханов, Г. В. Черный передел — «Черный передел», № 1, 15 января 1880, стр. 2—5; Соч., т. I, Женева, 1905, стр. 58—67; Соч., т. I, стр. 109—117. — **2.**

[*Плеханов, Г. В.*] *Валентинов, Г.* Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова. Статья I—IV — «Отечественные записки», № 5, стр. 73—110; № 6, стр. 306—336; № 9, стр. 175—218; № 10, стр. 351—392, 1882; Соч., т. I, стр. 216—364. — **207—208, 214.**

Плеханов, Г. В. Элизе Реклю, как теоретик анархизма — Соч., т. XVI, стр. 151—181. — **199.**

Плеханов, Г. В. и *П. Б. Аксельрод.* К русским рабочим в Америке — Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. I, М., 1925, стр. 218—221. — **XXVI, 71—73.**

Плеханов, Г. В. и *П. Б. Аксельрод.* Об издании «Библиотеки современного социализма». Женева, 1883; Плеханов, Г. В. Соч., т. II, стр. 21—23. — **VII—IX, XV, 26—30, 37, 40—42, 48, 218—219.**

Плеханов, Г. В. и *П. Б. Аксельрод.* Об издании «Рабочей библиотеки» — в кн. Аксельрод, П. Б. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, 1885, стр. V—XVI, предисловие. — **XXV, 66—70.**

Плеханов, Г. В. и *В. И. Засулич.* Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-демократ» международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в августе 1891 г. — «Прогресс», № 7, 1892, под заглавием «Программа русских с.-д.»; там же, № 8—9, под заглавием «Задачи русской социал-демократии»; «Под знаменем марксизма», № 6—7, 1923, стр. 79—89; Плеханов, Г. В. Соч., т. IX, стр. 341—351. — **XXI, 88—99, 254.**

Плеханов, Г. В. и *В. И. Засулич.* К лондонским рабочим — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 268, письмо № 25; «Лит. насл. Г. В. Плеханова», II, 1934, стр. 50. — **258.**

Право убежища — «Летучие листки», изд. Фондом вольной русской прессы в Лондоне, № 11, 14 октября 1894. — **147.**

Приветствие группы «Освобождение труда» двенадцатому национальному конгрессу французской рабочей партии в Нанте — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», IV, 1937, стр. 284—285. — **146—147.**

Программа Исполнительного комитета — «Народная воля», № 3, 1 января 1880, стр. 5—7; Календарь Народной воли на 1883 год. Женева, 1883, стр. 4—8. — **45—46, 215—216, 232—235.**

Программа первого в России с.-д. кружка. Из материалов по истории с.-д. движения в России — «Былое», № 13, 1918, стр. 38—52. — **238.**

Проект программы группы «Освобождение труда» (второй) см. *Плеханов, Г. В.* Проект программы русских социал-демократов.

Проект программы группы «Освобождение труда» (первый) см. *Плеханов, Г. В.* Программа социал-демократической группы «Освобождение труда».

Пыпин, А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. Спб., 1890. — **112.**

«Работник». Газета для русских рабочих. Женева (1875—1876).—**XXXIII—XXXIV.**

«Рабочая газета». Ежемесячное издание. (1880—1881). — **223.**

«Рабочее дело». Орган Союза русских социал-демократов. Женева. (1899—1902). — **XXXVI.**

«Рабочий». Газета партии социалистов-демократов. [Спб.], 1885. — **XXVIII, 19, 54—55, 58—60, 62, 65, 72, 234—235, 238.**

Рабочий день (переделка с польского). Женева, 1894. — **XXIX.**

Речь П. А. Алексеева. Женева, Русск. соц.-дем. союз, 1889 (Рабочая б-ка. Вып. 3). — **XXV, XXVIII, 66, 256.**

«Самоуправление». Орган социалистов-революционеров. (1887—1889).—**73—75.**

«Социалист» («Le Socialiste»). Письмо Плеханову, Г. В. Париж, 23 августа 1886 г. — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 231. — **240—241.**

Сталин, И. В. Заключительное слово — в кн. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Гиз, 1928, стр. 378—379.— **XXXVII.**

Степняк-Кравчинский, С. М. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 31 мая 1889 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923] стр. 234—235. — **21, 84.**

Степняк-Кравчинский, С. М. Письмо к членам Исполнительного комитета «Народной воли».[Милан, март 1882]— «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 152—153. — **212.**

Струве, П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. Спб., 1894. — **XXXIII—XXXV.**

[*Струве, П. Б.*] Открытое письмо к Николаю II — «Освобождение», № 68, 16 апреля 1905. **273 — 274.**

Тарасов, К. Банкротство буржуазной науки — «Вестник Народной воли», № 1, 1883, стр. 59—97. — **38, 48, 217—218.**

Тарасов, К. Политический и экономический факторы в жизни народов — «Вестник Народной воли», № 2, 1884, стр. 1—36. — **38, 48.**

[*Тихомиров, Л. А.*] Г. Плеханов. Наши разногласия. Женева, 1885 — «Вестник Народной воли», № 5, 1886, стр. 40, в отделе Современное обозрение. Заметки о новых книгах. — **5.**

[*Тихомиров, Л.*] [Передовая]. Петербург, 8 декабря 1881 — «Народная воля», № 7, 23 декабря, 1881, стр. 1—3. — **212.**

Тихомиров, Л. А. Почему я перестал быть революционером. Париж, 1888. — **245, 248.**

Тихомиров, Л. А. Чего нам ждать от революции? — «Вестник Народной воли», № 2, 1884, стр. 227—262.—**4—5, 7, 11, 18, 21, 42, 46, 48, 233, 235.**

* *Толстой, Л. Н.* Деньги. Женева, 1887. — **234—235.**

* *Толстой, Л. Н.* Какова моя жизнь. Женева, 1886. — **234—235.**

Тун, А. История революционных движений в России. Перев. с немецк. с предисл. Г. Плеханова, с 4-мя прилож. Женева, Лига русск. револ. соц.-дем., 1903; Спб., 1918. — **IV, XXVIII, 10, 106—107, 110, 112—113, 115—117, 122, 234, 238.**

Успенский, Г. И. Власть земли—Соч. в 3-х тт. Т. II, отд. III, стр. 591—674. — **234.**

Успенский, Г. И. Скучающая публика, IV. Трудами рук своих — «Русская мысль», № 11—12, 1884, стр. 300—324 и 145—169. — **234—235.**

Успенский, Г. И. Через пень-колоду — «Русская мысль», № 1—2, 1885. — **234—235.**

Фишер, Р. Письмо Плеханову, Г. В. Берлин, 13 января 1894 — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», IV, 1937, стр. 270. — **150.**

Франкель, Л. Письмо Плеханову, Г. В. Париж, 7 сентября 1893 — «Лит. насл. Г. В. Плеханова», I, 1934, стр. 275. — **132.**

Фридрих Энгельс о России. 1) Ответ П. Н. Ткачеву (1875 г.); 2) Послесловие к нему 1894 г. Перев. с немецк. В. Засулич. Женева, тип. «Социал-демократ», 1894. — **48.**

Цеткин, К. Письмо Плеханову, Г. В. Нордрах, 13 июля 1891 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 245—246, письмо № 1. — **100, 253—254.**

Чего хотят социал-демократы? Перев. с франц. С примеч. и предисл. Г. Плеханова. Женева, тип. гр. «Осв. тр.», 1888 (Б-ка соврем. соц. Вып. 7). — **XXIX, 75.**

Черкезов, В. Доктрины марксизма. Вып. I. Наука ли это? Женева, гр. русск. коммунистов-анархистов, 1903 [на обл. 1904]. — **195—199.**

«Черный передел». Орган социалистов-федералистов. (1880—1881). — **IV, 1—2, 28, 207, 213—214.**

Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии. (Очерки вопросов практической философии. Сочинения П. Л. Лаврова. I. Личность. Спб., 1860). Статья первая и вторая — «Современник», № 4, 1860, стр. 329—366; № 5, стр. 1—46; Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VI. Спб., 1906, стр. 179—239. — **113, 128.**

Чернышевский, Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения—«Современник», № 12, 1858, стр. 575—614; Полн. собр. соч., в. 10 т. Т. IV. Спб., 1906, стр. 304—333. — **128.**

Члены благоевской группы. Письмо членам группы «Освобождение труда» — «Гр. Осв. тр.», VI, 1928, стр. 129—133. — **30—31, 232—235.**

Шеффле, А. Сущность социализма. Спб., 1907. — **209.**

Эккерман, И. П. Разговоры Гете, собранные Эккерманом. Перев. с немецк. Ч. I—II. Спб., 1891. — **116, 129.**

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, 1931, стр. 1—332. — **10, 90, 98, 192, 219, 274—275.**

Энгельс, Ф. Введение — в кн. Маркс, К. Наемный труд и капитал. Женева, 1894, стр. 3—15. — **261—263.**

Энгельс, Ф. Иностранная политика русского царства — «Социал-демократ», 1—11, февраль—август 1890, стр. 176—184 и 42—61; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, 1936, стр. 5—40, под заглавием «Внешняя политика русского царизма». — **95, 99, 250—252.**

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Перев. с немецк. Г. Плеханова. С двумя прилож. и с объяснительными примеч. переводчика. Женева, тип. «Социал-демократ», 1892 (Библ-ка соврем. соц. Серия II. Вып. I); Женева, 1905; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, 1931, стр. 631—678. — **XXIX, 196, 257, 260.**

Энгельс, Ф. Международному конгрессу студентов-социалистов. Лондон, 19 декабря 1893 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, 1936, стр. 374. — **143.**

Энгельс, Ф. О России см. «Фридрих Энгельс о России».

Энгельс, Ф. О социальном вопросе в России. Спб., 1906. — **48.**

Энгельс, Ф. Ответ П. Н. Ткачеву — в кн. Фридрих Энгельс о России. Женева, 1894, стр. 1—20; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 251—264, в статье «Эмигрантская литература. V. Социальные отношения в России». — **XXIX, 11, 42, 48, 203—204, 261—263, 271—272.**

Энгельс, Ф. Письмо Даниельсону, Н. Ф. Лондон, 11 февраля 1885 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 452, письмо № 283. — **219.**

Энгельс, Ф. Письмо Даниельсону, Н. Ф. Лондон, 23 апреля 1885 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 459—461, письмо № 290. — **219.**

Энгельс, Ф. Письмо Даниельсону, Н. Ф. Лондон, 3 июня 1885 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 469—470, письмо № 296. — **219.**

Энгельс, Ф. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 13 ноября 1883 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 137, письмо № 1; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 335—336, письмо № 201. — **218—219.**

Энгельс, Ф. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 6 марта 1884 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 139—141, письмо № 2; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 360—362, письмо № 222. — **225—228.**

Энгельс, Ф. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 23 апреля 1885 — «Гр. Осв. тр.», III, 1925, стр. 24—27; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 461—463, письмо № 291.—**XVI, 20—21, 30, 226, 228—231.**

Энгельс, Ф. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 31 марта 1886 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 141, письмо № 3; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 548—549, письмо № 353. — **238—239.**

Энгельс, Ф. Письмо Засулич, В. И. Лондон, 3 апреля 1890 — «Гр. Осв. тр.», I, [1923], стр. 142—143, письмо № 5. — **250—252.**

Энгельс, Ф. Письмо Зорге 24 октября 1891 — Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. Спб., 1908, стр. 373. — **139.**

Энгельс, Ф. Письмо Лаврову, П. Л. 28 января 1884 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, 1935, стр. 348—349, письмо № 211. — **23.**

Энгельс, Ф. Письмо Лаврову, П. Л. 5 февраля 1884 — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т XXVII, 1935, стр. 352—353, письмо № 214. — **219, 228.**

Энгельс, Ф. Письмо Плеханову, Г. В. Лондон, 21 мая 1894 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 323—324. — **261 — 263.**

Энгельс, Ф. Письмо Плеханову, Г. В. [Лондон], 5 ноября 1894 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 329. — **266—267.**

Энгельс, Ф. Письмо Плеханову, Г. В. Лондон, 8 февраля 1895 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 330—331. — **268.**

Энгельс, Ф. Письмо Плеханову, Г. В. Лондон, 26 февраля 1895 — «Гр. Осв. тр.», II, 1924, стр. 333—335. — **270—272.**

Энгельс, Ф. Письмо Шмидту, К. 2 сентября 1890 — в кн. Адоратский, В. Программа по основным вопросам марксизма. М., 1922, стр. 44—46. — **199.**

Энгельс, Ф. Письмо Шмидту, К. 27 октября 1890 — «Печать и революция», 1922, № 6, стр. 47—53; в кн. Адоратский, В. Программа по основным вопросам марксизма. М., 1922, стр. 46—52. — **199.**

Энгельс, Ф. Положение Англии — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. II, 1931, стр. 321—390. — **6, 11.**

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. III, 1930, стр. 295—573. — **274—275.**

Энгельс, Ф. Послесловие к «Ответу П. Н. Ткачеву» — в кн. Фридрих Энгельс о России. Женева, 1894, стр. 21—38; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, 1936, стр. 388—401, под заглавием «Послесловие к статье «Социальные отношения в России». — **204, 271—272.**

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 1—153. — **229—230, 269—270.**

Энгельс, Ф. Развитие научного социализма. Перев. и предисл. В. Засулич. С прилож. «Теории насилия» из Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Женева, гр «Осв. тр.», 1884; Женева, 1892; Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 503—547. — **XXIX, 39, 46, 66, 218—219, 237, 257.**

Энгельс, Ф. Социализм в Германии — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, 1936, стр. 241—254. — **141, 143, 228.**

Энгельс, Ф. Социальные отношения в России см. *Энгельс, Ф.* Ответ П. Н. Ткачеву.

Энгельс, Ф. Эмигрантская литература — Маркс, К. и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, 1935, стр. 215—264. — **14, 20, 48, 113, 261, 271—272.**

Б. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

* *Adressen an den Kopenhagener Kongress der deutschen Sozial-Demokratie* — «Sozial-Demokrat», N. 19, 3 Mai 1883. — **25—26.**

* *Anderfuren, W.* Auseinandersetzung des Herrn W. A. — «Frei Russland», September 1892. — **101—106.**

Aulard, A. Histoire politique de la révolution française. Origines et développement de la démocratie et de la république (1789 — 1804). Paris, (1900). — **197.**

Bakounine, M. La théologie politique de Mazzini et l'internationale. Neuchâtel, 1871. — **V, 1, 10.**

* *Bastiat, F.* Harmonies économiques. Paris, 1850. — **197.**

Beaumarchais. Barbier de Séville — Théatre de Beaumarchais. T. II. Paris, 1877. — **18, 21.**

* *«Bibliothèque impartiale»*, 1753. — **158.**

Byron, lord. The prisoner of Chillon — «The poetical works». 9 ed. in eights volumes. V. II. Tales and poems. London, 1873, pp. 269—278. — **211.**

Condorcet, G. A. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. T. I—II. Paris, 1884 (Bibliothèque nationale. Collection des meilleurs auteurs anciens et modernes). — **186.**

Considérant, V. Principes du socialisme. Manifeste de la démocratie au XIX siècle. Paris, 1847. — **195—196.**

«Deutsch-französische Jahrbücher» hrsg. v. Arnold Ruge und Karl Marx. I u. 2 Lieferung. Paris, Bureau des Jahrbücher, 1844. — **108, 128.**

Deville, G. Le capital de Karl Marx résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique. Paris, 1887. — **227—228.**

Douzième congrès national du parti ouvrier français, tenu à Nantes du 14 au 16 septembre 1894. Lille, 1894. — **146.**

Dovérine (Tchernoff). L'esprit national russe sous Alexandre III. Paris, 1890.— **96, 99.**

Eckermann, I. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. T. I—III (1823—1832). Leipzig, s. a. — **116, 129.**

Engels, F. Die auswärtige Politik des russischen Zarenthums — «Neue Zeit», Jg. VIII, N. 4 u. N. 5, 1890, SS. 145—154 u. 193—204. — **95, 99, 250—252.**

Engels, F. La carestia in Russia... — «Critica sociale», N. 7, I. IV. 1892, pp. 101—102. — **141—143.**

Engels, F. Einleitung — в кн. Marx, K. Lohnarbeit und Kapital. Berlin, Vorwärts, 1891, SS. 3—10. — **261—263.**

Engels, F. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. 3. unveränd. Aufl. Hotingen—Zürich, Schweizerische Genossenschaftsbuchdr., 1883. — **XXIX, 39, 46, 66, 218—219, 228, 237, 257.**

Engels, F. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Philosophie — Politische Oeconomie — Sozialismus. Leipzig, 1877—1878; 2 Aufl. Zürich, 1886. — **10, 90, 98, 192, 219, 275.**

Engels, F. Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875). Berlin, Verlag «Vorwärts», 1894. — **14, 20, 48, 113, 261—263, 271.**

Engels, F. Die Lage der arbeitenden Klassen in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845. — **274—275.**

Engels, F. Die Lage Englands. Past and present by Thomas Carlyle — «Deutsch-französische Jahrbücher». Erster Band, 1844. — **6, 11.**

Engels, F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Revidierter sonder Abdruck aus der «Neuen Zeit». Mit Anhang: Karl Marx über Feuerbach vom Jahre 1845. Stuttgart, J. H. W. Dietz, 1888. — **XXIX, 196, 257, 260.**

Engels, F. Soziales aus Russland — «Volksstaat», N. 36, 1875. — **XXIX, 11, 42, 48, 203—204, 261—263, 271—272.**

Engels, F. Soziales aus Russland (1875). Nachwort hierzu 1894. — в кн. Engels, F. Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875). Berlin, 1894, SS. 46—72. — **204, 271—272.**

* *Engels, F.* Le socialisme en Allemagne — Almanach du Parti ouvrier pour 1892. — **141, 143.**

Engels, F. Socialism utopian and scientific. Translated by E. Aveling. With an introduction specially composed for this edition by the author. London, 1892. — **257.**

Engels, F. Der Sozialismus in Deutschland — «Neue Zeit», Jg. X, Bd. I, N. 19, 1891, SS. 580—589. — **141, 143.**

Engels, F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats im Anschluss and Lewis H. Morgan's Forschungen. Zürich, 1884. — **229—230, 269—270.**

Feuerbach, L. Das Wesen der Religion — Sämmtliche Werke. Bd. I. Leipzig, 1846, SS. 400—486. — **178.**

Foxwell [Предисл. к книге] Menger, A. The right to the whole produce of labour (1899), pp. I—XXVII. — **156, 186.**

«Free Russia». London, New-York and Zürich. The organ of the englisch «Society of Friends of Russian Freedom» (1891—1900). — **106.**

Giffen, R. Essays in finance. 2 series. London, 1886. — **189, 192.**

Goethe, I. W. Faust — Sämmtliche Werke. Vollständige Ausgabe in 44 Bänden. Bd. VII. Leipzig, (s. a.). — **XXXII, 269.**

Grave, J. La société mourante et l'anarchie. Préface par Octave Mirbeau. Paris, 1893. — **150.**

Groupe marxiste «L'émancipation du travail» — à la rédaction de «Socialiste», 15 septembre 1887 — «Le Socialiste», 11 octobre 1887. — **240—241.**

Groupe «L'émancipation du travail» — au Congrès socialiste tenu à Nantes — в кн. Douzième congrès national du parti ouvrier français tenu à Nantes du 14 au 16 septembre 1894. Lille, 1894, p. 29 — **146—147.**

[*Guillaume, J.*]. Mémoire présenté par la fédération jurassienne de l'association internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'internationale. Sonvillier, 1873. — **2, 10.**

Hegel, G. W. F. Enzyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. T. I. Die Logik — Werke. Vollständige Ausgabe. Bd. VI. 2. Aufl. Berlin, 1843. — **193.**

Hegel, G. W. F. Vorlesungen über die Aesthetik. Bd. I—III. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden der Verewigten. Berlin, 1835—1838. — **241.**

Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft. Riga, 1788. — **177.**

Kant, I. Kritik der reinen Vernunft. Riga, 1781. — **177.**

Kautsky, K. Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlichen Theil erlautert. Stuttgart, Dietz, 1892. — **262.**

Kerkup, Th. A history of socialism. 3. ed., revised and enlarged. London, 1906. — **189, 192.**

Lange, F. A. J. St. Mill's Ansichten über die soziale Frage und die angebliche Umwälzung der Sozialwissenschaft durch Carey. Duisburg, 1865. — **210.**

Loria, A. Problemi sociali contemporanei. Milano, 1894. — **275.**

* «Mai-Feier» [Листовка]. Dresden, 1893. — **129.**

Malebranche, H. De recherche de la verité. T. I—IV. Paris, 1762. — **176, 187.**

Marx, K. Der Bürgerkrieg in Frankreich. Adresse des Generalrats der internationalen Arbeiter-Association an alle Mitglieder in Europa und den Vereinigten Staaten. London, 1871. — **23, 25, 216.**

Marx, K. Le capital. Trad. de M. Roy, entièrement rev. par l'auteur. Paris, (1875). — **203, 205.**

Marx, K. Capital. A critical analysis of capitalist production; from the German by S. Moore and E. Aveling. 2 v. London, 1887. — **257.**

Marx, K. Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhon's «Philosophie des Elends». Deutsch von E. Bernstein u. K. Kautsky. Mit Vorwort und Noten von Friedrich Engels. 2 Aufl. Stuttgart, J. H. W. Dietz, 1892 (Internationale Bibliothek, N. 12). — **XXIX, 163, 184, 187, 198, 226—228, 231—232, 238.**

Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. I Bd. I Buch. Der Produktionsprozess des Kapitals. 2 verb. Aufl. Hamburg, 1872 [на обл. 1873]; 3 verb. Aufl. Hamburg, 1883. — **IV, 201—202, 210—211, 218—219, 257.**

Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. 2. Bd. 2. Buch. Der Circulationsprocess des Kapitals. Hrsgb. v. Fr. Engels. Hamburg, 1885. — **202, 218—219, 239.**

Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Bd. III. T. 1—2. Der Gesamtprocess der kapitalistischen Produktion. Hrsg. von Fr. Engels. Hamburg, 1894. — **229, 269.**

Marx, K. Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848—1850 — «Neue Rheinische Zeitung». Hamburg und New-York, 1850. — **274.**

Marx, K. Misère de la philosophie. Réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847. — **226, 228.**

Marx, K. Ueber P. J. Proudhon (Brief vom 24 Januar 1865) — «Social-Demokrat», Berlin, N. 16—18; 1—3 Februar 1865. — **226, 228, 236.**

Marx, K. Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin, 1859. Vorwort. — **162—164, 184, 195, 199, 208.**

Marx, K. Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramm (Randglossen zum Programm der deutschen Arbeiterpartei, 5 Mai 1875) — «Neue Zeit», Jg. IX, Bd. I, N. 18, I. IX. 1891, SS. 566—573. — **XXI, 8, 11—12, 53.**

Marx, K. u. *F. Engels.* Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Konsorten. Frankfurt a. Main, 1845. — **115, 128, 173.**

Marx, K. u. *F. Engels.* Manifest der kommunistischen Partei. Veröffentlicht im Februar 1848. London, gedruckt in der Office der «Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter» von J. C. Burghard. — **VII, IX, XXIX, 17—18, 21—25, 104, 106, 115, 118, 125—126, 146, 165—166, 187, 195—196, 204, 209, 211, 219, 226, 275.**

Marx, K. u. *F. Engels.* Vorwort, London, 24 Juni 1872 — в кн. Marx, K. u. F. Engels. Das kommunistische Manifest. Neue Aufgabe mit einem Vorwort der Verfasser. Leipzig, 1872, SS. 3—4. — **22—23, 25.**

Menger, A. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart, 1886. — **156, 186.**

Mirbeau, O. Préface — в кн. Grave, J. La société mourante et l'anarchie. Paris, 1893, pp. V—X. — **150.**

Morelly, N. Code de la nature. Reimpression complète augm. des fragments importants de la Basiliade avec l'Analyse raisonnée du système social de Morelly par Villegardelle. Paris, 1841. — **156, 186.**

[*Morelly, N.*]. Naufrage des iles flottantes, ou Basiliade du célebre Pilpai. Poème heroique. Traduit de l'indien par Mr. M. *** T. I—III. Messine, 1753. — **157—158.**

Mulhall, M. G. The dictionary of statistics. London, 1892. — **189, 192.**

«*Neue Rheinische Zeitung*». Organ der Demokratie. Köln. — **265—266.**

«*Le peuple*»: Liberté. Egalité. Fraternité. Journal de la république démocratique et sociale. Divisions des fonctions. — Indivisibilité du pouvoir. Directeur: P. J. Proudhon. Paris, (1848—1849). — **182.**

«*Le peuple*». Organ quotidien de la démocratie socialiste. Bruxelles (1895—1898). — **139.**

Platon. Platon's Gorgias. Uberg. v. F. Schleiermacher. Leipzig, [s. a.]. — **189, 192.**

Plekhanoff, G. Adresse envoyée au congrès international des étudiants socialistes à Genève — «L'ère nouvelle», mars, 1894, p. 140. — **143—144.**

Plechanoff, G. Anarchism and socialism. London, 1895 [в перев. Элеоноры Маркс-Эвелинг]. — **148.**

Plekhanoff, G. Anarchisme et socialisme — «La jeunesse socialiste», NN. 3—12, 1895; Paris. Galerie de l'Odéon, 1896—1897. — **148.**

Plechanow, G. Anarchismo e socialismo. Milano, Critica sociale, 1896. — **148.**

Plechanow, G. Anarchismus und Sozialismus — «Sozial-Demokrat», NN. 20—25, Juni-Juli 1894; Berlin, Vorwärts, 1894; 2 Aufl. Berlin, Vorwärts, 1904; 3 Aufl. Berlin, Vorwärts, 1911. — **147—185, 195, 199, 260—261.**

Plechanow, G. Die Anfänge der sozialdemokratischen Bewegung in Russland — «Vorwärts», N. 76, 31 März, 1909. 3. Beilage. — **13—20, 22.**

Plechanow, G. Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach — Helvetius — Marx). Stuttgart, J. Dietz, 1896 (Internationale Bibliothek, N. 29). — **257.**

Plekhanoff, G. Les débuts du mouvement socialdémocrate en Russie — «La nouvelle revue socialiste», 1928, p. 135. — **13—20.**

Plechanowe, I. Ferdynand Lassale, życie jego i dziatalność (szkic historyczno-krytyczny) — «Przeglad Społeczny», t. II, N. 9—12, 1886, pp. 206—219; 302—313; 363—377; 431—447. — **243.**

Plekhanoff, G. Une grève en Russie — «Le socialiste», N. 44, 26 juin 1886. — **XXVI, 240.**

Plechanow, G. Die gute Ernte — «Vorwärts», N. 290, 10 December 1893, 2 Beilage, S. I. — **140—142.**

* *Plekhanoff, G.* Lettre à Guesde, J. [27 août 1892] — «Le socialiste», 1892. — **89, 98—99.**

Plechanow, G. N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie. Stuttgart, J. Dietz, 1894. (Internationale Publ., N. 20). — **262—263.**

Plechanow, G. Noch einmal die Grundsätze und Taktik der russischen Sozialisten — «Der Sozial-Demokrat»,

N. 19, 10 Mai, 1890. — **100, 254, 256.**

Plechanowe, I. O socyalnej demokracji w Rossji (List do wydawców polskiego tłómaczenia «Historji ruchu rewolucyjnego w Rossji». A. Thuna) — к кн. Thun, A. Historja ruchu rewolucyjnego w Rossji. Przeklad z niemieckiego. Lwów, 1893, стр. V—XXV.— **106—127.**

Plechanow, G. La question militaire au congrès de Zurich — «L'ère nouvelle», N. 4, octobre 1893, pp. 302—307. — **132, 136—140.**

* *Plechanow, G.* Rede am Internationalen Arbeiter-Congresse zu Paris. Abgehalten vom 14 bis 20 Juli 1889 — «Sozial-Demokrat», N.N. 31 u. 34, 1889. — **20, 83—87.**

* [*Plechanow, G.*] *Idem.* Rogord hquùs, ise ara twims — «Kvali», 1901, N.N. 26—28. — **188, 191.**

Plechanow, G. Vorwort zur dritten Auflage — в кн. Plechanow, G. Anarchismus und Sozialismus. Berlin, Vorwärts, 1911, SS. I—VIII. — **148.**

Plechanow, G. Zu Hegels sechzigsten Todestag — «Neue Zeit», Jg. X, Bd. I, N. 7—9, 1891, SS. 198—203; 236—243; 273—282. — **257.**

Plechanow, G. Zur russischen Bewegung. Offener Brief an W. Liebknecht—«Vorwärts», N. 288, 3. December 1892. 2 Beilage. — **100—105, 254—256.**

Plechanow, G., Axelrod, P. u. *W. Sassulitsch.* Telegramm von der Redaktion des russischen «Sozial-Demokrat» an die Redaktion des deutschen «Sozial-Demokrat» — «Sozial-Demokrat», N. 10, 8 März, 1890. — **250.**

* *Plekhanoff, G.* et *Sassoulitch, V.* Rapport, présenté par la rédaction de la revue russe «Le démocrate-socialiste» au congrès international ouvrier socialiste à Bruxelles au mois d'août 1891. Genève, [1891]; «Le socialiste», 1891. — **21, 88—99, 254.**

Protokoll des *internationalen sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6 bis 12 August 1893.* Hrsg. vom Organisationskomité. Zürich, 1894. — **132—136, 139—140.**

Proudhon, P. J. Les confessions d'un révolutionnaire pour servir à l'histoire de la révolution de fevrier. Nouv. éd. revue, contr. et augm. par l'auteur. Préface — Oeuvres complètes. T. IX. Paris, 1868, pp. 1—8. — **177, 179—182.**

Proudhon, P. J. Idée générale de la révolution au XIX siècle. Choix d'études sur la pratique révolutionnaire et industrielle. Paris, 1851. — **184—185.**

Proudhon, P. J. Solution du problème social. 2 libre. Paris, 1848. — **177.**

Proudhon, P. J. Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère. T. I—II. Paris, 1846. — **189, 191—192.**

Proudhon, P. J. Qu'est ce que la propriété, ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Premier-deuxième mémoires. Paris, 1840—1841; Nouv. éd. 2. v. Paris, 1848. — **167.**

«*Przeglad Spoleczny*». Pismo naukowe i literacnie. Lwów, Drukarnia polska. — **243.**

«*Le représentant du peuple*». Journal quotidien (et hebdomadaire) des travailleurs. Rédact. J. Proudhon, Ch. Fauvety... Paris, (1848). — **182.**

«*Revolté*». Genève—Paris (1879—1887). — **190.**

«*Revue socialiste*», paraissant le 20 de chaque mois. Administration et rédaction M. Léclus (1880). — **205—206.**

Ricardo, D. Letters of David Ricardo to Thomas Robert Malthus 1810—1823. Oxford, 1887. — **157.**

Rittinghausen, M. Ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk — «Sozialdemokratische Abhandlungen» von M. Rittinghausen, 2. Heft. Köln, 1869. — **236.**

Rodbertus-Jagetzow, K. Soziale Briefe an von Kirchman von Rodbertus. Erster Brief: Die soziale Bedeutung der Staatswissenschaft. Berlin, 1850. — **211, 227.**

Saint-Aubain, E. L'histoire sociale au palais de justice. Paris, 1895. — **150.**

Saint-Simon, H. Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. I vol. Paris, 1825. — **159—160.**

Saint-Simon, H. Du système industriel. Paris, 1821. — **159.**

[*Schäffle, A. E. F.*]. Die Quintessenz des Sozialismus. Von einem Volkswirthe. (Aus «Deutsche Blätter») Gotha, 1875; 2. Aufl. Gotha, 1877. — **209.**

Sismondy, J. C. L. Sismonde de. Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans les rapports avec la population. 2. éd. T. I—II. Paris, 1827. — **191.**

Smith, A. Der Reichtum der Nationen. Nach der Uebersetzung von Max Stirner und der englischen Ausgabe von Cannan. Bd. I—II. Leipzig, [s. a.]. — **175.**

«*Le Socialiste*». Organe du parti ouvrier. (1885) — **240.**

«*Sozial-Demokrat*». Zentralorgan der Sozialdemokratie. Zürich—London. — **100, 151, 243, 250, 254.**

Spenser, H. L'individu contre l'état. Paris, 1888. — **166.**

Stirner, M. Der Einzige und sein Eigentum. 2. Aufl. Leipzig, 1882. — **167—170.**

[*Tcherkesoff, W.*] *Marveli, V.* Bergiasi mogzauroba. Terili I—IV — «Iveria», Tiflis, N. 220, 247—248, 258, 1900. — **188.**

Tcherkesoff, W. Pages d'histoire socialiste. I Doctrines et actes de la socialdemocratie. Paris, 1896 (Publications des «Temps nouveaux», N. 3). — **188—199.**

* *Thompson, W.* An inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness. 1824. — **157, 186.**

* *Thompson, W.* Social science, inquiry. 1824. — **198.**

Thun, A. Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland. Leipzig, 1883. — **106.**

Thun, A. Historja ruchu rewolucyjnego w Rossji. Przeklad z niemieckiego. W drukarni Przedswitu, 1893. — **107.**

Tkatschew, P. Offener Brief an F. Engels. Zürich, 1874. — **11, 42, 48.**

Ueberweg, Fr. Grundriss der Geschichte der Philosophie. T. III. Die Neuzeit. Mit einem philosophen und litteratoren Register, vers. Aufl. bearb. u. hrsg. von Dr. Max Heinze. Berlin, 1880. — **167.**

«*La voix du peuple*». Paris, N. 1—223. (1849—1850). — **175, 177, 179, 182, 187.**

«*Volksstaat*». Organ der sozialdemocratischen Arbeiterpartei und der internationalen Gewerbsgenossenschaften. Leipzig. — **20, 113, 128, 199.**

Volney, C.-F. Les Ruines, ou méditation sur les révolutions des empires. Paris, 1830. — **189, 192.**

Voltaire. Histoire de Jenni, ou l'athée et le sage — Oeuvres complètes, v. XXI. Paris, 1879, pp. 523—576. — **40—41, 48.**

«*Vorwärts*». Centralorgan der Sozialdemokratie Deutschlands. Leipzig—Berlin (осн. в 1884). — **13, 100—101, 140, 254.**

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Агассис, Жан-Луи (1807—1873) — **191.**

Адан, Поль (1862—1920) — **150.**

Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886) — **113, 127, *129*.**

Аксельрод, Вера Павловна ***236*.**

Аксельрод (Ортодокс), *Любовь Исааковна* (р. 1868) — **32, 108, 118, 122.**

Аксельрод, Надежда Исааковна (ум. 1906) — **242.**

Аксельрод, Павел Борисович (1850—1928) — **III—IV, VII, XX, XXV—XXVI, XXIX, XXXIV, XXXVI—XXXVII, 14, 17, 26, 28, 30, 40, 48, 66, 70—71, 73, 75, 81, 85, 89, 101—103, 105, 129, 200, 210, 212, 214, 232, 235—236, 241—244, 246—250, 259, 263, 267, 269.**

Александр II (1818—1881) — **II—VI, 20, 27, 45, 81, 83, 92, 95, 111, 122, 129, 140, 231, 270, 273.**

Александр III (1845—1894) — **VI, 81, 96, 98, 140, 231, 251, 267, 270.**

Алексеев, Петр Алексеевич (1849—1891) — **XXV, XXIX, 66, 256.**

Анри, Эмиль (ум. 1893) — **149—150, 195, 198.**

Антонович, Максим Алексеевич (1835—1918) — **113, *128*.**

Аптекман, Осип Васильевич (1849—1926) — IV, **241—*242*.**

Аристотель (384—322 до н. э.) — **196.**

Байрон, Джордж Ноель Гордон (1788—1824) — **211.**

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — **III—VII, XVI, 1—3, 10, 14—17, 22, 48, 91, 99, 101, 112—113, 119—120, 123, 195, 199, 243, 255—256.**

Бастиа, Фредерик (1801—1850) — **194, *197*.**

Бауэр, Бруно (1809—1882) — **114—115, 128, 173.**

Бауэр, Эдгар (1820 — 1886) — **114—115, *128—129*.**

Бах, Алексей Николаевич (р. 1857) **232, 235.**

Бебель, Август (1840—1913) — **135, 137—139.**

Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848) — **XXXIV, 40, 108—111, 128, 193.**

Бельтов (Плеханов, Г. В.) — **XXXI—XXXIII, 18, 31, 163.**

Бентам, Иеремия (1748—1832) — **186.**

Бернар, Лазарь (1865—1903) — **150.**

Бернштейн, Эдуард (1850—1933) — **XXXV, 151, 226, 228, 255—*256*, 257, 260—261, 263, 265, 269, 275.**

Бисмарк, Отто (1815—1898) — **137, 227, 230—*231*.**

Благоев, Дмитрий Николаевич (1859—1924) — **XX, XXVIII, 21, *65*—66, 200, 232, 234—238.**

Блан, Луи (1811—1882) — **182.**

Бланки, Луи Огюстен (1805—1881)—**91.**

Блейхредер, Герсон (1822—1893) — **227—*228*.**

Блос, Вильгельм (1849—1927) — **20.**

Блунчли, или Блюнчли, Иоганн Каспар (1808—1881) — **207.**

Боголепов, Николай Павлович (1846—1901) — **274.**

Боголюбов (Емельянов), *Архип Петрович* (р. 1852) — **83.**

Бомарше, Пьер Огюстен Карон (1732—1799) — **18, 21.**

Богдановский, Иван Васильевич (1848—1917) — **XIV—XV, 214.**

Бриншейн (Дембо), *Исаак Владимирович* (1865—1889) — **244—*245*, 246, 249.**

Бруснев, Михаил Иванович (р. 1864)—**XXVIII.**

Брусс, Поль (1854—1912) — **241—*242*.**

Буланов, Анатолий Петрович (1858—1918) — **30.**

Бюхер, Карл (1847—1930) — **163, *187*.**

Бюхнер, Георг (1813—1837) — **XXII.**

Бюхнер, Людвиг Карл Христиан (1824—1899) — **193.**

В. В. — см. *Воронцов, В. П.*

Вайян, Огюст (ум. 1893) — ***149*.**

* Цифры, набранные курсивом, отсылают к страницам, где даны биографические сведения о данном лице.—*Ред.*

Валентинов (Плеханов, Г. В.) — **207.**
Вальян, Эдуард (1840—1915) — **134, 137, 139.**
Вандервельде, Эмиль (1866—1938) **XXXV.**
Варлен, Луи Эжен (1839—1871) — **XXIX.**
Вико, Джовани Батиста (1668—1744) — **189, 192.**
Воден (Недов), *Алексей Михайлович* (р. 1870) — ***258—259.***
Вольней (1757—1820) — **189, *192.***
Вольтер (Аруэ), *Франсуа Мари* (1694—1778) — **40—41, 48.**
Волховской, Феликс Вадимович (1846—1914) — **106.**
Воронцов (В. В.), Василий Павлович (1847—1917) — **XXX, 3, 31, 42, *48*, 202, 210, 270.**

Галилей, Галилео (1564—1642) — **195.**
Гамбетта, Леон (1838—1882) — **241—*242.***
Гартман, Лев Николаевич (1850—1913) — **IV, VII, 21—22, 208—*209*, 214, 231.**
Гарфильд, Джемс (1831—1881) — **194, *198.***
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — **6, 114, 152, 161—162, 187, 192, 194, 230, 241, 244, 257.**
Гед, Жюль (1845—1922) — **75, 85, 88—89, 98, 148, 206, 240, *253.***
Гейне, Генрих (1797—1856) — **X, 130—132, 137, 139—140, 171, 187.**
Гейнцен, Карл Петер (1809—1880) — **106.**
Геккель, Эрнст (1834—1919) — **190—*192.***
Гексли, Томас Генри (1825—1895) — **191.**
Гельвеций, Клод Адриен (1715—1771)— **153, 157, 160, 191, 257.**
Гельмгольц, Герман (1821—1894) — **191.**
Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — **XVI, 36, 99, 109, 187, 233.**
Гете, Иоганн Вольфганг (1749—1832) — **XXXII, 116, 128—129, 269.**
Гизо, Франсуа Пьер Гильом (1787—1874) — **160, 162, 180, 187.**
Гильом, Джемс (1844—1917) — **10, 195, *199.***
Гинзбург (Кольцов, Д.), *Борис Абрамович* (1863—1920) — **XXVIII, 234, 238.**
Гинзбург, Лев Савельевич (1851—1915)— ***211.***
Гиффен, Роберт (1837—1910) — **189, 192.**
Гладстон, Вильям (1809—1898) — **230—*231*, 251.**
Говорухин (Григоров, или Григорьев), *Орест Макарович* (р. 1864) — **244.**
Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852) — **111.**
Голдовский, В. И. см. *Иохельсон.*
Гольбах, Поль Анри (1723—1789) — **153, 157, 257.**
Гомер — **169.**
Грав, Жан (р. 1854) — **149—*150.***
Греви, Жюль (1807—1891) — **242.**
Грейлих, Герман (1841—1925) — ***236.***
Григоров, или *Григорьев* см. *Говорухин.*
Гримм, Фредерик Мельхиор (1723—1807) — **170.**
Гуковский, Григорий Эммануилович (ум. 1899) — **245.**

Даниэльсон (Николай—он или Н—он), *Николай Францевич* (1844—1918) — **202, 219, 263—265, 269—271, 273—274.**
Дарвин, Чарльз (1809—1882) — **191—192.**
Девилль, Габриель (р. 1854) — **227—228.**
Дейч, Лев Григорьевич (р. 1855) — **VII, XIV, XX, XXVI—XXVII, 17, 28—30, 48, 107, 200, 204—208, 210, 213—214, 219—226, 248, 258—259.**
Декарт (Картезий), *Ренэ* (1596—1650)— **187.**
Дембский (Ясинский), *Александр* (р. 1857) — **242—*243*, 249.**
Дикштейн, Шимон (1858—1884) — **XXV, XXIX, 66, 235.**
Добровольский, Иван Иванович (р. 1849) — **147.**
Доброджану-Гереа (1855—1919)—**259.**
Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861) — **116, 128.**
Долинский см. *Тихомиров.*
Драгоманов, Михаил Петрович (1841—1895) — **107, 212, 213—214, 263.**
Дурново, Петр Николаевич (1844—1915) — **274—*275.***
Дюбуа, Луи (р. 1859) — **241.**
Дюпюи, Шарль (1851—1923) — **149.**
Дюринг, Евгений (1838—1902) — **3, *10*—11, 48.**

Жаклар (р. XIX в.) — **134, 137.**
Жорес, Жан (1872—1914) — **270, 272.**
Жофруа Сент Илер, Этьен (1772—1844) — **191.**
Жуковский, Николай Иванович (1842—1895) — **147, 202, 204, 228, 260.**

Зайцев, Варфоломей Александрович (1842—1881) — **239.**

Засулич, Вера Ивановна (1851—1919)— **III—IV, VII, XIV, XVI, XXVI, XXIX, XXXVI—XXXVII, 17, 20—21, 23, 26, 30, 73, 82—84, 88—89, 98, 103, 121, 147, 195, 200—207, 212—214, 218—219, 225—231, 238—239, 243—252, 254, 257, 259, 262, 264—265, 267, 273, 275.**
Зенон (V. в. до н. э.) — ***193—194.***
Зорге, Фридрих Альберт (1828—1906) — **IV, 139.**

Ибервег, Фридрих (1826—1872) — **167.**
Иванюков, Иван Иванович (1844—1912)— **217—218.**
Игнатов, Василий Николаевич (1854—1885) — **III, XXVII, 17, *21*, 214.**
Ингерман, Сергей Михайлович (р. 1868) — **71, 246—*247.***
Иогихес (Тышка), *Лео* (1867—1919) — **263.**
Иохельсон, Владимир Ильич (р. 1855) — **209, *211.***
Исаев, Андрей Алексеевич (1851—1924)— **188.**

Каблиц (псевд. Юзов), *Иосиф Иванович* (1848—1893) — **119, *129.***
Кабэ, Этьенн (1788—1856) — **182.**
Кант, Иммануил (1724—1804) — **114, 175, 177—178, 182.**
Каравелов, Петко (1840—1903) — **239—240.**
Карно, Сади (1837—1894) — **148, *265.***
Карпович, Петр Владимирович (1875—1917) — **274.**
Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — **XXVII.**
Каутский, Карл (1854—1938) — **XXIX, 228, 262, 268.**
Кенан, Джордж (1845—1924) — **251—*252.***
Кеплер, Иоган (1571—1630) — **190.**
Керкоп (р. XIX в.) — **189, 192.**
Клемансо, Жорж (р. 1841) — **241—*242.***
Ковальский, Иван Мартынович (1850—1878) — **121, 129.**
Кольцов, Д. см. *Гинзбург, Борис Абрамович.*
Кондорсе, Жан Антуан (1743—1794) — **155, *186.***
Консидеран, Виктор (1805—1893) — ***195*—196.**
Конт, Огюст (1795—1857) — **115.**
Кончевская-Шишко, Н. В. (р. XIX в.) — **247.**
Коперник, Николай (1473—1543) — **163.**
Кравчинский см. *Степняк.*
Кремер, Арон Иосифович (р. 1865) — **65.**
Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1907) — **XXX, 18, 202.**
Кричевский, Борис Яковлевич (1866—1919) — **XXXV, 88, 261—*263.***
Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — **148, 150, 166—167, 175, 177, 187, 190, 195, *199*, 214.**
Крылова, Мария Константиновна (1842—1916)—**209.**
Кускова, Екатерина Дмитриевна (р. 1869) — **XXXV.**
Кювье, Жорж (1769—1832) — **166, *187*, 191.**

Лавров, Петр Лаврович (1823—1900) — **IV, VII—VIII, XV—XVI. 6, 8, 11, 14—15, 17—18, 20—23, 26—27, 30—48, 88—89, 113—119, 128, 190, 200, 206—218, 228, 245—246.**
Лазарев, Егор Егорович (р. 1855) — ***147.***
Лайель, или *Ляйель, Чарльз* (1797—1875) — **191.**
Ламарк, Жан Батист (1744—1829)— **189, 191—192.**
Ланге, Фридрих Альберт (1828—1875)— **210.**
Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — **XXIX, 9, 12, 45, 237—238, 243—245.**
Лафарг, Поль (1842—1911) — **21, 75, 84, 206.**
Ленин (Ульянов), *Владимир Ильич* (1870—1924) — **IV, VIII—IX, XII—XIII, XX—XXIV, XXVI, XXIX—XXX, XXXIII—XXXIX, 31, 53, 79—80, 100, 106, 150, 191, 216.**
Леотье (р. XIX в.) — **149.**
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841) — **260.**
Лессинг, Готгольд Эфраим (1729—1781) — **9, 12.**
Либкнехт, Вильгельм (1826—1900) — **20, 100—105, 128, 137, 139—140, 195, 199, 255—256, 261.**
Ливий, Тит (59 г. до н. э.—17 г. н. э.)— **192.**
Линней, Карл (1707—1773) — **191.**
Лонге, Жан (1876—1938) — **26.**
Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — **IV, 107, 202, 218—219, 231—232, 235.**
Лопатин, Николай Николаевич (р. XIX в.) — **247—248.**
Лориа, Ахилл (р. 1857) — **272—273.**
Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888) — ***269—270*, 272—273.**
Луи-Филипп (1773—1850) — **160.**

Людовик XV (1710—1774) — **269.**
Лютер, Мартин (1483—1546) — **40—41.**

Мадзини, Джузеппе (1805—1872) — **V, I, 10.**
Макаревич (Кулешова-Турати), *Анна Марковна* (ум. 1920) — ***259.***
Малон, Бенуа (1841—1893) — **206.**
Мальбранш, Николай (1638—1715) — **176, *187.***
Мальтус, Роберт (1766—1834) — **157.**
Марвели, В. см. *Черкезов.*
Маркс, Карл (1818—1883) — **III—VII, IX—X, XII, XIV—XVI, XXI, XXIV, XXVII, XXIX, XXXII, XXXIX, 2, 4, 7—8, 10—12, 14, 16—17, 19—26, 28—30, 37—40, 44, 51, 53, 103—104, 106, 108, 115, 118, 124—126, 128, 139, 146, 150, 156, 162—166, 173, 184, 186, 188—190, 192—206, 208, 210—211, 213, 216, 218—219, 222, 226—230, 236—238, 243—244, 256—257, 259—260, 263, 266, 269, 272.**
Маркс-Эвелинг, Элеонора (1856—1898)— **38, 148, 151, 226, 269.**
Мартов (Цедербаум), *Юлий Осипович* (1873—1923) — **XXXVII, 65.**
Масарик, Томаш (1850—1939) — **XXXV.**
Менгер, Антон (1841—1906) — **156, *186.***
Мендельсон-Янковская, Мария (р. 1851 — **107, 262—*263.***
Мендельсон, Станислав (р. 1857) — **262—*263*, 275.**
Мечников, Лев Ильич (1838—1888)— **247.**
Милль Джон Стюарт (1806—1873)— **210.**
Минский (Виленский) *Николай Максимович* (р. 1855) — **8.**
Минье, Франсуа Огюст (1796—1884) — **187.**
Мирбо, Октав (1848 — 1917) — **150.**
Михайловский, Николай Константинович (1842 — 1904) — **XXX, XXXV, 18, 31, 73, 202, 204, 228, 260, 269—273.**
Мишле, Жюль (1798—1874) — **192, 194, *197.***
Моисеенко, Петр Анисимович (1857—1923) — **XXVII.**
Молешотт, Яков (1822—1893) — **193.**
Молинари, Жорж (р. XIX в.) — **38.**
Морелли, Н., аббат (XVIII в.) — **152, 156—158, 161, 180, *186.***
Моренгейм, Артур Павлович (р. 1824) — **139—*140.***
Морозов, Николай Александрович (р. 1854) — **IV, VII, 21—22.**
Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1878) — **35, 46, 110.**
Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847—1882) — **11, 48.**
Нибур, Георг (1776—1831) — **189, *192.***
Нивенгейс, Домела (1846—1919) — **134—139.**
Николаев, Петр Федорович (1844—1910) — **73.**
Николай I (1796—1855) — **83, 85—86, 94, 111.**
Николай II (1868—1918) — **267—275.**
Николай —он см. *Даниельсон, Н. Ф.*
Ницше, Фридрих (1844—1900)—**171,187.**
Ноков, Стоян (р. XIX в.) — **140, 144.**
Ньювенгуйс см. *Нивенгейс, Домела.*
Ньютон, Исаак (1643—1727) — **190.**

Олар, Альфонс (1849—1928) — **197.**
Ольминский (Александров), *Михаил Степанович* (1863—1933) — **XXVIII.**
Орлов, Василий Иванович (1848—1885) — **264.**
Оуэн, Роберт (1771—1858) — **156, 186, 189, 191.**
Ошанина (Полонская, Оловенникова), *Мария Николаевна* (1853—1898) — **217—*218.***

Перье, Казимир (1847—1907) — **264—*265.***
Петр I (1672—1725) — **108, 110.**
Писарев, Дмитрий Иванович (1840—1868) — **239.**
Платон (428/7—348/7 до н. э.) — **189, 192.**
Плеханова, Лидия Георгиевна (р. 1881)— ***236.***
Плеханова, Розалия Марковна (р. 1858) — **XIV, 8, 98, 188, 204—206, 209—210, 241, 247, 258, 265.**
Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907) — **264—*265.***
Погодин, Михаил Петрович (1800—1875) — **4—5, *11.***
Полляк, Теофилия (ум. 1882) — ***206*, 210.**
Потресов, Александр Николаевич (1869—1934) — **XXVII.**
Прокопович, Сергей Николаевич (р. 1871)— **XXXV.**
Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — **163, 166—167, 174—186, 189, 191—192, 199, 213, 226, 228, 236.**
Пугачев, Емельян Иванович (1744—1775) — **110, 113, 220.**
Пыпин, Александр Николаевич (1833—1904) — **112.**
Пьянков, Иннокентий Павлович (р. XIX в.) — **209.**

Равашоль, Леон (1859—1892) — **194, *198.***
Разин, Степан Тимофеевич (ум. 1671) — **113, 220.**
Реклю, Жан Элизе (1880—1905) — **148, 150, 195, *199.***
Рикардо, Давид (1772—1823) — **157, 186, 198, 210—211.**
Риттингаузен, М. (1814—1890) — ***236.***
Рихтер, Евгений (1838—1905) — **105—*106.***
Родбертус-Ягецов, Иоганн Карл (1805—1875) — **208, 210—211, 214, 227.**
Россель, доктор см. *Судзиловский, Н. К.*
Рубакин, Николай Александрович (р. 1862) — **VII, 22.**
Руге, Арнольд (1802—1880) — **108, 128.**
Русанов, Николай Сергеевич, псевд. *Тарасов, К.* (р. 1859) — **38, *46*—48, 217—218.**
Руссо, Жан Жак (1712—1778) — **236.**

Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1820—1889) — **36.**
Самарин, Юрий Федорович (1819—1876) — **111—112, *128.***
Сей, Жан Батист (1767—1832) — **175.**
Селитренный, Леон Маркович (р. 1862) — ***147.***
Сен-Симон, Анри (1760—1825) — **152, 156, 158—159, 182, 186—187.**
Сисмонди, Симон де (1773—1842) — **189, *191.***
Слободской (Смирнов) *Осип Ефимович* (р. 1861) — **241—*242.***
Смит, Адам (1723—1790) — **175, 189, 190—192, 194—195, 198, 218.**
Сократ (470—399 до н. э.) — **192.**
Соловьев, Александр Константинович (1846—1879) — **120, *129.***
Спенсер, Герберт (1820—1903) — **45, 166.**
Спиноза, Бенедикт (1633—1677) — **35.**
Сталин, Иосиф Виссарионович (р. 1879) — **XXIV — XXV, XXXVII, XXXIX.**
Степняк (Кравчинский), *Сергей Михайлович* (1852—1895) — **21, 84, 105—106, 211—*212*, 214, 250—252.**
Стерн (Венкстерн), *Александра Алексеевна* (р. 1844) — **XXIX.**
Стефанович, Яков Васильевич (Дмитро) (1853—1915) — **30, 120, *129*, 207—209.**
Струве, Петр Бернгардович (р. 1870) — **XXXIII—XXXV, 19, 270, 274.**
Судейкин, Григорий Порфирьевич (ум. 1883) — **XXVIII.**
Судзиловский, Николай Константинович (Россель, доктор) (1880—1930) — ***239.***
Сухомлин, Василий Иванович (р. 1860) — **232, 235.**

Тальяндье, Рене Гаспар Эрнест (1817 — 1879) — **171, *187.***
Тарасов, К. см. *Русанов, Н. С.*
Текер, Бенджамен (р. 1854) — **153.**
Тихомиров, Лев Александрович (1852—1922) — **XV—XVI, XXIX, 4—5, 7, 9, *11.* 17—18, 21, 42, 46, 48, 84, 123, 212, 214—218, 232—233, 235, 244—245, 247—249.**
Ткачев, Петр Никитич (1844—1885) — **XVI, XXIX, 3, 11, 42, 48, 91, 113, 123, 203—204, 272.**
Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) — **234—235.**
Томпсон, Вильям (1783—1833) — **156, *186*, 195, 198.**
Торквемада (1420—1498) — **264—*265.***
Точисский, Павел Варфоломеевич (1864—1918) — **XXVIII.**
Трепов, Федор Федорович (1803—1889) — **83.**
Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865—1919) — **156, 186.**
Тулин, К. (Ленин, В. И.) — **XXIV.**
Тун, Альфонс (1854—1886) — **IV, XXVIII, 10, 106—107, 113, 116, 122, 234, 238.**
Турати, Филиппо (р. 1857) — **259.**
Тышка см. *Иогихес, Л.*
Тьерри, Огюстен (1795—1856) — **187.**
Тюрго, Анн Робер Жак (1727—1781) — **193—194, *196*—197.**

Успенский, Глеб Иванович (1843—1902) — **234—235, 244, 247.**

Федосеев, Николай Евграфович (1871—1898) — **XXVIII.**
Фейербах, Людвиг (1804—1872) — **XXIX, 167—168, 172, 175, 177—178, 196, 257, 260.**
Фишер, Рихард (XIX в.) — **147—148, 151.**
Флеровский (Берви), Василий Васильевич (1829—1918) — **272.**
Флоке, Шарль Томас (1828—1896) — **140.**
Фоксуэлль, Г. С. (р. XIX в.) — **156, 186.**
Фогт, Карл (1817—1895) — **193.**
Франкель, Лео (1843—1896) — **132.**
Фурье, Шарль (1772—1837) — **152, 156, 182, 190.**

Халтурин, Степан Николаевич (1856—1882) — **97, 99.**

Харитонов, Василий Григорьевич (р. 1859) — **54.**
Хотинский, Александр Абрамович (р. ок. 1850—ум. 1883) — **214, 226.**
Христофоров, Александр Христофорович (1838—1913) — **239.**

Цеткин, Клара (1857—1933) — **101, 253—254.**

Черкезов (Марвели Н.), *Варлаам Николаевич (Джан Асланович)* (1846—1925) — **188—*190*, 191—199.**
Чернов, Виктор Михайлович (р. 1876) — **163, *187*.**
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — **XVI, XXXIX, 99, 109, 111—114, 116, 128, 186, 206, 233, 262—263.**

Шеллинг, Фридрих (1775—1854) — **114, 161, 201.**
Шеффле, Альберт (1831—1903) — **209.**
Шмидт, Конрад (р. 1863) — **199.**
Штирнер, Макс (псевд. Иоганна Каспара Шмидта) (1806—1856) — **114, *128*, 167—175, 177, 184, 193, 196.**
Щапов, Афанасий Прокофьевич (1830—1876) — **109, 112, *128*.**
Эвелинг, Эдуард (1851—1898) — ***257*—258, 265, 270, 275.**
Эккерман, Иоганн Петер (1792—1854)— **116, *129*.**
Эколампадий (1482—1531) — **41.**
Элпидин, Михаил Константинович (1886—1908)—**107, 235, 239, 244—245.**
Энгельс, Фридрих (1820—1895) — **IV, VII, IX—X, XIV—XVI, XX, XXIV, XXIX, XXXIX, 6, 10—12, 14, 16—17, 20—25, 28—30, 37, 39—40, 42, 46, 48, 53, 66, 90, 99, 104, 108, 113, 115, 118, 125—126, 128, 139, 141, 143, 146, 150, 164—166, 173, 188—190, 192—193, 195—196, 198—199, 200, 203—204, 216, 218—219, 222, 225—231, 236—239, 243, 249—252, 256—275.**
Эритье, Луи (1863—1898) — **256.**
Эрнст, Пауль (1866—1933) — **261.**

Южаков, Сергей Николаевич (1849—1910) — **XXX.**
Юзов см. *Каблиц.*

Якубович (Мельшин), *Петр Филиппович* (1860—1911) — **21, 235.**
Ясинский см. *Дембский.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вступительная статья III

От Дома Плеханова XL

Предисловие к первому тому женевского издания сочинений Плеханова. 1
Первые шаги социал-демократического движения в России 13

Статьи 1882—1894 гг.

Предисловие к первому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 22
Приветствие съезду немецкой социал-демократии в Копенгагене в 1883 г. 25
Об издании «Библиотеки современного социализма» 26
Предисловие к «Нашим разногласиям» 30
Первый проект программы группы «Освобождение труда» 48
Современные задачи русских рабочих 54
Об издании «Рабочей библиотеки» 66
К русским рабочим в Америке 71
Проект письма в редакцию журнала «Самоуправление» 73
Второй проект программы группы «Освобождение труда» 75
Руководящая статья для сборника «Социал-демократ» 1888 г. 81
Речь на Парижском международном социалистическом конгрессе 1889 г. 83
Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-демократ» международному рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в августе 1891 г. 88
Открытое письмо к В. Либкнехту 100
Неизвестные редакции письма к польским издателям книги А. Туна «История революционных движений в России» 106
Первомайский привет немецким рабочим 129
Выступления на Цюрихском международном социалистическом конгрессе 1893 г. 132
Хороший урожай в России 140
Адрес международному конгрессу социалистического студенчества в Женеве 143
Привет болгарским рабочим 144
Приветствие группы «Освобождение труда» двенадцатому национальному конгрессу французской рабочей партии в Нанте в 1894 г. 146
Предисловие к брошюре «Анархизм и социализм» 147
Авторизованный перевод начала брошюры «Анархизм и социализм» . . 150
Полемика с Черкезовым 188

Переписка 200

Указатели:

Предметный 276
Библиографический 282
Именной 301

Г. В. Плеханов «Литературное наследие», сборник VIII, часть 1-ая, Соцэкгиз, 1939 г.

Индекс $\frac{335 \cdot 5}{П. 38}$; изд. № 2187.

Пом. редактора *С. Михаленко*
Технический редактор *Е. Раецкая*
Корректор *Пупол*

Сдано в набор 1/VI 1939 г.; подп. к печати 25/VII 1940 г. Формат бум. 60 × 92/16. Камского бумкомбината, объем 19¼ + 2½ л. сборн. + 2 вклейки. Учетно-авт. л. 26,551; тираж 10.000 экз. Заказ № 1076. Серия — Литературное наследие Г. Плеханова.

Уполномоченный Главлита № А-26306.

Цена книги 8 р.; переплет 1 р. 75 к.

2-я типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.